

Жизнь Чезаре Борджиа

Рафаэль Сабатини

The Life of Cesare Borgia

Rafael Sabatini

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" о жизни Чезаре Борджиа

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь Чезаре Борджиа

Автор: Рафаэль Сабатини

Дата выхода: 1 октября 2002 г. [Электронная книга № 3467]

Последнее обновление: 26 февраля 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Джон Стюарт Миддлтон и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЗНЬ ЧЕЗАРЕ БОРДЖИА" ***

ЖИЗНЬ ЧЕЗАРЕ БОРДЖИА

*Король Франции, герцог Валентинуа и Романьи, принц Андрии и Венафри
граф Диуа, сеньор Пьомбино, Камерино и Урбино, гонфалоньер и
главнокомандующий Святой Церкви*

История и некоторые критические замечания

Рафаэль Сабатини

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

КНИГА I. ДОМ БЫКА

ГЛАВА I. ВОЗВЫШЕНИЕ ДОМА БОРДЖИА

ГЛАВА II. ПРАВЛЕНИЕ СИКСТА IV И ИННОКЕНТИЯ VIII

ГЛАВА III. АЛЕКСАНДР VI

ГЛАВА IV. СОЮЗЫ БОРДЖИА

КНИГА II. ПАСКВИЛЬ-БУЛЛА

ГЛАВА I. ФРАНЦУЗСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

ГЛАВА II. ПАПА РИМСКИЙ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ

ГЛАВА III. РИМСКИЕ БАРОНЫ

ГЛАВА IV. УБИЙСТВО ГЕРЦОГА ГАНДИЙСКОГО

ГЛАВА V. ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ПУРПУРА

КНИГА III. ВЗБЕСИВШИЙСЯ БЫК

ГЛАВА I. ГЕРЦОГИНЯ ВАЛЕНТИНУА

ГЛАВА II. ПОХОРОННЫЙ ЗВОН ПО ТИРАНАМ

ГЛАВА III. ИМОЛА И ФОРЛИ

ГЛАВА IV. ГОНФАЛОНЬЕР ЦЕРКВИ

ГЛАВА V. УБИЙСТВО АЛЬФОНСО АРАГОНСКОГО

ГЛАВА VI. РИМИНИ И ПЕЗАРО

ГЛАВА VII. ОСАДА ФАЭНЦЫ

ГЛАВА VIII. АСТОРРЕ МАНФРЕДИ

ГЛАВА IX. ЗАМОК БОЛОНЬЕЗЕ И ПЬОМБИНО

ГЛАВА X. КОНЕЦ АРАГОНСКОГО ДОМА

ГЛАВА XI. ПИСЬМО СИЛЬВИО САВЕЛЛИ

ГЛАВА XII. ТРЕТИЙ БРАК ЛУКРЕЦИИ

ГЛАВА XIII. УРБИНО И КАМЕРИНО

ГЛАВА XIV. ВОССТАНИЕ КОНДОТЬЕРОВ

ГЛАВА XV. МИССИЯ МАКИАВЕЛЛИ

ГЛАВА XVI. РАМИРО ДЕ ЛОРКУА

ГЛАВА XVII. "ПРЕКРАСНАЯ СТРАТАГЕМА"

ГЛАВА XVIII. ЗЕНИТ

КНИГА IV. КАДЕНЦИЯ БУЛЛ

ГЛАВА I. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА VI

ГЛАВА II. ПИЙ III

ГЛАВА III. ЮЛИЙ II

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это не Хроника святых. И все же это не История дьяволов. Это летопись некоторых очень человеческих, энергичных мужчин в очень человеческий, напряженный век; похотливый, яркий век; век, красный от крови и бледный от страсти до белого каления; век стали и бархата, ярких красок, ослепительного света и непроницаемой тени; век стремительного движения, безжалостного насилия и высоких устремлений, резких антитез и удивительных контрастов.

Судить об этом с точки зрения этого спокойного, обдуманного и корректного века — каким мы считаем наш собственный — для степенного среднего возраста все равно что судить со своей собственной точки зрения о безрассудном, горячем, страстном, похотливом настроении молодежи, молодежи, которая жестоко ошибается и многого достигает.

Таким образом, коллективно судить об этой эпохе - явно неправильная, безнадёжная процедура, если нашей целью является понять ее и проникнуться к ней симпатией, поскольку в возрасте широких взглядов терпимо относиться к молодежи, чьи безумства она воспринимает. Жизнь - дело эфемерное, и мы тратим слишком много ее впустую, судя о том, что нам было бы лучше принять, чтобы нас самих приняли те будущие эпохи, которые, возможно, продолжат изучать нас.

Но если неправильно коллективно судить о прошлой эпохе по стандартам нашего времени, то насколько более справедливо выделять отдельных людей для суждения по тем же стандартам, предварительно оторвав их для этой цели от среды, в которой они существовали? Насколько ложным должно быть полученное таким образом представление о них! Мы рассматриваем отобранных таким образом индивидуумов через микроскоп современной направленности. Они кажутся чудовищными и ненормальными, и мы прямо предполагаем, что это монстры и аномалии, никогда не принимая во внимание, что ошибка заключается в настройке прибора, с помощью которого мы их осматриваем, и что до тех пор, пока это не будет исправлено, другие

люди того же прошлого возраста, если смотреть на них подобным образом, должны казаться такими же искаженными.

Отсюда следует, что какое-либо изучение эпохи всегда должно предшествовать изучению ее индивидуумов и сопровождать его, если понимание должно ожидать наших трудов. Поступить иначе - значит судить отдельного готтентота или жителя островов Южных морей по кодексу манер, принятому в Белгравии или Мэйфейре.

Поскольку разум является вместилищем души, а литература - выражением разума, то литература, следовательно, является душой эпохи, выжившей и бессмертной ее частью; и в литературе Чинквеченто вы сможете воочию увидеть пылкую, безнравственную, наивную душу этого Возрождения, которая распростерлась в своем похотливом, обнаженном младенчестве и жадно жаждала знаний и многого другого. Вы должны сделать кое-какие выводы о страстном характере этого младенца: его бурном веселье, его неистовом гневе, его простоте, его наивности, его любознательности, его хитрости, его коварстве, его жестокости, его любви к солнечному свету и ярким безделушкам.

Чтобы понять его таким, каким он был, вам нужно лишь вспомнить, что это был век, когда "Декамерон" Джованни Боккаччо, "Остроты" Поджио, сатиры Филельфо и "Гермафродит" Панормитано давали материал для чтения обоим полам. Это была эпоха, в которую образованный и эрудированный Лоренцо Валла — о котором мы расскажем позже — написал свое знаменитое обвинение девственности, осудив ее как противоречащую природе с помощью аргументов самой коварной логики. Это была эпоха, в которую Каса, архиепископ Беневенто, написал самое необычное произведение эротической философии, которое, выйдя из-под пера церковника, заставит вас похолодеть от ужаса, если вам доведется перевернуть его страницы. Это был век Открытия Человека; языческий век, который лишил Христа Его божественности, чтобы даровать ее Платону, так что Марсилио Фичино фактически зажег лампаду на алтаре перед изображением грека, учением которого - как и многих ученых своего времени — он стремился овладеть.

Это был век, когда стало невозможно различать заслуги Святых Церкви и городских Блудниц. Поэтому он одинаково почитал обоих, превозносил плотские достоинства одного почти в тех же выражениях, которые использовались для превознесения духовных достоинств другого. Таким образом, когда знаменитая римская куртизанка ушла из этой жизни в 1511 году в возрасте двадцати шести лет, ей были устроены пышные похороны и внушительная гробница в часовне Санта-Грегория с табличкой со следующей надписью:

“IMPERIA CORTISANA ROMANA QUAE DIGNA TANTO NOMINE, RARAE INTER MORTALES FORMAE SPECIMEN DEDIT.”

Короче говоря, это была эпоха настолько универсально аморальная, что ее едва ли можно назвать аморальной, поскольку аморальность можно определить как отход от морали, господствующей в данное время и в данном месте. Таким образом, хотя с нашей собственной точки зрения Чинквеченто, взятое в совокупности, является эпохой величайшей распушенности и безнравственности, с точки зрения самого Чинквеченто лишь немногие из его представителей могут быть справедливо названы безнравственными.

В остальном это была эпоха реакции на Эпоху рыцарства: эпоха безграничной роскоши, культа и преклонения перед внешней красотой; эпоха, которая не придавала значения никаким

внутренним добродетелям, правде или чести; эпоха, которая провозгласила максимой, что не следует принимать никаких неудобных обязательств, если представится возможность уклониться от них.

История Чинквеченто - это история, основанная на нарушенных обещаниях, обесчещенных довериях и самых низких предательствах, как вы придете к выводу, прежде чем дочитаете до конца историю, которая здесь излагается.

В наш распутный век кого еще можно искать, кроме распутниц? Справедливо ли, разумно ли или даже честнее брать человека или семью из такой среды для осуждения по канонам более поздней эпохи? И все же, разве это не метод, который чаще всего применялся при рассмотрении обширной темы Борджиа?

Чтобы избежать опасностей, которые могут подстергать из—за этой ошибки, история этого Дома будет рассмотрена здесь с восшествия Каликста III на Папский престол; и правление четырех пап, непосредственно предшествовавших Родриго Борджиа, который правил как Александр VI, будет краткорассмотрено, чтобы можно было установить стандарт, по которому можно судить о человеке и семье, составляющих реальную тему этой работы.

История этого удивительного папы Александра еще не написана. Здесь не было предпринято никаких попыток исчерпать ее. И все же по необходимости он занимает большое место на этих страницах; ибо история его ослепительного, стремительного сына так тесно переплетена с его собственной, что невозможно представить одну из них, не коснувшись достаточно подробно другой.

Источники, из которых была почерпнута история Дома Борджиа, не подлежат рассмотрению в предисловии. Их слишком много, и они требуют слишком тщательного и индивидуального рассмотрения, чтобы можно было установить их точную ценность и степень достоверности. В ходе этой истории будет проведено тщательное изучение, и в той мере, в какой возникнет необходимость привести доказательства в пользу той или иной стороны, эти доказательства будут проанализированы.

Пожалуй, никогда еще о Борджиа и их истории не было написано ничего более правдивого, чем следующие строки Родона Брауна в его “Рагуаль сулла Вита и сулле Опера ди Марино Сануто”:
"Мне кажется, история использовала дом Борджиа как холст, на котором можно изобразить низости пятнадцатого и шестнадцатого веков".

Материалы для работы были под рукой; и хотя они существенно не отличаются от материалов, из которых можно было бы составить истории полудюжины пап той же эпохи, в случае с папой Борджиа их гораздо больше по той простой причине, что папа Борджиа гораздо больше, чем любой из его коллег, отрывается от истории Возрождения в силу своей важности как политической силы.

В этом была причина пощадить его от клеветы и высмеивания даже сверх обычного экстравагантного обычая. Клевета на него и его сына Чезаре распространялась с готовностью, и, как правило, она исходила из тех государств, которые имели больше всего поводов для ревности и негодования по поводу могущества Борджиа — Венеции, Флоренции и Милана, среди прочих.

Нет более ожесточенной вражды, чем политическая — за исключением, возможно, религиозной вражды, которую мы также проследим; нет войны более беспринципной или более склонной к использованию коварного оружия клеветы, чем политическая война. В наше время существует множество таких поразительных примеров этого, что вряд ли есть необходимость вдаваться в подробности. И по форме, которую принимает такая клевета, распространяемая в нашу спокойную и умеренную эпоху, можно понять, что могли бы сказать политические оппоненты в жестокий век, не знавший ни достоинства, ни сдержанности. Все это в надлежащем месте будет рассмотрено более внимательно.

По многим обвинениям, выдвинутым против Дома Борджиа, есть некоторые свидетельства; по многим другим — и это более злое, сенсационные и ужасающие версии, поскольку они касаются изнасилований и убийств, супружеской неверности, кровосмешения и грехов городов Равнины — не получено ни крупицы реальных доказательств. Действительно, в наше время больше не требуются доказательства того, что касается грехов Борджиа. Часто повторяемое утверждение узурпировало место доказательства — ибо достаточно часто повторяемая ложь становится достоянием доверия самого ее произносителя. А тем временем клевета перескакивала с языка на язык, из пера в перо, набирая материал по ходу дела. Мир поглощает эти истории; он жадно поглощает их, чтобы они были сенсационными, и писатели, хорошо понимающие это, вот уже несколько столетий потворствуют этому нездоровому аппетиту к теме Борджиа. Приправленная, пикантная история о пороке, жуткая история о моральной порочности и физическом разложении, от которой волосы встают дыбом, повествование об ужасах и мерзостях — вот товарлюбителей сенсаций. Подлинность товаров, которые он продает в розницу, такого человека не волнует. “*Se non é vero é ben trovato*” — вот его девиз, и в глубине души любитель сенсаций — любого возраста — очень надеется, что это правда. Он, несомненно, заставит свою публику поверить в это, ибо дискредитировать это значило бы потерять девять десятых его сенсационной ценности. Поэтому он отделяет и подгоняет свои изделия, добавляет пару оттенков цвета и то, что еще, по его мнению, необходимо, чтобы придать им видимость подлинности, скрыть любую выглядывающую фальшь.

Ваше изучение предмета сопровождается формой гипноза — внушением, что то, что так позитивно и неоднократно утверждается, обязательно должно быть правдой, обязательно должно было быть доказано неопровержимыми доказательствами в тот или иной момент. Столь многое вы принимаете как должное — поскольку вопросы, которые начали свое существование, возможно, как предварительные гипотезы, незаметно переросли в установленные факты.

Иногда случается, что мы находим примерно следующее предложение, подводющее итог тому или иному деянию в историях Борджиа: “Многое еще предстоит прояснить, но Вердикт Истории возлагает вину на Чезаре Борджиа”.

Посмотрите, как легко обойтись без доказательств. Чтобы ваш рассказ был хорошо приправлен, фико для доказательств! Если кое-где они не сходятся воедино, если есть противоречия, пробелы или лазейки для сомнений, бросьте Вердикт Истории в образовавшуюся брешь и заставьте любого вопрошающего замолчать.

В этой связи дело зашло так далеко, что тот, кто берется сегодня изложить историю Чезаре Борджиа с намерением выполнять справедливую и честную работу, должен признать невозможным рассказать простую и прямолинейную историю — представить его не злодеем из мелодрамы, не чудовищем, нелепым, гротескным, невозможным, но человеком, холодным,

безжалостным эгоистом, использующим людей в своих целях, ужасным и даже вероломным в своих расправах, быстрым, как пантера, и таким же жестоким, когда его гнев был силен. возбужденный, но с определенными элементами величия: великолепный солдат, непревзойденный администратор, человек в высшей степени справедливый, хотя и безжалостный в том же самом правосудии.

Представить Чезаре Борджиа таким образом в виде простого рассказа в наше время означало бы вызвать презрение и насмешки тех, кто познакомился с ним на страницах этого выдающегося немецкого ученого Фердинанда Грегоровиуса и некоторых других писателей, не столь выдающихся, но достаточно выдающихся, чтобы их можно было серьезно рассмотреть. Следовательно, было необходимо изучить с близкого расстояния открытия этих великих ученых и представить определенную критику тех же самых открытий. Автор в высшей степени осознает пагубность этой задачи; но он не менее осознает ее неизбежность, если вообще будет рассказана эта история.

В то время как фактические источники исторических свидетельств будут рассмотрены в ходе этого повествования, возможно, было бы неплохо рассмотреть на данном этапе источники популярных концепций Борджиа, поскольку позже не будет случая ссылаться на них.

Не вдаваясь здесь в рассуждения об историческом романе, можно сказать, что в надлежащих руках он был и должен оставаться одним из самых ценных выражений литературного искусства. Однако для того, чтобы представить и поддерживать его таким, необходимо, чтобы были установлены определенные границы дозволенности, которой должны пользоваться его авторы; необходимо, чтобы произведение было честным трудом; чтобы подготовка к нему осуществлялась путем тщательного изучения периода, который будет представлен, с тем, чтобы сначала могло быть сформировано истинное впечатление, а затем передано. Таким образом, учитывая, насколько более масштабным является роман, чем любая другая форма литературы, хорошие результаты, которых должны ожидать подобные начинания, не подлежат сомнению. Пренебрежение к ним — искажение характера в угоду целям романиста, подобное искажение исторических фактов, грубые анахронизмы, возникающие из-за недостатка изучения, — во многом способствовали тому, что исторический роман приобрел дурную славу. Многие авторы откровенно не претендуют — по крайней мере, ни один из тех, кого можно распознать, — на стремление к исторической точности; другие, однако, придают своим работам напускную ученость, прибегают к цитированию авторитетных источников в поддержку точки зрения, которую они заняли и которую они представляют вам как плод напряженных размышлений.

Это опасные люди, и к этому типу относится знаменитая трагедия Виктора Гюго "Лукреция Борджиа", произведение, которому, возможно, больше, чем какому-либо другому (не исключая "Борджиа" в "Преступлениях Селебры" Александра Дюма), обязано преобладающее сегодня представление о сестре Чезаре Борджиа.

Сомнительно, чтобы что-либо когда-либо выходило из-под выдающегося пера, которому было дано столько вольностей в отношении истории отдельных людей и эпохи; в котором собран столь богатый урожай грубых, транспонтных абсурдов и вопиющих, невозможных анахронизмов. Виктор Гюго был писателем редкого дарования, талантливым романистом и великим поэтом, и, возможно, несправедливо порицать его за то, что он в полной мере воспользовался свободой, предоставленной обоим. Но было бы трудно слишком строго осудить его за то, что он — в своей "Лукреции Борджиа" — принял позу ученого, за то, что он делал вид и

утверждал, что его работа была честным трудом, основанным на изучении исторических свидетельств. Этим шарлатанством он обманул огромную массу неграмотных людей Франции и всей Европы, заставив их поверить, что в своей трагедии он представил истинную Лукрецию Борджиа.

“Если вы мне не верите, - заявил он, - прочтите Томмазо Томмази, прочтите Дневник Берчарда”.

Прочтите, в таком случае, этот Дневник церемониймейстера Ватикана, охватывающий период в двадцать три года, с 1483 по 1506 год (который в значительной степени составляет основу современной истории), и единственный вывод, к которому вы будете вынуждены прийти, заключается в том, что сам Виктор Гюго никогда его не читал, иначе он не решился бы предложить вам сослаться на произведение, которое не подтверждает ни единой написанной им строки.

Что касается Томмазо Томмази — о, как опасно немного учиться! В какие трясины это не заводит тех, кто выставляет это напоказ, чтобы произвести на вас впечатление!

Место Томмази среди историков находится точно в том же положении, что и место Александра Дюма. Его "Жизнь Чезаре Борджиа" находится на том же историческом уровне, что и "Лес Борджиа", большая часть которого была в ней представлена. Как и "Преступления Селебра", книге Томмази придан определенный вид повествования о трезвом факте; но, как и "Преступления Селебра", это, тем не менее, художественное произведение.

Этот Томмазо Томмази, чье настоящее имя было Грегорио Лети — и именно под этим именем публикуются те его работы, которые переиздаются в наши дни, — был самым плодовитым автором семнадцатого века, который, став кальвинистом, излил в своих произведениях яростную ненависть к папству и религии, от которой он отделился. Его "Жизнь Чезаре Борджиа" была опубликована в 1670 году. Она пользовалась большой популярностью, была переведена на французский и стала главным источником, из которого многие авторы художественной литературы и некоторые авторы “фактов” черпали информацию для последующей работы по продолжению непрекращающейся диффамации Борджиа.

История должна быть столь же неумолима, как Божественное Правосудие. Прежде чем мы признаем факты, мы должны не только запросить доказательства и проанализировать их, когда они будут получены, но и изучить сами источники таких доказательств, чтобы, насколько это возможно, мы могли установить, какой степени доверия они заслуживают. При изучении истории Борджиа, мы повторяем, было слишком много безоговорочного принятия, слишком много само собой разумеющихся вещей, невероятность которых часто затрагивает границы невозможного, а иногда и выходит за их пределы.

Один человек знал Чезаре Борджиа, возможно, лучше, чем любой другой современник, из многих, кто оставил более или менее ценные записи; ибо ум этого человека был самым острым для своего времени, одним из самых острых, которые когда-либо знали Италия и мир. Этим человеком был Никколо Макиавелли, государственный секретарь синьории Флоренции. Он ничем не был обязан Чезаре; он был послом державы, которая всегда была враждебна Борджиа; так что не стоит и мечтать, что его суждения были предвзяты в пользу Чезаре. И все же он считал Чезаре Борджиа — как мы увидим — воплощением идеального завоевателя и правителя; он взял Чезаре Борджиа за образец для своего знаменитого труда "Принц",

написанного как грамматика государственного управления для обучения искусству управления этого слабака Джулиано де Медичи.

Макиавелли выносит Чезаре Борджиа следующий вердикт:

“Если принять во внимание все действия герцога, то станет ясно, насколько велики были основы, заложенные им для будущей власти. Я не считаю излишним говорить об этом, потому что я не знаю, какое лучшее наставление можно предложить новому правителю, чем пример его действий; и если успех не зависел от того, какие решения он принял, то это было не по его вине, а в результате экстраординарной и крайне недоброй судьбы”.

В надлежащем месте следует рассмотреть, что еще Макиавелли мог сказать о Чезаре Борджиа и что сообщить о событиях, свидетелем которых он был, связанных с карьерой Чезаре Борджиа.

Между тем, приведенное выше краткое изложение суждений Макиавелли приведено в качестве обоснования написания этой книги, цель которой - представить вам Чезаре Борджиа, послужившего образцом для принца.

Однако перед этим необходимо проследить возвышение Дома Борджиа, и в первых двух из четырех книг, на которые будет разделена эта история, в центре внимания окажется Александр VI, а не его сын.

Если автору и есть чего желать от своих критиков, так это того, чтобы они не приписывали ему то, что он поставил перед собой явную цель “обелить” — как говорится — семью Борджиа. Побелка - это наложение, маскировка исходной ткани под накладной поверхностью. Здесь уже было слишком много накладной поверхности. С вашего позволения, все будет удалено. Грязь должна быть удалена, и отвратительность выводов, догадок, преднамеренной и хладнокровной злобы, которыми столетия писатели, праздные, фантастические, сенсационные или продажные, покрывали суть известных фактов.

Но грязь должна быть сохранена и проанализирована рядом с самим веществом, чтобы вы могли судить, не было ли при соскабливании чего-либо из последнего из-за стремления удалить первое.

Автор выражает свою признательность следующим работам, которые, среди прочего, были изучены для целей современной истории:

Alvisi, Odoardo, *Cesare Borgia, Duca di Romagna*. Imola, 1878.

Auton, Jean d', *Chroniques de Louis XII* (Soc. de l'Hist. de France).

Париж, 1889.

Baldi, Bernardino, *Della Vita e Fatti di Guidobaldo*. Милан, 1821 год.

Barthélemy, Charles, *Erreurs et Mensonges Historiques*. Париж, 1873.

Bernardi, Andrea, *Cronache Forlivese, 1476-1517*. Bologna, 1897.

Bonnaffé, Edmond, *Inventaire de la Duchesse de Valentinois*, Paris, 1878.

Bonoli, Paolo, *Istorie della Città di Forli*. Форли, 1661 год.

Bourdeilles, Pierre, *Vie des Hommes Illustres*. Leyde, 1666.

Brown, Rawdon, *Ragguagli Sulla Vita e sulle Opere di Marino Sanuto*. Venezia, 1837.

Buonaccorsi, Biagio, Diario. Флоренция, 1568 год.

Burchard, Joannes, Diarium, sive Rerum Urbanarum Commentarii.
(Под редакцией Л. Туасне.) Париж, 1885.

Burckhardt, Jacob, Der Cultur der Renaissance in Italien. Базель, 1860 год.

Castiglione, Baldassare, Il Cortigiano. Флоренция, 1885 год.

Chapelles, Grillon des, Esquisses Biographiques. Париж, 1862 год.

Cerri, Domenico, Borgia. Тонино, 1857 год.

Clementini, Cesare, Raccolto Istorico delle Fondazione di Rimino.
Rimini, 1617.

Corio, Bernardino, Storia di Milano. Милан, 1885.

Корво, барон, "Хроники дома Борджиа". Лондон, 1901.

Эспинуа, Анри де л', папа Александр VI (в "Ревю вопросов"
Historiques, Vol. XXIX). Париж, 1881.

Giovio, Paolo, La Vita di Dicenove Uomini Illustri. Венеция, 1561 год.

Giovio, Paolo, Delle Istorie del Suo Tempo. Венеция, 1608 год.

Giustiniani, Antonio, Dispacci, 1502-1505. (Под редакцией Паскуале Виллари.)
Флоренция, 1876.

Granata, F., Storia Civile di Capua. 1752.

Gregorovius, Ferdinand, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter.
Stuttgart, 1889.

Грегоровиус, Фердинанд, Лакреция Борджиа (итальянский перевод). Флоренция,
1855.

Guicciardini, Francesco, Istoria d'Italia. Милан, 1803.

Guingené, P. L., Histoire Littéraire d'Italie. Милан, 1820 год.

Infessura, Stefano, Diarum Rerum Romanum. (Отредактировано О. Томмассини.)
Рома, 1887.

Леонетти А., папа Алессандро VI. Bologna, 1880.

Leti, Gregorio ("Tommaso Tommasi"), Vita di Cesare Borgia, Milano, 1851.

Люсер, Ахилл, Ален ле Гран, сир д'Альбре. Париж, 1877.

Macchiavelli, Niccolò, Il Principe. Torino, 1853.

Macchiavelli, Niccolò, Le Istorie Fiorentine. Флоренция, 1848 год.

Macchiavelli, Niccolò, Opere Minori. Флоренция, 1852 год.

Matarazzo, Francesco, Cronaca della Città di Perugia, 1492-1503.
(Под редакцией Ф. Бонаини и Ф. Полидори.) В историческом архиве
Italiano, Firenze, 1851.

Panvinio, Onofrio, Le Vite dei Pontefici. Venezia, 1730.

Pascale, Aq., Racconto del Sacco di Capova. Napoli, 1632.

Righi, B., Annali di Faenza. Faenza, 1841.

Sanazzaro, Opere. Padua, 1723.

Сануто Марино, Дневники, тома. С I по V. (Под редакцией Ф. Стефани.) Венеция,
1879.

Тартт, У. М. Пандольфо Колленуччо, Воспоминания, связанные с его жизнью.
1868.

"Tommaso Tommasi" (Gregorio Leti), Vita di Cesare Borgia. 1789.

Varchi, Benedetto, Storia Fiorentina. Флоренция, 1858 год.

Visari, Gustavo, Vita degli Artefici.

Villari, Pasquale, La Storia di Girolamo Savonarola, etc. Флоренция, 1861 год.
Villari, Pasquale, Niccolò Machiavelli e I suoi Tempi. Милан, 1895.
Yriarte, Charles, La Vie de César Borgia. Париж, 1889.
Yriarte, Charles, Autour des Borgia. Париж, 1891.
Zurita, Geronimo, Historia del Rey Don Hernando el Catolico (in Anales). Çaragoça, 1610.

КНИГА I. ДОМ БЫКА

<

“Borgia stirps: BOS: atque Ceres transcendit Olympo, Cantabat nomen saecula cuncta suum.”

Микеле Ферно

ГЛАВА I. ВОЗВЫШЕНИЕ ДОМА БОРДЖИА

Хотя Дом Борджиа, давший Римской церкви двух пап и, по крайней мере, одного святого, (1) восходит к одиннадцатому веку, утверждая, что его истоки восходят к королям Арагона, для наших целей мы рассмотрим его историю с рождения в городе Сатива в королевстве Валенсия 30 декабря 1378 года Алонсо де Борха, сына дона Хуана Доминго де Борха и его жены Доньи Франциски.

1 Святой Франсиско Борджиа, S.J. — правнук папы Александра VI, родился в Гандии, в Испании, в 1510 году.

Именно этому дон Алонсо де Борха обязан невероятному возвышению своей семьи. Способный, честный, энергичный человек, он стал профессором и доктором юриспруденции в университете Лериды, а затем служил Альфонсо I Арагонскому, королю Неаполя и Обеих Сицилий, в качестве секретаря. Эту должность он занимал с отличием, которого и следовало ожидать от человека, столь необычно подходящего для нее по характеру занятий, которыми он занимался.

Он был назначен епископом Валенсии, в 1444 году стал кардиналом и, наконец, в 1455 году вззошел на престол Святого Петра как Каликст III, старик, ослабевший телом, но сохранивший незаурядную силу духа.

Каликст проявил себя таким же nepотистом, как и многие другие папы до и после. Здесь нет необходимости распространяться об этом; достаточно того, что в феврале 1456 года он подарил алую шапку кардинала-дьякона Сан-Никколо в Карсере Туллиано своему племяннику дону Родриго де Лансоль-и-Борха.

Родившийся в 1431 году в Сативе, сын Хуаны де Борха (сестры Каликста) и ее мужа дона Жофре де Лансоля, Родриго шел двадцать пятый год, когда его возвели в сан пурпурного, а в следующем году он был назначен вице-канцлером Святой Церкви с ежегодной стипендией в размере восьми тысяч флоринов. Как и его дядя, он изучал юриспруденцию в Болонском университете и был необычайно одарен умственно и физически.

По его портретам, оставленным Гаспарино Веронским и Джироламо Порцио, мы знаем его как высокого, красивого мужчину с черными глазами и полными губами, элегантного, учтивого, жизнерадостного и изысканно красноречивого, обладавшего таким здоровьем, энергией и выносливостью, что он был нечувствителен к любой усталости. Джазоне Майно из Милана говорит о его “элегантной внешности, безмятежном челе, королевском взгляде, лице, которое одновременно выражает великодушие и величие, а также добродушный и героический вид, которым наделена вся его личность”. К аналогичному описанию его самого Гаспарино добавляет, что “все женщины, на которых он хотя бы бросает взгляд, заставляют его полюбить его; они притягиваются к нему, как магнит притягивает железо”, что, надо признать, является крайне нежелательной репутацией для церковника.

Современный историк (1), который не проявляет особой сдержанности, когда пишет о Родриго Борджиа, говорит о нем, что “он не был человеком ни большой энергии, ни решительной воли”, и далее, что “твердость и энергия, присущие его характеру, однако, часто заменялись постоянством его порочных страстей, из-за которых он был почти ослеплен”. Нелегко понять, каким образом постоянство порочных страстей может заменить твердость и энергию как факторы мирского успеха, особенно если их обладатель ослеплен ими. Историческую ценность этой структуры можно смело оставить измеряться ее логической ценностью. В остальном, сказать, что Родриго Борджиа не хватало энергии и воли, — значит сказать то, чему вся его карьера отдает громкой и насмешливой ложью, как это будет видно — по крайней мере, в какой-то степени - по ходу этой работы.

1 Pasquale Villari in his Machiavelli i suoi Tempi

Своими почестями кардинала-дьякона и вице-канцлера Святого Престола он был обязан своему дяде; но то, что он сохранял и постоянно улучшал свое положение — и, не забывая, он иностранец — при правлении четырех последующих пап — Пия II, Павла II, Сикста IV и Иннокентия VIII — пока, наконец, через двадцать шесть лет после смерти Каликста III, он сам не взошел на папский престол, может быть связано только с непобедимой энергией и колоссальными талантами, которые поставили его на то место, на котором он стоит в истории, — одним из самых выдающихся пап. величайшие силы, к добру или ко злу, которые когда-либо занимали кафедру Святого Петра.

Говорят о нем, что он был честолюбивым, мирским, жадным до власти и жертвой плотских похотей. Всем этим он был. Но ради самого здравомыслия не позволяйте говорить, что ему не хватало ни энергии, ни воли, ибо он был воплощением энергии и воли.

Подумайте о том, что с принятием Тиары Каликстом III Рим стал счастливым охотничьим угодьем испанцев, и что в Вечный город сотнями устремились каталонские авантюристы — священники, клерки, капитаны удачи и другие, — которые пришли искать продвижения в руках каталонского папы. Это испанское вторжение возмутило Рим. Она стала беспокойной из-за этого.

Старший брат Родриго, дон Педро Луис де Лансоль-и-Борха, был назначен гонфалоньером церкви, кастеляном всех папских крепостей и губернатором Вотчины Святого Петра с титулом герцога Сполето, а позже и префекта Рима, после смещения Орсини с этого поста. Каликст наделил своего племянника всей светской властью, какую только могла предоставить Церковь, с целью использовать ее как основу для свержения мелкой тирании Романьи и установления феодальных притязаний на Неаполитанское королевство.

Здесь уже мы видим нечто большее, чем намек на амбиции Борджиа, которым суждено было стать притчей во языцех, и первую попытку этой семьи основать собственную династию и государство, которые продолжались бы и после временного пребывания на понтификате, цель, которая позже была фактически — хотя и эфемерно — реализована Чезаре Борджиа.

Итальянцы наблюдали за ростом испанского могущества ревнивыми, злыми глазами. Могущественный дом Орсини, разгневанный смещением одного из своих членов в римской префектуре, затаил негодование и выжидал. Когда в августе 1458 года Каликст III лежал при смерти, Орсини воспользовались случаем: они подстрекнули город к готовящемуся восстанию и огнем и мечом изгнали испанцев.

Дон Педро Луис поспешил уехать, ухитрился избежать встречи с Орсини, которые сделали его своей особой добычей, и на лодке спустился по Тибру в Чивита-Веккью, где он скоропостижно скончался примерно шесть недель спустя, тем самым значительно увеличив состояние Родриго, своего брата и наследника.

Двоюродный брат Родриго, дон Луис Хуан, кардинал-пресвитер Санти-Кватро-Коронати, еще один член семьи, обязанный своим продвижением своему дяде Каликсту, также счел целесообразным удалиться из зоны опасности для людей его национальности и имени.

Остался один Родриго де Лансоль—и-Борха - по крайней мере, единственный видный представитель своего дома - смело встретивший враждебность большинства членов Священной коллегии, которые с мрачной немилостью смотрели на кумовство его дяди. Ничуть не испуганный, он вошел в Конклав для избрания преемника Каликста, и там случай, который так часто предпочитает даровать свои благосклонности тому, кто знает, как ими воспользоваться, дал ему возможность так же прочно, как и прежде, утвердиться в Ватикане и дальше продвигать свои интересы.

Выяснилось, что при тщательном рассмотрении два кардинала получили хорошее количество голосов — блестящий, образованный энеа Сильвио Бартоломео де Пикколомини, кардинал Сиены, и французский кардинал д'Эстутевиль, — хотя ни один из них не набрал требуемого минимального большинства. Из этих двух наибольшее количество голосов принадлежало кардиналу Сиенскому, и поэтому его избрание могло быть завершено присоединением, то есть голосами тех кардиналов, которые первоначально не голосовали за него, до тех пор, пока не будет составлено минимальное большинство, которое должно превышать две трети.

Кардинал-вице-канцлер Родриго де Лансоль-и-Борха возглавил это восшествие на престол, в результате чего кардинал Сиены стал понтификом — как Пий II - и, естественно, был достаточно расположен продвигать интересы человека, который сыграл важную роль в достижении им этого возвышения. Таким образом, его положение в Ватикане, несмотря на всю враждебность, стало сильнее и заметнее, чем когда-либо.

Письмо, написанное два года спустя из Терм в Петриоло Пием II Родриго, когда последний находился в Сиене, куда он был направлен его Святейшеством присматривать за строительством кафедрального собора, епископального дворца и дворца Пикколомини, часто цитируется для описания распутных нравов молодого прелата. Это письмо одновременно строгое и нежное, и оно, безусловно, не оставляет сомнений относительно того, каким человеком был кардинал-вице-канцлер в своей личной жизни и к каким неучтивым занятиям он был склонен. Трудно найти в нем какие-либо основания, на которых мог бы строить апологет.

“ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ СЫН,

“Когда четыре дня назад в садах Джованни де Бичис собрались несколько женщин Сиены, склонных к мирской суете, они развлекали ваше благородие, как мы узнали, мало помня о должности, которую вы занимаете, с семнадцатого до двадцать второго часа. В качестве компаньона у вас был один из ваших коллег, тот, кому его годы, если не честь Святого Престола, должны были напомнить о его долге. Из того, что мы слышали, вы безудержно предавались танцам, и не отсутствовало ни одно из любовных влечений, в то время как ваше поведение ничем не отличалось от того, которое можно было бы ожидать от любого светского юноши. Касаясь того, что там произошло, скромность обязывает хранить молчание. Не только само обстоятельство, но и само название его недостойно человека вашего ранга. Мужья, родители, братья и родственники этих молодых женщин были исключены, чтобы ваши развлечения были более разнузданными. Вы с несколькими слугами взялись руководить этими танцами. Говорят, что сейчас в Сиене не говорят ни о чем, кроме вашего легкомыслия. Несомненно, что здесь, в банях, где велико скопление духовенства и мирян, вы являетесь темой дня. Наше неудовольствие невыразимо, поскольку все это бесчестно отражается на священническом статусе и должности. О нас скажут, что мы обогащаемся и продвигаемся по службе не для того, чтобы вести безупречную жизнь, а для того, чтобы добывать средства для удовлетворения своих

удовольствий. Отсюда презрение к нам светских князей и властей и ежедневные насмешки мирян. Отсюда также порицание нашего собственного образа жизни, когда мы пытаемся порицать других. Сам Наместник Христа вовлечен в это презрение, поскольку он, по-видимому, одобряет подобные вещи. Ты, возлюбленный сын, возглавляешь епископство Валенсии, первое в Испании; ты также вице-канцлер Церкви; и что делает твое поведение еще более достойным порицания, так это то, что ты находишься среди кардиналов, рядом с папой, одним из советников Святого Престола. Мы предоставляем вам самим судить, подобает ли вам ухаживать за молодыми женщинами, посылать фрукты и вино той, кого вы любите, и не думать ни о чем, кроме удовольствия. Мы подвергаемся порицанию из-за тебя; блаженной памяти твой дядя Каликст подвергается поношению, поскольку, по мнению многих, он был неправ, оказывая тебе столько почестей. Если вы ищете оправданий в своей молодости, то вы уже не настолько молоды, чтобы не понимать, какие обязанности налагает на вас ваше достоинство. Кардинал должен быть безупречным, образцом нравственного поведения для всех. И какая у нас справедливая причина для негодования, когда светские князья даруют нам малопочтенные титулы, оспаривают у нас наше имущество и пытаются подчинить нас своей воле? На самом деле это мы сами наносим себе эти раны, и именно мы сами навлекаем на себя эти беды, с каждым днем все больше и больше подрывая своими делами авторитет Церкви. Наш гердон - позор в этом мире и достойное наказание в следующем. Поэтому пусть ваше благоразумие обуздает это тщеславие и поможет вам помнить о своем достоинстве, а также не даст вам прослыть галантом среди замужних и незамужних женщин. Но если подобные факты повторяются, мы будем вынуждены заявить, что они произошли против нашей воли и к нашему сожалению, и наше порицание должно сопровождаться вашим стыдом. Мы всегда любили вас и считали достойным нашего расположения как человека честного по натуре. Поэтому действуйте таким образом, чтобы мы могли придерживаться такого мнения о вас, и ничто не может лучше способствовать этому, чем то, чтобы вы вели упорядоченную жизнь. Ваш возраст, который все еще обещает улучшение, допускает, что мы должны увещевать вас по-отечески”.

“ПЕТРИОЛО, 11 июня 1460 года”.

Такое письмо рассчитано на то, чтобы шокировать нас в наших современных представлениях о церковнике. Для нас такое поведение прелата неопишимо скандально; то, что оно было скандальным уже тогда, очевидно из письма понтифика; но то, что оно было скандальным в бесконечно меньшей степени, не менее очевидно из самого факта, что понтифик написал это письмо (и в таких выражениях) вместо того, чтобы без промедления лишить нарушителя сана.

Рассматривая поведение Родриго, вы должны учитывать — как уже говорилось — возраст, в котором он жил. Вы должны помнить, что это был век, когда страсти и эмоции не носили таких масок, какие они носят сегодня, но ходили обнаженными и не стыдились своей наготы; век, в котором личная скромность изучалась так же мало, как лицемерие, и в котором люди носили свои пороки так же открыто, как и добродетели.

Никакие простые утверждения не могут дать адекватного представления о коррумпированном состоянии духовенства в то время. Чтобы составить справедливое представление об этом, необходимо взглянуть на некоторые из сохранившихся документов — например, на Буллу нынешнего папы Пия II, запрещающую священникам заниматься ремеслом содержания таверн, игорных домов и борделей.

Подумайте также о том, что при его преемнике Сиксте IV налог, взимаемый с римских куртизанок, ежегодно пополнял папскую казну примерно на 20 000 дукатов. Вдумайтесь далее, что, когда викарий похотливого Иннокентия VIII опубликовал в 1490 году эдикт против повсеместного сожительства, практикуемого духовенством, запрещающий его продолжение под страхом отлучения от церкви, все, что он заслужил, - это суровое порицание Святого Отца, который не согласился с этой мерой и который немедленно отменил эдикт.⁽¹⁾

1 См. Дневник Берчарда, издание Thuasne, том II. стр.442 и далее.

Принимая во внимание все это и то, что человек, по общему признанию, является созданием своего окружения, можем ли мы все еще притворяться, что испытываем ужас перед этим Родриго и перед тем фактом, что, будучи мужчиной, каким он был — пусть и прелатом, — красивым, блестящим, за которым ухаживали, в полном расцвете юности, и сладострастником по натуре, он должен был поддаться искушениям, которыми был окружен?

Только один фактор мог заставить его проявлять больше сдержанности — хороший пример сверстников. Такого примера у него, безусловно, не было.

Добродетель - это сравнительное качество, когда все сказано; и прежде чем мы сможем установить, что Родриго был подлым, что он заслуживает безоговорочного осуждения за свое поведение, мы должны убедиться, что он был более или менее исключительным в своей распущенности, что он был менее щепетилен, чем его собратья. Находим ли мы это? Чтобы найти обратное, нам не нужно выходить за рамки вопроса, который спровоцировал это письмо от понтифика. Ибо мы видим, что он даже не был одинок в этом приключении как священнослужитель; что в том любовном порыве ему помогал некто Джакопо Амманати, кардинал-пресвитер Сан—Крисоньо, старший брат Родриго и рукоположенный священник, о чем — не стремясь извлечь чрезмерную выгоду из этого обстоятельства - мы можем упомянуть, что Родриго им не был. Да будет вам известно, что он был кардиналом-дьяконом.⁽¹⁾ Мы знаем, что тот самый понтифик, который увещевал этих молодых прелатов, хотя сейчас, по общему признанию, он ведет праведный образ жизни, сам был очень симпатичным парнем в дни своей бурной молодости в Сиене; мы знаем, что у дяди Родриго — Каликста, которого Пий II называет в этом письме “блаженной памяти”, — был по крайней мере один признанный сын.⁽²⁾ Мы знаем, что Пьеро и Джироламо Риарио, хотя папа Сикст IV и называл их своими “племянниками”, обычно признавались его сыновьями.⁽³⁾ И мы знаем, что многочисленные бастарды Иннокентия VIII — непосредственного предшественника Родриго на папском престоле - были открыто признаны их отцом. Короче говоря, мы знаем, что у духовенства был всеобщий обычай забывать о своих обетах безбрачия и обходить их, отказываясь от внешней формы и таинства брака; и мы полагаемся на слова самого Пия II, что “если есть веские причины предписывать духовенству безбрачие, то есть более веские причины предписывать им вступать в брак”.

1 Он не был рукоположен в сан священника до 1471 года, после избрания Сикста IV.

2 Дон Франсиско де Борха, родился в Валенсии в 1441 году.

Что еще можно сказать? Если мы должны быть шокированы, то пусть нас шокирует скорее время, чем этот человек. На каких разумных основаниях мы можем требовать, чтобы он отличался от своих собратьев; и если мы не находим в нем ничего особенного, то какое право или причину имеем мы выделять его и превращать в объект беспрецедентного поношения?

Если мы хотим справедливо отнестись к Родриго Борджиа, мы должны признать, что в том, что касается его уступок своим похотям, он был типичным церковником своего времени; ни больше, ни меньше — как сейчас станет совершенно ясно.

Некоторые могут возразить, что в таком случае папа не написал бы ему такого письма, которое здесь цитируется. Но задумайтесь на мгновение о тесных отношениях, существующих между ними. Родриго был племянником покойного папы римского; во многом своим избранием Пий II, как мы видели, был обязан действиям Родриго на Конклаве. То, что его интерес к нему был отеческим и нежным, сквозит в каждой строчке этого письма. И учтите далее, что спутник Родриго, как показано в этом письме, в равной степени виновен в той мере, в какой следует взвесить сами действия, виновен в большей степени, если вспомнить его старшинство и его фактическое священство. Однако кардиналу Амманати папа не написал такого предостережения. Разве это не достаточное доказательство того, что его предостережение Родриго было продиктовано исключительно его личной привязанностью к нему?

В том же 1460 году у кардинала Родриго родился сын - дон Педро Луис де Борха — от неназванной старой девы (мулиер солута). Кардинал публично признал этого сына и заботился о нем.

Семь лет спустя — в 1467 году — он стал отцом дочери — Джироламы де Борха - от старой девы, имя которой опять же не выясняется. Как и Педро Луис, она тоже была открыто признана кардиналом Родриго. Широко распространено было мнение, что матерью этого ребенка была мадонна Джованна де Катанеи, которая вскоре совершенно открыто стала любовницей кардинала и содержалась им в таком состоянии, что могла бы стать метрдотелем. Но, как мы увидим позже, факт материнства Джироламы крайне сомнителен. Это так и не было установлено, и трудно понять, почему нет, если бы это было фактом.

Тем временем Павел II — Пьетро Барбо, кардинал Венеции — сменил Пия II в 1464 году, а в 1471 году последнему, в свою очередь, наследовал грозный Сикст IV — кардинал Франческо Мария делла Ровере — францисканец самого низкого происхождения, который благодаря своей энергии и талантам стал генералом своего ордена и впоследствии был возведен в достоинство пурпурного.

Именно кардинал Родриго де Лансоль-и-Борха в своем официальном качестве архидиакона Святой Церкви совершил церемонию коронации и возложил тройную корону на голову папы Сикста. Вполне вероятно, что это был его последний официальный акт, как архидиакона, в том же 1471 году, в возрасте сорока лет, он был рукоположен во священника и во епископа Альбано.

ГЛАВА II. ПРАВЛЕНИЕ Сикста IV И ИННОКЕНТИЯ VIII

Правление Сикста было столь же энергичным, сколь и скандальным. Сказать — как уже было сказано, — что с его наследованием кафедры Святого Петра для Церкви наступили еще более печальные времена, чем те, которые ему предшествовали, не совсем верно. По крайней мере, в политическом плане Сикст многое сделал для укрепления позиций Святого Престола и понтификата. Он не заставил себя долго ждать, чтобы дать римским фракциям почувствовать вкус своей суровости. Если он применял недобросовестные средства, он применял их против недобросовестных людей — по здравому принципу *similia similibus curantur* — и в какой-то степени они были оправданы поставленными целями.

Он обнаружил, что временный трон понтификов пошатнулся, когда взошел на него. Стефано Поркаро и его выдающиеся последователи уже в 1453 году предприняли попытку свержения папской власти, вдохновленные, без сомнения, нападка, которые были направлены против нее эрудированным и отважным Лоренцо Валлой.

Этот Валла был выдающимся переводчиком Гомера, Геродота и Фукидида, который больше, чем кто-либо другой в его эпоху, продвинул движение греческой и латинской учености, которое, хотя и остановило развитие итальянской литературы, обогатило Европу, открыв ей источники древней эрудиции, философии, поэзии и литературного вкуса. Ближе к 1435 году он перешел ко двору Альфонсо Арагонского, секретарем которого в конечном итоге стал. Несколько лет спустя он выступил против Светской власти и призвал к секуляризации церковных государств. “*Ut Papa,* ” писал он, “*tantum Vicarius Christi sit, et non etiam Coesari*”. В своем “*De falso credita et ementita Constantini Donatione*” он показал, что декреты о пожертвовании Константина, на которых основаны притязания папы на Папские государства, были наглой подделкой, что Константин никогда не имел права отдавать Рим папам и что они не имели права управлять там. Он подкрепил это ужасное обвинение резкой атакой на духовенство, его всеобщую коррупцию и практику симонии; и в результате он попал в руки инквизиции. Там все могло закончиться для него очень плохо, но король Альфонсо спас его из лап этого ужасного священнического трибунала.

Тем временем он запустил свою петарду. Если и требовался предлог, чтобы поднять оружие против папства, то этот предлог предоставил Валла. Никогда светская власть Церкви не была в такой опасности, и в конечном счете она неизбежно пала бы, если бы не приход такого сильного и беспринципного человека, как Сикст IV, который покончил с патрицианскими фракциями, возглавлявшими враждебное движение.

Общепризнано, что его избрание было симоническим; и с помощью симонии он собрал средства, необходимые для своей кампании по восстановлению и поддержке папской власти. Эта его симония, по словам доктора Якоба Буркхардта, “разрослась до неслыханных размеров и простиралась от назначения кардиналов до продажи мельчайших пособий”.

Если бы он использовал эти средства сбора средств только для того, чтобы усмирить противников понтификата, в его пользу можно было бы привести доводы в пользу оправдания (политического, если не церковного). К сожалению, обнаружив эти готовые источники дохода, он продолжал использовать их в целях, которым было гораздо труднее потворствовать.

Как непотист Сикст был почти непревзойденным в истории папства. Четверо его племянников и их возвышение были особыми объектами его внимания, и двое из них, как мы уже говорили, Пьеро и Джироламо Риарио, были повсеместно признаны его сыновьями.

Пьеро, который был простым монахом двадцати шести лет от роду в то время, когда его отец стал папой, получил архиепископство Флоренции, стал патриархом Константинополя и стал кардиналом с титулом Сан-Систо с доходом в 60 000 крон.

У нас есть это со слов кардинала Амманати (1) — того самого джентльмена, который вместе с Родриго де Лансоль—и-Борха так скандально веселился в саду де Бичи в Сиене, - что роскошь кардинала Риарио “превосходила все, что демонстрировали наши предки или что даже могут вообразить наши потомки”; и Макиавелли говорит нам (2), что “несмотря на очень низкое происхождение и низкое воспитание, как только он получил алую шапку, он проявил гордость и амбиции настолько огромные, что понтификат казался слишком большим”. маленький для него, и он устроил в Риме пир, который показался бы экстраординарным даже для короля, расходы на который превысили 20 000 флоринов".

1 В письме Франческо Гонзаге.

2 История Флоренции.

Зная так много, нетрудно понять, что за год или меньше он должен был растратить 200 000 флоринов и оказаться в долгу еще на 60 000.

В 1473 году, когда Сикст был в то время практически в состоянии войны с Флоренцией, этот кардинал Риарио посетил Венецию и Милан. В последнем государстве он планировал с герцогом Галеаццо Марией, что последний станет королем Ломбардии, а затем поможет ему деньгами и войсками овладеть Римом и взойти на папский престол — который, похоже, Сикст был вполне готов ему уступить — таким образом, поставив папство на наследственную основу, как и любое другое светское государство.

Возможно, это и к лучшему, что он умер по возвращении в Рим в январе 1474 года — измученный своими излишествами и развратом, говорят одни; от яда, введенного венецианцами, говорят другие, — оставив массу долгов, накопившихся в результате его сделок с Миром, плотью и Дьяволом, которые должен был оплатить Наместник Христа.

Тем временем его брат Джироламо женился на Катерине Сфорца, внебрачной дочери герцога Галеаццо Марии. Она принесла ему в качестве своего приданого город Имола, и в дополнение к этому он получил от его Святейшества город Форли, в результате чего Орделаффи были лишены его. Здесь снова мы имеем дело с попыткой пап основать семейную династию, и попытка, которая могла бы быть продолжена при более благоприятных обстоятельствах, если бы Смерть не пришла и не остановила их планы.

Единственным из четырех "племянников" Сикста — и ему не приписывалось более близкого родства, — кому было суждено оставить какой-либо неизгладимый след в истории, был Джулиано делла Ровере. Его дядя посвятил его в пурпур с титулом Сан-Пьетро-ин-Винколи, и тридцать два года спустя он должен был стать папой римским (как Юлий II). О нем мы еще много услышим в ходе этого рассказа.

При понтификате Сикста IV положение и влияние кардинала Родриго значительно возросли, поскольку испанский кардинал вновь максимально использовал свои возможности. Как и при избрании Пия II, так и при избрании Сикста IV именно кардинал Родриго возглавил акт о присоединении, который вручил новому папе его тиару, и за этот акт Родриго — вместе с кардиналами Орсини и Гонзагой, присоединившимися вместе с ним, — был богато вознагражден и продвинут по службе, получив в качестве своего непосредственного опекуна богатое аббатство Субьяко.

Примерно в это же время, в 1470 году, должно быть, начались отношения между кардиналом Родриго и Джованной Катанеи, или Ванощей Катанеи, как ее называют в современных документах — Ваноща является искажением или сокращением от Джованноцца, ласковой формы Джованны.

Кем она была и откуда взялась, — это факты, которые так и не были установлены. Обычно предполагается, что она была римлянкой; но для такого предположения нет очевидных оснований, поскольку ее имя, например, распространено во многих частях Италии. И точно так же, как у нас нет источников информации о ее происхождении, у нас также нет никаких элементов, по которым можно было бы нарисовать ее портрет. Грегоровиус основывает вероятность того, что она была красива, на известных характеристиках и утонченных вкусах кардинала. Поскольку немыслимо, чтобы такой мужчина был очарован некрасивой женщиной или находился в плену у глупой, вполне разумно заключить, что она была красива и сообразительна.

Все, что мы знаем о ней до момента ее связи с кардиналом Родриго, это то, что она родилась 13 июля 1442 года, и этот факт можно установить простым вычислением на основе элементов, представленных надписью на ее могиле в Санта-Мария-дель-Пополо:

Vix ann. LXXVI m. IV d. XII Obijt anno MDXVIII XXVI, Nov.

И опять же, точно так же, как мы ничего не знаем о происхождении ее семьи, у нас нет и свидетельств того, при каких обстоятельствах она привлекла магнетическое внимание кардинала Родриго де Лансоль—и-Борджа — или Борджиа, как к настоящему времени более широко пишется его имя, подвергшееся итальянизации.

Инфессура утверждает в своих дневниках, что Родриго, желая позже — как папа Александр VI — сделать кардиналом своего сына от нее, Чезаре Борджиа, он привел ложное свидетельство о том, что Чезаре был законным сыном некоего Доменико д'Ариньяно, на котором он, папа, фактически женился. Гвиччардини (1) делает то же самое заявление, не упоминая, однако, названия этого д'Ариньяно.

1 Istoria d'Italia.

Итак, по каноническому праву бастарды были исключены из пурпурного ордена, и, вероятно, именно на этом обстоятельстве и Инфессура, и Гвиччардини построили предположение, что были приняты какие-то подобные средства, чтобы обойти закон, и - как это часто бывает в хрониках, касающихся Борджиа, — предположение сразу же утверждается как факт. Но были и другие способы обойти неудобные заповеди, и, к несчастью для точности этих утверждений Инфессуры и Гвиччардини, в данном случае был избран другой способ. Еще в 1480 году папа Сикст IV даровал Чезаре Борджиа — в Булле от 1 (1) октября — разрешение на подтверждение законности его рождения. Это полностью устранило необходимость в каких-либо последующих мерах, подобных тем, которые предлагаются этими хронистами.

1 См. Дополнение к приложению к изданию "Дневника Берчарда" Туасне.

Более того, если бы кардинал Родриго пожелал передать отцовство Чезаре другому, в его руках был бы настоящий муж Ваноццы, Джорджо делла Кроче.⁽²⁾ Когда именно этот мужчина стал ее мужем, установить не представляется возможным. Все, что мы знаем, это то, что он был таким в 1480 году и что в тот год она жила с ним в доме на Пьяцца Пиццо ди Мерло (ныне Пьяцца Сфорца Чезарини), недалеко от дома на Банчи Векки, который кардинал Родриго, будучи вице-канцлером, превратил для себя во дворец, причем дворец настолько роскошный, что вызывает восхищение того великолепного века.

"2 Д'Ариньяно" - такой же вымысел, как и остальная часть истории Инфессуры.

Этот Джорджо делла Кроче был миланцем, находившимся под покровительством кардинала Родриго, который добился для него должности апостольского секретаря в Ватикане. По некоторым данным, он женил его на Ваноцце, чтобы предоставить ей официального мужа и таким образом скрыть свои собственные отношения с ней. Это предположение, которое вы не решитесь принять. Если мы вообще знаем нашего кардинала Родриго, то он никогда не был ни человеком, который искал бы своих удовольствий в уединении, ни человеком, который думал бы о плаще для своих развлечений. Если бы он только сделал это, разжигателям скандалов было бы меньше за что зацепиться в своей работе по разрушению его репутации. Гораздо более вероятно, что защитой кардинала Родриго и назначением апостольским секретарем делла Кроче был обязан своему собственному самодовольству в вопросе отношений своей жены с великолепным прелатом. Как бы мы на это ни смотрели, фигура, изображенная в этом рассказе делла Кроче, не является героической.

Между 1474 и 1476 годами Ваноцца родила Родриго двух сыновей: Чезаре Борджиа (впоследствии кардинала Валенсии и герцога Валентинуа), центральную фигуру нашей истории, и Джованни Борджиа (впоследствии герцога Гандии).

Лукреция Борджиа, как мы знаем из имеющихся у нас документальных свидетельств, родилась 19 апреля 1479 года.

Но точный возраст двух старших сыновей Ваноццы остается загадкой, и мы опасаемся, что в настоящее время стало невозможно установить вне всяких разумных сомнений, кто из них был первенцем; и это несмотря на документы, обнаруженные Грегоровиусом и его утверждение, что они устраняют все сомнения и позволяют ему определенно утверждать, что Джованни родился в 1474 году, а Чезаре - в 1476.

Давайте взглянем на эти документы. Это письма послов своим хозяевам; вероятно, правильные и тем более заслуживающие доверия, что они совпадают и подтверждают друг друга; тем не менее, не настолько абсолютные, чтобы их было достаточно для устранения сомнений, порожденных не менее надежными документами, свидетельства которых им противоречат.

Первые письма, цитируемые Грегоровиусом, принадлежат послу Джанандреа Боккаччо своему хозяину, герцогу Феррарскому, в 1493 году. В них он упоминает, что Чезаре Борджиа в то время было шестнадцать-семнадцать лет. Но сама манера написания — “шестнадцать-семнадцать лет” - это обычный способ неопределенно намекнуть на возраст, а не однозначно заявить о нем. Так что мы можем оставить это доказательство без внимания, как имеющее второстепенное значение.

Далее следует письмо Херардо Сарачени герцогу Феррарскому, датированное 26 октября 1501 года, и оно более ценно, поскольку в нем утверждается, что оно отражает то, что его Святейшество рассказал автору. Именно в постскриптуме этот посол говорит: “Папа дал мне понять, что упомянутой герцогине [Лукреции Борджиа] исполнится двадцать два года в апреле следующего года, и в то же время герцогу Романьи исполнится двадцать шестой год”.(1)

1 “Facendomi intendere the epsa Duchessa é di età di anni ventidui, li quali finiranno a questo Aprile; in el qual tempo anche lo Illmo. Duca di Romagna fornirà anni ventisei.”

Это определенно фиксирует год рождения Чезаре как 1476-й; но мы должны помнить, что Сарацини говорит о чем-то, что недавно сказал ему папа; насколько именно недавно, не выясняется. В том, что касается возраста Чезаре, легко возможна ошибка. В том, что касается возраста Лукреции, ошибка не только возможна, но и действительно была совершена Сарацинами. По крайней мере, возраст, указанный в его письме, ошибочен на один год, как мы знаем из юридического документа, составленного в феврале 1491 года, — брачного контракта Лукреции с доном Хуаном Керубином де Сентельесом.(2)

2 Контракт, который так и не был выполнен.

Согласно этому протоколу на староиспанском, датированному 26 февраля 1491 года, Лукреции исполнилось двенадцать лет 19 апреля 1491 года,(3) что определенно и достоверно указывает нам дату ее рождения - 19 апреля 1479 года.

3 “Предмет, требующий внимания от диты доньи Лукреции, реквизит XVIII Абриля. vinent entrarà in edat de dotze anys.”

Совершенно необычной ошибкой является ошибка, допущенная Грегоровиусом, когда он говорит, что Лукреция Борджиа родилась 18 апреля 1480 года, необычная, учитывая, что он сделал это, очевидно, имея перед глазами именно этот протокол, и фактически ссылается на него (Документ IV в приложении к его "Лукреции Борджиа") как на свой авторитет.

Возвращаясь, однако, к Чезаре и Джованни, Грегоровиус приводит еще одно свидетельство в поддержку своего утверждения о том, что последний был старшим и родился в 1474 году; но оно того же характера и имеет не большую и не меньшую ценность, чем уже упомянутые.

Заслуживают более пристального внимания ввиду их более официального и юридического характера документы Оссуны, приведенные в Дополнении к изданию Дневника Берчарда Туасне, а именно:

(а) 1 октября 1480 г. — Уже упомянутая Булла Сикста IV, освобождающая Чезаре от доказательства своей легитимности. В нем он упоминается как находящийся на шестом курсе — “in sexto tuo aetatis anno”.

Это, предполагая, что письмо Боккаччо верно в отношении того, что апрель был месяцем рождения Чезаре, устанавливает год его рождения как 1475.

(b) 16 августа 1482 г. — Булла Сикста IV, назначающая Родриго Борджиа администратором бенефиций Чезаре. В нем упоминается, что ему было семь лет (то есть, предположительно, ему шел восьмой год), что снова дает нам год его рождения - 1475.

(с) 12 сентября 1484 г. — Булла Сикста IV, назначающая Чезаре казначеем Карфагенской церкви. В нем он упоминается как находящийся на девятом году жизни — “in nono tuo aetatis anno”. Это расходится с двумя другими и дает нам 1476 год как год его рождения.

К этим свидетельствам, какими бы противоречивыми они ни были, можно добавить упоминание Берчарда в его дневнике под датой 12 сентября 1491 года о том, что Чезаре было тогда семнадцать лет. Это означало бы, что он родился в 1474 году.

Очевидно, что этот вопрос не может быть окончательно решен на основе тех доказательств, которые у нас есть. Все, что мы можем с уверенностью утверждать, это то, что он родился между 1474 и 1476 годами, и мы не можем, как нам кажется, сделать ничего лучшего для целей этой истории, чем предположить, что годом его рождения был 1475 год.

Мы знаем, что между этими же годами или в тот или иной из них родился Джованни Борджиа; но точно так же, как та же путаница царит в отношении его точного возраста, невозможно с какой-либо определенностью определить, был ли он младшим или старшим Чезаре.

Единственный документ, который кажется нам наиболее важным в этой связи, - это надпись на могиле их матери. Она гласит:

FAUSTIAE CATHANAE, CESARE VALENTINAE, JOHANNAE CANDIAE, JUFFREDO SCYLATII, ET LUCRETIA FERRARIAE DUCIB. FILIIS NOBILI PROBITATE INSIGNI, RELIGIONE EXIMIA, ETC., ETC.

Если Джованни был, как утверждается, старшим из ее детей, почему его имя стоит на втором месте? Если Чезаре был ее вторым сыном, почему его имя занимает первое место в этой надписи?

Утверждалось, что если бы Чезаре был старшим из этих двоих, он, а не Джованни, унаследовал бы герцогство Гандия после смерти Педро Луиса — старшего сына кардинала Родриго от неизвестной матери. Но это не вытекает неизбежно, поскольку следует помнить, что Чезаре уже был предназначен для церковной карьеры, и вполне возможно, что его отец неохотно менял свои планы.

Тем временем бурное правление Сикста IV продолжалось, пока его стремление увеличить свои владения не привело к тому, что вся Италия оказалась втянутой в войну.

Лоренцо де Медичи сорвал планы папы в Романье, придя на помощь Читта-ди-Кастелло, когда тот подвергся нападению в интересах папы со стороны воинственного Джулиано делла Ровере. Чтобы отомстить за это и устранить серьезное препятствие на пути продвижения своей семьи, папа вдохновил заговор Пацци против жизни знаменитых мастеров Флоренции. Заговор провалился, ибо, хотя Джулиано де Медичи был убит ударом ножа в сердце — перед алтарем Христа и в самый момент вознесения Воинства, — Лоренцо отделался легким ранением и, благодаря самому риску, которому подвергался, сплотил вокруг себя флорентийцев более тесно, чем когда-либо.

Открытая война была единственной стрелой, оставшейся в папском колчане, и он объявил открытую войну, предваряя ее Буллой об отлучении флорентийцев от церкви. Неаполь встал на сторону папы римского. Венеция и Милан пришли на поддержку Флоренции, после чего внимание Милана было переключено на ее собственные дела, а Генуя была коварно поднята против нее.

В 1480 году был заключен мир, но он продлился недолго. Несколько месяцев спустя со стороны Святого Престола снова вспыхнула война, на этот раз против Флоренции, и под предлогом того, что она присоединилась к венецианцам против папы в последней войне. Теперь возникло осложнение, созданное венецианцами, которые воспользовались возможностью реализовать свои собственные амбиции и увеличить свои территории на материке, и под предлогом ничтожества сами объявили войну Ферраре. Генуя и некоторые мелкие тирании были втянуты в ссору с одной стороны, в то время как с другой Флоренция, Неаполь, Мантуя, Милан и Болонья стояли на стороне Феррары. В то время как папские войска сдерживали неаполитанцев, которые пытались пройти на север, чтобы помочь Ферраре, в то время как римская Кампанья подвергалась нападкам Колонны, а Милан сражался с Генуей, венецианцы окружили Феррару, вынудили ее к голодной смерти и сдаче. Вслед за этим папа, осознав направление событий и то, что единственная вероятная выгода, которую можно извлечь из кампании, будет лежать на Венеции, внезапно перешел на другую сторону, чтобы избежать непредвиденных обстоятельств, столь далеких от всех его целей.

Он заключил мирный договор с Неаполем и разрешил неаполитанской армии проход через свои территории, которыми они воспользовались для доставки припасов в Феррару и снятия осады. В то же время папа отлучил венецианцев от церкви и призвал всю Италию начать с ними войну.

Таким образом, кампания тянулась невыгодно для всех и без какого-либо решающего сражения, пока, наконец, в августе 1484 года не был заключен мир в Баньоло, и противоборствующие армии не отступили из Феррары.

Известие об этом буквально убило Сикста. Когда послы объявили ему условия договора, он пришел в неистовую ярость и объявил мир одновременно позорным и унижительным. Подагра, от которой он страдал, подхватила его сердце, и на следующий день — 12 августа 1484 года — он умер.

Две вещи, которые он сделал за время своего правления для материальной выгоды Церкви, несмотря на то, что он, возможно, пренебрегал духовным. Он укрепил ее власть над мирскими владениями и обогатил Ватикан, построив Сикстинскую капеллу. Для оформления этого здания он привлек лучших тосканских художников своего времени — и многих других времен — и

привез из Флоренции Алессандро Филиппи (Боттичелли), Пьетро Вануччо (Перуджино) и Доменико Бигорди (Гирландаджо), чтобы они украсили его стены своими фресками.(1)

1 Однако славой Сикстинской капеллы является “Страшный суд” Микеланджело, который был добавлен позже, в правление папы Юлия II (Джулиано делла Ровере).

В последние годы правления папы Сикста семья кардинала Родриго понесла потери и увеличилась.

В 1481 году Ваноцца родила ему еще одного сына — Джуффредо Борджиа, а в следующем году умер его старший сын (от неизвестной матери). Педро Луис де Борджиа, которому исполнилось двадцать два года и который на момент своей кончины был помолвлен с принцессой Марией д'Арагона.

В январе того же 1482 года кардинал Родриго выдал замуж свою пятнадцатилетнюю дочь Джироламу за Джованни Андреа Чезарини, отпрыска римского патрицианского дома. Этот союз укрепил узы добрых чувств, которые в течение некоторого времени царили между двумя семьями. К сожалению, молодой паре не суждено было прожить много лет вместе, так как в 1483 году оба умерли.

О Чезаре все, что мы знаем на данный момент, - это то, что мы узнаем из папских булл, дарующих ему несколько привилегий. В июле 1482 года ему были пожалованы доходы от пребендалий и канонириев Валенсии; в следующем месяце он был назначен каноником Валенсии и апостольским нотариусом. В апреле 1484 года он был назначен настоятелем Альбы, а в сентябре того же года казначеем Карфагенской церкви. Без сомнения, он жил со своей матерью, братьями и сестрой в доме на Пьяцца Пиццо ди Мерло, где содержалось обширное, если не сказать великолепное заведение.

К этому времени богатство и власть кардинала Родриго выросли до огромных размеров, и он жил в великолепии, вполне достойном его высокого сана. Сейчас ему было пятьдесят три года, и он все еще сохранял вид и энергичность мужчины в самом расцвете сил, чему, без сомнения, он был во многом обязан своим воздержанным и на редкость скупым застольным привычкам. Он получал огромный доход от своих многочисленных аббатств в Италии и Испании, трех епископств Валенсии, Порту и Карфагена и своих церковных должностей, среди которых только должность вице-канцлера приносила ему ежегодно восемь тысяч флоринов.(1)

1 Золотой флорин, дукат или крона равнялись десяти шиллингам наших нынешних денег и имели покупательную способность в пять раз большую.

Вольтерра с удивлением вспоминает об изобилии своей посуды, жемчугов, золотого шитья и своих книг, великолепном убранстве своих кроватей, пополах своих лошадей и другой подобной мебели из золота, серебра и шелка. Короче говоря, он был самым богатым князем Церкви своего времени и жил с великолепием, достойным короля или самого папы римского.

О настоящем человеке Вольтерра, писавший в 1586 году, говорит: “Он наделен духом, способным на все, и большим умом. Способный оратор и выдающийся человек, несмотря на

свою невысокую литературную культуру; от природы проницательный и обладающий удивительным талантом в ведении дел ”.

В тот год, когда Вольтерра писал о кардинале Родриго в таких выражениях, Ваноцца осталась вдовой из-за смерти Джорджо делла Кроче. Однако ее вдовство было недолгим, поскольку в том же году — 6 июня — она вышла замуж во второй раз, возможно, по настоянию Родриго Борджиа, который не хотел оставлять ее без защиты; таков, по крайней мере, общий вывод, хотя доказательств, на которых он основан, очень мало. Этим вторым мужем был Карло Каналэ, ученый-мантовезе, служивший кардиналу Франческо Гонзаге в качестве камергера и приехавший в Рим после смерти своего покровителя.

Брачный контракт показывает, что к этому времени Ваноцца перенесла свою резиденцию на Пьяцца Бранчис. В дополнение к этому она к этому времени приобрела виллу с прекрасными садами и виноградниками в Субурре, недалеко от Сан-Пьетро-ин-Винколи. Известно также, что она была владелицей гостиницы "Альберго дель Леоне" на Виа дель Орсо, напротив Торре ди Нона, поскольку она фигурирует с делла Кроче в договоре об аренде этой гостиницы в 1483 году.

С ее вступлением во второе бракосочетание ее отношения с кардиналом Родриго подошли к концу, и двое его детей от нее, находившихся тогда в Риме, — Лукреция и Джуффредо - переехали жить к Адриане Орсини (урожденной де Мила) во дворце Орсини на Монте-Джордано. Она была двоюродной сестрой Родриго и вдовой Лодовико Орсини, от которого у нее был сын Орсо Орсини, который с ранней юности был обручен с Джулией Фарнезе, дочерью патрицианской семьи, до сих пор сравнительно малоизвестной, но именно этой девушке суждено было достичь заметного положения.

За свою непревзойденную красоту Джулия Фарнезе получила прозвище Ла Белла — и как Джулия Ла Белла была известна в свое время - и ее увековечили Пинтуриккьо и Гульельмо делла Порта. Первому она позировала в качестве модели для его Мадонны в башне Борджиа в Ватикане, а второму - для статуи Истины, украшающей могилу ее брата Алессандро Фарнезе, ставшего папой Павлом III.

Здесь, в доме Адриана Орсини, где получала образование его дочь Лукреция, кардинал Родриго, достигший сейчас зрелого возраста около пятидесяти шести лет, познакомился и влюбился в эту прекрасную золотоволосую Джулию, которая была моложе его примерно на сорок лет. Тот факт, что она вскоре стала его любовницей — примерно в то же время, когда стала женой Орсо Орсини, — объясняется внезапным возвышением Дома Фарнезе. Это началось с того, что ее красивый, распутный брат Алессандро был возведен ее любовником на престол, и приобрело огромные масштабы во время его последующего и в высшей степени скандального занятия папского престола Павлом III.

В 1490 году Лукреция была единственной из детей Родриго от Ваноццы, которая осталась в Риме.

Джованни Борджиа находился в Испании, куда он отправился после смерти своего брата Педро Луиса, чтобы вступить во владение герцогством Гандия, которое благодаря богатству его отца и огромному влиянию при валенсийском дворе досталось тому же Педро Луису. Теперь Джованни это удалось.

Чезаре Борджиа, которому сейчас исполнилось пятнадцать, около двух лет изучал гуманитарные науки в атмосфере латиноамериканства в школе Сапиенца в Перудже. Там, если верить похвалам в его адрес, произносимым Помпилио, он уже проявлял свои необычные таланты и не по годам развитый ум. Впредисловии к Силлабике по искусству просодии, посвященной ему Помпилио, последний приветствует его как надежду и украшение дома Борджиа — “Borgiae familiae spes et decus”.

В 1491 году из Перуджи он был переведен в знаменитый Пизанский университет, колледж, который посещали лучшие представители Италии. Наставником у него был Джованни Вера из Арчиллы, испанский дворянин, позже возведенный отцом Чезаре в сан кардинала. Там, в Пизе, Чезаре поддерживал великолепное заведение, соответствующее рангу его отца и примеру, который подавал ему тот же самый отец.

Кардинал Родриго желал, чтобы Чезаре сделал церковную карьеру; и изучение канонического права, которым он занимался под руководством Филиппо Дециса, самого авторитетного лектора по каноническому праву своего времени, было таким, что особенно подходило ему для достижения этой цели и для самых высоких почестей, которыми Церковь могла бы наградить его позже. В возрасте семнадцати лет, еще находясь в Пизе, он был назначен протонотарием Церкви и рукоположен в сан епископа Пампелуны.

Сикст IV умер, как мы видели, в августе 1482 года. Смерть папы почти всегда была сигналом к беспорядкам в Риме, и в этом случае они, конечно, были не лишними. Дворцы Риарио были взяты штурмом и разграблены, а Джироламо Риарио - “непот” папы Римского - бросился со своими войсками в замок Сант-Анджело.

Орсини и Колонна были вооружены “, так что через несколько дней поджоги, грабежи и убийства бушевали в нескольких частях города. Кардиналы умоляли графа сдать замок Священной коллегии, вывести свои войска и избавить Рим от страха перед его войсками; и он, чтобы завоевать расположение будущего папы, подчинился и удалился в Имолу”.(1)

1 Macchiavelli, *Istorie Fiorentine*.

Кардиналы, сумев таким образом восстановить некоторое подобие порядка, приступили к назначению нового понтифика, и был избран генуэзец Джованни Баттиста Чибо, кардинал Мальфетты, принявший имя Иннокентий VIII.

Опять же, как и в случае с Сикстом, нет недостатка в тех, кто обвиняет этого понтифика в том, что он добился своего избрания путем симонии. Говорят, что кардиналы Джованни д'Арагона (брат короля Неаполя) и Асканио Сфорца (брат Лодовико, герцога Милана) распорядились своими голосами самым открытым и бесстыдным образом, практически выставив их на продажу тому, кто больше заплатит. Как нам сказали, Италия разразилась из-за этого скандалом.

Под летаргическим правлением Иннокентия Церковь снова начала терять большую часть той энергии, с которой ее вдохновлял Сикст. Если правление Сикста было скандальным, то бесконечно худшим было правление Иннокентия — грязного, алчного сластолюбца, лишенного даже того единственного искупающего достоинства силы, которое было у его предшественника. Кумовство было характерно для многих предыдущих понтификатов; открытое отцовство должно было характеризовать его, поскольку он был первым папой, который, грубо

нарушая каноническое право, признал своих детей своими. Он продолжал обеспечивать примерно семерых бастардов, и это обеспечение, по-видимому, было единственной целью и размахом его понтификата.

Не довольствуясь сбором денег за счет продажи преференций, Иннокентий наладил торговлю индульгенциями, подобной которой раньше никто не видел. В Риме того времени вы могли, будь у вас деньги, купить что угодно, от кардинальской шапки до помилования за убийство вашего отца.

Самым заметным из его незаконнорожденных детей был Франческо Чибо — заметный главным образом своей алчностью, которая отличала его так же, как отличала папу Римского, его отца. В остальном он был слабохарактерным парнем, который жестоко разочаровал Лоренцо де Медичи, дочь которого Маддалену он получил в жены. Лоренцо верил, что, опираясь на влияние папы, Франческо основал бы для себя династию в Романье. Но отец и сын были слишком похожи друг на друга — один вдохновлял, другой приводил в исполнение любые замыслы, которые уже пытались осуществить неопоты Каликста III и Сикста IV.

При слабом и скандальном правлении Иннокентия VIII Рим, похоже, погрузился в полнейшее беззаконие. Анархия, грабеж и убийства царили в городе. Ни одно утро не проходило без того, чтобы на улицах не обнаруживались трупы; и если случайно убийцу ловили, его ждало помилование, если он мог позволить себе купить его, или Тор ди Нона и петля палача, если он не мог.

Неудивительно, что, когда, наконец, умер Иннокентий VIII, Инфессура благословила день, освободивший мир от такого монстра.

Но его смерть наступила только в 1492 году. Немощный старик, он стал подвержен летаргическому или каталептическому трансу, который уже несколько раз заставлял присутствующих поверить в его смерть. Он становился все слабее и слабее, и стало невозможно питать его ничем, кроме женского молока. Ближе к концу, как рассказывает Инфессура, пришел врач-еврей, который утверждал, что у него есть рецепт, с помощью которого он мог бы спасти папе жизнь. Для вливания (1) ему нужна была кровь молодого человека, и чтобы получить ее, он взял трех мальчиков десятилетнего возраста и дал им по дукату за штуку столько, сколько он мог от них потребовать. К несчастью, он принял так много, что трое мальчиков немедленно скончались от его кровопускания, и еврей был вынужден обратиться в бегство, чтобы спасти свою собственную жизнь, поскольку папа, узнав о том, что произошло, возмущенный содеянным и приказал арестовать врача. “*Judeus quidem aufugit, et Papa sanatus not est,*” concludes Infessura.

1 Глупая интерпретация этого, предложенная более поздними авторами, что этот врач пытался перелить кровь — глупая, потому что немыслимая в эпоху, которая ничего не знала о циркуляции крови, — уже была опровергнута.

Иннокентий VIII испустил дух 25 июля 1492 года.

ГЛАВА III. АЛЕКСАНДР VI

Церемонии, связанные с погребением папы Иннокентия VIII, длились, как и предписывалось, девять дней; они завершились 5 августа 1492 года и, как наивно заявляет Инфессура, “до скончания веков”.

Священная коллегия состояла в то время из двадцати семи кардиналов, четверо из которых отсутствовали в отдаленных епархиях и не смогли прибыть в Рим вовремя для закрытия Конклава. The twenty-three present were, in the order of their seniority: Roderigo Borgia, Oliviero Caraffa, Giuliano della Rovere, Battista Zeno, Giovanni Michieli, Giorgio Costa, Girolamo della Rovere, Paolo Fregosi, Domenico della Rovere, Giovanni dei Conti, Giovanni Giacomo Sclafetani, Lorenzo Cibo, Ardicino della Porta, Antoniotto Pallavicino, Maffeo Gerardo, Francesco Piccolomini, Raffaele Riario, Giovanni Battista Savelli, Giovanni Colonna, Giovanni Orsini, Ascanio Maria Sforza, Giovanni de' Medici, and Francesco Sanseverino.

6 августа они собрались в соборе Святого Петра, чтобы отслужить Священную мессу Святого Духа, которую Джулиано делла Ровере произнес на могиле Князя Апостолов, и послушать речь “Pro eligendo Pontefice”, произнесенную ученым и красноречивым епископом Карфагена. После этого кардиналы поклялись на Евангелиях верно соблюдать возложенное на них доверие, и после этого Конклав был закрыт.

Согласно депешам Валори, посла Феррарезе в Риме, ожидалось, что на понтификат будут избраны либо кардинал Неаполя (Оливьеро Караффа), либо кардинал Лиссабона (Джорджо Коста); а согласно депеше Кавальери, посла Модены, король Франции внес 200 000 дукатов римскому банкиру, чтобы продвинуть избрание Джулиано делла Ровере. Тем не менее, рано утром 11 августа было объявлено, что Родриго Борджиа избран папой, и со слов Валори мы знаем, что избрание было единогласным, поскольку на следующий день он написал Совету восьми (Флорентийской синьории), что после долгих споров Александр VI был создан “по всеобщему согласию — ни одного человека в одиночку”.

Тема этого выбора - та, к которой мы редко находим автора, имеющего дело сдержанно или с надлежащей и вменяемой сдержанностью. Брань в превосходной степени кажется обычным делом для большинства тех, кто взял в руки этот и другие эпизоды в истории Борджиа. Кажется, что каждый начинающий писатель, берущийся за эту задачу, в основном вдохновлен желанием подражать своим предшественникам, позволяя своему перу энергично буйствовать над накоплением скандальных материалов и стремясь, по возможности, увеличить их зловещь на один-два градуса. Как правило, не предпринимается даже попытки представить доказательства в обоснование чего-либо из того, что утверждается. Дикое и огульное заявление занимает место, которое должно быть занято спокойным умозаключением и аргументированным комментарием.

“Он был худшим понтификом, когда-либо занимавшим кафедру Святого Петра”, - одно из таких огульных заявлений, взятое со страниц талантливого современного итальянского автора, чьи труды, здравые во всем, что касается других вопросов, изобилуют самыми глупыми экстравагантностями и вопиющими неточностями в отношении Александра VI и его семьи.

Сказать о нем, как говорит этот автор, что “он был худшим понтификом, когда-либо занимавшим кафедру Святого Петра”, может быть оправдано только полным незнанием папской истории. Вам достаточно спокойно и честно сравнить его — ваш разум свободен от предвзятых мнений — с жалким и совершенно презренным Иннокентием VIII, которому он наследовал, или с предшественником последнего, ужасным Сикстом IV.

Нельзя притворяться, что он был лучше этих людей в моральном или церковном плане; то, что он был хуже — оценивая достижения по возможностям, — следует решительно отрицать. В остальном, ни один беспристрастный критик не может отрицать, что он был бесконечно более одаренным и бесконечно более деловым человеком.

Если мы вырвем его из исторического фона, на котором он находится, и будем судить о нем отдельно, мы увидим человека, который как церковник и наместник Христа вызывает у нас ужас и отвращение, как скандальное исключение из того, что, как мы вправе предположить, исходя из его должности, должно было быть правилом. Поэтому, чтобы о нем можно было судить по стандартам его времени, если о нем вообще можно судить, если мы даже попытаемся понять его, мы дали краткий обзор карьеры тех пап, которые непосредственно предшествовали ему, с которыми он был тесно связан в качестве вице-канцлера и чьи примеры были единственными папскими образцами, которыми он располагал.

На то, что это должно оправдать его курс, мы не претендуем. Хороший церковник на его месте вспомнил бы о его долге перед Хозяином, викарием которого он был, и нацелился бы на крайне необходимую реформу. Но мы не заинтересованы в том, чтобы изучать его как хорошего церковника. Ни в коем случае не очевидно, что мы вообще заинтересованы в изучении его как церковника. Папство к этому времени стало гораздо менее церковной, чем политической силой; оружие Церкви было налицо, но оно использовалось для достижения не церковных, а мирских целей. Если понтифики на страницах этой истории вспоминали или призывали к своей духовной власти, то лишь для того, чтобы использовать ее как инструмент для продвижения своих светских планов. И личные соображения в значительной степени повлияли на это.

Самовозвеличивание, невыносимое для священнослужителя, является честолубием, не совсем непростительным для светского правителя; и если Александр стремился к самовозвеличиванию и основанию постоянной династии для своей семьи, у него не было недостатка в примерах в карьере тех из его предшественников, с которыми он был связан.

То, что папство было Наместничеством Христа, было фактом, который долгое время был затемнен представлением о том, что Папство было царством этого мира. Таким образом, стремясь к мирскому возвышению всеми доступными ему средствами, Александр заслуживает порицания не больше, чем любой другой. Что же тогда остается? Тот факт, что он преуспел лучше, чем любой из его предшественников. Но должны ли мы из-за этого избирать его особым объектом нашей брани? Папство скатилось в трясину материализма, в которой ему предстояло погрязнуть даже после того, как Реформация сделала ему паузу и предостерегла. По какой причине Александр VI, больше, чем любой другой папа, был обязан вытащить ее из этой

трясины? Как он это нашел, так и продолжал делать, такой же эгоист, такой же мирской князь, такой же семьянин и так же мало церковник, как любой из тех, кто ушел непосредственно до него.

Из-за вопиющего несоответствия между провозглашаемыми папством и действительными целями оно быстро становилось объектом проклятия, и, к несчастью Александра, придя вовремя, он остался образцом своего класса.

Сильные мира сего никогда не будут нуждаться в недоброжелателях. Подлый и ничтожный, корчащийся от сознания своих недостатков, потакает своему самолюбию, понося великих, чтобы уменьшить пропасть между собой и ними. Достичь величия - значит нажить врагов. Это значит возбудить зависть; а как зависть, ни одно семя не может взрастить такой урожай ненависти.

Нужно ли над этим работать? Разве вокруг нас нет изобилия примеров вульгарной болтовни и скандальных необоснованных сплетен, которые, рождаясь одному Небу известно, на каких задних лестницах или в какой комнате для прислуги, циркулируют в настоящее время в ущерб выдающимся людям во всех сферах жизни? И чем заметнее величие личности, тем больше стимул оклеветать ее, поскольку интерес к клевете соизмерим с возвышением личности, на которую нападают.

Таков в значительной степени случай с Александром VI. Он был слишком силен для желудков многих своих современников, и у него и его сына Чезаре был способ достичь своих целей. Поскольку этого нельзя было отрицать, оставалось громко возмущаться принятыми средствами и, благочестиво воздев руки и глаза, кричать: “Позор!” и “Ужас!” и “О подобном никогда не слышали!” в сознательной слепоте к тому, что происходило в Ватикане на протяжении поколений.

Более поздние авторы подхватывают рассказ об этом. Это прекрасная тема для составления фраз, и страсть к составлению фраз порой перевешивает уважение к правде. Таким образом, Виллари со своим “худшим понтификом, который когда-либо занимал кафедру Святого Петра”, и снова, в другом месте, повторяя то, что многие писатели говорили до него, начиная с Гвиччардини и ниже, в полной и диаметральной противоположности истинным фактам дела: “Объявление о его избрании было воспринято по всей Италии со всеобщим ужасом”. К этому он добавляет вездесущую историю о том, как король Ферранте расплакался при этой новости, “хотя никогда прежде не оплакивал смерть своих собственных детей”.

Давайте остановимся на мгновение, чтобы поразмыслить о горе неаполитанского короля. Какую картину вызывает в вашем воображении это заявление о том, что он разрыдался при избрании Александра? Мы видим — не так ли? — благочестивая, благородная душа, охваченная ужасом при виде коррупции папства; поистине возвышенная фигура, чьи слезы, несомненно, сделают ему честь на небесах; большое разбитое сердце; почтенная голова, склоненная в высоком, праведном горе, оплакивающая могилу христианских надежд. Несомненно, именно такой образ мы должны увидеть Гвиччардини и его многочисленные “глухие отголоски”.

Обратимся теперь за подтверждением этой благородной картины к истории того же Ферранте. Нас ожидает потрясение. Мы находим в этом бастарде великого и блистательного Альфонсо жестокого, жадного, алчного монстра, такого вероломного и дьявольски жестокосердного, что мы вынуждены проявить к нему милосердие, предположив, что он не совсем вменяем. Давайте

рассмотрим лишь одну из его характеристик. Ему нравилось иметь своих врагов под собственным присмотром, и он держал их так - живых в клетках и охранял, мертвых бальзамировал и обживал, как при жизни; и эта коллекция мумий была его гордостью и восхищением. Мы могли бы рассказать вам о нем больше и хуже. But—ex pede, Herculem.

Нам сказали, что этот человек проливал слезы. Больше ни слова. Нашему воображению остается нарисовать картину этого плача; нам остается заключить, что эти драгоценные слезы были символом горя самой Италии; что катастрофа, вызвавшая их, должна была быть действительно ужасной.

Но теперь, когда мы знаем, что за человек был тот, кто плакал, посмотрите, насколько отличается вывод, который мы можем сделать из его горя. Можем ли мы все еще воображать, что это — как от нас хотят — произошло из высокого христианского благочестия? Давайте проследим за этими слезами до самого их источника, и мы обнаружим, что они состоят из ярости и страха.

Ферранте предвидел, что у него возникнут проблемы с Лодовико Сфорца по поводу вопроса, который будет рассмотрен в следующей главе, и его совсем не устраивало, что в такое время такой папа, как Александр, который, как он имел все основания предполагать, будет на стороне Лодовико, будет править в Риме.

Поэтому он решил всеми доступными ему средствами воспротивиться избранию Родриго. Его гнев при известии о том, что все его усилия были напрасны, его страх перед человеком с таким характером, как у Родриго, и его несомненный страх перед последствиями для него самого из-за его разочарованного противодействия избранию этого человека, возможно, действительно пролили слезы на этого Ферранте, который даже не плакал из-за смерти своих собственных детей. Мы говорим “может” намеренно; ибо вопрос от начала до конца является вопросом предположений. Если мы оставим это для сферы фактов, мы должны спросить — были ли слезы вообще? На каком авторитете основывается заявление флорентийского историка? Что, собственно, он говорит?

“Хорошо известно, что король Неаполя, несмотря на то, что публично он скрывал причиненную ему боль, сообщил королеве, своей жене, со слезами, которые были необычны для него даже после смерти его детей, что был создан папа, который будет самым пагубным для Италии”.

Итак, когда все было сказано, Ферранте наедине пролил свои королевские слезы перед женой и наедине высказал ей свое мнение о новом понтифике. Как же тогда Гвиччардини узнал об этом? Верно, он говорит: “Это хорошо известно”, имея в виду, что у него были эти слезы по слухам. Конечно, возможно, что королева Ферранте повторила то, что произошло между ней и королем; но это, несомненно, противоречило бы желаниям ее мужа, который, следует помнить, “скрывал свое горе публично”. А Ферранте не производит впечатления мужа, желаниям которого его жена была бы достаточно смелой, чтобы противоречить.

Удивительно, что ни на каком более авторитетном основании, чем это, эти драгоценные слезы Ферранте не были запечатлены в истории.

Если этот тривиальный пример был рассмотрен так подробно, то, во-первых, потому, что он типичен для основания столь многих легенд о Борджиа, а во-вторых, потому, что, когда история была тщательно просеяна в поисках свидетельств “всеобщего смятения, с которым было

воспринято избрание Родриго Борджиа”, случай короля Ферранте - единственный случай смятения, который вообще проник сквозь сетку. Поэтому было целесообразно изучить его досконально.

Это “всеобщее смятение— — подобно слезам Ферранте - основано на словах Гвиччардини. Он говорит, что “люди были полны ужаса от этих выборов, потому что они были осуществлены такими злыми способами [*con arte sì brutte*]; и не в меньшей степени потому, что характер и состояние избранного лица были в значительной степени известны многим”.

Гвиччардини следует читать с величайшей осторожностью и сдержанностью, когда он рассказывает о Риме. Его предубеждение и вражда к папству столь же очевидны, сколь и печально известны, и в своих попытках максимально дискредитировать его он даже не щадит своих щедрых покровителей, пап-медици - Льва X и Климента VII. Если он считает невозможным сдержать свои нападки на этих понтификов, которые осыпали его милостями и почестями, чего, кроме злобности, можно ожидать от него, когда он пишет об Александре VI? Он в значительной степени виноват в вопиющем преувеличении многих обвинений, выдвинутых против Борджиа; мы знаем, что он ненавидел их, и что, когда он писал о них, он макал свое золотое тосканское перо в купорос и записывал то, во что он хотел, чтобы мир поверил, а не то, что открыли бы ему современные документы, мы можем доказать здесь и сейчас из одного его заявления, которое мы процитировали.

Кто были те люди, которые были полны смятения, ужаса или трепета в связи с избранием Родриго?

Миланцы? Нет. Ибо мы знаем, что кардинал Асканио Сфорца, брат герцога Миланского, был самым активным сторонником избрания Родриго, и что это самое избрание было встречено в Милане народными ликованиями.

Флорентийцы? Нет. Ибо Медичи были дружелюбны к Дому Борджиа, и мы знаем, что они приветствовали избрание, и что из Флоренции Манфреди — посол Ферраре — написал домой: “Говорят, он будет славным понтификом” (“*Dicesi che sarà glorioso Pontefice*”).

Были ли Венеция, Генуя, Мантуя, Сиена или Лукка встревожены этими выборами? Конечно, нет, если иметь в виду исключительно хвалебные поздравления их различных послов.

Венеция призналась, что “лучшего пастыря для Церкви было не найти”, поскольку он показал себя “главой, полным опыта, и превосходным кардиналом”.

Дженоа сказал, что “его заслуга заключалась не в том, что он был избран, а в том, что его желали”.

Мантуя заявила, что “долго ждала понтификата того, кто в течение сорока лет своей мудростью и справедливостью доказал, что способен занимать любую должность”.

Сиена выразила свою радость по поводу того, что папа достиг вершины своего величия исключительно благодаря своим заслугам — “Первенству достойного понтифика по собственным заслугам”.

Лукка высоко оценил сделанный превосходный выбор и превознес достижения, мудрость и опыт понтифика.

Таким образом, избрание папы Александра VI вызвало в Италии почти всеобщее ликование, а не смятение, но и подлинную радость. И очень правильно — всегда рассматривая понтификат как временное государство, тогда это объяснялось; поскольку влияние Родриго было огромным, его интеллект был известен и неоднократно подтверждался, а его административные таланты и способности к ведению дел были известны всем. Он был знатного происхождения, образован, имел прекрасную и благородную внешность, и его богатство было колоссальным, включая архиепископства Валенсии и Порту, епископства Майорки, Карфагена, Агрии, аббатства Субьяко, монастырь Богоматери Бельфонтен, дьяконство Святой Марии на Виа Лата и его должности вице-канцлера и декана Святой Церкви.

Нам говорят, что он добился своего избрания благодаря симонии. Весьма вероятно, что так оно и было. Но обвинение так и не было окончательно обосновано, и пока этого не произошло, было бы неплохо умерить обрушиваемую на него брань. Обвинения в этой симонии распространены; убедительных доказательств нет. Мы находим Джакомо Тротти, французского посла в Милане, в письме герцогу Феррарскому через две недели после избрания Родриго, что “папство было продано симонией и тысячей негодяев, что является вещью позорной и отвратительной”.

Действительно позорно и отвратительно, если это правда; но следует помнить, что Тротти был послом Франции, чьим кандидатом, поддержанным французским влиянием и французским золотом, как мы видели, был делла Ровере; и, даже если его заявление было правдой, “позорный и отвратительный поступок”, по крайней мере, не был чем-то новым. И все же Гвиччардини, рассматривая этот вопрос, говорит: “Он получил понтификат из-за разногласий между кардиналами Асканио Сфорца и Джулиано ди Сан-Пьетро ин Винколи; и еще больше потому, что беспрецедентным в ту эпоху способом [*con esempio nuovo in quella età*] он открыто купил голоса многих кардиналов, некоторых деньгами, некоторых обещаниями своих должностей и бенефиций, которые были очень велики”.

И снова Гвиччардини выдает свою предвзятость, пытаясь представить курс Родриго, предполагая, что на данный момент он действительно представлен, особенно одиозным из-за утверждения, что он не имел прецедента в ту эпоху.

Беспрецедентно! Как насчет обвинений в симонии против Иннокентия VIII, которые опираются на гораздо более веские основания, чем обвинения против Александра, и как насчет обвинений против Сикста IV? Далее, если избрание симониака было беспрецедентным, то как быть с яростным обвинением Лоренцо Валлы в симонии, из—за которого он так чудом избежал когтей инквизиции примерно за шестьдесят лет до этой даты?

Симония в то время была безудержной, и было бы величайшим лицемерием так возмущаться использованием ее Александром и забывать о других.

Действительно ли он был избран по симонии или нет, во многом зависит — насколько позволяют имеющиеся доказательства - от того, что мы должны рассматривать как симонию. Если оплата в буквальном смысле была произведена или обещана, то, несомненно, имела место симония. Но это, хотя и часто утверждается, все еще требует доказательств. Если присвоение бенефиций, освобожденных кардиналом при его возведении на понтификат, следует считать симонией, то еще не было папы, против которого нельзя было бы выдвинуть обвинение.

Учтите, что с его избранием на Понтификат его архиепископство, должности, более того, сам его дом, который в то время, о котором мы пишем, было принято бросать на разграбление, освобожден; и помните, что теперь они находятся в его дару как папы и что они обязательно должны быть кому-то переданы. Во времена, когда понтифики проникнуты духовным пониманием своего положения и обязанностей, они, естественно, будут делать такие посвящения тем, кого они считают наиболее подходящими, чтобы использовать их для большей чести и славы Божьей. Но мы имеем дело не с таким духовным золотым веком, как тот, когда мы имеем дело с Чинквеченто, как мы уже видели; и, следовательно, все, чего мы можем ожидать от папы, - это чтобы он даровал привилегии, которые он освободил, тем из кардиналов, кого он считает преданными себе. Учитывая его избрание во временном смысле, естественно, что он должен вести себя как любой другой светский князь; что он должен помнить о тех, кому он обязан понтификатом, и что он должен соответствующим образом вознаградить их. Александр VI, безусловно, следовал такому курсу, и наибольшую выгоду от его избрания извлек кардинал Сфорца, который — по признанию самого Родриго - несомненно, использовал все свое влияние на Священную коллегия, чтобы добиться для него понтификата. Александр дал ему освободившийся пост вице-канцлера (для которого, по общему мнению, Асканио Сфорца превосходно подходил), освободившийся дворец на Банчи-Векки, город Непи и епископство Агри.

Орсини он передал Карфагенскую церковь и посольство в Марке; Колонне — аббатство Субьяко; Савелли — посольство в Перудже (из которого он впоследствии отозвал его, не найдя подходящим для столь трудной работы); Раффаэле Риарио достались испанские пособия на сумму четыреста тысяч дукатов в год; дому Сансеверино Родриго в Милане, в то время как он согласился, чтобы племянник Сансеверино, известный как Фракасса, поступил на службу Церкви с кондотьерой из ста человек - воинское звание и ежегодное жалованье в размере тринадцати тысяч дукатов.

Гвиччардини говорит обо всем этом, что Асканио Сфорца побудил многих кардиналов “к этому отвратительному контракту, и не только просьбой и убеждением, но и личным примером; потому что, коррумпированный и с ненасытным аппетитом к богатству, он выторговал себе в награду за такую низость должности вице-канцлеров, церкви, крепости [само множественное число выдает безумие преувеличения, продиктованное его злобой] и свой дворец [Родриго] в Риме, полный мебели огромной ценности.

Какие возможные доказательства может иметь Гвиччардини — какие вообще могут быть возможные доказательства — такой “сделки”? Это основано на чистейшем предположении, сформировавшемся после того, как эти владения перешли из рук в руки — Асканио был вознагражден ими за свои ценные услуги, а также — что касается должности вице-канцлера — получил соответствующее предпочтение. Сказать, что Асканио получил их в результате “выгодной сделки” и в качестве платы за свой голос и услуги по предвыборной агитации, не только легко, но и очевидно для любого, кто стремится опорочить.

Удивительно, что мы не находим у Гвиччардини упоминания о четырех повозках серебра, вывезенных перед выборами из дворца кардинала Родриго на Банчи Векки во дворец кардинала Асканио в Трастевере. Обычно утверждается, что это было частью стоимости услуг Асканио. Было ли это так, или, как также утверждалось, его просто убрали, чтобы спасти от

разграбления толпой дворца кардинала, избранного на понтификат, факт интересен тем, что в любом случае кардинал Родриго был уверен в своем избрании.

Господин Ириарте, не колеблясь, заявляет: “Сегодня мы знаем из депеш Валори, рассказа Джироламо Порцио и Дневника церемониймейстера Бурхарда о каждом из условий, достигнутых с выборщиками, чьи голоса были куплены”.

Теперь, хотя мы знаем от Валори и Порцио, какими благодеяниями на самом деле наградил Александр, мы не знаем, и они, возможно, не могли сказать нам, какие были выдвинуты условия, которым эти благодеяния должны были соответствовать.

Дневник Берчарда мог бы быть более авторитетным по этому вопросу, поскольку Берчард был церемониймейстером в Ватикане; но, к несчастью для точности заявления М. Ириарте, Берчард умалчивает об этом предмете по той простой причине, что дневника за рассматриваемый период нет. Повествование Берчарда прерывается на смерти Иннокентия VIII 12 июля и не возобновляется до 2 декабря, когда оно не ретроспективно.

Существует, это правда, Дневник Инфессуры. Но это не более авторитетно в подобном вопросе, чем рассказ Порцио или письма Валори.

Лорд Эктон — в своем эссе на эту тему — не удовлетворился тем, что основал обвинение в симонии на таких основаниях, которые удовлетворили г-на Ириарта. Он понял, что единственным свидетельством, имеющим какую-либо реальную ценность в подобном деле, были бы фактические показания таких кардиналов, которые могли бы быть готовы засвидетельствовать попытку подкупа. И он считает само собой разумеющимся — а кто бы не поверил в это время суток и ввиду такого количества позитивных заявлений? — что такие доказательства были должным образом собраны; таким образом, он уверенно заявляет нам, что обвинение основывается на показаниях тех кардиналов, которые отказались от взяток Родриго.

Что это, безусловно, не так. Если бы это произошло, делу был бы положен конец, и на него не было бы пролито так много чернил; но ни один кардинал не оставил таких свидетельств, как предполагает и утверждает лорд Эктон. Достаточно учесть, что, согласно единственным доступным свидетельствам — кодексам Казанатенсе (1) и депешам того самого Валори (2), на которого так уверенно ссылается М. Ириарте, избрание Родриго Борджиа было единогласным. Кто же тогда были эти кардиналы, отказавшиеся от его взяток? Или мы должны предположить, что, несмотря на этот отказ — отказ, который, как мы можем с полным основанием предположить, был вызван возмущением, — они все же отдали ему свои голоса?

1 “...essendo concordi tutti i cardinali, quasi da contrari voti rivolti tutti in favore di uno solo, crearono lui sommo pontefice” (Casanatense MSS). See P. Leonetti, Alessandro VI. 2 “Fu pubblicato il Cardinale Vice-Cancelliere in Sommo Pontefice Alessandro VI(to) nuncupato, el quale dopo una lunga contentione fu creato omnium consensus—ne ii manco un solo voto” (Valori’s letter to the Otto di Pratica, August 12, 1492). Смотрите Дополнение к приложению в издании Э. Туасн “Дневника Берчарда”.

Это обвинение в симонии было выдвинуто с целью выставить Александра VI в особенно отвратительном свете. Этот объект настолько захватил и ослепил тех, кого вдохновил им, что сам по себе он их предает. Если бы их ужас был искренним, если бы он проистекал из истинных принципов, если бы он был порожден чем-либо иным, кроме желания любой ценой опорочить Родриго Борджиа, они обрушили бы свои обвинения не против него, а против всей Коллегии кардиналов, которая принимала участие в святотатстве и в которую входили три будущих папы.⁽¹⁾

1 Кардиналы Пикколомини, де'Медичи и Джулиано делла Ровере.

Если предположить не только то, что симония имела место, но и то, что она была в таких массовых масштабах, как утверждалось, и что за золотые монеты или в форме бенефиций Родриго купил голоса кардинала, что тогда? Он купил их, это верно. Но они— они продали ему свое священное доверие, свой долг перед своим Богом, свою священническую честь, свои святые обеты. За золото, которое он им предложил, они обменяли это. Так много допущенных, тогда, конечно, в этой сделке эти кардиналы были проститутками! Человек, который купил их так много, по крайней мере, был не на более низком уровне, чем они. И все же инвектива выделяет его из-за своей единственной цели и тем самым выдает предполагаемую злобу ее вдохновителя.

Мы не согласны с этим; с этим и с теми авторами, которые приняли симонию Александра как должное — почти охотно — с целью навлечь на него ненависть, выставив его скандальным исключением из преобладающего правила.

Если, тем не менее, мы считаем, как мы уже сказали, что симония, вероятно, действительно имела место, мы делаем это не столько на основании неубедительных доказательств этого факта, сколько на том обстоятельстве, что покупка тиары стала почти установившимся обычаем, и что Родриго Борджиа — поскольку его амбиции явно подталкивали его к понтификату — был бы исключением, если бы воздержался.

Может показаться, что так долго спорить, чтобы в итоге признать столь многое, не лучше пустой траты труда. Мы надеемся, что это не так. Нашей целью было скорректировать фокусировку и должным образом настроить освещение, в котором следует рассматривать Родриго Борджиа, чтобы вы могли увидеть его таким, каким он был — ни лучше, ни хуже — созданием своего времени, своего окружения и системы, в которой он был воспитан и обучен. Таким образом, вы также получите более четкое представление о его сыне Чезаре, когда в настоящее время он займет более видное место на сцене.

В течение семнадцати дней междуцарствия между смертью Иннокентия и избранием Александра в Риме происходили дикие сцены, обычные для такого времени года; и, несмотря на оперативные действия кардинала-камергера по захвату ворот и мостов и попытки патрулей поддерживать порядок, преступность достигла такого размаха, что, по подсчетам, произошло около 220 убийств, что составляет ужасающее среднее значение в тринадцать убийств в день.

Это был очень естественный эпилог к распущенному правлению вялых Невинных Людей. Одним из первых актов правления Александра было суровое пресечение этого беззакония. Он подавил насилие твердой рукой, не знающей пощады. Он сравнял с землей дом убийцы, пойманного с

поличным, и повесил его над развалинами, и вообще поступил так, что воцарился такой порядок, какого никогда прежде не было в Риме.

Инфессура рассказывает нам, как в тот же месяц после своего избрания он назначил инспекторов тюрем и четырех уполномоченных для отправления правосудия, и что он сам давал аудиенции по вторникам и разрешал споры, завершая: “et justitiam mirabili modo facere coepit”.

Он своевременно выплачивал всем заработную плату — казалось бы, разительное отклонение от того, что было обычным при его предшественнике, — и эффект его усовершенствованного и жесткого законодательства вскоре проявился в снижении цен на товары.

Он был коронован папой 6 августа на ступенях базилики Святого Петра кардиналом-архидьяконом Пикколомини. Церемония была отмечена с пышностью, достойной великолепной фигуры, которая была ее центром. Глазами Микеле Ферно — несмотря на его признание, что он не в состоянии передать достойное представление об этом зрелище, — вы можете увидеть великолепную процессию к Латерану, в которой Александр VI предстал перед аплодирующими римлянами; множество богато разодетых людей, веселых и праздничных; семьсот священников и прелатов со своими приближенными, великолепную кавалькаду рыцарей и знати Рима; лучников и турецких всадников, а также палатинскую гвардию с ее огромными алебардами и сверкающими щитами; двенадцать белых лошадей с золотыми уздечками, ведомых римлянами. лакеи; а затем сам Александр на белоснежном коне, “с безмятежным челом и величественным достоинством”, подняв руку с рыбацким кольцом на указательном пальце, чтобы благословить коленопреклоненный народ. Хронист употребляет превосходные степени, когда восхваляет личную красоту человека, его физическую силу и здоровье, “которые усиливают оказываемое ему почитание”.

Таким образом, под ослепительным солнцем того итальянского августа, под аплодисменты собравшихся в Риме, среди знамен и цветов, музыки и благовоний, блеска стали и украшений с выставленным повсюду гербом Борджиа — или, как пасущийся бычок, гуль — Александр VI въезжает в Ватикан, цель и вершину своих обширных амбиций.

Как друзья, так и враги воспевали великолепие этой коронации, и изображение Быка — как вы можете себе представить — играет значительную роль в этих стихах, будь то хвалебные гимны или пасквили. Первые упоминают Борджиа как “Быка” из-за величия и мощи животного, изображенного на их щите; вторые делают его предметом множества непристойных оскорблений, которым он поддается с такой же готовностью. И с тех пор почти во всех стихах своей эпохи писатели всегда говорят “Бык”, когда имеют в виду Борджиа.

ГЛАВА IV. СОЮЗЫ БОРДЖИА

Во время избрания своего отца на престол Святого Петра Чезаре Борджиа, которому сейчас шел восемнадцатый год, все еще учился в Пизанском университете.

Немного странно, учитывая огромную привязанность к своим детям, которая всегда была одной из самых заметных черт характера Родриго, что он не отправил Чезаре немедленно в Рим, чтобы тот разделил всеобщее ликование. Было высказано предположение, что Александр хотел избежать скандала из-за присутствия своих детей в такое время. Но это снова выглядит как суждение, сформированное по современным стандартам, поскольку по стандартам его времени невозможно представить, что он мог вызвать большой скандал; более того, следует помнить, что Лукреция и Джуффредо, по крайней мере, были в Риме во время избрания их отца на тиару.

Как бы то ни было, Чезаре покинул Пизу только в августе того же 1492 года, да и то не ради Рима, а ради Сполето — в соответствии с приказом своего отца, - где поселился в замке. Оттуда он написал письмо Пьеро де Медичи, которое интересно, во-первых, как свидетельство хороших отношений, сложившихся между ними; во-вторых, как опровержение истории Гвиччардини, с помощью которой этот историк, готовый, как всегда, принизить Борджиа, пытается выставить его в невыгодном свете. Он сообщает нам (1), что, находясь в Пизе, Чезаре имел возможность обратиться к Пьеро де Медичи по уголовному делу, связанному с одним из его знакомых; что он отправился во Флоренцию и несколько часов напрасно ждал аудиенции, после чего вернулся в Пизу, “считая себя презираемым и немало обиженным”.

1 История Италии, том V.

Несомненно, Гвиччардини ошибается в этом так же, как и во многих других вопросах, поскольку в письме, написанном из Сполето, выражается его сожаление по поводу того, что во время своего путешествия через Флоренцию (по пути из Пизы в Сполето) у него не было времени навестить Пьеро, тем более что был вопрос, по которому он хотел срочно проконсультироваться с ним. Он рекомендует Пьеро своего верного Ремолино, который мечтает занять кафедру канонического права в Пизанском университете, и просит его о добрых услугах в этой связи. То, что Хуан Вера, наставник Чезаре и податель этого письма, взял обратно благоприятный ответ, весьма вероятно, поскольку в Истории Фаброни.Асад. Пизан мы находим, что в следующем году этот Ремолино должным образом зарекомендовал себя в качестве лектора по каноническому праву.

Письмо представляет дальнейший интерес, поскольку демонстрирует полное осознание Чезаре важности своего положения; его тон и подпись — “ваш брат, Сезар де Борджиа, избранник Валенсии” — были такими, какие были обычны между принцами.

Двумя главными целями Александра VI с самого начала его понтификата были восстановление власти Церкви, которая в то время была самым презираемым из светских государств Италии, и улучшение положения его детей. Уже в самый день своей коронации он пожаловал Чезаре епископство Валенсии, доходы которого составляли шестнадцать тысяч дукатов в год. Однако в настоящее время у него было полно других дел, и поначалу ему следовало действовать медленно и с предельной осторожностью.

Тучи войны тяжело сгущались над Италией, когда Александр взошел на трон Святого Петра, и его первой заботой было найти для себя безопасную позицию на случай надвигающейся грозы. Главной угрозой всеобщему миру был Лодовико Мария Сфорца по прозвищу Моро (1), который был регентом при своем племяннике, герцоге Джан Галеаццо, на миланском троне. Это регентство он узурпировал у матери Джана Галеаццо, и теперь у него были все шансы узурпировать сам трон. Он держал своего племянника фактически пленником в замке Павия вместе со своей юной невестой Изабеллой Арагонской, которую отправил туда ее отец, герцог Калабрийский, наследник неаполитанской короны.

1 Касаясь имени Лодовико Марии "Иль Моро", которое обычно переводится как "Мавр", хотя у одного автора мы нашли упоминание о нем как о "Черном Лодовико", объяснение Бенедетто Варчи (в его "Истории Фиорентины") может представлять интерес. Он говорит нам, что Лодовико был прозван так не из-за какого-либо смуглого цвета лица, как предполагает Гвиччардини, потому что, напротив, он был светловолос; и еще не из-за его рисунка, изображающего мавританского оруженосца, который со щеткой в руке стирает пыль с платья молодой женщины в царственном наряде с девизом "Per Italia nettare d'ogni bruttura"; этот рисунок мавра, по его словам, был повторением или каламбуром слова "того", что также означает шелковица, а также именно это имел в виду Лодовико. Шелковица расцветает в конце зимы и очень рано. Таким образом Лодовико символизировал свою собственную осмотрительность и готовность вовремя воспользоваться удобным случаем.

Удостоенный таким образом Джана Галеаццо, Лодовико Мария спокойно приступил к управлению страной, как человек, который не собирался отказываться от регентства, кроме как стать герцогом. Но случилось так, что у юных заключенных в Павии родился мальчик, после чего, возможно, побуждаемые к активности этим родительством и мыслью о том, что теперь им нужно бороться не только за свои собственные интересы, но и за интересы сына, они обратились к королю Неаполя Ферранте с просьбой обеспечить соблюдение прав своего внука на миланский трон. Король Ферранте не мог желать ничего лучшего, ибо, если бы его внучка и ее муж правили в Милане, а также благодаря его благосклонности и ухищрениям, его влияние на Севере Италии было бы велико. Поэтому он оставался их другом.

Дело находилось на этом этапе, когда Александр VI взошел на папский престол.

Это избрание заставило Ферранте задуматься, поскольку, как мы видели, он мечтал о папе, преданном его интересам, который поддержал бы его в грядущей борьбе, и теперь его планы были грубо нарушены. Пока он все еще обдумывал свой следующий шаг, несчастный Франческо Чибо (сын папы Иннокентия) предложил продать папские вотчины Черветри и Ангильяра, которые достались ему от его отца, Джентиле Орсини — главе его могущественного дома. И Джентиле приобрел их по контракту, подписанному во дворце кардинала Джулиано делла Ровере 3 сентября, на сумму в сорок тысяч дукатов, авансированную ему Ферранте.

Александр решительно протестовал против этой незаконной сделки, поскольку Черветри и Ангильяра были вотчинами Церкви, и ни Чибо не имел права продавать их, ни Орсини - покупать. Более того, то, что они оказались в руках такого могущественного вассала Неаполя, как Орсини, устраивало папу так же мало, как и Лодовико Марию Сфорца. Это побудило последнего принять меры против шага, который, как он опасался, может предпринять Ферранте для обеспечения соблюдения требований Джан Галеаццо.

Лодовико Мария поступил так со свойственной ему хитрой проницательностью, которую так хорошо символизирует его значок mulberry, — почти юмористической проницательностью, которая делает его одним из самых очаровательных негодяев в истории, точно так же, как он был одним из самых жизнерадостных и культурных. Его действительно можно рассматривать как один из типов тонкого, коварного, эгоистичного политика, который был идеалом Макиавелли.

Тогда вы видите, как он стирает со своего миловидного лица хитрую улыбку с плотно сжатыми губами и с серьезным, рассудительным видом указывает Венеции, как мало ей подходит, когда неаполитанские испанцы треплут ее на севере, как это неизбежно произойдет, если Ферранте добьется своего с Миланом. Истина этого была настолько очевидна, что Венеция поспешила вступить с ним в союз, и в сформированный таким образом лагерь ради них самих вступили Мантуя, Феррара и Сиена. Таким образом, лига была достаточно сильна, чтобы заставить Ферранте дважды подумать, прежде чем браться за дубинки Джана Галеаццо. Если бы Лодовико мог привлечь папу римского, мощь лиги была бы настолько парализующей, что Ферранте вообще перестал бы думать о делах своих внуков.

Предвидя это, Ферранте волей-неволей пришлось вытереть слезы, которые, по словам Гвиччардини, он пролил, и, заменив их подобострастной улыбкой, починился со шляпой в руке в знак протеста против своей дружбы к святости папы.

Итак, в декабре 1492 года принц Альтамура — второй сын Ферранте — прибыл в Рим, чтобы выразить почтение своему отцу к ногам понтифика и в то же время умолять его Святейшество отказать королю Венгрии в разрешении, которого последний просил у Святого Престола, позволить ему отречься от своей жены, донны Леоноры — дочери Ферранте.

Альтамура был принят в Риме и роскошно угощен кардиналом Джулиано делла Ровере. Этому кардиналу, как мы видели, не удалось добиться для себя понтификата, несмотря на французское влияние, которым он пользовался. Корчась от своего поражения и ненависть человека, который победил его, ненавистью настолько горькой и ядовитой, что отпечаток ее лежит почти на каждой поступке его жизни — начиная с того, что он предоставил Орсини папские владения, которые Чибо пришлось продать, — он уже строил планы по свержению Александра. Для этого ему нужны были великие и могущественные друзья; с этой целью он согласился на сделку Чибо-Орсини; с этой целью он проявил себя горячим доброжелателем Ферранте; с этой целью он сердечно приветствовал сына и посланника последнего и пообещал свою поддержку петиции Ферранте.

Но Святой отец отнюдь не так сильно стремился к дружбе старого неаполитанского волка. Вопрос о короле Венгрии требовал рассмотрения, а тем временем он, возможно, лукаво намекнул, что между Неаполем и Римом возник небольшой вопрос о двух феодах, который необходимо уладить.

Таким образом, его Проницательнейшее Святейшество решил выиграть немного времени, а за это время он мог бы осмотреться и подумать, какие союзы лучше всего отвечали бы его интересам.

На это кардинал делла Ровере, вне себя от гнева, был изгнан из Рима и отправлен в свой замок Остия укрепляться - владеть мечом святого Павла, поскольку он упустил ключи святого Петра. Это был хитрый ход. Он предвидел ущемленное достоинство испанского дома Неаполя и гнев

Ферранте из-за легкомысленного отношения папы к нему и безразличия к его интересам; и кардинал знал, что с Ферранте были связаны могущественные дома Колонна и Орсини. Таким образом, своим политическим разводом со Святым Престолом он связал свою судьбу с их, надеясь на красную войну и низложение Александра.

Но, конечно же, он забыл Милан и Лодовико Марию, чей брат, Асканио Сфорца, находился рядом с папой, энергичного друга, чьим усилиям Александр был обязан тиарой, и которого поэтому делла Ровере ненавидел, возможно, так же люто, как и самого Александра.

Александр спокойно занялся укреплением Ватикана и замка Сант-Анджело и набором наемников к себе на службу. И, чтобы не допустить какого-либо покушения на его жизнь, когда он уедет за границу, он сделал это с внушительным эскортом вооруженных людей; это так раздосадовало короля Ферранте, что он не преминул прокомментировать это в резких выражениях в письме, которое мы сейчас рассмотрим. В остальном Святейший папа сохранял невозмутимость перед лицом враждебных приготовлений, которые готовились в Неаполитанском королевстве, зная, что он сможет остановить их, когда решит поднять палец и поманить Сфорца к союзу. И вскоре до Неаполя дошли тревожные слухи о том, что Лодовико Мария действительно делал предложения папе римскому, и что папа ответил на эти заигрывания вплоть до помолвки своей дочери Лукреции с Джованни Сфорца, сеньором Пезаро и двоюродным братом Лодовико.

Итак, неаполитанские послы вернулись в Ватикан с конкретными предложениями о союзе, который должен был быть скреплен браком двенадцатилетнего Джуффредо Борджиа с внучкой Ферранте Лукрецией Арагонской. Папа, со своими планами, которые еще не созрели наполовину, тянул время, был уклончив и продолжал вооружать и вербовать людей. Наконец, завершив приготовления, он резко прервал переговоры с Неаполем и 25 апреля 1493 года публично объявил, что присоединился к северной лиге.

Ярость Ферранте, осознавшего, что с ним сыграли и перехитрили, выразилась в гневном письме своему послу при испанском дворе.

“Этот папа, ” писал он, “ ведет жизнь, которая является мерзостью для всех, без уважения к месту, которое он занимает. Он ни о чем не заботится, кроме как возвеличить своих детей честными или нечестными средствами, и это его единственное желание. С начала своего понтификата он только и делал, что нарушал мир, приставая ко всем, то так, то иначе. В Риме больше солдат, чем священников, и когда он выезжает за границу, то это происходит с отрядами вооруженных людей вокруг него, со шлемами на головах и копьями по бокам, все его мысли заняты войной и причинением нам вреда; он не упускает из виду ничего, что может быть использовано против нас, не только подстрекая во Франции принца Салерно и других наших мятежников, но и оказывая поддержку каждому плохому человеку в Италии, которого он считает нашим врагом; и во всем он прибегает к естественному для него мошенничеству и лицемерию, и, чтобы заработать денег, он продает даже самую маленькую должность и привилегия”.

Таким образом, Ферранте узнал о человеке, дружбы которого искал около шести недель назад и который отверг его ухаживания. Также полезно знать точные условия, при которых было составлено это письмо, поскольку выдержки из него слишком часто цитируются против Александра. При известных этих условиях и при известном человеке, который это написал, истинная ценность письма сразу становится очевидной.

Ферранте надеялся и, без сомнения, Джулиано делла Ровере, что король Испании прислушается к этим жалобам и попытается свергнуть Александра; но событие, более важное, чем любое другое во всей истории Испании — или Европы, если уж на то пошло, — в данный момент требовало его полного внимания, а пустяковые дела неаполитанского короля — пустяковые по сравнению с ними — остались без внимания. Ибо это был год, когда генуэзский мореплаватель Кристофоро Колумбо вернулся, чтобы рассказать о новом и чудесном мире, открытом им за морями, а Фердинанд и Изабелла обратились с призывом к папе — как Правителю Мира — передать им во владение открытый континент. После чего папа провел линию от полюса до полюса и даровал Испании власть над всеми землями, открытыми или подлежащими открытию, в ста милях к западу от Зеленого Мыса и Азорских островов.

И, таким образом, призыв Ферранте к Испании против папы, который показал себя таким готовым и покладистым другом Испании, остался без внимания Фердинанда и Изабеллы. И пока неаполитанец лелеял свою горькую обиду, союз между Римом и Миланом был укреплен браком Лукреции Борджиа с Джованни Сфорца, миловидным слабаком, который был сеньором Пезаро и Котиньолы.

История Лукреции Борджиа была рассказана в другом месте; ее реабилитацией среди прочих занялся великий историк (1), и все серьезно настроенные студенты должны быть удовлетворены в настоящее время тем, что Лукреция Борджиа из трагедии Гюго - вымышленное создание, имеющее мало или совсем не похожее на бедную леди, которая была пешкой в амбициозной игре, которую вели ее отец и брат Чезаре, прежде чем она удалилась в Феррару, где в конечном итоге умерла при родах на сорок первом году жизни. Мы знаем, что она оставила герцога, своего мужа, убитую горем, которое разделяли его подданные, которым она так глубоко понравилась своей образцовой жизнью и любящим правлением.(2)

1 Ferdinand Gregorovius, Lucrezia Borgia.

2 См., среди прочего, письма Альфонсо д'Эсте и Джованни Гонзага о ее смерти, процитированные в Грегоровиусе, Лукреция Борджиа.

Позже, по ходу этого повествования, где она пересекается с историей своего брата Чезаре, необходимо будет разобраться с некоторыми распространявшимися против нее отвратительными клеветническими измышлениями, и, попутно, будут раскрыты источники злобы, вдохновлявшие их, и характер доказательств, на которых они основаны, к вечному стыду как тех мнимых авторов фактов, так и тех признанных авторов вымыслов, которые, столь же мертвые для совести, как и для рыцарства, без колебаний использовали ее в своих низменных мелодраматических или порнографических целях.

Однако в настоящее время не зарегистрировано ничего, кроме ее первого брака. В то время ей было четырнадцать лет, и, как и все Борджиа, она отличалась редкой красотой, голубыми глазами и золотистыми волосами. Уже дважды до этого она заключала брачные контракты с джентльменами из Испании, родной для ее отца; но его постоянно растущее честолюбие заставило его последовательно расторгнуть оба этих невыполненных контракта. Муж, достойный дочери кардинала Родриго Борджиа, больше не был достоин дочери папы Александра VI, для которой теперь следовало искать союза среди княжеских домов Италии. И вот она была пожалована сеньору Пезаро с приданым в 30 000 дукатов.

Ее бракосочетание было отпраздновано в Ватикане 12 июня 1493 года в великолепной манере, достойной ранга всех заинтересованных сторон и репутации великолепного рода Борджиа. В тот вечер папа дал званый ужин, на котором присутствовали около десяти кардиналов и ряд римских леди и джентльменов, не считая послов Феррары, Венеции, Милана и Франции. Звучала вокальная и инструментальная музыка, была сыграна комедия, дамы танцевали, и, похоже, они продолжили свое веселье до рассвета. Вряд ли Ватикан был идеальной сценой для такого рода мероприятий. Однако в то время это не должно было вызвать большого скандала. Но какого только скандала не было вскоре после этого в связи с этим, и как позже этот скандал был раздуван столь отвратительными историями о событиях той ночи, что ужасаешься умам, которые их придумали, и доверчивости, которая их приняла.

Инфессура пишет о том, что он услышал, и пишет ядовито, о чем свидетельствует горький сарказм, с которым он относится к пятидесяти серебряным чашам, наполненным сладостями, которые папа бросил на колени дамам, присутствовавшим на ранней части празднования. “Он сделал это, ” говорит Инфессура, “ к вящей чести и славе Всемогущего Бога и Римской церкви”. Помимо этого, он не вдается в подробности, однако время от времени останавливая себя на предполагаемом мотиве для умолчания, который в тысячу раз хуже любого официального обвинения. Итак: “Говорится многое другое, о чем я не пишу, потому что либо это неправда, либо, если это правда, невероятно”.(1)

1 “Et multa alia dicta sunt; que hic non scribo, que aut non sunt; vel si sunt, incredibilia” (Infessura, *Diarium*).

Удивительно, что завеса, которую Инфессура набросил этими словами, была пробита — на самом деле не холодным светом факта, а горячим взором похотливого воображения; удивительно, что его вообще цитируют — того, кто не присутствовал, — учитывая, что у нас есть свидетельство о том, что действительно имело место, из-под пера очевидца, в письме Джанандреа Боккаччо, посла Феррары, своему хозяину.

В конце своего письма, в котором описывается процедура, свадебные подарки и их вручение, он рассказывает нам, как прошла ночь. “После этого дамы потанцевали, и в качестве антракта была разыграна достойная комедия с большим количеством музыки и пения, папа Римский и все остальные присутствовали на протяжении всего. Что еще я должен добавить? Из этого получилось бы длинное письмо. Так прошла вся ночь; пусть ваша светлость решает, хорошо это или плохо”.

Разве этого недостаточно, чтобы заткнуть грязный рот изобретательной клеветы? Зачем намекать на события, которые невозможно описать словами? Тем не менее, стало модным цитировать последнее предложение из письма Боккаччо в оригинале — “totam noctem consumpsimus; iudicet modo Ex (ma.) Dominatio vestra si bene o male” — как будто приличия запрещают его перевод; и сразу же эта ядовитая скрытность делает свое дело, и воображение — и не только у неграмотных — воспламеняется, и всевозможные мерзости представляются спекулятивными.

Инфессура, отсутствуя, говорит, что поставленные комедии были распущенными (“похотливыми”). Но какими комедии того времени не были? Это была эпоха, когда еще не изобрели скромность, как мы ее понимаем. То, что Боккаччо, присутствовавший при этом, не

увидел в комедии ничего необычного — по его словам, была только одна — подтверждается его описанием ее как “достойной” (“una degna commedia”).

Высказывание М. Ириарта на ту же тему (1) не только мелочно, но и гротескно. Он решает рассказать об инциденте с точки зрения Инфессуры, которого, кстати, он переводит с поразительной свободой, (2) и он осмеливается добавить относительно Джанандреа Боккаччо, что: “Следует также сказать, что посол Феррары, либо потому, что он не видел всего, либо потому, что он был менее суров, чем Инфессура, не был шокирован комедиями и т. Д.” (“так что же это такое, что ты видишь, так что ты знаешь, что это за строгость”). “Бессмыслица, и это самое главное...”)

1 La Vie de César Borgia. (2) Таким образом, в вопросе о пятидесяти серебряных кубках, брошенных папой римским на колени дам, “sinum” — это слово, используемое Infessura, - слово, которому слишком вольно дали общий перевод “лоно”, игнорируя, что оно в равной степени означает “колени” и что “круг” оно, очевидно, означает в данном случае. мсье Ириарте, однако, идет на шаг дальше и предпочитает переводить его как “корсаж”, что сразу и неприятно искажает картину; и он добавляет материал, чтобы расставить точки над I, в степени, безусловно, не оправданной даже в этом случае. автор: Infessura.

Мсье Ириарте, как вы заметили, не стесняется утверждать, что Боккаччо, присутствовавший при этом, видел не все; но он не сомневается, что Инфессура, которая не присутствовала и писала “понаслышке”, ничего не упустила.

Увы! Слишком большая часть истории Борджиа была написана в этом духе, и дискриминация при выборе авторитетных лиц всегда была направлена на получение более сенсационного, а не более правдивого повествования.

Хотя известно, что Чезаре приехал в Рим в начале 1493 года — о его присутствии там сообщает Джанандреа Боккаччо в марте того же года, — в настоящее время о нем ничего не упоминается в связи со свадьбой его сестры. Очевидно, тогда его там не было, хотя невозможно предположить, где он мог быть в это время.

Боккаччо рисует его портрет в этом письме, которое заслуживает внимания: “Позавчера я застал Чезаре дома в Трастевере. Он собирался отправиться на охоту, причем исключительно в светском одеянии, то есть одетый в шелка и вооруженный. Мы немного поговорили верхом. Я принадлежу к числу его самых близких знакомых. Это человек большого таланта и превосходного характера; у него манеры сына великого князя; прежде всего, он весел и беззаботен. Он очень скромен, намного превосходит своего брата герцога Гандийского и имеет гораздо более приятную внешность, чем его брат, который также не лишен природных дарований. Архиепископ никогда не имел склонности к священству. Но его бенефиция приносит ему более 16 000 дукатов”.

Возможно, будет нелишним — хотя, возможно, уже и не очень необходимо, после того, что было написано, — сказать на данном этапе несколько слов о социальном положении бастардов в пятнадцатом и шестнадцатом веках, чтобы подчеркнуть тот факт, что ни на Чезаре Борджиа, ни на любом другом члене семьи его отца не было клейма позора из-за незаконнорожденности их рождения.

Достаточно рассмотреть браки, которые они заключали, чтобы понять, что, какими бы шокирующими ни казались обстоятельства с точки зрения современных представлений, то обстоятельство, что их отец был папой римским, не только не могло считаться чрезвычайно скандальным (если вообще было скандальным), но, напротив, делало их пригодными для союзов, даже княжеских.

В пятнадцатом и шестнадцатом веках мы видим бастарда, рожденного от дворянина, такого же благородного, как и его отец, демонстрирующего отцовский герб без стеснения и пользующегося своим положением и наследством, неоспоримым в силу своего рождения, даже если этим наследством должен быть трон — как свидетельствует муж Лукреции Джованни, который, хотя и был бастардом из дома Сфорца, тем не менее наследовал своему отцу при тирании Пезаро и Котиньолы.

Позже мы увидим, как та же самая Лукреция, несмотря на ее незаконнорожденность, выйдет замуж за представителя благородного Дома Эсте и воссядет на трон Феррары. А до этого мы увидим, как незаконнорожденный Чезаре женится на дочери королевского дома Наварры. Мы уже видели, как бастард Франческо Чибо взял в жены дочь великого Лоренцо де Медичи, и мы видели, как бастард Джироламо Риарио женился на Катерине Сфорца — внебрачной дочери миланского герцогского дома, — и мы видели, как эта пара установила тиранию в Имоле и Форли. Можно было бы добавить множество других примеров, но и этих должно быть достаточно.

Этот вопрос не требует философствования, не требует объяснений и, прежде всего, не нуждается в извинениях. Он проясняется сам собой. Пятнадцатый и шестнадцатый века — более справедливые, чем наши, более просвещенные времена, — не приписывали никакого стыда мужчинам и женщинам, рожденным вне брака, не видели причин — поскольку нет причин, христианских или языческих, — почему они должны страдать из-за условий, которые были созданы не ими.

Упоминание об этом может помочь визуализировать и понять ту прямую и сильную эпоху и может даже предложить некоторое снисхождение к рассмотрению плотского отцовства папы. Тем, кому точка зрения на эпоху Возрождения не сразу приходит в голову из этой простой констатации факта, который мы оставляем без аргументации, мы рекомендуем прочитать "Благородного романо" Джанпьетро де Крессенци.

Брак Лукреции Борджиа с Джованни Сфорца, как и предполагал папа, укрепил отношения между папой и Миланом. Однако тем временем хитрый и недоверчивый Лодовико, не питавший иллюзий относительно истинных ценностей своих союзников и понимавший, что они такие же своекорыстные люди, как и он сам, с интересами, в корне отличными от его собственных, понял, что они, скорее всего, будут поддерживать его лишь до тех пор, пока это соответствует их собственным целям. Поэтому он решил поискать вокруг себя другие средства, с помощью которых можно было бы сокрушить могущество Неаполя. Франция с тоской смотрела на Италию, и Лодовико казалось, что во Франции все готово для этого. Карл VIII, как представитель Анжуйского дома, имел определенные скромные притязания на неаполитанский трон; если бы его удалось убедить отправиться на юг с копьем на бедре и настаивать на своих притязаниях, владычеству Арагонского дома пришел бы конец, а значит, и страхам Лодовико по поводу неаполитанского вмешательства в его собственную оккупацию миланского трона.

Обычному интригану этого должно было быть достаточно, но как интриган Лодовико был совершенно незауряден. Его планы росли по мере созревания и включали в себя побочные задачи, пока он не увидел, что Неаполь должен быть для Карла VIII как сыр в мышеловке. Пусть его вторжение в Италию с целью сокрушить могущество Неаполя будет свободным и гласным; но, оказавшись внутри, он обнаружит, что Милан и северные союзники стоят между ним и его отступлением, а Лодовико, если это случится, поставит его на колени. Так замыслил Лодовико, заставив содрогнуться сначала Неаполь, а затем Францию, прежде чем отбросить последнюю обратно за Альпы. Дерзкий, дерзкий и в то же время простой план действий. И какую власть в Италии Лодовико не должен был бы извлечь из своего успеха!

Немедленно он тайно приступил к работе над этим, отправив Карлу приглашение прибыть и подтвердить свои претензии на Неаполь, предложив французским войскам свободный проход через его территорию.⁽¹⁾ И в характере своего приглашения он сыграл на натуре уродливого, амбициозного Чарльза, чей мозг был набит романтикой и рыцарскими родомонадами. Завоевание Неаполя было легким делом, не более чем шагом в славном предприятии, ожидавшем французского короля, поскольку из Неаполя он мог переправиться, вступить в бой с турками и отвоевать Гроб Господень, став таким образом вторым Карлом Великим.

1 См. Corlo, *Storia di Milano* и письмо Лодовико Карлу VIII, процитированное в нем, lib. vii.

Таким образом, Лодовико Мария хитрый, чтобы ослепить Карла романтика и взять быка за самые рога.

Мы стали свидетелями провала апелляции неаполитанского короля к Испании против папы Римского. К этой неудаче теперь добавилось ужесточение отношений Рима с Миланом из-за брака Лукреции Борджиа и Джованни Сфорца, и Ферранте — слухи о французском вторжении, целью которого был Неаполь, уже витали в воздухе — понял, что ему ничего не остается, кроме как предпринять еще одну попытку умиротворить святость папы. И на этот раз он вел свои переговоры таким образом, который лучше соответствовал его целям, поскольку его потребность становилась все более насущной. Он снова отправил принца Альтамуры в Рим с очевидной целью уладить неприятный вопрос о Черветри и Ангильяре и заключить союз со Святым Отцом, в то время как за спиной Альтамуры стояла неаполитанская армия, готовая двинуться на Рим, если посланник на этот раз потерпит неудачу.

Но на выдвинутых теперь условиях Александр был готов вести переговоры, и поэтому между Неаполем и Святым Престолом был заключен мир, условия которого заключались в том, что Орсини должен сохранить феоды на всю свою жизнь, но что они должны вернуться Святой Церкви после его смерти, и что он должен выплатить Церкви за пожизненную аренду их сумму в 40 000 дукатов, которую он уже выплатил Франческо Чибо; что мир должен быть закреплен браком внебрачного сына папы Джуффредо с Сансией Арагонской, внебрачной дочерью герцога Арагонского. Калабрия, наследница неаполитанского престола, и что она должна принести княжество Сквиллаче и графство Кориате в качестве своего приданого.

Другое условие, которого потребовал Неаполь — по предложению кардинала Джулиано делла Ровере, — состояло в том, что папа должен был опозорить и уволить своего вице-канцлера Асканио Сфорцу, что разрушило бы отношения папы с Миланом. На это, однако, папа не согласился, но он пошел навстречу Неаполю в этом вопросе до такой степени, что согласился

не обращать внимания на дезертирство кардинала делла Ровере и вернуть ему благосклонность.

На этих условиях мир был наконец заключен в августе 1493 года, и сразу после этого в Рим прибыл сьер Перон де Баше, посланник короля Франции, которому было поручено предотвратить любой союз между Римом и Неаполем.

За ярмаркой стоял француз. Папа избрал единственно возможный в сложившихся обстоятельствах путь - отказался встретиться с послом. Вслед за этим оскорбленный король Франции созвал большой совет, “на котором было предложено и рассмотрено многое против папы и за реформу Церкви”.

Эти королевские вспышки христианства, эти благочестивые королевские порывы свергнуть недостойного понтифика и реформировать Церковь, как вы можете заметить, всегда следуют за невыполнением королевских желаний.

На Консистории в сентябре 1493 года папа назначил двенадцать новых кардиналов, чтобы укрепить Священную коллегию в целом и свою собственную руку в частности.

Среди этих новых творений были сын папы римского Чезаре и Алессандро Фарнезе, брат прекрасной Джулии. Дарование последней красной шляпы, по-видимому, вызвало некоторый скандал, поскольку из-за отношений папы с его сестрой, которой Фарнезе, как открыто говорили, был обязан пурпуром, он получил псевдоним кардинала делла Гонелла - кардинала Нижней юбки.

Это был первый важный шаг в судьбе Дома Фарнезе, который должен был подарить герцогам Парму и взойти на трон Испании (в лице Изабеллы Фарнезе), прежде чем исчезнуть в 1758 году.

КНИГА II. ПАСКАНТ-БЫК

Roma Bovem invenit tunc, cum fundatur aratro, Et nunc lapsa suo est ecce renata Bove.

Из надписи, процитированной Бернардино Коаксо.

ГЛАВА I. ФРАНЦУЗСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Вы видите Чезаре Борджиа, которому сейчас девятнадцать лет, возведенного в сан кардинала-дьякона Санта—Мария-Нуова, - несмотря на это, однако, он по-прежнему пользуется популярностью и, более того, подписывается титулом своего архиепископа, кардинала Валенсии.

Вряд ли нужно упоминать, что, хотя он уже был епископом Пампелуны и архиепископом Валенсии, он принял пока только свой первый постриг. Он никогда не получал никаких церковных орденов, кроме второстепенных и подлежащих отзыву.

Инфессура сказал, и с тех пор это было повторено множеством историков, не имеющих лучшего авторитета, чем этот автор, основанный на слухах и закоренелых сплетнях, что, чтобы возвести Чезаре на престол, Александр был вынужден доказать законность рождения этого молодого человека, и что с этой целью он нанял лжесвидетелей, которые поклялись, что он был “сыном Ваночцы де Катанеи и ее мужа Доменико д'Ариньяно”. Это уже затрагивалось в предыдущей главе, здесь было показано, что Ваночца де Катанеи был сыном Ваночцы де Катанеи и ее мужа Доменико д'Ариньяно. у нее никогда не было мужа по фамилии д'Ариньяно, и можно разумно предположить, что одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы удержать любого серьезного писателя от принятия и повторения неавторитетного заявления Инфессуры.

Но если им требовалось нечто большее, это было у них в руках в Булле Сикста IV от 1 октября 1480 года, на которую также был сделан намек, освобождающий Чезаре от доказательства своей легитимности: “*Super defectum natalium od ordines et quocumque beneficia*”.

Кроме того, какая польза была бы от ложных клятв, учитывая, что Чезаре открыто назывался Борджиа, что он был открыто признан своим отцом и что в упомянутой выше Булле он назван сыном Родриго Борджиа?

Это еще один пример легкости, безрассудства, с которым Александра VI обвинили в неподобающем и незаконном поведении, о котором, возможно, не лишним будет упомянуть на данном этапе, поскольку хронологически сюда относится если не само обвинение, то, по крайней мере, повод, послуживший его причиной.

В первые месяцы своего правления— следуя по стопам предшественников, которые пристраивали Ватикан, Александр приступил к строительству башни Борджиа. Для его украшения он привез в Рим Перуджино, Пинтуриккьо, Вольтеррано и Перуцци. Что касается Пинтуриккьо и Александра, Вазари рассказывает нам в своей “Вите искусства”, что над дверью одной из комнат в башне Борджиа художник нарисовал изображение Девы Марии по подобию Джулии Фарнезе (которая позировала ему в качестве модели), а Александр преклоняет перед ней колени в знак обожания, облаченный в полное понтификатство.

Это было бы ужасно, отвратительно, кощунственно. К счастью, это даже не равносильно неправдивой правде; и было бы хорошо, если бы всю ложь против Борджиа было так же легко опровергнуть. Верно, Пинтуриккьо действительно написал Джулию Фарнезе в образе Мадонны; верно также, что он изобразил Александра преклонившим колени в восхищении — но не перед Мадонной, совсем не на той картине. Мадонна, моделью для которой послужила Джулия Фарнезе, по словам Вазари, находится над дверным проемом. Коленопреклоненный Александр находится в другой комнате, и объект его обожания - Спаситель, восстающий из гроба.

Однако один уважаемый писатель за другим повторяют эту ложь Вазари и шокируют нас скандальным зрелищем папы, настолько развращенного и похотливого, что он преклоняет колени в папском одеянии в знак обожания у ног своей любовницы, изображенной в образе Девы Марии.

В октябре того же 1493 года Чезаре сопровождал своего отца в поездке в Орвието, которая, по-видимому, была частично предпринята в ответ на приглашение брата Джулии Фарнезе Алессандро.

Орвието в то время приходил в упадок и разорялся, уже не будучи тем процветающим центром, каким он был менее ста лет назад; но проницательный глаз Александра уловил его ценность как крепости, которую можно использовать как форпост Рима или как убежище во время опасности, и он приступил к его ремонту и укреплению. Следующим летом Чезаре был назначен губернатором по просьбе его жителей, которые отправили посольство к папе со своим предложением — без сомнения, в знак благодарности за его интерес к городу.

Но тем временем, ближе к концу 1493 года беспокойство короля Ферранте из-за постоянно растущих слухов о надвигающемся вторжении Франции усилилось из-за того факта, что папа еще не отправил своего сына Джуффредо в Неаполь жениться на донне Санча, как было договорено. Ферранте опасался интриг Милана с Александром и того, что последнего, в конце концов, можно будет склонить присоединиться к лиге севера. Охваченный дурными предчувствиями, старый король уже был готов отправиться в Милан, чтобы броситься к ногам Лодовико Сфорца, который теперь был его единственной надеждой, когда до него дошла весть, что его послам приказано покинуть Францию.

Этот смертельный удар по его надеждам был смертельным ударом и по самому человеку. Получив это известие, его сразил апоплексический удар, и 25 января 1494 года он ушел из этой жизни, не утешившись мыслью, что какой-либо из его планов хоть как-то предотвратил неминуемое крушение его дома.

Несмотря на все ходатайства и представления Александра, рассчитанные на то, чтобы побудить Карла VIII отказаться от своего вторжения в Италию; несмотря, ни много ни мало, на советы, которые он получал дома от таких дальновидных людей, к которым прислушивался, христианский король теперь был полон решимости предпринять поход, и его приготовления шли полным ходом. В марте месяце он принял титул короля Сицилии и направил Александру официальное уведомление об этом, требуя от папы принять его инвеституру и предлагая выплачивать ему большую ежегодную дань. Таким образом, Александру пришлось выбирать между гневом Франции и гневом Неаполя, и — если подвести самое низменное объяснение к его мотивам — он увидел, что опасность от врага на самых его границах будет более неминуемой, чем от врага за Альпами. Возможно также, что он решил руководствоваться своим чувством справедливости и поступать в этом вопросе так, как считал правильным. Какими бы мотивами он ни руководствовался, результатом стало то, что он отказался подчиниться воле христианского короля.

Консистория, принимавшая французского посла Перона де Баше, стала ареной бурных протестов, кардинал Джулиано делла Ровере, разумеется, поддержал посла и был поддержан в его акте неподчинения вице-канцлером Асканио Сфорца (который представлял в этом деле своего брата Лодовико) и кардиналами Сансеверино, Колонна и Савелли, все приверженные

интересам Франции. Перон де Баше до сих пор осмеливался, без сомнения, ободренный этой поддержкой, угрожать папе низложением, если тот будет упорствовать в своем отказе повиноваться королю Франции.

Вы еще раз видите это царственное отношение, и вскоре вы увидите его еще раз и убедитесь в его истинной ценности. В одной руке взятка в виде крупной ежегодной дани, в другой угроза низложения; именно так они вели свои дела со Святым Отцом. В этом случае его Святейшество воспользовался угрозой и отправил наглого посла в отставку. Делла Ровере, полагая, что во Франции у него есть более надежный союзник, чем в Неаполе, и видя, что он еще раз навлек на себя гнев папы своей открытой враждой, бежал обратно в Остию; и, не чувствуя себя там в безопасности, поскольку папские войска наступали на его крепость, сел на корабль в Геную, а оттуда во Францию, чтобы замышлять гибель папы вместе с разъяренным Карлом; и, поскольку обвинение в симонии было единственным оружием, с помощью которого они могли атаковать место Александра на папском престоле, обвинение в симонии было выдвинуто еще раз.

Его Святейшество отнесся к этому вопросу с подобающим ему величественным спокойствием. Он отправил своего племянника Джованни Борджиа в Неаполь короновать Альфонсо, и с ним отправился Джуффредо Борджиа, чтобы выполнить брачный контракт с дочерью Альфонсо и таким образом укрепить союз между Римом и Неаполем.

К осени Карл перешел Альпы с самой грозной армией, которая когда-либо отправлялась из Франции, численностью в полных девяносто тысяч человек. И так плохо велась война неаполитанскими генералами, которые были посланы держать его в узде, что появление французов под самыми стенами Рима было почти таким, что застало папу врасплох. Продвижение Карла с севера было настолько быстрым и беспрепятственным, что Александр презрительно сказал, что французские солдаты вошли в Италию с деревянными шпорами и мелом в руках, чтобы отмечать свои места дислокации.

Карл был хорошо принят интригующим Лодовико Сфорца, с которым он посетил замок Павия, и несчастным Джаном Галеаццо, который из-за долгого заключения, огорчений и других причин оказался в самом плачевном состоянии. Действительно, 22 октября, через несколько дней после этого визита, несчастный принц скончался. Независимо от того, отравил его Лодовико или нет, как утверждалось ранее — обвинение, которое, в конце концов, не основывается ни на доказательствах, ни даже на словах любого человека, которому можно доверять, — его смерть, несомненно, лежит на совести его честолюбивого дяди.

Чарльз был в Пьяченце, когда до него дошла весть о смерти Джана Галеаццо. Как добрый христианин, каким он себя считал, он заказал самые торжественные и внушительные похороны для бедного юноши, для которого при жизни ничего не сделал.

Джан Галеаццо оставил вдову с разбитым сердцем и двоих детей, которые унаследовали трон, который ему никогда не позволяли занять, — старшему, Франческо Сфорца, было пять лет. Тем не менее, Лодовико был избран герцогом Миланским. С этой целью он не только подкупил парламент Милана, но и убедил императора утвердить его в этом титуле. Император согласился с этим, стремясь замаскировать бессовестный поступок жалким софизмом. Он объяснил, что миланский трон изначально должен был принадлежать Лодовико, а не Галеаццо Марии (отцу Джана Галеаццо), потому что последний родился до того, как Франческо Сфорца стал герцогом Миланским, тогда как Лодовико родился, когда он уже был герцогом Миланским.

Похороны Джана Галеаццо завершились, и Чарльз двинулся дальше. Из Флоренции он издал свой манифест, и хотя в нем ограничивались притязания на Неаполитанское королевство и ни слова не говорилось о наказании папы за его неповиновение при коронации Альфонсо и за то, что он теперь в союзе с ним, это вызвало серьезное беспокойство в Ватикане.

Положение папы становилось чрезвычайно трудным; тем не менее, он принял послов Франции с самым дерзким видом, и 9 декабря отказался выдать патент на проход писем через Папские государства, которого требовали французы. Вслед за этим Карл угрожающе двинулся на Рим, и теперь к нему присоединились эти мятежные бароны Орсини, Колонна и Савелли.

Александра VI часто обвиняли в том, что на данном этапе он изменил направление и предал своих неаполитанских союзников; но его поведение, должным образом обдуманное, вряд ли можно приравнять к этому. Уступки, на которые он пошел Франции, были такими, какие мудрый и недостаточно обеспеченный человек должен сделать девяностотысячной армии. Быть безрассудным и донкихотски героичным не входит в обязанности пап; более того, Александру нужно было думать о Риме, поскольку Карл прислал сообщение, что в случае сопротивления он оставит все в руинах, тогда как, если ему будет предоставлен свободный проезд, он не причинит вреда и не допустит никакого грабежа в Риме.

Итак, папа сделал единственную вещь, соответствующую благоразумию: он превратил необходимость в добродетель и уступил там, где ему было совершенно невозможно сопротивляться. Он разрешил Чарльзу проход через свою территорию, которую Чарльз вполне мог забрать себе, если ему откажут. Последовал обмен комплиментами между папой и королем, и в начале января Карл вступил в Рим в таком воинственном облачении, которое вселило ужас в сердца всех зрителей. Об этом входе Паоло Джовио оставил нам впечатляющую картину.

Авангард состоял из швейцарских и немецких наемников — высоких парней, настоящих профессиональных воинов, великолепно державшихся в осанке и переступавших в такт ударам своих барабанов; они были одеты в пестрые, плотно облегающие одежды, которые подчеркивали всю их атлетическую стройность. Четвертая часть из них была вооружена длинными алебардами с квадратным лезвием, новыми для Италии; остальные тащили за собой десятифутовые пики и носили на поясах короткие мечи, в то время как на каждую тысячу из них приходилось по сотне аркебузирова. За ними последовала французская пехота, без доспехов, за исключением офицеров, которые носили стальные корсеты и головные уборы. За ними снова последовали пять тысяч гасконских арбалетчиков, каждый со своим арбалетом на плече — фаланга низкорослых, грубых парней, которых нельзя было сравнить с величественными швейцарцами. Затем последовала кавалерия, наступавшая эскадронами, сверкающими и блистательными в своих стальных доспехах; 2500 из них были в полных тяжелых доспехах, вооружены железными булавами и тяжелыми пиками, которые были обычны также в Италии. Каждый воин имел при себе трех лошадей, на которых восседали оруженосец и два камердинера (во Франции четверо мужчин идут на копье). Около 5000 кавалеристов были более легко вооружены, только в доспехах и головных уборах, и они несли длинные деревянные луки на английский манер; в то время как некоторые были вооружены пиками, предназначенными для завершения работы более тяжелой кавалерии. За ними следовали 200 рыцарей — самый цвет французского рыцарства по происхождению и доблести — с тяжелыми железными булавами на плечах, их доспехи были прикрыты пурпурными, расшитыми золотом плащами. За ними следовали 400 конных лучников, составлявших телохранителей короля.

Сам уродливый монарх был настоящей карикатурой на человека, отвратительного и гротескного, как горгулья. Он был невысокого роста, веретенообразный, рахитичный и уродливый, а о его лице с огромным носом, отвисшим ртом и неглубоким лбом Джовио говорит, что “это было самое уродливое, что когда-либо видел человек”.

Таков был характер молодого царя — в то время ему было двадцать четыре года, — который ввел свои легионы в Рим, причем все в полном вооружении, словно для немедленного разрушения. При свете факелов и пламени разожженных костров — ибо ночь наступила задолго до того, как арьергард вошел в город, — они выглядели расплывчатыми, фантастическими и устрашающими. Но самое внушающее благоговейный трепет зрелище из всех было приберегнуто для конца; оно состояло из тридцати шести артиллерийских орудий, замыкавших тыл, каждое из которых находилось на повозке, быстро запряженной лошадьми, а самое длинное имело длину восемь футов, весило шесть тысяч фунтов и выпускало железное ядро величиной с человеческую голову.

Король находился во дворце Сан-Марко, где для него было приготовлено жилище, и туда на следующий день после его въезда прибыл Чезаре Борджиа с шестью кардиналами из замка Сант-Анджело, куда удалился папа, чтобы прислуживать его христианскому величеству. Чарльз немедленно раскрыл всю полноту своих требований. Ему требовалась помощь и совет папы в завоевании Неаполя, к которому он приступал; чтобы Чезаре Борджиа был передан в его руки в качестве заложника, чтобы обеспечить дружелюбие папы; и чтобы замок Сант-Анджело был передан ему для использования в качестве убежища в случае необходимости или опасности. Кроме того, он потребовал, чтобы принц Джем — брат султана Баязета, который находился в руках папы римского, — был передан ему в качестве еще одного заложника.

Этот Джем (Джем, или Зизим, как по-разному пишется его имя) был вторым сыном Магомета II, трон которого он оспаривал со своим братом Баязетом после смерти их отца. Он собрал армию, чтобы подкрепить свои притязания, и не испытывал недостатка в сторонниках; но его брат потерпел поражение и обратился в бегство. В целях безопасности он сдался рыцарям Родоса, которых, как он знал, считал непримиримыми врагами Баязета. Они приняли его очень радушно, поскольку д'Обюссон, великий магистр Родоса, понимал, что обладание личностью принца было очень удачным обстоятельством для христианства, поскольку с помощью такого заложника турка можно было держать в повиновении. Соответственно, д'Обюссон отправил его во Францию и написал: “Пока Джем жив и находится в наших руках, Баязет никогда не осмелится начать войну против христиан, которые, таким образом, будут наслаждаться великим миром. Поэтому полезно, чтобы Джем оставался в нашей власти”. И во Франции Джема хорошо приняли, и к нему относились со всем уважением, подобающим человеку его княжеского звания.

Но он, похоже, стал предметом раздора между державами, некоторые из которых настаивали на том, что в их руках он мог бы принести христианству больше пользы, чем в руках Франции. Таким образом, король Венгрии потребовал его к себе, потому что, будучи соседом Баязета, он постоянно опасался турецких набегов. Фердинанд Испанский возжелал его, потому что обладание им помогло бы католическому королю в изгнании мавров. Ферранте Неаполитанский страстно желал его, потому что жил в постоянном страхе перед турецким вторжением.

В конце концов его отправили в Рим, куда он добровольно отправился по совету родосских рыцарей, пленником которых он действительно считал себя. Они обнаружили, что Баязет

предлагал Чарльзу огромные взятки за его выдачу, и они боялись, как бы Чарльз не поддастся искушению.

Итак, принц Джем приехал в Рим во времена правления папы Иннокентия VIII и с тех пор оставался там, а султан Баязет назначал папе ежегодное пособие в размере сорока тысяч дукатов для надежной опеки над его братом. Он был добровольным пленником или, скорее, добровольным изгнанником, поскольку в Риме к нему относились со всем уважением, он свободно общался с окружением Папского двора и его часто видели за границей в компании папы и герцога Гандийского.

Теперь Карл знал, что папа, опасаясь французского вторжения и видя тщетность всех его попыток отговорить Карла от высадки в Италии, обратился за помощью к Баязету. За это он был подвергнут суровому порицанию, и не без основания, поскольку картина, на которой Глава христианства обращается к неверным с просьбой помочь ему в борьбе с христианами, не является назидательной. Тем не менее, это получает некоторое оправдание, когда мы размышляем о том, каково было отношение тех же самых христиан к своему Главе.

Сам Баязет, впавший в панику при мысли о том, что Джем попадет в руки короля, который намеревался совершить на него набег, ответил папе, умоляя его Святейшество “избавить Джема от невзгод этого мира, а его душу перенести в другой, где он мог бы наслаждаться большим покоем”. За эту услугу он предложил папе 300 000 дукатов, которые будут выплачены при доставке тела принца; и если цена была высока, то и услуга требовалась высокая, поскольку это обеспечило бы Баязету душевный покой, на который он не мог надеяться, пока жив его брат.

Это письмо было перехвачено Джованни делла Ровере, префектом Синигальи, который очень быстро передал его своему брату, кардиналу Джулиано. Кардинал, в свою очередь, представил его королю Франции, который теперь потребовал от папы выдачи этого Джема в качестве еще одного заложника.

Александр начал с того, что отклонил предложения короля по отдельности и коллективно, но Карл заставил его пересмотреть свой отказ, и таким образом, снова оказавшись между мечом и стеной, папа был вынужден подчиниться. 15 января был составлен и подписан мирный договор, в котором король, со своей стороны, обещал признать папу римского и поддерживать его во всех его правах.

На следующий день Карл совершил торжественный акт поклонения понтифику в Консистории, поцеловав его кольцо и ногу и заявив о повиновении ему, как когда-либо делали короли Франции, его предки. Слова на деле!

Карл оставался в Риме еще двенадцать дней и, наконец, 28 января отправился на завоевание Неаполя. Сначала он торжественно отправился проститься с папой, и они расстались со всеми внешними признаками взаимного уважения, которого они, безусловно, не могли испытывать. Когда Чарльз преклонил колени для благословения папы Римского, Александр поднял его и обнял; в то время как Чезаре завершил демонстрацию дружелюбия, подарив Чарльзу шесть красивых скакунов.

Сразу после этого они отправились в путь, французский король взял с собой своих заложников, ни одного из которых ему не суждено было удерживать долго, а Чезаре ехал на почетном месте справа от него.

Той ночью армия стояла у Марино, а на следующую - у Веллетри. В последнем городе Карла встретил посол Испании Антонио да Фонсека. Фердинанд и Изабелла были наконец тронуты желанием подружиться со своими неаполитанскими кузенами, которых все остальные теперь покинули, и в то же время служить своим собственным интересам. Их посол потребовал, чтобы Карл отказался от своего предприятия и вернулся во Францию, иначе он будет готов к войне с Испанией.

Весьма вероятно, что Чезаре знал об этом ультиматуме Карлу и что это знание повлияло на его поведение. Как бы то ни было, он выскользнул из Веллетри глубокой ночью под видом конюха. В полумиле от города его ждал Франческо дель Сакко, офицер подесты Веллетри, с лошадей, на которой он помчался обратно в Рим, куда прибыл вечером 30-го. Он направился прямо в дом некоего Антонио Флореса, аудитора Трибунала Руоты и человека, пользующегося его доверием, которому благодаря его влиянию и протекции было суждено подняться до высокого положения архиепископа Авиньонского и папского нунция при французском дворе.

Чезаре остался в доме Флореса, сообщив папе о своем присутствии, но не пытаясь приблизиться к Ватикану. На следующий день он удалился в крепость Сполето.

Тем временем Рим был повергнут в панику действиями молодого кардинала и опасением репрессий со стороны Франции. Потрясенный муниципалитет отправил представителей к Карлу, чтобы заверить его, что Рим не имеет никакого отношения к этому нарушению договора, и умолять его не навлекать это на город. Король направил специальное посольство к папе, и там, по-видимому, прекратили это дело, поскольку несколько дней спустя Чезаре снова появился в Ватикане.

Карл, тем временем, несмотря на угрозы Испании, продолжал добиваться своего легкого завоевания.

Король Альфонсо уже бежал из королевства (25 января), отрекшись от престола в пользу своего брата Федерико. Его общепризнанной целью было удалиться на Сицилию, удалиться от мира и покаяться в своих грехах, для чего, без сомнения, было достаточно поводов. Настоящей причиной была, вероятно, — как полагает Коммин, — трусость; ибо, как говорит этот француз, “Человек жесток, но не вынослив”.

Защита Федерико вверенного ему королевства не была заметной, поскольку французы вошли в Неаполь почти без единого удара в течение двадцати дней после своего отъезда из Рима.

Едва Карл снял доспехи, как смерть отняла у него второго заложника, которого он привез из Ватикана. 25 февраля, после недельной болезни, принц Джем умер от дизентерии в замке Капуа, куда его отправил Карл.

Слухи о том, что он был отравлен папой римским, возникли почти сразу; но, учитывая, что с момента его расставания с Александром прошло двадцать восемь дней, даже с самыми благими намерениями в мире было довольно трудно поверить в это отравление, пока не возникла блестящая идея и не была обнародована, что использованный яд представлял собой “белый порошок” из неизвестных компонентов, который действовал медленно и убивал жертву через некоторое время после введения. Таким образом, с помощью смелого и наглого изобретения невозможная ложь была придана возможному облику.

И в этом, скорее всего, кроется происхождение знаменитого секретного яда Борджиа. Будучи изобретенным в связи с предполагаемым отравлением принца Джема, которое всеми правдами и неправдами хотели повесить на папу римского, оно было признано в целом слишком ценным изобретением, чтобы его не использовать снова. С его помощью стало возможным возложить почти любую смерть в мире на дверь Александра.

Прежде чем продолжить дальнейшее изучение этого конкретного случая, давайте здесь и сейчас скажем, что точно так же, как сегодня науке не известен неорганический токсин, который либо неделями оставался бы под паром в организме человека, чтобы внезапно активизироваться и убить, либо все же убивал медленно, требуя нескольких недель в процессе, так и в эпоху Борджиа или любую другую ничего подобного не было известно.

Наука действительно скажет вам, что само понятие любого подобного яда вопиюще абсурдно и что такое токсическое действие противоречит всем законам природы.

Но в научном исследовании нет необходимости. Для наших нынешних нужд аргументов здравого смысла должно быть вполне достаточно. Этот яд — этот белый порошок — считался секретом Борджиа. Если это так, то каким Борджиа был разглашен секрет его существования? Или, если это никогда не было разглашено, откуда стало известно, что они когда-либо пользовались столь секретным ядом, действующим на таких расстояниях во времени?

Сама природа его предполагаемого действия была такова, что полностью скрывала руку, которая его применяла; и все же здесь, в первом зафиксированном случае его предполагаемого использования, это было более или менее общеизвестно, если верить Джовио и Гвиччардини!

Сагредо (1) говорит, что Джем умер в Террачине через три дня после того, как был передан Карлу VIII, от яда, введенного Александром, которому Баязет пообещал крупную сумму денег за это деяние. Практически то же самое утверждает Джовио, за исключением того, что Джовио стал причиной его смерти позже и в Газте; Гвиччардини и Корио рассказывают похожую историю, но сообщают нам, что он умер в Неаполе.

1 В воспоминаниях. *Storiche dei Monarchi Ottomani*.

Обвинение Папы Римского в отравлении Джема полностью основывается на авторитете этих четырех авторов, и примечательно, что в четырех повествованиях мы находим разные даты и три разных места, указанные в качестве даты и места смерти турка, и что еще более примечательно, что ни в одном из этих четырех случаев дата или место не указаны правильно.

Теперь место, где умер Джем, и дата его смерти были общеизвестными фактами, в которых не было никакой тайны; они должны были быть установлены — как это происходит до сих пор — любым кропотливым экспертом. С другой стороны, его отравление, по общему признанию, было делом тайным, истину о котором невозможно было установить с полной окончательностью. И все же они знают все секреты этого отравления, эти четыре ловких писателя, которые не могут точно сказать нам, где и когда умер этот человек!

Мы отвернемся от вымыслов, которые они нам оставили, — которые, увы! последующие авторы слишком часто предпочитали их подлинным фактам, которые были так же доступны им, но,

конечно, были менее сенсационными, — и вместо этого мы рассмотрим свидетельства тех современников, которые, по крайней мере, знают время и место кончины Джема.

Если бы кто-либо из живущих мог знать о секретном яде Борджиа на данном этапе, то этим человеком был Берчард Церемониариус, и, если бы он знал об этом, ни на минуту не замолчал бы по этому поводу. Однако в его дневниках вы не найдете ни слова об этом секретном яде, а относительно смерти Джема он записывает, что “25 февраля упомянутый Джем умер в замке Капуа от мяса или питья, которые ему не понравились”.

Панвинио, который, будучи неаполитанцем, вряд ли был слишком дружелюбен к папе — что, впрочем, он доказывает снова и снова — положительно сообщает нам, что Джем умер от дизентерии в Капуе.⁽¹⁾

1 Vitis Pontif. Рим.

Сануто в письме Совету Десяти сообщает, что Джем заболел в Капуе катаром, который “спустился к нему в желудок”; так он и умер.

А теперь обратите внимание на рассуждения Сануто после его смерти, которые являются теми самыми рассуждениями, которые мы сами должны были бы использовать, чтобы окончательно развеять эту болтовню об отравлении, если бы мы не сочли их ожидающими цитирования, следовательно, более авторитетными, чем это могло быть от нас, и совершенно неопровержимыми и окончательными по своей логике. “Эта смерть очень вредна для короля Франции, для всей Италии и, главным образом, для папы римского, который, таким образом, лишается 40 000 дукатов ежегодно, которые выплачивал ему его брат [Джема] за его опеку. И король показал, что сильно опечален этой смертью, и возникло подозрение, что папа отравил его, в что, однако, не следовало верить, так как это было бы ему во вред”.

Именно так — к его собственной бесконечной потере не только 40 000 дукатов ежегодно, но и той власти, которую опека Джема давала ему над турками.

Причиной, названной теми, кто обвинил Александра в этом преступлении, была взятка в размере 300 000 дукатов, предложенная Баязетом в перехваченном письме. Предложение, которое, кстати, так и не дошло до папы римского, было немедленно воспринято как доказательство его принятия — исключительный случай следования причины за следствием, метод, слишком распространенный у борджианских хронистов. Более того, они полностью упустили из виду то обстоятельство, что из-за смерти Джема от рук Франции папа не мог предъявить никаких претензий к Баязету.

Наконец, — хотя есть опасность утомиться в этом вопросе — они также забыли, что много лет назад Баязет предложил Карлу такую взятку за жизнь Джема, которая заставила рыцарей Родоса выдворить турка из-под контроля Франции. Исходя из этого обстоятельства, они могли бы, если бы это соответствовало их склонностям, выдвинуть более веские обвинения в отравлении против Карла, чем против папы Римского, и им не пришлось бы изобретать токсин, которому нет места ни в одной земной фармакопее.

Из этого не следует, что существует какая-либо тень обвинения против Чарльза. Джем умер совершенно естественной смертью, как установлено единственными властями, компетентными

высказываться по этому вопросу, и его смерть была против интересов всех, кроме его брата Баязета; и ни против кого так сильно, как против папы римского.

ГЛАВА II. ПАПА РИМСКИЙ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ

К середине марта того же 1495 года завоевание Неаполя было полностью свершившимся фактом, и французы упивались своей победой, расслаблялись и веселились в столице побежденного королевства.

Но на севере Лодовико Сфорца - ныне герцог Миланский де-факто, как мы видели, — приступил ко второй части игры, которая должна была состояться. У него был ценный союзник в Венеции, которая не слишком благосклонно относилась к французам и была полностью настроена собрать свои силы против общего врага. Совет десяти отправил своего посла Зорзи к Папе римскому с предложением заключить союз.

До Карла в Неаполе дошли вести о формирующейся лиге. Он посмеялся над этим, и этот вопрос стал предметом насмешек в некоторых комедиях, которые разыгрывались для развлечения его Двора. Тем временем интрига против него продолжалась; 26 марта его Святейшество послал Золотую розу дожу, а в Вербное воскресенье в соборе Святого Петра была торжественно провозглашена лига. Его условия были расплывчатыми; в нем не было ничего, что непосредственно угрожало бы Чарльзу; просто было объявлено, что он был создан для общего блага. Но на севере неуклонно собирались силы, чтобы отрезать французам путь к отступлению, и внезапно Лодовико Сфорца отбросил маску и атаковал французский флот в Генуе.

Наконец Чарльз осознал грозящую ему опасность и начал заботиться о своей безопасности. Он быстро организовал оккупацию Неаполя и, оставив Монпансье вице-королем, а д'Обиньи генерал-капитаном, отправился со своей армией в Рим, намереваясь вывести папу из лиги; поскольку папа, будучи непосредственным соседом Неаполя, был бы столь же опасен как враг, сколь ценен как союзник для Карла.

Он прибыл в Рим 1 июня. Однако папы римского там не было, чтобы принять его. Александр отбыл 28 мая в Орвието в сопровождении Чезаре, Священной коллегии, 200 латников и 1000 всадников и 3000 пеших, предоставленных Венецией. В Орвието 3 июня понтифик принял посла императора, который присоединился к лиге, а 4 июня он отказал в аудиенции послу Франции, присланному к нему из Рончильоне, где король остановился. Карл, проявив настойчивость, послал снова, полный решимости повидаться с папой; но Александр, столь же решительно настроенный не встречаться с королем, направился со своим эскортом в Перуджу.

Там его Святейшество пребывал до тех пор, пока французы и итальянцы не встретились на реке Таро и не вступили в битву при Форново, в которой обе стороны одержали победу. Если единственной целью Карла было прорваться, то победа, несомненно, была за ним, поскольку

ему определенно удалось прорубить путь через итальянцев, которые оспаривали его проход. Но он сильно пострадал и оставил большую часть своей драгоценной артиллерии, палатки и повозки, а также огромную неаполитанскую добычу, которую он вез домой, нагрузив ею (по словам Грегоровиуса) двадцать тысяч мулов. Все это попало в руки итальянских союзников под командованием Гонзаги Мантуанского, в то время как отступление Карла из Форново было больше похоже на бегство. Таким образом, он вернулся во Францию, ничуть не улучшив своего похода, и единственным знаком своего путешествия, который он оставил после себя, была отвратительная болезнь, которая с приходом французов в Италию впервые проявилась в Европе и которую итальянцы сделали им сомнительный комплимент, назвав “французской болезнью” — morbo gallico, или il mal francese.

Во время визита папы в Перуджу произошел инцидент, который не лишен значения для изучения его характера и того, какой характер оставили о нем его современники и другие.

В то время в Перудже жила молодая монахиня ордена Святого Доминика, которая шла путем святой Екатерины Сиенской, по имени Коломба да Риети. Вы найдете кое—что чудесное о ней в перуджийских хрониках Матараццо, которые, если уж на то пошло, изобилуют чудесными вещами - в основном слишком чудесными, чтобы быть правдой.

Когда он имеет дело с событиями, происходящими за стенами его родного города, Матараццо, как историк, вызывает презрение, уступающее только тем, кто цитирует его как авторитет. Когда он занимается делами, которые, так сказать, происходили у него на глазах, он достоин если не похвалы, то, по крайней мере, внимания, поскольку его “атмосфера” ценна.

Об этой сестре Коломба Матараццо рассказывает нам, что она ничего не ела и не пила, если не считать иногда немного мармелада, да и то редко. “В день ее приезда в Перуджу (это произошло в 1488 году), когда она переходила мост Святого Джанни, несколько молодых людей попытались поднять на нее руки, потому что она была миловидной; но когда они сделали это, она показала им фрукт мармелад, который несла в белой салфетке, после чего они мгновенно лишились сил и рассудка”.

Далее он рассказывает нам, как она уходила из жизни на час или два, а иногда и на полдня, и ее пульс переставал биться, и она казалась совершенно мертвой. И тогда она вздрагивала и снова приходила в себя, и пророчествовала будущее, и угрожала катастрофой. И еще: “Однажды утром было обнаружено, что у нее выпали два зуба, что произошло во время борьбы с дьяволом; и за многочисленные ходатайства, которые она совершала, и за скандалы, которые она исправляла своими молитвами, люди стали называть ее святой”.

Несмотря на все это и тот факт, что она жила без пищи, он говорит нам, что братья святого Франциска мало верили в нее. Тем не менее община построила для нее очень прекрасный монастырь, который был богато одарен, и многие монахини приняли обычаи ее Ордена.

Случилось так, что, будучи в студенческие годы в Перудже, Чезаре стал свидетелем чуда, совершенного этой бедной девушкой, пребывающей в экстазе; или, скорее, он прибыл на место происшествия — в церковь Святой Екатерины Сиенской, — чтобы найти ее с маленьким обнаженным мальчиком на коленях в центре возбужденной, обезумевшей толпы, которая громко провозглашала, что ребенок был мертв и что она воскресила его. Это было заявление, с которым доминиканский приор, по-видимому, не был расположен безоговорочно согласиться,

поскольку, когда к нему обратились с предложением зазвонить в колокола в честь этого события, он не признал, что видит какие-либо причины санкционировать такой ход событий.

Однако за несколько лет, прошедших с тех пор, сестра Коломба приобрела ту громкую репутацию, о которой рассказывает нам Матараццо, так что по всей равнине Тибра доминиканцы передавали ее славу из монастыря в монастырь. В декабре 1495 года Карл VIII услышал о ней в Сиене, и его охватило любопытство, которое он счел благочестивым, — то самое любопытство, которое заставило одного из его приближенных умолять Савонаролу совершить “всего лишь маленькое чудо” для развлечения короля. Вы можете представить себе, как мрачный фанатик принял это приглашение.

Теперь папа воспользовался возможностью своего пребывания в Перудже, чтобы нанести визит Коломбе да Риети, и нет никаких сомнений в том, что он сделал это в критическом духе. В сопровождении Чезаре и нескольких кардиналов и джентльменов из его свиты он отправился в церковь Святого Доминика, и приор проводил его в келью сестры — тот самый, который в студенческие годы Чезаре отказывался звонить в колокола.

Увидев великолепную фигуру понтифика, заполнившую дверной проем ее маленькой комнаты, сестра Коломба упала к его ногам и, ухватившись за подол его платья, несколько мгновений оставалась расprostертой и безмолвной, пока, наконец, робко не поднялась. Александр задал ей несколько вопросов, касающихся Божественных Тайн. Сначала она охотно отвечала на эти вопросы, но по мере того, как его вопросов становилось все больше, она запинаясь, смущалась и замолкала, стоя перед ним бледная и дрожащая, без сомнения, очень жалкая фигура. Папе это не понравилось, и он повернулся к приору, требуя объяснений, и строго предупредил его: “*Caveto, Pater, quia ego Papa sum!*”

Это привело приора в замешательство, и он принялся объяснять, что на самом деле она была очень замечательной, что сам он сначала не поверил в нее, но увидел так много, что обратился. На этом этапе Чезаре пришел ему на помощь, засвидетельствовав, насколько мог, что он сам видел, как приор дискредитировал ее, когда другие уже приветствовали ее как святую, а потому, если он сейчас был убежден, у него должны были быть очень веские доказательства, чтобы убедить его. Мы можем представить благодарность приора молодому кардиналу за это своевременное слово, когда он увидел, что ему грозит опасность быть привлеченным к ответственности за подстрекательство к самозванству.

Каким было мнение Александра о ней в конце концов, мы не знаем; но мы точно знаем, что он не был легковерным. Когда, например, он услышал, что стигматы якобы появились на теле Лючии ди Нарни, он сделал то, чего можно было ожидать от скептика нашего времени, а не от церковника его суеверного века — он послал своих врачей осмотреть ее.

Это лишь один пример его здравого отношения к сверхъестественным проявлениям. Его холодное, спокойное суждение заставляло его стремиться всеми доступными и практичными средствами отличать истинное от ложного в эпоху, когда люди из-за своей доверчивости были слишком готовы стать добычей любого самозванца. Это свидетельствует о широте ума, совершенно выходящей за рамки того времени, в котором он жил. Ведьм и чернокнижников, которых в других местах — и даже в гораздо более поздние эпохи, как в протестантских, так и в католических государствах — предавали огню, он презрительно игнорировал. Несчастные мавры и евреи, которые в других частях Европы подвергались преследованиям Святой

инквизиции и сжигались на кострах как акт веры во благо своих душ и во имя большей чести и славы Божьей, нашли в Александре терпимого защитника, а в Риме надежное убежище.

Эти обстоятельства, касающиеся его, недостаточно известны; полезно знать их ради них самих. Но, помимо этого, они имеют большую историческую ценность, которую следует учитывать. Трудно представить, что такую широту взглядов можно было терпеть у папы римского на заре шестнадцатого века. Времена для этого еще не созрели; люди этого не понимали; а то, чего люди не понимают, они жаждут объяснить и умеют объяснять по-своему и в соответствии со своими представлениями.

Папа, который делал такие вещи, не мог быть хорошим Папой, поскольку такие вещи должны были вызывать отвращение у Бога — таким, каким люди тогда представляли Бога.

Понять это - значит понять большую часть плохого отношения к Александру и его семье, поскольку именно это является источником большей его части. Поскольку он не сжигал ведьм и магов, вскоре поговаривали, что он сам был чернокнижником и практиковал черную магию. Возможно, это не было беспричинной клеветой; это было сказано искренне, поскольку это была единственная причина, которая, по мнению "Таймс", могла объяснить его сдержанность. Поскольку он терпимо относился к маврам и евреям, вскоре одни говорили, что он мавр, другие - что он еврей, а третьи до сих пор считают его и тем, и другим.

Что же тогда удивительного, если злобный кардинал Джулиано делла Ровере ядовито окрестил его мавром и евреем, а бешеный фанатик Савонарола завопил, что никакой он не папа, что он не христианин и ни в какого Бога не верит?

Его неправильно понимали в этих вопросах, и его считали неверующим, и не было слишком невозможного преступления, чтобы повесить его на человека, который считался таковым в Италии эпохи Чинквеченто.

Однако Александр был очень далек от того, чтобы быть неверующим, очень далек от того, чтобы не быть христианином, очень далек от того, чтобы не верить в Бога, о чем он оставил множество свидетельств в Буллах, которые он издал во время своего понтификата. Безусловно, неверно предполагать — и на это указывает Л'Эспинуа, — что частная жизнь, которая, по-видимому, игнорирует заповеди Церкви, должна исключать возможность общественной жизни, посвященной служению Церкви. Это далеко не так. Такое положение вещей — такое раздвоение личности — ни в коем случае не противоречит церковникам пятнадцатого или, если уж на то пошло, двадцатого века.

Вся правда об этом содержится в португальской рифме, которую можно приблизительно перевести:

Здраво проповедует отец Томас.

Не делай, как он; делай, как он учит.

Развратник может проповедовать добродетель с благотворным эффектом, точно так же, как человек может проповедовать гигиену, не испытывая связанных с ней лишений, или может спасти вас от диспепсии, указав вам на то, что неперевариваемо, не воздерживаясь от этого сам.

Таков был случай Александра VI, как мы вправе заключить на основании сохранившихся свидетельств.

Давайте рассмотрим апостольское рвение, проявленное в его Булле о даровании Америки Испании. Это было практически признано — как покажут сами условия соглашения — при условии, что Испания должна использовать предоставленное ей господство над Новым Светом для распространения христианской веры, обращения и крещения язычников. Это строго предписано и подчеркнуто в приказе о том, что Испания должна послать богобоязненных людей, сведущих в религии и способных обучать ей жителей новооткрытых земель.

Так Александр изобрел миссионера.

Королю Португалии Мануэлю Удачливому, который искал его власти для завоевания Африки, он также повелел позаботиться о том, чтобы там почитали имя Спасителя, распространяли и чтити католическую веру, с тем чтобы король “мог обрести вечную жизнь и благословение Святого Престола”.

Солдатам, отправляющимся в этот поход, его Святейшество даровал те же индульгенции, что и тем, кто сражался в Святой Земле, и он помог королям Испании и Португалии в распространении христианства из церковной казны.

Он послал в Америку дюжину детей святого Франциска в качестве апостолов проповедовать Веру и наделил их величайшими полномочиями.

Он со строгостью преследовал еретиков Богемии, которые непристойно оскорбляли Церковь и таинства, и точно так же он поступил с “пикардийцами” и “водуа”. Против лангобардских бесноватых, которые осмелели, объединились и причинили огромное зло собственности, жизни и религии, Александр поднял свою могучую руку.

Затем есть его Булла от 1 июня 1501 года против тех, кто уже использовал во зло недавно открытый печатный станок. В этом он выступал против печатания материалов, наносящих ущерб здоровому вероучению, хорошим манерам и, прежде всего, католической вере, или чего-либо такого, что могло бы вызвать скандал у верующих. Он пригрозил печатникам нечестивых произведений отлучением от церкви, если они будут упорствовать, и задействовал светское оружие, чтобы наказать их как мирским, так и духовным образом. Он приказал подготовить указатели всех произведений, содержащих что-либо вредное для религии, и наложил запрет на отлучение от церкви всех, кто будет читать книги, проиндексированные таким образом.

Так Александр изобрел Index Expurgatorius.

Существует множество свидетельств того, что он был ревностным прихожанином, а о его чрезвычайной преданности Пресвятой Деве, в честь которой он возродил звон колокола Angelus, будет рассказано позже.

Какой бы ни была его личная жизнь, бесполезно пытаться показать, что его общественная карьера была посвящена не только поддержанию достоинства и чести Церкви.

ГЛАВА III. РИМСКИЕ БАРОНЫ

Изгнав Карла VIII из Италии, союзникам все еще оставалось устранить все следы его отъезда из Неаполя и восстановить правление Арагонского дома. В этом им помогли Фердинанд и Изабелла, которые послали армию под командованием выдающегося солдата Гонсало де Кордобы, известного в свое время как Великий полководец.

Он высадился в Калабрии весной 1496 года, и на этой и без того сильно опустошенной земле с новой силой вспыхнула война. К испанцам присоединились союзные войска Венеции и церкви под предводительством маркиза Гонзаги Мантуанского, предводителя итальянцев в Форново.

Лодовико вышел из состава лиги и снова заключил соглашение с Францией ради собственной безопасности. Но его двоюродный брат, Джованни Сфорца, тиран Пезаро - муж Лукреции Борджиа — продолжал служить в папской армии во главе кондотты из 600 копейщиков. Другим командиром в тех же рядах был один из 700 копейщиков под командованием юного Джуффредо Борджиа, ныне принца Сквиллаче и мужа доньи Сансии Арагонской, дамы чрезвычайно распущенных нравов, которая принесла в Рим привычки, приобретенные при самом распущенном дворе того распущенного века.

Французы потеряли Неаполь еще легче, чем завоевали его, и к 7 июля Фердинанд II смог вернуться в свою столицу и вновь взойти на трон. Д'Обиньи, французский генерал, отступил во Францию, в то время как Монпансье, вице-король, удалился в Поццуоли, где и умер в следующем году.

Ничто не могло лучше соответствовать целям Александра, чем сложившееся положение вещей, дававшее ему возможность сломить власть наглых римских баронов, которые уже так досаждали ему. Итак, в Консистории от 1 июня он опубликовал Буллу, согласно которой неевреи Вирджинио Орсини, Джанджордано Орсини и его незаконнорожденные дети Паоло Орсини и Бартоломео д'Альвиано были объявлены вне закона за то, что вместе с Францией выступали с оружием в руках против Церкви, а их имущество было конфисковано у государства. Этот указ должен был быть приведен в исполнение мечом, и в связи с надвигающейся войной герцог Гандийский был отозван в Рим. Он прибыл в начале августа, оставив в Гандии свою жену Марию Энрикес, племянницу Королевского дома Испании. Именно Чезаре Борджиа проявил инициативу в пышности, с которой его брат был принят в Риме, выехав во главе всего папского двора, чтобы встретить и поприветствовать молодого герцога.

Помимо того, что Джованни Борджиа был герцогом Гандии, он уже был герцогом Сессы и принцем Теано, и эти дополнительные звания были присвоены ему по случаю женитьбы его брата Джуффредо на донне Санча. К ним папа теперь добавил губернаторство Витербо и вотчину Святого Петра, лишив кардинала Фарнезе последнего поста, чтобы передать его этому горячо любимому сыну.

Несколько месяцев спустя, в октябре, в Венеции распространился слух, что Гандиа привез из Испании женщину для своего отца и что последний взял ее жить к себе. История изложена в Сануто, и, конечно же, была раскопана и подана большинством историков и эссеистов. Положительно нельзя сказать, что это не соответствует действительности; но можно сказать, что это неподтверждено. Например, в Дневнике Берчарда об этом нет ни слова, и если вы подумаете, насколько готовым хроникером скандальных событий был этот Церемониймейстер, вы, без сомнения, придете к выводу, что, если бы у венецианской истории были какие-то основания, Берчард никогда бы не умолчал об этом.

Папа взял к себе на жалованье этого выдающегося кондотьера, герцога Гвидобальдо Урбинского, которому позже предстояло ощутить на себе безжалостную мощь Чезаре. Теперь командованию Гвидобальдо была доверена карательная экспедиция против Орсини, и с ним должен был отправиться герцог Гандии, якобы для того, чтобы разделить руководство, на самом деле для того, чтобы под руководством такого способного мастера он мог пройти обучение оружейному ремеслу. Итак, 25 октября Джованни Борджиа был очень торжественно возведен в сан гонфалоньера Церкви и генерал-капитана папских войск. В тот же день в соборе Святого Петра были освящены три штандарта— один - папский гонфалон с гербом Церкви, а два других - личные знамена Гвидобальдо и Гандии. Два кондотьера присутствовали на церемонии, облаченные в полные доспехи, и получили белые дубинки, которые были эмблемами их командования.

На следующий день армия выступила в путь в сопровождении кардинала де Луна в качестве папского легата, и в течение месяца сдались десять опорных пунктов Орсини.

До сих пор все было легко для папских войск; но теперь Орсини сплотились в последних трех оставшихся у них крепостях — Браччано, Тревиньяно и Ангильяре, и их сопротивление внезапно приобрело упорный характер, особенно сопротивление в Браччано, капитаном которого был Бартоломео д'Альвиано, умный, находчивый молодой солдат, которому суждено было далеко продвинуться. Таким образом, кампания, столь легко проведенная в начале, потерпела неудачу, из-за которой затянулась до зимы. И теперь бароны получили дальнейшее подкрепление. Вителлоццо Вителли, тиран Читта-ди-Кастелло, пришел на помощь Орсини, как и мятежный Бальони из Перуджи, делла Ровере в Риме и все те, кто был враждебен Александру VI. Однако, с другой стороны, бароны Колонна и Савелли встали на сторону папы римского.

Тревиньяно уже пал, и атака папской армии была сосредоточена на Браччано. Оказавшись в тяжелом положении и перерезав все поставки, Бартоломео д'Альвиано был поставлен на грань капитуляции, когда из-за холмов появился Карло Орсини с людьми Вителлоццо Вителли, чтобы заставить папские войска врасплох и обратить их в полное бегство. Гвидобальдо попал в плен, в то время как герцог Гандийский, Фабрицио Колонна и папский легат чудом спаслись и укрылись в Рончильоне, сын папы был слегка ранен в лицо.

Это было суровое и внезапное завершение войны, начавшейся под таким прекрасным покровительством понтификалов. И все же, несмотря на это поражение, в результате которого оружие и обоз оказались в руках врага, папа выиграл от кампании, отвоевав у Орсини одиннадцать крепостей в обмен на одно проигранное сражение.

Теперь бароны приготовились использовать свое преимущество и завершить победу; но папа поставил им точку, обратившись к Гонсало де Кордобе, который незамедлительно отреагировал

и вместе с Просперо Колонна пришел на помощь Церкви. Он осадил Остию, которая удерживалась для кардинала делла Ровере, и вынудил ее к быстрой капитуляции, тем самым практически прекратив сопротивление Орсини. В настоящее время могущество баронов было сломлено, и они были вынуждены заплатить Александру сумму в 50 000 дукатов, чтобы выкупить захваченные крепости.

Гонсало де Кордоба триумфально въехал в Рим, приведя с собой Мональдо да Гуэрру, несчастного защитника Остии, закованного в цепи. Он был с большим почетом принят герцогом Гандийским в сопровождении своего шурина Джованни Сфорца, и они сопровождали его в Ватикан, где его ожидал папа римский.

Это был лишь один из многих случаев, когда именно в то время Джованни Сфорца появлялся на публике в тесном общении со своим тестем, папой римским. Бурхард упоминает о его присутствии при благословении свечей в Праздник Очищения и показывает его нам как подсвечника, стоящего по правую руку от папы Римского. Снова мы видим его в Вербное воскресенье в сопровождении Александра, они с Гандией стоят вместе на ступенях папского престола в Сикстинской капелле во время Благословения Пальм. Там и в других местах муж Лукреции занимал видное место в глазах общественности в те месяцы февраля и марта 1497 года, и мы обычно видим, как он делит с герцогом Гандийским честь непосредственного присутствия при понтифике, и все это лишь подчеркивает его внезапное исчезновение со сцены.

Вопрос о его внезапном и поспешном бегстве из Рима - это тот, в отношении которого маловероятно, что истинные и полные факты когда-либо будут раскрыты. В то время в обществе ходили слухи, что его брак с Лукрецией не был счастливым, и этот разлад омрачал их совместную жизнь. Жалоба Лукреции, о которой сообщалось по этому поводу, сейчас представляется нам несколько расплывчатой, что бы она ни выражала в то время. Она жаловалась, что Джованни "неподходящим образом составлял ей компанию", (1) что может быть истолковано как означающее, что между ними не царила хорошая гармония, или, что почти с таким же успехом, что существовали канонические основания для жалобы на него как на мужа, которым впоследствии было отдано формальное предпочтение и которые послужили основанием для развода. Также возможно, что амбиции Александра побудили его расторгнуть брак до конца, чтобы она могла снова стать свободной пешкой в его далеко идущей игре.

1 "Che non gli faceva buona compagnia."

Все, что мы точно знаем, - это то, что однажды вечером на Страстной неделе Сфорца сел на турецкую лошадь и под предлогом поездки в церковь Сант-Онофрио подышать свежим воздухом выскользнул из Рима, причем так отчаянно мчался верхом, что двадцать четыре часа спустя был дома в Пезаро, а его лошадь упала мертвой, когда он добрался до города.

Несомненно, его охватила какая-то ужасная паника, и это скорее придает колорит истории, рассказанной Альмерици в "Воспоминаниях Пезаро". Согласно этому, управляющий сеньора Пезаро Джакомино однажды вечером находился в апартаментах Лукреции, когда доложили о приходе Чезаре, после чего, по приказу Лукреции, Джакомино спрятался за ширмой. Кардинал Валенсии вошел и непринужденно переговорил со своей сестрой, суть его разговора заключалась в том, что был отдан приказ о смерти ее мужа.

Из этого следует вывод, что Джованни был предоставлен выбор в вопросе развода и что он отказался участвовать в нем, после чего было решено устранить его еще более эффективным способом.

Как бы то ни было, хронисты Пезаро продолжают рассказывать, что после того, как Чезаре оставил ее, Лукреция спросила Джакомино, слышал ли он, что было сказано, и, получив утвердительный ответ, убедила его немедленно пойти и предупредить Джованни. Именно вследствие этого предполагаемого предупреждения Джованни совершил свой поспешный отъезд.

Некоторое время спустя, в начале июня, Лукреция покинула Ватикан и удалилась в монастырь Сан-Систо на Аппиевой дороге, что сразу же дало повод для домыслов и безудержных сплетен, которые, однако, слишком расплывчаты, чтобы заслуживать хоть малейшего внимания. Советы Аретино кардиналу Ипполито д'Эсте предполагают, что она не покинула Ватикан в хороших отношениях со своей семьей, и очень возможно, если то, что утверждают хронисты Пезаро, правда, что ее уход был вызван тем, что она предупредила Джованни об опасности и позволила ему сбежать.

Примерно в то же время, когда Лукреция удалилась в свой монастырь, ее брат Гандиа был удостоен дальнейших почестей от своего любящего отца. Папа возвел поместье Беневенто в ранг герцогства и в качестве герцогства передал его своему сыну, ему и его законным наследникам на вечные времена. К этому он добавил ценные владения Террачина и Понтекорво.

Между тем Чезаре отнюдь не был забыт, и этот молодой кардинал уже был — за, пожалуй, единственным исключением кардинала д'Эстутевиля — самым богатым церковником в христианском мире. К его многочисленным другим должностям и бенефициям предлагалось добавить должность камергера Святого Престола кардинала Риарио, который занимал этот пост, будучи тяжело болен и отчаиваясь в своем выздоровлении. Вместе с этой должностью папа открыто намеревался передать Чезаре дворец покойного кардинала Мантуанского, а вместе с ним, без сомнения, он получит часть бенефиций покойного кардинала.

В то время Чезаре было двадцать два года; высокий, атлетически сложенный, с чрезвычайно грациозными движениями, он считался самым красивым мужчиной своего возраста. Лицо у него было вытянутое и бледное, лоб высокий, нос с изящной горбинкой. У него были длинные каштановые волосы, а его карие глаза, большие, быстрые в движениях и необычайно пытливый взгляд, были полны гения души, стоявшей за ними. Он унаследовал от своего отца колоссальное здоровье и энергичность, которыми Александр отличался в юности и которыми отличался до сих пор в старости. Охота всегда была любимым занятием Чезаре, а дикий кабан — его излюбленной добычей; и в погоне за ней он хорошо использовал свои исключительные физические данные, развивая их до тех пор, пока — как и его отец до него — не стал способен переносить практически любую степень усталости.

На Консистории от 8 июня он был назначен легатом, позже отправившимся в Неаполь для коронации короля Федерико Арагонского, поскольку тем временем на неаполитанском троне произошли еще одни перемены после смерти юного Фердинанда II, которому наследовал его дядя Федерико, принц Альтамура.

Чезаре готовился к отправлению на эту важную миссию, в которой его должен был сопровождать его брат Джованни, герцог Гандийский. Они оба должны были вернуться в Рим к сентябрю, когда Гандиа должен был вернуться в Испанию, взяв с собой свою сестру Лукрецию.

Так распорядился папа; но семья Борджиа стояла накануне самой мрачной трагедии, связанной с ее именем, трагедии, которая должна была изменить все эти планы.

ГЛАВА IV. УБИЙСТВО ГЕРЦОГА ГАНДИЙСКОГО

14 Июня 1497 года, накануне отъезда Чезаре и Джованни Борджиа в Неаполь, их мать Ваноцца устроила для них прощальный ужин на своем прекрасном винограднике в Трастевере. Помимо двух почетных гостей, присутствовали еще несколько родственников и друзей, среди которых были кардинал Монреале и молодой Джуффредо Борджиа. Они оставались за ужином до позднего часа ночи, когда Чезаре и Джованни ушли, сопровождаемые лишь несколькими слугами и таинственным человеком в маске, который подошел к Джованни, когда тот сидел за столом, и который почти каждый день в течение месяца имел привычку навещать его в Ватикане.

Братья и их сопровождающие вместе поехали в Рим и доехали до дворца вице-канцлера Асканио Сфорца в квартале Понте. Тут Джованни натянул поводья и сообщил Чезаре, что пока не собирается возвращаться в Ватикан, поскольку сначала “отправится куда-нибудь поразвлечься”. С этими словами он попрощался с Чезаре и, за единственным исключением — в дополнение к человеку в маске — отпустил своих слуг. Последние продолжили свой путь домой вместе с кардиналом, в то время как герцог, посадив человека в маске на круп своей лошади и последовав за своим единственным слугой, повернулся и направился в сторону еврейского квартала.

Утром выяснилось, что Джованни еще не вернулся, и его встревоженные слуги сообщили папе о его отсутствии и о его обстоятельствах. Папа римский, однако, нисколько не встревожился. Объясняя отсутствие сына способом, столь очевидным из прощальных слов Джованни, сказанных Чезаре накануне вечером, он предположил, что веселый молодой герцог отправился в гости к какой-нибудь самодовольной леди и вскоре вернется.

Позже в тот же день, однако, поступило известие, что его лошадь была найдена на свободе на улице, неподалеку от дворца кардинала Пармского, только с одним кожаным стремянем, другое явно было срезано с седла, и в то же время сообщалось, что слуга, который сопровождал его после того, как он отделился от остальных, был найден на рассвете на Пьяцца делла Джудекка смертельно раненным и бессловесным, скончавшимся вскоре после того, как его перевезли в соседний дом.

Тревога распространилась по Ватикану, и встревоженный папа приказал провести расследование во всех кварталах, где можно было что-либо узнать. Именно в ответ на эти расспросы лодочник "Скьявони" - некто Джорджио по имени — рассказал о том, что он видел ночью в среду. Он провел ночь на борту своей лодки, охраняя лес, которым она была нагружена. Она была пришвартована у берега, который тянется от моста Сант-Анджело до церкви Санта-Мария-Нуова.

Он рассказал, что примерно в пятом часу ночи, незадолго до рассвета, он видел, как двое мужчин вышли из узкой улочки рядом с больницей Сан-Джироламо и встали на берегу реки в том месте, где мусорщики обычно сбрасывали свои тележки с мусором в воду. Эти люди внимательно оглядывались по сторонам, словно желая убедиться, что за ними никто не наблюдает. Видя, что никто не шевелится, они подали знак, после чего из той же узкой улочки выехал человек верхом на красивом белом коне с золотыми шпорами на каблуках. Позади себя, на крупе своей лошади, Джорджио увидел тело человека, голова которого свисала в одну сторону, а ноги - в другую. Это тело поддерживали двое других пеших мужчин, которые шли по обе стороны от всадника.

Добравшись до кромки воды, они повернули лошадь задними лапами к реке; затем, взяв тело между собой, двое из них отбросили его подальше в ручей. После всплеска Джорджио услышал, как всадник спросил, хорошо ли они забросили в середину, и услышал утвердительный ответ— "Синьор, сэр". Затем всадник некоторое время сидел, осматривая поверхность, и вскоре указал на плавающий темный предмет, который оказался плащом их жертвы. Мужчины забросали его камнями и таким образом затопили, после чего повернулись, и все пятеро ушли так же, как пришли.

Такова история лодочника, изложенная в Дневнике Берчарда. Когда папа услышал это, он спросил парня, почему тот немедленно не пошел сообщить о том, чему был свидетелем, на что этот Джорджо ответил, что в свое время он видел более сотни тел, брошенных в Тибр, и никто никогда не удосуживался что-либо узнать о них.

Эта история и продолжительное отсутствие Гандии повергли папу в неистовство. Он приказал прочесать дно реки фут за футом. Несколько сотен лодочников и рыбаков принялись за работу, и в тот же день днем тело злополучного герцога Гандийского было вытащено в одной из сетей. Он был не только полностью одет — как и следовало ожидать из рассказа Джорджио, — но его перчатки и кошелек с тридцатью дукатами все еще висели у него на поясе, как и кинжал, единственное оружие, которое он носил при себе; драгоценности на нем тоже были целы, что совершенно ясно давало понять, что его убийство не было делом рук воров.

Его руки все еще были связаны, а на теле имелось от десяти до четырнадцати ран, в дополнение к которым у него было перерезано горло.

Труп был доставлен на лодке в замок Сант-Анджело, где его раздели, омыли и облачили в одежды главнокомандующего церковью. В ту же ночь на носилках, тело покрыто парчовой мантией, лицо "выглядит прекраснее, чем при жизни", его при свете факелов перенесли из Сант-Анджело в Санта-Мария-дель-Пополо для погребения, тихо и без помпы.

Горе папы было ужасным. Когда процессия пересекала мост Сант-Анджело, те, кто стоял там, слышали его ужасные крики боли, о чем говорится в донесениях очевидца, цитируемых Сануто. Александр заперся в своих покоях со своей страстной скорбью, отказываясь кого-либо

видеть; и только по настоянию кардинала Сеговии и некоторых приближенных папы удалось добиться его присутствия; но даже тогда в течение трех дней они не могли заставить его отведать пищу, и он не спал.

Наконец он пришел в себя, отчасти в ответ на призывы кардинала Сеговии, отчасти побуждаемый желанием отомстить за смерть своего ребенка, и приказал разыскать Рим в поисках убийц; но, хотя поиски продолжались в течение двух месяцев, они оказались совершенно безрезультатными.

Это часто рассказываемая история о смерти герцога Гандийского. Это все факты, касающиеся ее, которые известны или которые когда-либо будут известны. Остальное - домыслы, и эти домыслы следуют тенденции злого умысла, а не доказательств.

Сначала подозрение пало на Джованни Сфорца, который, как предполагалось, таким образом отомстил папе за то обращение, которому он подвергся. Безусловно, существовал разумный мотив, который привел его в действие, но против него не было ни малейших улик.

Затем прошел слух, что эту работу проделал кардинал Асканио Сфорца, и этим слухом Рим был занят в течение нескольких месяцев. Было известно, что он жестоко поссорился с Гандиа, которого грубо оскорбил камергер Асканио, и который загладил оскорбление, приказав схватить и повесить этого человека.

Сануто цитирует письмо из Рима от 21 июля, в котором говорится, что “несомненно, что Асканио убил герцога Гандийского”. Многочисленные враги кардинала Асканио позаботились о том, чтобы обвинение оставалось в силе в Ватикане, и Асканио, опасаясь за свою жизнь, покинул Рим и бежал в Гроттаферрату. Когда его вызвали в Рим, он отказался приехать, разве что под подпиской о невыезде. Однако его опасения, по-видимому, были беспочвенными, поскольку папа не придавал значения выдвинутому против него обвинению, будучи убежден в его невиновности, как он сам ему сообщил.

Вслед за этим общественное мнение принялось искать какого-нибудь другого вероятного человека, на которого можно было бы возложить свое обвинение, и остановило свой выбор на Джуффредо Борджиа, младшем брате Гандии. Здесь, опять же, не было недостатка в мотиве. Уже упоминалось о распутных манерах неаполитанской жены Джуффредо, Доньи Сансии. В том, что она расточала свои благосклонности, недостатка в доказательствах нет, и, похоже, среди тех, кого она им признала, был покойный герцог. Таким образом, утверждалось, что ревность была стимулом, толкнувшим Джуффредо на этот поступок; и то, что слух об этом, должно быть, был настойчивым, становится ясно, когда мы видим, как папа публично оправдывает своего младшего сына.

Так обстояли дела и так высказалось общественное мнение, когда в августе месяце папа приказал прекратить поиски убийцы. Браччи, флорентийский посол, объясняет этот поступок Александра. Он пишет, что его Святейшество знал, кто были убийцы, и что он не предпринимал дальнейших шагов в этом вопросе в надежде, что таким образом, считая себя в безопасности, они смогут более полно раскрыть себя.

Следующее письмо Браччи подтверждает предположение, что он пишет исходя из умозаключений, а не из знания. Он повторяет, что расследование приостановлено, и что для

объяснения этого некоторые говорят то, что он уже написал, в то время как другие отрицают это; но правда об этом никому не известна.

Позже в том же году мы находим популярный голос, осуждающий Бартоломео д'Альвиано и Орсини. Уже в августе посол Феррарезе Манфреди написал, что смерть герцога Гандийского приписывается Бартоломео д'Альвиано, а в декабре мы видим в Сануто письмо из Рима, в котором сообщается, что положительно установлено, что Орсини стали причиной смерти Джованни Борджиа.

Вряд ли стоит упоминать эти различные слухи из-за их собственной ценности, но они важны, поскольку показывают, как общественное мнение, в свою очередь, приписывало преступление всем, кто, по его мнению, мог иметь основания для его совершения, и, что еще более важно, с целью опровержения того, что с тех пор было написано о непосредственной связи Чезаре Борджиа с преступлением в сознании людей.

Только в феврале следующего года имя Чезаре никогда не упоминалось в связи с этим делом. Первый слух о его вине совпал с слухом о его приближающемся отказе от своей церковной карьеры, и нет никаких сомнений в том, что первый возник из второго. Мир решил, что обнаружил у Чезаре мотив для убийства своего брата. Этот мотив, о котором так много говорилось, сейчас будет рассмотрен. Тем временем, разберемся с реальными слухами и их воплощением в историю. Посол Феррарезе услышал это в Венеции 12 февраля 1498 года. Капелло ухватился за это и повторил два с половиной года спустя, заявив 28 сентября 1500 года: “этиам амазон иль фрателло”.

И вот вам источник всех необузданных обвинений, впоследствии выдвинутых против Чезаре, все из которых занимают видное место в книге Грегоровиуса "История города Рима", в то время как слухи, обвиняющие других, о которых мы упоминали здесь, там затушеваны.

Никто не решается критиковать аргументы и выводы очень выдающегося автора этой великой Истории Рима в Средние века, но совесть и справедливость требуют, чтобы его глава на эту тему была рассмотрена так, как она того заслуживает.

Поразительные таланты Грегоровиуса иногда омрачаются эгоизмом и педантизмом, иногда характерными для ученых его страны. Он слишком позитивен; он редко высказывает предположения; он окончательно утверждает то, что может знать только Бог; иногда его знания, превосходящие возможное, переходят из области историка в область романиста, как, например, — приведу одно из тысячи, — когда он действительно рассказывает нам, что происходит в голове Чезаре Борджиа во время коронации неаполитанского короля. В вопросе об авторитетах он следует опасному и коварному эклектизму, отдавая предпочтение тем, кто поддерживает выбранную им точку зрения, без должного уважения к их внутренним ценностям.

Он определенно говорит нам, что, если Александр и не обладал положительными знаниями, то, по крайней мере, был морально убежден в том, что именно Чезаре убил герцога Гандийского. В этом, опять же, вы видите богоподобное знание, которое он узурпирует; вы видите в нем скорее ясновидца, чем историка. Начав с положительного утверждения о том, что Чезаре Борджиа был убийцей, он намеревается доказать это, собрав массу бесполезных улик, бесполезность которых немыслимо, чтобы он не осознал.

“Согласно общему мнению того времени, которое, по всей вероятности, было правильным, Чезаре был убийцей своего брата”.

Так Грегоровиус в своей "Лукреции Борджиа". Преднамеренное искажение! Ибо, как мы из всех сил старались показать, только после того, как преступление было возложено на каждого, кого общественное мнение могло считать возможным убийцей, только спустя почти год после смерти Гандии слухи впервые связали Чезаре с этим преступлением. До тех пор в письмах послов из Рима, посвященных убийству и сообщающих о предположениях о возможных убийцах, нет ни единого намека на Чезаре как на виновного.

Позже, когда это было опровергнуто, оно нашло отражение в трудах каждого клеветника Борджиа, и из некоторых из них Грегоровиус извлек его, чтобы помочь ему отстаивать эту теорию.

Для совершения преступления выдвигались два мотива. Одним из них была зависть Чезаре к своему брату, которого он хотел вытеснить как светского принца, раздражаясь из-за навязанной ему сутаны, которая сдерживала его безграничные амбиции. Другой — и ни одна эпоха, кроме рассматриваемой нами, в ее реакции на эпоху рыцарства, не осмелилась бы сравнивать ее с землей без тщательного изучения ее источников — была ревность Чезаре, возникающая из-за кровосмесительной любви к их сестре Лукреции, которую он, как утверждается, оспаривал у своего брата. Таким образом, как указал Л'Эспинуа, чтобы осудить Чезаре Борджиа за преступление, которое не может быть абсолютно доказано против него, все, что необходимо, — это предъявить ему обвинение в другом, еще более ужасном преступлении, доказательств которого существует еще меньше.

Этот последний мотив, правда, отвергается Грегоровиусом. “Наше чувство честности, ” пишет он, — отталкивает нас от привязанности к верованиям, распространенным в этот самый развращенный век”. Однако авторитетные источники, настаивающие на одном мотиве, обычно являются теми, кто настаивает на другом, и Грегоровиус цитирует те, которые его устраивают, не принимая во внимание, что, если он убежден, что они лгут в одной связи, он не имеет права предполагать, что они правдивы в другой.

Современными или квазисовременными авторами, на основании “авторитета” которых обычно доказывалось, что Чезаре Борджиа был виновен в обоих этих отвратительных преступлениях, являются: Санаццаро, Капелло, Макиавелли, Матараццо, Сануто, Пьетро Мартине д'Ангиера, Гвиччардини и Панвинио.

Внушительный набор! Но рассмотрите их, одну за другой, вблизи и критически взгляните на то, что они на самом деле написали:

САНАЦЦАРО был неаполитанским поэтом и эпиграмматистом, от которого нельзя было ожидать — в те времена, какие они были, — что он не мог упустить из виду тот факт, что эти клеветнические слухи об инцесте были прекрасным материалом для эпиграмматических стихов. Поэтом он воплотил их в строки, отдавая должное его остроумию, в то же время раскрывают его звериную жестокость. Никто не станет всерьез предполагать, что такой человек был бы обеспокоен правдивостью своих стихов — даже если не принимать во внимание его вражду к Дому Борджиа, которая выяснится позже. Для него "Бен тровато" был таким же хорошим материалом, как и правда, или даже лучше. Он оценивал его ценность по пикантности, по приспособляемости к эпиграмматическим рифмам.

Представьте себе бессердечие человека, который в момент ужасного горя Александра по поводу убийства его сына — горя, которое так тронуло даже его врагов, что озлобленный Савонарола и едва ли менее озлобленный кардинал делла Ровере написали ему, чтобы выразить соболезнования, — мог написать эту ужасную эпиграмму:

Piscatorem hominum ne te non, Sexte, putemus,
Piscaris notum retibus ecce tuum.

Подумайте о том, насколько это непристойно, и спросите себя, тот ли это человек, который пожертвовал бы шансом на остроту на алтарь Истины.

Примечательно, что Санаццаро, чего бы он ни стоил, ограничивается сплетнями об инцесте. Нигде он не упоминает, что Чезаре был убийцей, и мы думаем, что его молчание по этому поводу, если оно и свидетельствует о чем-либо, показывает, что вина Чезаре не была в такой степени “общим мнением того времени”, как Грегоровиус просит нас поверить.

КАППЕЛЛО не было в Риме ни во время убийства, ни три года спустя, когда он просто повторил слух, впервые возникший примерно через восемь месяцев после преступления.

Точная ценность его знаменитого “отношения” (в котором изложен этот вопрос и к которому мы вернемся в надлежащем месте) и духа, который им двигал, раскрываются в другом обвинении в убийстве, которое он выдвигает Чезаре, обвинении, которое, конечно, также было широко распространено не на основании лучшего авторитета, чем его собственный. Именно Капелло сообщает нам, что Чезаре ударил камергера Перротто ножом прямо в объятия папы; он добавляет подробности о том, что этот человек бежал туда в поисках убежища от ярости Чезаре, и что его кровь, когда его ударили ножом, брызнула прямо в лицо папе. Откуда он взял эту историю, трудно предположить - если только не предположить, что он развил ее из своих чувств к семье Борджиа. Единственные современные свидетельства о смерти этого Перротто — или Педро Кальдеса, как звали его на самом деле, — утверждают, что он случайно упал в Тибр и утонул.

Берчард, который не мог не знать, была ли история с ножевым ранением правдивой, и не преминул бы сообщить об этом, фиксирует тот факт, что Перротто был выловлен из Тибра шестью днями ранее — “non libenter”. Это заявление, вышедшее из-под пера церемониймейстера Ватикана, не требует дальнейших подтверждений. Однако подтверждение этому действительно есть в письме из Рима от 20 февраля 1498 года, процитированном Марино Сануто в его Дневниках. В нем говорится, что Перротто пропал без вести в течение нескольких дней, никто не знает, что с ним стало, и что теперь “его нашли утонувшим в Тибре”.

Мы упоминаем об этом мимоходом с двойной целью: опровергнуть очередную клевету и раскрыть истинную ценность Капелло, который, так уж случилось, является главным “свидетелем обвинения”, выдвинутым Грегоровиусом. “Разве это не имеет большого значения, - вопрошает немецкий историк, - что этот факт был так положительно описан послом, который черпал свои знания из лучших источников?”

Вопрос несерьезный, ибо вся беда в этом вопросе заключается в том, что вообще не было источников в собственном смысле этого слова — хороших или плохих. Это были просто сплетни, в которых фигурировала уже дюжина имен.

МАКИАВЕЛЛИ включает примечание в свои выдержки из “Писем к десяти”, в котором он упоминает о смерти Гандии, добавляя, что “сначала ничего не было известно, а потом люди сказали, что это сделал кардинал Валенсии”.

В этом нет ничего особенно убедительного. Кроме того, между прочим, можно упомянуть, что неясно, когда и как Макиавелли (в качестве секретаря синьории Флоренции) составил эти выдержки из депеш ее послов. Но было показано — хотя в данный момент нас это вряд ли волнует, — что эти выдержки перепутаны его собственными комментариями, либо для его собственного использования в будущем, либо для использования кем-то другим.

МАТАРАЦЦО - перуджийский хронист, о котором мы уже высказали единственное достоверное мнение. Задача, которую он поставил перед собой, состояла в том, чтобы запечатлеть современные события в его родном городе — оплоте кровавых Бальони. Он оживлял его каждым обрывком скандальных сплетен, которые доходили до него, какими бы чуждыми ни были его общепризнанные задачи. Подлинность этой скандальной хроники была поставлена под сомнение; но, даже если предположить, что она подлинная, она настолько неточна в описании событий, происходящих за стенами Перуджи, что совершенно бесполезна.

Матараццо излагает историю кровосмесительных отношений, преобладавших в семье Борджиа, с беспощадным изобилием подробностей, которых нигде нельзя найти; но по поводу убийства у него есть история, совершенно отличная от любой другой, дошедшей до нас. Ибо, хотя он настаивает на кровосмешении как на мотиве преступления, убийцей, по его словам, был Джованни Сфорца, оскорбленный муж; и он сообщает нам самые подробные подробности этого убийства, время и место, и как именно оно было совершено, а также все другие обстоятельства, которые никогда не были раскрыты.

Совершенно очевидно, что все это бесполезный, искаженный вымысел; как таковой он когда-либо рассматривался; но он столь же правдоподобен, сколь и неправдив, и, по крайней мере, столь же авторитетен, как и любые доступные доказательства вины Чезаре.

САНУТО мы признаем как более или менее осторожного и кропотливого хроникера, чьи труды ценны; и Сануто по поводу убийства ограничивается цитированием письма от февраля 1498 года, в котором впервые упоминается обвинение против Чезаре, после приведения других более ранних писем, в которых обвиняются сначала Асканио, а затем Орсини, гораздо более положительно, чем в последнем письме обвиняется Чезаре.

По поводу кровосмешения в “Сануто” нет ни слова, но есть упоминание о неблагоприятности доньи Сансии и предположение, что из—за ревности к ней поползли слухи о совершенном убийстве - еще одно доказательство того, насколько расплывчатыми и нечеткими были эти слухи.

ПЬЕТРО Мартуре Д'Ангьера пишет из Бургоса, в Испании, что он убежден в братоубийстве. Интересно узнать об этом его убеждении, но трудно представить, как это можно принять в качестве доказательства.

Если нужно сказать о нем больше, пусть будет упомянуто, что письмо, в котором он выражает это убеждение, датировано апрелем 1497 года — за два месяца до того, как произошло убийство! Так что даже Грегоровиус вынужден усомниться в подлинности этого документа.

ГВИЧЧАРДИНИ - не современный летописец событий в том виде, в каком они происходили, а историк, пишущий примерно тридцать лет спустя. Он просто повторяет то, что Капелло и другие говорили до него. Он должен цитировать авторитетные источники в связи с тем, что он пишет, а не выставлять себя авторитетом. На него нельзя положиться, и он печально известный клеветник папства, не щадящий ничего, что могло бы послужить его целям. Он со вкусом распространяется на обвинения в кровосмешении.

Наконец, ПАНВИНТО относится к той же категории, что и Гвиччардини. Он родился примерно через тридцать лет после этих событий, а его История пап была написана примерно через шестьдесят лет после убийства герцога Гандийского. Эта история изобилует неточностями; он никогда не утруждает себя проверкой своих фактов, и как авторитет им совершенно пренебрегают.

В ценном Дневнике Берчарда, к сожалению, есть пробел на этом этапе, начиная со следующего дня после убийства (о котором он сообщает все подробности, к которым мы прибегли при описании этого события) до следующего августа. И теперь мы можем увидеть, что Грегоровиус действительно использует молчание в качестве доказательства. Он ухватился за этот пробел и зашел так далеко, что выдвинул предварительное объяснение, что Берчард, “возможно, намеренно прервал свой Дневник, чтобы избежать упоминания о братоубийстве”.

Если бы это было так, это было бы странным отходом от неизменного правила Берчарда, которое заключается в холодном, безжалостном, не критичном описании событий, независимо от их природы. Кроме того, любое значение, которое можно было бы придать этому пробелу, обесценивается тем фактом, что подобные пробелы довольно часто встречаются в послужном списке Берчарда. Наконец, остается показать, что лакуна, о которой идет речь, существует в оригинальных дневниках, которые еще предстоит обнаружить.

Вот и все ценные источники, из которых — и с помощью выборки, которая не совсем четко определена, — Грегоровиус утверждает, что доказал, что убийцей герцога Гандийского был его брат Чезаре Борджиа, кардинал Валенсии.(1)

1 Довольно странно, что в ходе поисков возможного убийцы Гандии общественное мнение никогда не заикливалось на кардинале Алессандро Фарнезе. Недавно его лишили Наследства Святого Петра, чтобы должность губернатора этого города могла быть передана Гандии; его негодование было вызвано этим действием папы, и в результате отношения между ним и семьей Борджиа были напряженными. Возможно, имелись явные доказательства того, что он не мог иметь никакого отношения к преступлению.

Теперь более внимательно рассмотрим действительные мотивы, приведенные этими властями и более поздними авторами-критиками для приписывания вины Чезаре.

В сентябре 1497 года папа расторг брак своей дочери Лукреции и Джованни Сфорца, и основанием для расторжения было то, что муж был *impotens et frigidus natura*, что признал он сам.(2)

2 “El S. de Pesaro ha scripto qua de sua mano non haverla mai cognosciuta et esser impotente, alias la sententia non se potea dare. Эль Префато С. дайс, перу которого принадлежит сценарий для послушания миланского герцога и Ашканио” (Письмо Колленуччо из Рима герцогу Феррарскому, 25 декабря 1497 г.).

Если вы хоть что-нибудь знаете о современной Италии, вы сможете сами представить себе, как Италия пятнадцатого века, должно быть, держалась за бока и раскатисто хохотала над презренным зрелищем несчастной, которая дала такой повод быть выброшенной из брачного ложа. Эхо этого могучего взрыва смеха, должно быть, разнеслось от Калабрии до Альп, и вполне возможно, что он наполнил яростью талиона красивого слабака, ставшего объектом его жестоких насмешек. Оружие, которое он взял с собой, чтобы защититься, было немного очевидным. На гнусные размышления о своей мужественности он ответил огульным обвинением семьи Борджиа в кровосмешении; он кричал, что все сказанное о нем было ложью, придуманной Борджиа для достижения их собственных невыразимых целей.⁽¹⁾ Таково было обвинение, которым извивающийся лорд Пезаро отомстил, и, каким бы очевидным оно ни было, все же это было не то обвинение, которое мир его времени легко отбросил бы, несмотря на то, что проницательные люди, возможно, оценили бы его по достоинству.

1 “Et mancho se e curato de fare prova de qua con Done per poterne chiarire el Rev. Legato che era qua, sebbene sua Excellentia tastandolo sopra cio gli ne abbia facto offerta.” И далее: “Anzi haverla conosciuta infinite volte, ma chel Papa non geiha tolta per altro se non per usare con lei” (Письмо Костабили из Милана герцогу Феррарскому, 23 июня 1497 г.).

Что имеет большое значение для изучающих историю Борджиа, так это то, что это был первый случай, когда было выдвинуто обвинение в кровосмешении. Конечно, это продолжалось; подобное обвинение не могло действовать иначе. Но теперь, когда мы видим, в какой почве оно пустило корни, мы поймем, какое значение ему следует придавать.

Это не только сохранялось, но и развивалось, что было вполне естественно. В него были включены Чезаре и мертвый Гандиа, и вскоре это подсказало мотив, о котором до тех пор никто и не мечтал, — почему Чезаре мог быть убийцей своего брата.

Затем, в начале 1498 года, прошел слух, что Чезаре намеревался отказаться от пурпурного, и более поздние авторы, от Капелло до наших дней, предпочли увидеть в предполагаемом обдумывании Чезаре этого шага мотив преступления, настолько сильный, что доказали это самым убедительным образом. Это ни в коем случае не могло бы быть таким доказательством, даже если бы это было признано в качестве мотива. Но действительно ли это так, чтобы это признавалось? Существовал ли такой мотив вообще? Действительно ли из этого следует — как считалось само собой разумеющимся, — что Чезаре остался бы священнослужителем, если бы Гандиа был жив? Мы не можем этого видеть. Действительно, имеющиеся свидетельства, при надлежащем рассмотрении, указывают в противоположном направлении, даже если не принимать во внимание тот факт, что это был не первый случай, когда предлагалось, чтобы Чезаре оставил церковную карьеру, как показано в депешах посла Феррарезе от марта 1493 года.

Утверждается, что Гандиа была камнем преткновения для Чезаре и что Гандиа владела светскими владениями, которых так жаждал Чезаре; но если это действительно было так, почему, когда в конце концов (примерно через четырнадцать месяцев после смерти Гандии)

Чезаре снял пурпур, заменив его солдатской сбруей, он не присвоил себе светские владения, принадлежавшие его брату?

Земли и титулы его покойного брата перешли к сыну его покойного брата, в то время как карьера Чезаре была совершенно иной, поскольку его цели полностью отличались от любых, которые были у Гандии или которые могли бы быть у Гандии, если бы последний был жив. Правда, Чезаре стал главнокомандующим Церковью вместо своего покойного брата, но для этого смерть его брата не была необходимой. У Гандии не было ни воли, ни интеллекта, чтобы взяться за то, что ожидало Чезаре. Он был мягким по натуре, любящим удовольствия юношей, чей жизненный путь уже был намечен для него. Его место было в Гандии, в Испании, и, хотя он мог бы оставаться хозяином всех принадлежавших ему владений, Чезаре должен был стать герцогом Валентинуа и стать хозяином Романьи, именно так, как он это сделал.

В заключение, смерть Гандии продвинула карьеру, которую Чезаре впоследствии сделал сам, не больше, чем могла помешать его жизнь, и говорить, что Чезаре убил его, чтобы заменить, - значит выдвигать теорию, которую последующие факты из жизни Чезаре ни в коем случае не оправдают.

Со стороны Грегоровиуса было бы напрасно говорить, что логика преступления неумолима — в возложении вины на Чезаре — и глупо с его стороны предполагать, что, как он утверждает, он определенно доказал, что Чезаре - убийца его брата.

Против Чезаре Борджиа много говорят, но никогда не было доказано и никогда не будет доказано, что он был братоубийцей. Действительно, несколько действительно известных фактов убийства указывают на совершенно иной вывод — вывод более или менее очевидный, от которого отказались, по-видимому, только потому, что он был очевиден.

Зачем было заходить так далеко в поисках вероятного убийцы, руководствующегося политическими мотивами? Откуда необходимость обвинять по очереди всех врагов, которыми Гандия мог обладать, прежде чем окончательно вцепиться в собственного брата?

Известные факты по делу, какими бы скучными они ни были, являются определенными доказательствами. Это может быть не так уж много, но, по крайней мере, этого достаточно, чтобы сделать правдоподобный вывод, и нет никаких оснований отказываться от него в пользу чего-то, чему нет ни малейших доказательств.

Прежде всего, необходимо разобраться с человеком в маске. То, что он связан с преступлением, в высшей степени вероятно, если не абсолютно несомненно.

Следует помнить, что в течение месяца, по словам Берчарда, у него была привычка посещать Гандию почти ежедневно. Он приезжает на виллу Ваноццы в ночь убийства. Не слишком ли много значит предположить, что он привез послание от кого-то, от кого у него была привычка приносить послания?

В последний раз его видели верхом на лошади Гандии, когда тот уезжал в сторону еврейского квартала.(1) Сам Гандия объявил, что он привязан к удовольствию — собирается развлечься. Даже без тех знаний, которыми мы располагаем о его распущенных привычках, не могло возникнуть сомнений относительно характера развлечений, которым он был предан глубокой ночью; и вот выводы, сделанные утром его отцом, когда выяснилось, что Гандия не вернулся.

1 Гетто тогда еще не существовало. Его построили только в 1556 году, при Павле IV.

Неужели так трудно представить, что Гандия во время свидания, на которое он отправился, попал в руки разгневанного отца, мужа или брата? Разве это на самом деле не очевидный вывод, который можно сделать из тех немногих фактов, которыми мы располагаем? То, что к такому выводу пришел папа и придерживался его даже спустя некоторое время после преступления, в то время как ходили слухи иного рода, подтверждается исследованием, проведенным в доме Антонио Пико делла Мирандолы, у которого была дочь, которая, как предполагалось, могла стать объектом ночного визита молодого герцога, и чей дом находился недалеко от места, где Гандия была сброшена в Тибр.

Мы могли бы рискнуть выдвинуть предположения, объясняющие личность человека в маске, но не наше дело строить предположения, за исключением тех случаев, когда указания достаточно ясны.

Давайте рассмотрим значение связанных рук Гандии и ран на его теле в дополнение к смертельной ране поперек горла. На что указывает это состояние? Конечно, не столько к целесообразному убийству, сколько к жестокой, похотливой бойне из мести. Несомненно, это наводит на мысль, что Гандия, возможно, пытали, прежде чем перерезать ему горло. Зачем еще были связаны его запястья? Если бы его быстро прикончили, в этом не было бы необходимости. Если бы нанятые убийцы выполнили свою работу, они бы не задержались, чтобы схватить его, и мы не думаем, что они побеспокоились бы сбросить его в реку; они бы убили его и оставили там, где он упал.

Весь аспект этого дела предполагает присутствие мастера, самого личного врага. Мы можем представить себе, что запястья Гандии были связаны для того, чтобы этот личный враг мог исполнить свою волю над несчастным молодым человеком, нанеся ему одну за другой десять или четырнадцать ран на теле, прежде чем покончить с ним, перерезав ему горло. Мы не можем объяснить связанные запястья никак иначе. Затем мужчина на красивом белом коне, человек, к которому четверо других обращались как к мужчинам, обращается к своему господину. Вспомните его золотые шпоры — возможно, мелочь; но наемные убийцы не носят золотых шпор, хотя их появление верхом на красивых белых лошадях можно объяснить.

Несомненно, это был сам мастер, его личный враг — и это был не Чезаре, поскольку Чезаре в то время находился в Ватикане.

На этом мы должны оставить тайну убийства герцога Гандийского; но мы оставляем его убежденными в том, что даже те скудные свидетельства, которые имеются, указывают на дело грязной доблести, и ни в коем случае нельзя обвинять его брата Чезаре.

ГЛАВА V. ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ПУРПУРА

На Консистории от 19 июня 1497 года Священная коллегия увидела старика с разбитым сердцем, который заявил, что покончил с этим миром и что отныне жизнь не может предложить ему ничего, что могло бы его расположить.

“Большого горя, чем это, у нас быть не могло, ибо мы безмерно любили его, и теперь нас не может беспокоить ни папство, ни что-либо другое. Будь у нас семь папств, мы отдали бы их все, чтобы вернуть герцога к жизни”. Таков был его горький плач.

Он заявил, что его образ жизни был не таким, каким он должен был быть, и, казалось, видел в убийстве своего сына наказание за порочные поступки. Об этом много говорили, и совершенно напрасно. Это было с готовностью воспринято как признание его беспрецедентной вины. Признание вины, несомненно, было; но какой человек не виновен? а сколько людей — да, и даже святых — в час скорби восклицали, что им было дано почувствовать гнев Божий за грехи, без которых не обходится ни один человек?

Если в человечестве есть тип, который не увидел бы в таком поводе для скорби Божьего посещения, то это тот тип бесчеловечного монстра, к которому нас просят поверить, принадлежал Александр VI. Несомненно, он был грешником, и великим; но грешником-человеком, а не воплощенным дьяволом, иначе от него не могло бы исходить такого вопля в такой час, как этот.

Он объявил, что отныне единственной его заботой должны быть духовные нужды Церкви. Он обрушился с критикой на коррупцию церковного сословия, признавшись, что сам осознает, как далеко оно отклонилось от древней дисциплины и законов, которые были созданы для обуздания распущенности и алчности, которые теперь были необузданными; и он провозгласил свое намерение реформировать Курию и Римскую церковь. С этой целью он назначил комиссию состав которой вошли кардиналы-епископы Оливьеро Караффа и Джорджо Коста, кардиналы-священники Антониетто Паллавичино и Джанантонио Санджорджо, а также кардиналы-дьяконы Франческо Пикколомини и Раффаэле Риарио.

Высказывалось даже предположение, что он собирался отречься от престола, но его убедили ничего не предпринимать до тех пор, пока его горе не утихнет и к его рассудку не вернется обычное спокойствие. Это предположение, однако, не опирается ни на какие авторитетные источники.

Письма с соболезнованиями приходили ему со всех сторон. Даже его заклятый враг, кардинал Джулиано делла Ровере, отбросил свою злобу перед лицом всепоглощающего горя папы, а также потому, что это совпадало с его собственными интересами, как вскоре выяснится. Он написал Александру из Франции, что ему действительно до глубины души больно за его беспокойство о святости папы Римского — письмо, которое, без сомнения, заложило основы для примирения, к которому они стремились.

Еще более примечательным было то, что чудотворный Савонарола сделал паузу в яростных нападках, которыми он разжигал Флоренцию против папы, сделал паузу, чтобы послать ему письмо с соболезнованиями, в котором молился, чтобы Господь всемилостивый утешил его Святейшество в его скорби.

Это письмо - необычный документ; исключительно человеческий, дающий исключительную степень понимания природы человека, написавшего его. Целая глава интеллектуальных рассуждений о характере Савонаролы, основанная на изучении внешних проявлений, не смогла бы так полно раскрыть менталитет этого фанатичного демагога, как рассмотрение только этого письма.

Симпатия, которая, мы не можем сомневаться, была изначально внушена ему, здесь перекрывается безудержным фанатизмом этого человека, там разбавляется пророчествами, от которых он даже сейчас не может воздержаться; и повсюду манера оратора, бьющего кулаком по кафедре. Первая половина его письма представляет собой прелюдию в форме проповеди о вере, все очень банально и очевидно; и представление об этом отлученном от церкви монахе, обращающемся к Святейшеству Папы в полемических банальностях, произносимых со всем авторитетом его собственных вдохновенных открытий, является еще одним доказательством того, что в основе фанатизма во все века и по всем вопросам лежит полное отсутствие чувства соответствия и меры. Сказав, что “праведный человек живет в Господе верою” и что “Господь в Своей милости прощает все наши грехи”, он провозглашает, что возвещает то, в чем он уверен и за что готов претерпеть любые гонения, и просит его Святейшество благосклонно взглянуть на дело веры, в котором он трудится, и больше не обращать внимания на нечестивцев, обещая Святому Отцу, что таким образом Господь дарует ему сущность радости вместо духа скорби. Начав, как мы видели, с заверения, что “Господь в Своей милости прощает все наши грехи”, он завершает пророчеством с сомнительной логикой, что “вскоре раздадутся раскаты Его гнева”. Он также не упускает из виду упомянуть — с очевидным высокомерием, которое снова выдает то же отсутствие чувства меры, - что все его предсказания верны.

Однако его письмо, а также письмо кардинала делла Ровере, среди многих других, показывают нам, насколько мир был тронут потерей папы и всепоглощающим горем, насколько шокирован тем, каким образом это произошло.

Комиссия, которую Александр назначил для проведения реформы, тем временем приступила к работе, и кардинал Неаполитанский отредактировал статьи конституции, которая, несомненно, была объектом длительного изучения и обдумывания, о чем свидетельствуют многочисленные подчистки и исправления, которые она содержит. К сожалению — по неочевидным причинам — Александер так и не опубликовал ее. Возможно, к тому времени, когда это было завершено, усиление светской власти потребовало от него всего внимания к пренебрежению духовными потребностями Святого Престола. Возможно также — как неоднократно предполагалось, — что суровое настроение раскаяния смягчилось вместе с его печалью и теперь прошло.

Тем не менее, возможно, это были какие-то остаточные явления этого рвения к реформам, которые продиктовали суровое наказание, постигшее в том году непокорного епископа Козенцы. В Риме процветала торговля поддельными бланками индульгенций. Райнальд цитирует Буллу на этот счет, адресованную Александром в первый год его понтификата епископам Испании, предписывающую им наказывать всех, кто в этом королевстве будет уличен в подобной торговле. 4 сентября 1497 года, сообщает нам Бурхард, трое слуг папского секретаря, архиепископа Козенцы (Бартоломео Флоридо), были арестованы в результате обнаружения двадцати выданных ими поддельных справок. В ходе допроса они предъявили обвинение своему хозяину архиепископу, который впоследствии предстал перед судом и был признан виновным. Александр низложил, унизил и заточил его в Сант-Анджело в темной комнате, где

его снабжали маслом для лампы и хлебом и водой для питания до самой смерти. Его подчиненные были сожжены на Кампо-ди-Фьори в следующем месяце.

Герцог Гандийский оставил вдову и двоих детей — трехлетнего Джованни и двухлетнюю девочку Изабеллу. В интересах своего сына овдовевшая герцогиня в сентябре следующего года обратилась к губернатору Валенсии с просьбой о вступлении мальчика в права его покойного отца. Это было с готовностью предоставлено по распоряжению Рима, и таким образом мальчик Джованни был признан третьим герцогом Гандии, принцем Сессы и Теано, сеньором Чериньолы и Монтефосколо, а управление его поместьями во время его совершеннолетия было поручено его дяде, Чезаре Борджиа.

Титул лорда Беневенто — последнее пожалование, предоставленное Джованни Борджиа, — не упоминался; на него вдова не претендовала ни тогда, ни когда-либо впоследствии. Это единственное владение Гандии, перешедшее к Чезаре, который был утвержден в нем королем Неаполя.

Гандийская ветвь семьи Борджиа осталась в Испании, процветала и приобретала все большее значение и, между прочим, произвела на свет святого Франциска де Борджиа. Этот герцог Гандийский был хозяином Дома Карла V и, таким образом, человеком большого положения в мире; но случилось так, что он был так тронут видом обезображенного тела прекрасной королевы своего господина, что отрекся от мира и вступил в Общество Иисуса, в конце концов став его Генералом. Он умер в 1562 году и в свое время был канонизирован.

Отъезд Чезаре в Неаполь в качестве легата для помазания и коронации Федерико Арагонского, естественно, был отложен трагедией, разразившейся в его доме, и только 22 июля он простился с папой и отправился в путь с эскортом из двухсот всадников.

Неаполь все еще находился в состоянии брожения, расколовшись на две партии, одна из которых поддерживала Францию, а другая - Арагон, так что беспорядки были постоянными. Александр выразил надежду, что Чезаре появится в этом расстроеном королевстве в облике “ангела мира” и что своей коронацией короля Федерико он положит конец междоусобице, которая приближалась.

Сам Неаполь в настоящее время был охвачен лихорадкой, и вследствие этого было решено, что Чезаре вместо этого отправится в Капую, где его будет ждать Федерико. Однако, прибыв туда, Чезаре заболел, и церемонию коронации снова перенесли на 10 августа. Чезаре пробыл в королевстве две недели, а 22 августа отправился обратно в Рим, и его отъезд, по-видимому, принес Федерико облегчение, поскольку король Неаполя оказался в таком бедственном положении, что развлечения легата и его многочисленной свиты оказались тяжелым бременем для его дряблого кошелька.

Утром 6 сентября все кардиналы Рима получили повестки явиться в монастырь Санта-Мария-Нуова, чтобы поприветствовать вернувшегося кардинала Валенсии. Помимо Священной коллегии, присутствовали все послы Держав, и после отслужения мессы все собрание проследовало в Ватикан, где папа ожидал приема своего сына. Когда молодой кардинал предстал перед папским престолом, Александр раскрыл ему объятия, обнял и поцеловал, не говоря ни слова.

Это основано на показаниях двух очевидцев, (1) и это обстоятельство было выдвинуто в качестве единственного убедительного доказательства того, что Чезаре убил своего брата и что папа знал об этом. В этом есть еще кое-что из того, что Грегоровиус называет “неумолимой логикой”. Он поцеловал его, но не сказал ему ни слова; следовательно, рассуждают они, Чезаре убил Гандию. Может ли абсурд быть более абсурдным, глупость - более бессмысленной? *Lucus a non lucendo!* Возведение круга в квадрат, несомненно, не должно представлять никакой трудности для этих тонких логиков.

1 “Non dixit verbum Pape Valentinus, nec Papa sibi, sed eo deosculato, descendit de solio” (Burchard’s *Diarium*, and “Solo lo bació,” in letter from Rome in Sanuto’s *Diarii*)

Как мы видели, в феврале 1498 года впервые распространился слух о том, что Чезаре намеревался отказаться от престола; и то, что слух имел под собой достаточные основания, было ясно из того обстоятельства, что папа уже строил планы, выполнение которых должно было зависеть от этого шага, и пытался устроить брак Чезаре с Карлоттой Арагонской, дочерью короля Неаполя Федерико, оговаривая, что ее приданое должно быть таким, чтобы Чезаре, взяв ее в жены, стал принцем Альтамуры и Тарентума.

Но Федерико проявил нежелание, возможно, из-за требуемого большого приданого и из-за большого проекта, уже сделанного Борджиа — через Джуффредо Борджиа, принца Сквиллаче, — на этот Неаполь, который французское вторжение так обнищало. Он заявил, что не выдаст свою дочь замуж за священника, который был сыном священника, и что он не выдаст свою дочь замуж, если папа не придумает, что кардинал может жениться и при этом сохранить свою шляпу.

Все это звучало так, как будто им руководили благородная щепетильность и высокие принципы; но, к сожалению, это мнение не подкрепляется, когда мы обнаруживаем, что он, тем не менее, дает согласие на брак своего племянника Альфонсо с Лукрецией Борджиа после объявления о ее разводе с Джованни Сфорца. Свадьба, скажем мимоходом, была отпразднована в Ватикане 20 июня 1498 года, Лукреция получила приданое в размере 40 000 дукатов. Но проницательный Александр позаботился о том, чтобы его семья приобрела больше, чем давала, и добился, чтобы Альфонсо получил неаполитанские города Биселли и Квадрату, получив титул князя Биселли.

Тем не менее, существовала огромная разница между выдачей замуж дочери, которая должна была получить солидное приданое из королевства, и получением дочери, которая привезла бы с собой солидное приданое. И факты свидетельствуют о том, что такова была полная мера щепетильности Федерико.

Между тем, чтобы скрыть свое нежелание отдавать Чезаре свою дочь в жены, Федерико настаивал, что сначала он должен прислушаться к мнению Фердинанда и Изабеллы в этом вопросе.

Пока дела обстояли таким образом, Карл VIII скоростижно скончался в Амбуазе в апреле того же 1498 года. Там выполнялись какие-то работы художниками, которых он специально привез из Неаполя, и, направляясь сюда, король случайно зашел в темную галерею и так сильно ударился лбом о край двери, что скончался в тот же день — в возрасте двадцати восьми лет. Он был

бедным, уродливым парнем, как мы видели, и “мало что понимал”, - говорит нам Коммин, - “но таким хорошим, что невозможно было бы найти более доброе существо”.

Вместе с ним династии Валуа пришел конец. Ему наследовал его двоюродный брат, герцог Орлеанский, который после своей коронации в Реймсе принял титул короля Франции и Обеих Сицилий и герцога Милана — вопрос, который сильно беспокоил Федерико Арагонского и Лодовико Сфорца. Каждый из этих правителей видел в присвоении Людовиком XII своего собственного титула проявление вражды, прелюдию к объявлению открытой войны; поэтому, считая бессмысленным посылать своих послов представлять их интересы при французском дворе, они воздержались от этого.

Притязания Людовика XII на Миланское герцогство были основаны на том, что он был внуком Валентины Висконти, и, считая себя Висконти, он, естественно, рассматривал владения Сфорца не более чем узурпацию, которая слишком долго оставалась нетронутой. Нарушить это сейчас было первой целью его правления. И с этой целью, а также в другом вопросе, дружба папы была Людовику очень желательна.

Другой вопрос касался его супружеских отношений. Как только он стал королем Франции, он подал в Рим прошение о расторжении своего брака с Жанной де Валуа, дочерью Людовика XI. Основания, на которых он настаивал, были тройственными: во-первых, между ним и Жанной существовали отношения четвертой степени и духовная близость, проистекающие из того факта, что ее отец, Людовик XI, держал его у купели для крещения, что до Тридентского собора действительно являлось препятствием для брака. Во-вторых, он не был добровольным участником союза, но вступил в него в результате запугивания со стороны ужасного Людовика XI, который угрожал его жизни и имуществу, если бы не подчинился этому. В-третьих, Жанна страдала от физических трудностей, которые сделали ее неспособной к материнству.

Такого характера было обращение, с которым он обратился к Александру, и Александр ответил, назначив комиссию под председательством кардинала Люксембурга, в состав которой вошли тот же кардинал и епископы Альби и Сеуты, которым помогали пять других епископов в качестве заседателей, для расследования жалобы короля. По-видимому, нет веских оснований предполагать, что расследование не было проведено честно или что решение епископов и окончательное расторжение брака не соответствовали их совести. Нам предлагается предположить, что все это было действительно так, если учесть, что Жанна де Валуа без протеста подала на развод и что ни тогда, ни впоследствии никогда она не жаловалась, принимая судебное решение, предположительно, как справедливую и подобающую меру.

Она обратилась к папе за разрешением основать религиозный орден, особой целью которого должно было быть поклонение и подражание совершенствам Пресвятой Девы, и Александр с готовностью дал ей это разрешение. Он сам был проникнут совершенно особой преданностью Матери Спасителя. Мы видим проявление его особой преданности в подношении по обету серебряной статуэтки к ее знаменитому алтарю Сантиссима Нунциата во Флоренции, которое он пообещал в случае освобождения Рима от Карла VIII. Опять же, после несчастного случая с обрушением крыши в Ватикане, в результате которого он чудом избежал смерти, мы видим, как он направляется в Санта-Мария-Нуова в процессии, чтобы провести торжественный благодарственный молебен Богоматери. Дюжиной различных способов выражалась эта преданность во время его понтификата; и следует помнить, что именно Александру VI католики обязаны тем, что в честь Пресвятой Девы трижды в день звонят в колокол Ангела.

Для нас эта преданность Матери Целомудрия со стороны церковника, открыто нецеломудренного, грубо нарушающего свои обеты, является странным и неуместным зрелищем. Но несоответствие этого является просветляющим. Это раскрывает простое отношение Александра к грехам плоти и показывает, как, подобно большинству церковников своего времени, он не испытывал никаких совестливых трудностей в сочетании горячей набожности с предельной распущенностью. Каким бы это ни казалось с нашей точки зрения, с его точки зрения — в свете примеров его юности, в свете прецедентов, предоставленных ему его предшественниками на кафедре Святого Петра, — его поведение было достаточно нормальным, и ему не в чем было себя упрекнуть.

В вопросе об аннулировании брака Людовика XII следует признать, что Александр максимально воспользовался предоставленной ему возможностью. Он понял, что момент благоприятен для того, чтобы заручиться услугами короля Франции для достижения своих собственных целей, в частности для продвижения дела о браке Чезаре Борджиа с Карлоттой Арагонской, которая воспитывалась при французском дворе. Соответственно, Александр пожелал, чтобы епископ Сеуты изложил свои пожелания по этому вопросу христианскому королю, и, в конце концов, чтобы Чезаре мог найти подходящее светское поместье, ожидающее его, когда в конце концов он выйдет из духовенства, папа далее предложил Людовику через посредство епископа, чтобы Чезаре получил инвеституру графств Валентинуа и Диуа в Дофини. На первый взгляд это выглядит как приглашение к подкупу. На самом деле это едва ли составляло так много, хотя оппортунизм, побудивший к подаче запроса, неоспорим. Тем не менее, заслуживает внимания тот факт, что в том, что касалось графств Валентинуа и Диуа, предложение папы римского представляло собой мудрый политический шаг. Эти территории были предметом спора между Францией и Святым Престолом около двухсот лет, в течение которых папы претендовали на господство над ними. Претензии были признаны Людовиком XI, который передал графства Церкви; но вскоре после его смерти парламент Дофинии вернул их короне Франции. Карл VIII и Иннокентий VIII спорили из-за них, и в конце концов было намечено арбитражное разбирательство, но оно так и не состоялось.

Теперь Александр нашел способ разрешить возникшую трудность путем компромисса, который должен был обогатить его сына и дать последнему титул взамен кардиналь-ского, от которого он должен был отказаться. Итак, его предложение Людовику XII состояло в том, чтобы Церковь отказалась от своих притязаний на эти территории, в то время как король, возведя Валентинуа в достоинство герцогства, должен таким образом передать его Чезаре Борджиа.

Хотя предложение было политически обоснованным, в то же время оно представляло собой акт вопиющего кумовства. Но давайте не будем забывать, что у Александра не было недостатка в прецедентах для этого конкретного акта. Когда Людовик XI передал Валентинуа Сиксту IV, этот папа даровал его своему племяннику Джироламо, тем самым сведя на нет любые притязания Святого Престола на эту территорию. Мы считаем это — при тех обстоятельствах, что Людовик XI передал его Церкви, — гораздо более вопиющим проявлением кумовства, чем сейчас у Александра.

Людовик XII, ничуть не уступавший папе в оппортунизме, увидел в запрошенной у него уступке шанс заручиться благосклонностью Александра. Он согласился, сопроводив свое согласие просьбой о кардинальской шапке для Жоржа д'Амбуаза, епископа Руанского, который был его преданным другом в менее благополучные времена и разделял его несчастья при предыдущем

правлении, а теперь был его главным советником и министром. Кроме того, он умолял — в зависимости, конечно, от получения запрошенного развода — разрешить ему жениться на Анне Бретонской, прекрасной вдове Карла VIII. Это был способ Людовика, так сказать, повысить цену за уступки и услуги, о которых его просили; однако, чтобы не было никакого подобия торга, его согласие на то, чтобы Чезаре стал герцогом Валентинуа, было дано одновременно с его просьбой о дальнейших милостях.

С королевскими патентами, дарующими это герцогство сыну папы римского, Луи де Вильнев прибыл в Рим 7 августа 1498 года. В тот же день молодой кардинал предстал перед Священной коллегией, собравшейся в Консистории, чтобы просить разрешения снять пурпур.

После акта поклонения Святейшеству Папы он смиренно признался своим братьям-кардиналам, что его склонности когда-либо были противоположны принятию им церковного сана, и что, если он вообще принял его, то исключительно по указанию его Святейшества, точно так же, как он упорно стремился к этому, чтобы удовлетворить его; но что, поскольку его склонности и желания к светскому сословию сохранились, он умолял Святого Отца о его милосердии разрешить ему снять свою рясу и церковный сан, вернуть его шляпу и бенефиции Церкви и даровать ему разрешение вернуться в мир и быть свободным вступать в брак. И он молился достойным кардиналам использовать их добрые услуги ради него, добавив к своим собственным их ходатайства перед Святейшеством Папой, чтобы тот даровал ему милость, которой он добивался.

Кардиналы возложили решение этого вопроса на папу Римского. Один только кардинал Хименес - как представитель Испании — выступил против предоставления запрошенного разрешения и чинил препятствия на пути к нему. В этом, без сомнения, он следовал указаниям Фердинанда и Изабеллы, которые разглядели суть интриги с Францией, которая готовилась, и союза, который назревал между Людовиком XII и Святым Престолом — союза, который вовсе не отвечал интересам Испании.

Папа быстро опроверг возражения кардинала самым апостольским и неотразимым из всех видов оружия. Он указал, что не его дело препятствовать отречению кардинала Валенсии от пурпура, поскольку это отречение явно стало необходимым для спасения его души — “Pro salutae animae suae”, — на что, конечно, у Хименеса не было ответа.

Но с целью умиротворения Испании этот вечно политичный папа указал, что, если Чезаре собирается стать принцем Франции, его многочисленные церковные бенефиции, приносящие около 35 000 золотых флоринов в год и находящиеся в основном в Испании, будут дарованы испанским священнослужителям, и далее он умолял Хименеса помнить, что у него уже есть “племянник” при испанском дворе в лице наследника Гандии, которого он особенно высоко оценил в пользу Фердинанда и Изабеллы.

Таким образом, прошение Чезаре Борджиа было удовлетворено, и его возвращение в мир свершилось. И, по странной случайности омонимии, его титул остался неизменным, несмотря на смену состояния. Кардинал Валенсии в Испании стал герцогом Валенсии - или Валентинуа — во Франции, а в Италии Валентино остался Валентино.

КНИГА III. РАЗЪЯРЕННЫЙ БЫК

“Cum numine Caesaris omen.”

(девиз на мече Чезаре Борджиа.)

ГЛАВА I. ГЕРЦОГИНЯ ВАЛЕНТИНУА

Король Людовик XII отправил сьера де Саренона морем с флотом из трех кораблей и пяти галер, чтобы тот проводил нового герцога во Францию, но этот флот задержался, так что не бросал якоря в Остии до конца сентября.

Тем временем приготовления Чезаре к отъезду продвигались полным ходом, что привело к колоссальным расходам со стороны его отца. Ибо папа желал, чтобы его сын, отправляясь во Францию, чтобы вступить в права владения и для дальнейших целей жениться, передать Людовику разрешение, разрешающее его брак с Анной Бретонской, и отвезти красную шляпу в Амбуаз, продемонстрировал необычайное великолепие, которым в то время славились принцы культурной и роскошной Италии.

Его свита состояла из полной сотни слуг, включая оруженосцев, пажей, лакеев и грумов, в то время как двенадцать колесниц и пятьдесят вьючных мулов были нагружены его багажом. Все лошади его последователей были роскошно убраны, с уздечками и стремянами из чистого серебра; что касается остального, то великолепие ливрей, оружия и драгоценностей, а также богатство подарков, которые он привез с собой, поражали воображение даже в ту эпоху ослепительных зрелищ.

В свите Чезаре ехали Рамиро де Лоркуа, хозяин его Дома; Агабито Герарди, его секретарь; и его испанский врач Гаспаре Торелла — единственный медик своего времени, которому удалось найти средство от пудендагры, оставленной французами в Италии, и который посвятил Чезаре свой ученый трактат об этой болезни.

В качестве телохранителя, или почетного эскорта, Чезаре взял с собой тридцать джентльменов, в основном римлян, среди которых были Джанджордано Орсини, Пьетро Санта-Кроче, Марио ди Мариано, Доменико Сангинья, Джулио Альберини, Бартоломео Капраника и Джанбаттиста

Манчини — все молодые и все члены тех патрицианских семей, которые Александр VI умело использовал в своих интересах.

Последней из них была семья Орсини, союз с которой был установлен бракосочетанием, отпразднованным в Ватикане 28 сентября того же года между Фабио Орсини и Джироламой Борджиа, племянницей папы римского.

Отъезд Чезаре состоялся 1 октября, рано утром, когда он выехал со своей королевской свитой и направился вдоль Тибра по Трастевере, не пересекая город. Он восседал на красивом коне, одетый в красный шелк и золотую парчу — цвета Франции, в которые он также нарядил своих лакеев. На нем был камзол из белого дамаста, расшитый золотом, а с плеч ниспадала мантия из черного бархата. Шапка на его каштановой голове тоже была из черного бархата, ее соболиный цвет служил эффектным фоном для красноватого сияния огромных рубинов — “величиной с фасолину”, — которыми она была украшена.

Из джентльменов, следовавших за ним, римляне были одеты по французской моде, как и он сам, в то время как испанцы придерживались моды своей родной Испании.

Четыре кардинала провожали его до конца Банчи, и из окна Ватикана папа наблюдал за внушительной кавалькадой и провожал ее глазами, пока она не скрылась из виду, плача, как нам рассказывают, от радости при виде великолепия, которым ему выпало даровать своего любимого сына — “самое его сердце”, как он написал королю Франции в письме, доставленном Чезаре.

12 октября герцог Валентинуа высадился в Марселе, где был принят епископом Дижона, которого король послал ему навстречу и который теперь сопровождал знаменитого гостя в Авиньон. Там Чезаре ожидал кардинал Джулиано делла Ровере. Этот прелат теперь стремился помириться с Александром — и вскоре мы рассмотрим мотивы, которые, вероятно, вдохновляли его, вопрос, который до сих пор, как нам кажется, избегал критики по причинам, которые мы также постараемся сделать очевидными. К началу примирения с понтификом, положенному в его трогательном письме с соболезнованиями по поводу смерти герцога Гандийского, он теперь добавил очень сердечный прием и развлечение Чезаре; и на протяжении всего своего пребывания во Франции последний получал от делла Ровере самое дружелюбное обращение, кардинал не упускал возможности работать в интересах герцога и для достижения его целей.

Папа написал кардиналу, выражая признательность Чезаре за его благосклонность, и кардинал ответил протестами, которые, несомненно, выполнил.

Делла Ровере должен был сопроводить Чезаре к королю, который в то время находился со своим Двором в Шиноне, ожидая завершения работ в своем замке Блуа, который в настоящее время стал его главной резиденцией. Но Чезаре, по-видимому, задержался в Авиньоне, поскольку он все еще был там в конце октября и не добирался до Шинона до середины декабря. Помпезность его появления была просто ошеломляющей. Мы находим подробное изложение этого у Брантома, переведенного в прозе в виде нескольких старых стихов, которые, по его словам, он нашел в семейной сокровищнице. Он жалуется на их грубость, и те, кто знаком с откровенностью высказываний самого восхитительного старого француза, вполне могут удивленно приподнять брови в ответ на его критику. Каковы бы ни были грубые вольности, допущенные с предметом, о котором нам позволено лишь мельком взглянуть, и несмотря на то, что изложение было в стихах, что обычно дает волю фантазии рифмоплета, описание кажется

довольно точным, поскольку оно более или менее соответствует деталям, приведенным в "Сануто".

Во главе кавалькады ехали двадцать четыре вьючных мула, нагруженных сундуками и другим багажом под попонами с вышитыми гербами Чезаре, среди которых выделялись красный бык, эмблема его дома, и трехконечное пламя, его особый герб. За ними следовали еще двадцать четыре мула в королевских ало-золотых пополах, за которыми, в свою очередь, следовали шестнадцать прекрасных всадников, ведомых вручную, в такой же попоне, с уздечками и стремянами из чистого серебра. Следующими ехали восемнадцать пажей верхом на лошадях, шестнадцать из которых были одеты в алое и желтое, а двое оставшихся - в золотые одежды. За ними следовал отряд лакеев в таких же ливреях и два мула, нагруженных сундуками, задрапированными золотой тканью, в которых находились дары, доставленные Чезаре. За ними ехали тридцать дворян герцога в золотых и серебряных одеждах, и среди них ехал сам герцог.

Чезаре восседал на великолепном боевом коне, весь облаченный в кирасу из золотых листьев изысканной работы, его голову венчал золотой артишок, а хвост был заключен в золотую сетку, обильно усыпанную жемчугом. Герцог был одет в черный бархат, сквозь разрезы которого просвечивала золотая парча нижнего белья. Подвешенный на цепочке, которая, по словам поэта Брантома, стоила тридцать тысяч дукатов, на груди его сверкал бриллиантовый медальон, а на черной бархатной шапочке сверкали те же чудесные рубины, которые мы видели по случаю его отъезда из Рима. Его сапоги были из черного бархата, расшитого золотой нитью, усыпанной драгоценными камнями.

Замыкали кавалькаду еще мулы и колесницы с его доспехами, палатками и всем прочим снаряжением, с которым обычно путешествовал принц.

Некоторые говорят, что его лошадь была подкована чистым золотом, и есть также история — красивая, но, вероятно, неправдивая, — что некоторые из его мулов были подкованы из того же металла, и что либо потому, что подковы были намеренно неплотно прикреплены, либо потому, что металл, будучи мягким, легко отделялся от копыт, эти золотые подковы были свободно отлиты и оставлены в качестве подарка тем, кто захотел бы их взять.

Епископ Руанский — тот самый Жорж д'Амбуаз, для которого он привозил красную шляпу, — сенешаль Тулузы и несколько придворных вышли ему навстречу на мост и проводили через город в замок, где его ожидал король. Людовик XII оказал ему теплый и сердечный прием, проявив к нему тогда и впоследствии самое дружеское внимание. Однако не так обстояло дело с дамой, за которой он пришел ухаживать. В Венеции говорили, что она была влюблена в молодого бретонского джентльмена из числа последователей королевы Анны. Было ли это правдой, и Карлотта действовала в этом вопросе, повинувшись своим собственным чувствам, или же она просто следовала инструкциям, полученным из Неаполя, но она упрямо и категорически отказывалась удовлетворить иск Чезаре.

18 января Делла Ровере написал папе из Нанта, куда переехал двор, письмо, в котором восхвалял молодого герцога Валентинуа.

“Своей скромностью, готовностью, благоразумием и другими добродетелями он знал, как завоевать расположение каждого”. К сожалению, было одно важное исключение, как был вынужден добавить кардинал: “Девушка, либо из-за своего собственного упрямства, либо по наущению других, во что легче поверить, постоянно отказывается слышать о свадьбе”.

Делла Ровере имел полное право считать, что Карлотте было легче поверить в то, что она действовала по указанию других, поскольку, когда ее настойчиво добивались согласия на союз, она потребовала, чтобы неаполитанский посол сам сказал, что ее отец желал, чтобы она сделала это — заявление, которое, похоже, посол не смог заставить себя сделать.

Сбитый с толку настойчивостью этого отказа, Чезаре практически холостяком вернулся в Италию. Действительно, его отъезд был настолько решенным делом, что в феврале 1489 года в замке Лох он получил послание короля для папы римского. И все же Людовик не решался отпустить его, не связав его Святейшество более прочными узами в своих собственных интересах.

В задаче проследить анналы Борджиа честный искатель истины вынужден действовать с топором в руке, чтобы самому прорубить себе путь через клубок безответственных или злонамеренных заявлений, которые выросли по этому поводу, глубоко пустив корни в почву истории. Злонамеренность, как свободная, так и зафрахтованная, похоже, не упускает ни единого шанса для выдумывания вопиющей лжи об этой семье или для не менее вопиющего неправильного толкования известных фактов.

Среди массы письменной чепухи, касающейся пребывания Чезаре во Франции, часто встречается совершенно бездоказательное утверждение, что он удерживал от Людовика разрешение, позволяющее последнему жениться на Анне Бретонской, до тех пор, пока он не получит от Людовика все, что тот от него желал, — короче говоря, что он продал ему разрешение за самую высокую цену, которую только мог получить. Единственный мотив, которому служит это утверждение, - еще раз показать Александра и его сына в совершении симонианских обрядов, и это утверждение, без сомнения, вытекает из отрывка из "Депеш к десяти" Макиавелли. В другом месте упоминалась путаница, царящая в этих отрывках, и их ненадежность как исторических свидетельств. Теперь это обстоятельство можно установить. Рассматриваемый отрывок звучит следующим образом:

Это разрешение было дано Валентинуа, когда он отправился во Францию так, чтобы никто не знал о его существовании, с приказом дорого продать его королю, и не раньше, чем будут удовлетворены жена и другие его желания. И пока все это происходило, король узнал от епископа Сеуты, что разрешение уже существовало, и поэтому, не получив и даже не увидев его, брак был заключен, и за разглашение этого епископ Сеуты был казнен по приказу Валентинуа”.

Итак, начнем с того, что Макиавелли признает, что то, что происходило между папой и герцогом, было секретом. Как же тогда он делает вид, что владеет этими подробностями? Но, оставляя это за скобками, его заявление, столь обильно повторяемое более поздними авторами, подтверждается всеми реальными фактами дела.

О том, что в этом разрешении не могло быть никакого секрета, свидетельствует тот факт, что Манфреди, посол Феррарезе, пишет об этом герцогу Эрколе 2 октября — на следующий день после отъезда Чезаре из Рима. А что касается смерти Фернандо д'Алмейды, епископа Сеуты, то это произошло не тогда и не раньше, чем два года спустя (7 января 1499 г.) при осаде Форли, куда он отправился в свите Чезаре, как рассказывается в "Хрониках Бернарди" и "Истории этого города" Боноли.

Возвращаясь к вопросу о скором отъезде Чезаре неженатым из Франции, отметим, что Людовик XII был не единственным монархом, для которого это было источником беспокойства. Гораздо острее была тревога, испытываемая на этот счет королем Неаполя, который опасался, что ее непосредственным следствием станет заключение Святейшим Отцом союза с Венецией, которая в то время ухаживала за ним с этой целью. Стремясь умиротворить Александра в этот опасный час, Федерико обратился к нему с альтернативными предложениями и предложил передать Чезаре княжества Салерно и Сансеверино, которые были отняты у мятежных баронов. На это папа мог бы согласиться, но в момент обдумывания этого вопроса до него дошли письма от Чезаре, которые заставили его призадуматься.

Людовик XII также нашел альтернативу браку Чезаре с Карлоттой, и такую, которая наверняка должна была вовлечь папу в союз с Венецией и с ним самим.

Среди придворных дам королевы Анны — Людовик был женат уже месяц — были, помимо Карлотты, еще две дамы, каждая из которых могла бы сделать Чезаре подходящую герцогиню. Одна из них была племянницей короля, дочерью графа де Фуа; другой была Шарлотта д'Альбре, дочь Алена д'Альбре, герцога де Гиенна, и сестра короля Наварры. Теперь Людовик предоставил Чезаре выбирать между этими двумя, и его выбор пал на Шарлотту.

Ей было семнадцать лет, и говорили, что она самая красивая девушка Франции, и она воспитывалась при почтенном и благочестивом дворе Жанны де Валуа, откуда перешла ко двору Анны Бретонской, который, по словам Иллариона де Косте¹, был “школой добродетели, академией чести”.

1 Éloges et vies des Reynes, Princesses, etc.

Переговоры о ее руке были начаты с Аленом, который, как говорят, сначала не хотел, но в конце концов добился согласия. Наварра нуждалась в дружбе короля Франции, чтобы противостоять хищническим нравам Кастилии, и поэтому ради своего сына Ален не мог долго противиться желаниям Людовика. Внимательно рассматривая финансовые трудности, с которыми столкнулся этот Ален д'Альбре, и его печально известную скупость, возникает соблазн заключить, что те трудности, которые он мог создать, были продиктованы его стесненными обстоятельствами, его невозможностью или нежеланием обеспечить своей дочери приданое, соответствующее ее положению, и недостойным желанием заключить в этом вопросе максимально выгодную сделку. И это полностью подтверждается очевидной тщательностью и упрямой хитростью, с которыми сьер д'Альбрерасследовал обстоятельства и источники доходов Чезаре, чтобы подтвердить, что их стоимость соответствует заявленной.

В конце концов он согласился выделить ей 30 000 турнских ливров (90 000 франков), которые будут выплачены следующим образом: 6000 ливров на празднование свадьбы, а остаток ежегодными платежами в размере 1500 ливров до погашения задолженности. Эта сумма, по сути, представляла ее часть наследства от ее покойной матери, Франсуазы де Бретань, и она была передана при условии ее отказа от всех прав и наследования любого имущества ее отца или упомянутой покойной матери.

Так изложено в контракте, составленном Аленом в Кастель-Жалу 23 марта 1499 года, который уполномочивает его сына Габриэля и некоего Реньо де Сент-Шамана рассматривать и заключить брак, заключенный по настоянию короля, между герцогом Валентинуа и дочерью

Алена, Шарлоттой д'Альбре. Но это было далеко не все. Среди других условий, выдвинутых Аленом, он оговорил, что папа должен выделить его дочери 100 000 турнских ливров, а его сыну, Аманье д'Альбре, должна быть кардинальская шапка — для выполнения обоих этих условий Чезаре взял на себя обязательство нанять своего отца.

15 апреля в Блуа был подписан мирный договор между Францией и Венецией. Это был оборонительный и наступательный союз, направленный против всех, за единственным исключением правящего понтифика, который должен был иметь право вступить в него, если бы он так решил. Это был первый решительный шаг против Дома Сфорца, и переговоры велись настолько тайно, что Лодовико Сфорца впервые узнал о них после захвата на миланской территории курьера от папы римского с письмами к Чезаре во Францию. От них он, к своему ужасу, узнал не только о существовании лиги, но и о том, что папа присоединился к ней. Непосредственным следствием этой уверенности в том, что Александр перешел на сторону врагов Сфорцы, стал поспешный отъезд Асканио Сфорцы из Рима 13 июля.

Тем временем женитьба Чезаре последовала почти сразу же после заключения договора. Бракосочетание было отпраздновано 12 мая, а 19-го он получил из рук короля Франции рыцарский орден Святого Михаила, который в то время был высшей наградой, которой могла удостоиться Франция. Когда известие об этом дошло до папы, он отпраздновал это событие в Риме публичными гуляниями и иллюминациями.

Об ухаживаниях Чезаре у нас нет никакой информации. Тот факт, что этот брак был продиктован исключительно политической целесообразностью, заставляет нас воспринимать его как обремененный тем отвратительным отсутствием любви, которое так часто сопровождает браки принцев. Но существует немного данных, из которых мы можем сделать определенные допустимые выводы. Говорили, что эта семнадцатилетняя девушка была самой красивой во Франции, и в "De Gestis Regnum Gallorum" Ле Ферона есть нечто большее, чем предположение, что Чезаре отнюдь не был равнодушен к ее чарам. Он сообщает нам, что герцог Валентинуа вступил в брак очень сердечно, не только ради его целесообразности, но и ради "красоты дамы, которая не уступала ее добродетелям и мягкости ее натуры".

Чезаре, как мы знаем из более чем одного источника, был самым красивым мужчиной своего времени. Галантность его осанки заслужила одобрение такого придирчивого критика в подобных вопросах, как Бальдассаре Кастильоне, который упоминает об этом в своем "Il Cortigiano". Что касается его личного обаяния, то нет недостатка в похвалах и от тех, кто был знаком с ним в то время. Вдобавок к этому, его итальянское величие и пышность вполне могли бы ослепить девушку, выросшую в серых и несколько суровых тонах двора Жанны де Валуа.

И поэтому вполне может быть, что они любили друг друга и что они были благословлены своей любовью за то небольшое пространство, которое им было отведено в обществе друг друга. Продолжение в какой-то мере оправдывает это предположение. Всего одно маленькое лето из всего срока их жизни — какими бы короткими они ни были — они провели вместе, и приятно найти какие-то маленькие свидетельства того, что, по крайней мере, в течение этого короткого сезона они жили в розовом саду жизни.

В сентябре — всего через четыре коротких месяца после свадьбы — над ними зазвонили колокола - военные трубы протрубили призыв к оружию. Приготовления Людовика к вторжению

в Милан были завершены, и он направил свои войска через Пьемонт под командованием Джанджакомо Тривульцио.

Чезаре должен был сопровождать Людовика в Италию. Он назначил свою семнадцатилетнюю герцогиню губернатором и администратором своих земель и владений во Франции и Дофинии в соответствии с актом, датированным 8 сентября, и сделал ее наследницей всего своего движимого имущества в случае своей смерти. Несомненно, это свидетельствует не только о том, что между ними установилось хорошее взаимопонимание, но и о его уважении к ней и уверенности, которую он питал к ее умственным качествам. Об остальном свидетельствует ее более поздний траур по нему.

Так Чезаре простился с молодой женой, которую ему больше никогда не суждено было увидеть. Их ребенка, родившегося следующей весной, ему вообще не суждено было увидеть. Какая жалость! Движимый честолюбием, стремясь исполнить ожидавшее его предназначение, он повернулся спиной к той прекрасной стране Дофини, где прошел единственный спокойный короткий период его взросления, где счастье и покой могли бы стать уделом всей его жизни, если бы он остался. Он повернулся лицом к Италии, к грозе и стрессу, стоявшим перед ним, и в свите короля Людовика отправился стремительным курсом, которому суждено было оставить столь глубокий и неизгладимый след на свитке истории.

ГЛАВА II. ПОХОРОННЫЙ ЗВОН ПО ТИРАНАМ

В час нужды Лодовико Сфорца оказался без друзей и доверия, и ему пришлось расплачиваться за хитрую, неверную, эгоистичную политику, которую он так долго проводил с целью получения прибыли.

Его далеко идущие планы были сбиты с толку, потому что французский король стукнулся лбом о дверь, и ему наследовал тот, кто считал, что у него есть законное право на миланский трон, а также намерение и возможность обеспечить его соблюдение, независимо от того, законно это право или нет. Напрасно теперь Лодовико обращался за помощью к державам Италии, напрасно его хитрость затевала новые интриги. Соседи давно раскусили его; он слишком часто вел себя с ними быстро и развязно, и теперь ему никто не доверял.

Таким образом, он оказался в изоляции и ни в коем случае не мог противостоять французской лавине, обрушившейся на его герцогство. Падение Милана было вопросом нескольких дней; сопротивления там практически не было. Город за городом открывали свои ворота захватчикам, и Лодовико, видя, что его бросают со всех сторон, спасался бегством.

Чезаре не принимал участия в войне, которая, в конце концов, и не была войной — не более чем вооруженным ходом. Он был в Лионе с королем и не переезжал в Италию, пока Людовик не отправился вступить во владение своим новым герцогством.

Под одобрительные возгласы вечно непостоянной толпы, приветствовавшей его как своего избавителя, Людовик XII 6 октября с триумфом въехал в Милан в сопровождении небольшой свиты принцев, включая принца Савойского, герцогов Монферратского и Феррарского и маркиза Мантуанского. Но почетное место досталось Чезаре Борджиа, который ехал рядом с королем, блестящей и завораживающей фигурой. Это был тот случай, когда Бальдассаре Кастильоне, находившийся в свите маркиза Мантуанского, был тронут такой похвалой внешности и галантной осанке герцога, а также великолепному снаряжению его свиты, которое затмевало все это небольшое воинство сопровождавших его принцев.

С этого времени Чезаре подписывается “Чезаре Борджиа из Франции” и помещает на своем щите золотые лилии Франции рядом с красным быком дома Борджиа.

Условия, на которых Александр VI присоединился к лиге Франции и Венеции, стали очевидны примерно в это же время. Они должны были быть доставлены из посольства его племянника, кардинала Джованни Борджиа, в Венецию в середине сентября. Там последний объявил Совету Десяти, что Святейшество Папы стремится вернуть Церкви те тирании Романьи, которые первоначально были вотчинами Святого Престола и принадлежали ее викариям, которые, однако, давно отреклись от папской власти, отказались платить дань, а в некоторых случаях даже зашли так далеко, что подняли оружие против Церкви.

За одним или двумя исключениями жестокое и порочное правление этих мятежных князьков стало скандалом для всей Италии. Они правили с помощью грабежей и убийств и превратили Романью в немногим лучше разбойничьего гнезда. Их состояние отделения от Святого Престола возникло в значительной степени из-за кумовства, практиковавшегося последними папами, — nepotismo, который писатели слишком склонны упускать из виду, обвиняя Александра в том же злоупотреблении. Такие папы, как Сикст IV и Иннокентий VIII, разрушили Церковные государства, чтобы наделить ими своих детей и племянников. Кумовство таких, как они, никогда не приводило ни к чему, кроме обеднения Святого Престола; в то время как, с другой стороны, кумовство Александра — этого папы, которого считают архетипом nepotista, — имело тенденцию скорее обогащать его. Он обратился не к государствам Церкви, не к легким способам разграбления территорий Святого Престола, чтобы основать владения и династии для своих детей. Он вышел за их пределы, используя княжеские союзы как средство достижения своих целей. Гандиа был герцогом в Испании; Джуффредо — принцем в Неаполе, а Чезаре — герцогом во Франции. Ибо ни о чем из этого нельзя было сказать, что территории были украдены у Рима, в то время как союзы, заключенные ради них, были такими, которые имели тенденцию укреплять власть Папы и, следовательно, Церкви.

Воссоединение государства Церкви, восстановление ее полной светской власти, которую его предшественники так жестоко растрастили, всегда было целью Александра; Людовик XII предоставил ему, наконец, такую возможность, поскольку теперь с помощью Франции это можно было попытаться сделать.

Его сын Чезаре был тем Геркулесом, которому предстоял труд по очистке авгиевых конюшен Романьи.

Никогда не предполагалось, что Александр, возможно, был целеустремлен в своей цели. Возможно, действительно, было бы чересчур много предполагать; и общее предположение о том, что с самого начала его главной целью было создание могущественного государства для

своего сына, может быть принято. Но давайте, по крайней мере, вспомним, что таковы были цели нескольких пап до него. Сикст IV и Иннокентий VIII аналогичным образом стремились основать династии в Романье для своих семей, но из-за отсутствия талантов и политической проницательности Александра и сына с характером и способностями Чезаре Борджиа, слабый след их честолюбия может ускользнуть от внимания. Следует также помнить, что, каковы бы ни были скрытые мотивы Александра, непосредственными результатами кампании, которой он вдохновил своего сына, было воссоединение с Церковью отпавших от нее государств и восстановление ее мирской власти во всей полноте ее владычества. Как бы сильно он ни был проникнут желанием возвысить и возвеличить своих детей политически, он не делал ничего такого, что в то же время не способствовало бы увеличению силы и славы Церкви.

В его грозной Булле, опубликованной в октябре, излагалось, как после судебного разбирательства было установлено, что сеньоры или викарии Римини, Пезаро, Имолы, Форли, Камерино и Фаэнцы, а также других феодальных владений Святого Престола (включая герцогство Урбино) никогда не платили ежегодную дань, причитающуюся Церкви, поэтому он, в силу своей апостольской власти, лишил их всех их прав и объявил их таковыми.

Снова и снова говорилось, что эта Булла, равносильная объявлению войны, была не более чем предлогом для потворства его алчности; но, несомненно, она несет на себе отпечаток реальной обиды, и, какими бы достойными порицания ни были результаты, последовавшие за ней, для самой меры были справедливые и достаточные основания.

Действие этой Буллы, изданной в тот момент, когда Чезаре стоял с оружием в руках, а за его спиной стояла мощь Франции, готовая привести ее в исполнение, естественно, привело в состояние дикого смятения тиранов Романьи, с которыми мы вскоре познакомимся поближе в ходе наблюдения за кампанией Чезаре. Возможно, Чезаре Борджиа был чем-то вроде волка, но вы не должны думать, что Романья была стадом ягнят.

Джованни Сфорца — когда-то шурин Чезаре, и сеньор Пезаро — в спешке летит в Венецию за защитой. Нет ничего, на что он не пошел бы, чтобы помешать Борджиа в их замысле, спасти свою тиранию от попадания во власть этой семьи, которую он ненавидит больше всего на свете, и о которой он говорит, что, лишив его чести, она теперь лишит его имущества. Он даже предлагает подарить Республике часть своих владений.

В Венеции было много крови торговцев, и, как подобает торговке, она жаждала наживы. Вы можете догадаться, как у нее, должно быть, потекли слюнки, когда она увидела, что ей на колени положили такой вкусный кусочек, и в то же время знала, что его употребление может вызвать ужасное несварение желудка. Венис с сожалением покачала головой. Она не могла позволить себе ссориться со своим союзником, королем Людовиком, и поэтому ответила — кажется, презрительно, — что Джованни следовало сделать свое предложение, пока он был свободен сделать это.

Флорентийцы приложили все усилия, чтобы спасти Форли от угрожавшей ему участи. Они призвали к объединению Болоньи, Феррары, Форли, Пьомбино и Сиены ради их общей безопасности — предложение, которое ни к чему не привело, вероятно, потому, что Ферраре и Сиене, которым не угрожала Булла, не видели причин, по которым ради блага других они должны навлекать на себя гнев Борджиа и их могущественных союзников.

Венеция желала спасти Фаэнцу, тиран которой Манфреди также был осужден за неуплату дани, и с этой целью Республика направила в Рим посольство с причитающимися деньгами. Но Святой Отец отказался от золота, заявив, что платить уже слишком поздно.

Попытка Форли предотвратить опасность была иного рода, и она не предпринималась до тех пор, пока эта опасность — в образе самого Чезаре — не предстала с оружием в руках под ее стенами. Двое мужчин, обоих звали Томмазо — хотя не выясняется, были ли они родственниками, - один камергер дворца Форли, другой музыкант, были настолько преданы графине Сфорца-Риарио, мрачному термаганту, правившему поместьями ее убитого мужа, Джироламо Риарио, что предприняли предприятие, из которого они не могли надеяться выйти живыми. Это имело не меньшее значение, чем убийство папы римского. Они были арестованы 21 ноября, и у одного из них была обнаружена полая трость, содержащая письмо, “настолько пропитанное ядом, что даже разворачивать его было бы опасно”. Это письмо предназначалось Святому отцу.

Эта история читается как грубое преувеличение, исходящее от людей, которые в вопросе отравления демонстрируют легкое верие пятнадцатого века, столь невежественного в этих вопросах и столь склонного к фантастике. И мы испытываем шок, узнав, что, когда нас спрашивают, эти посланцы действительно сделали признание, на котором основана история, признав, что они были посланы графиней убить папу в надежде, что таким образом Форли может быть спасен для риариев. Сначала мы приходим к выводу, что эти несчастные люди, допрошенные под пытками, сознались во всем, что от них требовалось, как это часто случалось в подобных случаях. Таково, действительно, само объяснение, выдвинутое более чем одним автором, в сочетании с предположением, в некоторых случаях, что все это дело было сфабриковано папой римским в своих собственных целях.

Они поверят самым диким и глупым историям об отравлении (таким, как истории Джема и кардинала Джованни Борджиа), которые раскрывают Борджиа как отравителей; но пусть обвинят другого, а Борджиа будут намеченными жертвами, и они сразу же обретут разум и укажут вам на дикость заявления, на невозможность того, чтобы оно было правдой. И все же примечательно, что тщательное расследование этого дела об отравленном письме графини Сфорца-Риарио показывает, что оно не является ни диким, ни невозможным, а просто дьявольским. Объяснение этого вопроса можно найти в "Хрониках Форли" Андреа Бернарди. Он в точности рассказывает нам, как это было устроено, с точностью деталей, которой мы могли бы пожелать подражать другим его современникам, которые так легкомысленно отвергают обвинения в отравлении. Он сообщает нам, что в том 1499 году в Форли свирепствовала смертельная инфекционная болезнь, и что, прежде чем отправить свое письмо папе Римскому, графиня приказала приложить его к телу того, кто был болен этой инфекцией, надеясь таким образом передать его Святейшеству.⁽¹⁾

1 “Dite lire lei le aveva fate toccare et tenere adose ad uno nostro infetado.”—Andrea Bernardi (Cronache di Forli).

Александр отслужил благодарственный молебен за свой побег в Санта-Мария-делла-Паче, а кардинал Рафаэле Риарио опрометчиво бежал из Рима, справедливо опасаясь навлечь на себя гнев папы, который должен был обрушиться на его дом.

Однако к тому времени Чезаре уже вышел на поле. Была заручена поддержка Людовика, завоевателя Милана, и в этом кардинал Джулиано делла Ровере еще раз помог Борджиа.

Его примирение с папой, давно заслуженное теми услугами, которые он оказал Дому Борджиа в продвижении целей Чезаре, как мы видели, было завершено теперь союзом, который связал две семьи воедино. Его племянник Франческо делла Ровере женился на племяннице Александра, Анджеле Борджиа.

Существует письмо Джулиано папе римскому от 12 октября 1499 года, в котором он выражает свою глубокую благодарность по поводу этого брака, который, естественно, пошел на пользу его дому, и обязуется оказать все влияние, которым он располагает, на Людовика XII с целью исполнения желаний герцога Валентинуа. Он настолько хорошо выполняет свое обещание, что мы видим, как он полностью бросает своих двоюродных братьев Риариев, которые, вероятно, были бы раздавлены копытами наступающего быка, и усердно посвящает себя снаряжению Чезаре для той же атаки. Он зашел так далеко в этом вопросе, что является одним из поручителей — другим является кардинал Джованни Борджиа — по займу в размере 45 000 дукатов, собранному Чезаре в Милане на покрытие расходов на его кампанию.

Сейчас самый подходящий момент остановиться и подумать об этом человеке, который, поскольку он был злейшим врагом Александра, и который, поскольку ранее он облил папу позором и оскорблениями и собирается сделать это снова позже, приветствуется как прекрасная, честная, возвышенная, независимая, благородная душа.

Не настолько утонченный, прямой или благородный, но способный отбросить свою злобу, когда обнаружит, что заискивать выгоднее, чем огрызаться; не настолько независимый, но способный стать подхалимом, который пишет панегирики Чезаре и письма, дышащие преданностью папе, как только поймет, что так его интересам будет лучше. Помните, это тот человек, который назвал Александра евреем и мавром; это человек, который агитировал при дворах Франции и Испании за отстранение Александра от понтификата в связи с фальсификацией его избрания; это человек, чьи оскорбления Святого Отца так часто цитируются, поскольку, исходя из таких честных уст, они должны быть заслужены с того самого момента, как он их произносит. Если бы только историк немного повернул медаль и позволил нам взглянуть как на обратную, так и на лицевую сторону, от какого мира неприятностей и заблуждений мы не были бы избавлены!

Делла Ровере обнаружил тщетность своей работы по клевете, тщетность своих попыток побудить королей Франции и Испании созвать Генеральный совет и сместить человека, на место которого он домогался, поэтому он попытался заключить мир со Святым Престолом. Смерть Карла VIII и наследование престола королем, нуждавшимся в дружбе папы и нашедшим друга в Александре, сделали тем более необходимым, чтобы делла Ровере всеми доступными ему средствами вновь завоевал расположение Александра.

И вот вы видите, как этот благородный, честный человек жертвует самой своей семьей ради достижения этой личной цели. Где теперь та его упрямо честная совесть, которая заставила его объявить Александра не христианином и не папой римским? Его душит личный интерес. Хорошо, что это следует понимать, ибо на этом пути лежит понимание многих вещей.

Средства на кампанию были найдены, и Чезаре получил от Людовика триста копий под командованием Ива д'Аллегра и четыре тысячи пехотинцев, состоящих из швейцарцев и

гасконцев, во главе с бейли Дижона. Дополнительные войска собирались для него в Чезене — единственном феодальном владении Романьи, оставшемся верным Церкви, — Ахиллом Тиберти и Эрколе Бентивольи, и к ним должны были быть добавлены папские войска, которые должны были быть отправлены ему; так что в конечном итоге Чезаре оказался во главе значительной армии, численностью около десяти тысяч человек, хорошо оснащенной и поддерживаемой хорошей артиллерией.

Людовик XII покинул Милан 7 ноября — через месяц после своего триумфального въезда - и отправился обратно во Францию, оставив Тривульцио представлять его в качестве правителя Милана. Два дня спустя армия Чезаре выступила в путь, и он сам направился со своей конницей через Пьяченцу, в то время как пеший отряд под предводительством дижонского губернатора, получив разрешение на проезд через территории Феррары и Кремоны, последовал по По до Ардженты.

Так Чезаре Борджиа — лично сопровождаемый гвардейцами цезаря, одетыми в его ливрею, — отправился на завоевание Романьи. Пожалуй, ни в один период своей карьеры он не был так замечателен, как в этот момент. Люди всех профессий проходят обучение, и ни у кого ученичество не бывает более постепенным и трудным, чем у торговцев оружием. И все же Чезаре Борджиа не служил никому. Подобно Минерве, появившейся на свет взрослой и вооруженной, Чезаре стал генералом в тот час, когда его сделали солдатом. Это была первая армия, в которой он когда-либо маршировал, и все же он шел во главе ее. За свои двадцать четыре года жизни он ни разу даже не был свидетелем развернувшейся битвы; и все же он был здесь, чтобы руководить битвами и одерживать победы. Безграничная дерзость и стремительный интеллект слились в удивительное целое!

ГЛАВА III. ИМОЛА И ФОРЛИ

Между своим отъездом из Милана и прибытием в Имолу, где должна была открыться его предвыборная кампания, Чезаре нанес мимолетный визит в Рим к своему отцу, которого не видел целый год. Он пробыл в Ватикане три дня, в основном уединяясь со Святейшеством Папой. По истечении этого времени он снова отправился на север, чтобы присоединиться к своей армии, которая к этому времени пополнилась силами, присоединившимися к ней из Чезены, некоторыми папскими войсками и кондоттой под командованием Вителлоццо Вителли.

Последний, который был сеньором Кастелло, отправился в Милан, чтобы добиться справедливости от Людовика XII против флорентийцев, которые обезглавили его брата Паоло — заслуженно, за измену при ведении войны против Пизы. Этот Вителлоццо был ценным и опытным капитаном. Он поступил на службу к Чезаре, воодушевленный надеждой в конце концов найти способ отомстить флорентийцам, и теперь в свите Чезаре продвигался к Имоле и Форли.

Ранее воинственная графиня Катерина Сфорца-Риарио получила от своих детей полное управление своим наследством во время их совершеннолетия. К защите этого она теперь обратилась со всей решимостью своей суровой натуры. Ее жизнь была несчастливой, и ужасов она испытала в избытке. Ее отец, Галеаццо Сфорца, был убит в Миланском соборе небольшой группой патриотов; ее брат Джангалеаццо умер от нужды или от яда в замке Павия, став жертвой ее честолюбивого дяди Лодовико; она видела, как ее мужа, Джироламо Риарио, зарезали и голым выбросили из окна того самого замка, который она теперь защищала; Джакомо Фео, за которого она тайно вышла замуж вторым браком, был убит в Форли на ее глазах партией повстанцев. За него она ужасно отомстила. Собрав своих воинов, она во главе их въехала в квартал, населенный убийцами, и там приказала — как рассказывает нам Макиавелли — истребить всех людей, которые там жили, включая женщин и детей, в то время как сама оставалась поблизости, чтобы проследить за этим. После этого она вышла замуж в третий раз, в лице Джованни ди Пьерфранческо де Медичи, который умер в 1498 году. От него у этой похотливой женщины был сын, имя которого должно было греметь по всей Италии как имя одного из самых прославленных капитанов своего времени — Джованни делле Банде Нере.

Такова была женщина, которую Сануто назвал “великодушной, но самой жестокой мегерой”, которая теперь заперлась в своем замке, чтобы бросить вызов Борджиа.

Она начала с того, что ответила на Папскую буллу о взыскании с заявления о том, что Святой Престол отнюдь не обязан Святому Престолу той данью, о которой в ней говорится, на самом деле Святой Престол у нее в долгу, поскольку ее муж, граф Джироламо Риарио, был кредитором Церкви за те ассигнования, которые он выделил в должности генерал-капитана папских войск. Эта уловка, однако, не понравилась Александре, после чего, также потерпев неудачу в своем покушении на жизнь святейшества папы Римского, она перешла к мерам военного сопротивления. Своих детей и свои сокровища она отправила во Флоренцию, чтобы они были вне опасности, оставив при себе только своего сына Оттавиано, молодого человека лет двадцати; но, несмотря на то, что она держала его при себе, ясно, что она не считала его достойным того, чтобы ему доверили защиту от его тирании, ибо именно она, дочь воинственного рода Сфорца, взялась за организацию этого.

Располагая силами, которых было совершенно недостаточно для того, чтобы выступить против захватчика, она укрепилась в своей крепости Форли, снабдив ее необходимыми припасами, чтобы выдержать длительную осаду, и продолжила укреплять ее, возведя внешние укрепления и построив все ворота, кроме одних.

Пока она сама принимала военные меры, она отправила своего сына Оттавиано в Имолу, чтобы призвать Совет к лояльности и обороне города. Но его миссия не увенчалась успехом. Борьба против него была могущественным фактором, который в других будущих случаях должен был способствовать подчинению Чезаре Романьи. Риарии — как и многие другие тираны Романьи — так злоупотребляли своим правлением, так притесняли народ налогами, так оскорбляли его насилием и вызывали такую глубокую и ожесточенную вражду, что в этот трудный час они оказались заслуженно покинутыми своими подданными. Последние горели желанием попытаться сменить правителей в надежде найти таким образом улучшение положения вещей; худшее, по их убеждению, было бы невозможно.

Риариев так ненавидели и с таким отвращением относились к памяти, которую они оставили после себя в Имоле, что много лет спустя имя Чезаре Борджиа было благословлено там как имя

министра божественного правосудия (“*tanquam minister divina justitiae*”), снявшего с них суровое иго, которым они были угнетены.

И вот случилось так, что еще до того, как Чезаре появился в Имоле, его встретили несколько местных джентльменов, которые пришли предложить ему город, и он получил письмо от педагога Фламинио с заверениями, что, если для них это будет вообще возможно, жители распахнут перед ним ворота при его приближении. И Фламинио принялся умолять герцога, чтобы, если он, тем не менее, будет вынужден прибегнуть к оружию, чтобы добиться пропуска, он не обвинял горожан и не применял насилия к городу, подвергая его разграблению, заверяя его, что у него никогда не будет более верного и любящего города, чем Имола, как только это окажется в его власти.

Герцог немедленно послал вперед Ахилла Тиберти с конным эскадроном, чтобы потребовать сдачи города. И капитан гарнизона Имолы ответил, что он готов капитулировать, поскольку такова воля народа. Три дня спустя, 27 ноября, Чезаре въехал в город как завоеватель.

Примеру города, однако, цитадель не последовала. Под командованием Диониджио ди Нальдо последний выстоял, и, когда армия герцога вошла в Имолу, кастелян выразил свое негодование, направив свои пушки на сам город с такой решительностью, что многие дома были подожжены и разрушены. Этот Нальдо был одним из самых известных пеших капитанов своего времени, и он повидал немало службы под началом Сфорца; но здесь его опыт мало мог ему помочь.

28-го Чезаре начал атаку, направив свои орудия на цитадель; но только неделю спустя, обнаружив слабое место в стенах со стороны, господствующей над городом, он пробил брешь, через которую его люди смогли пробить проход и таким образом овладеть полумесяцем. Увидев врага практически в пределах своих укреплений и будучи сам тяжело ранен в голову, Налдо счел нужным вступить в переговоры. Он попросил трехдневного перемирия, пообещав сдаться по истечении этого срока, если за это время не получит подкрепления; и на это герцог согласился.

Добросовестность Налдо была поставлена под сомнение, и было высказано предположение, что его просьба о трехдневной отсрочке была не более чем прикрытием для предательской продажи крепости осаждающим. Однако это, по-видимому, не более чем одно из тех легкомысленных, безответственных высказываний, которыми изобилуют хроники того времени, поскольку Налдо оставил свою жену и детей в Форли в руках графини в качестве заложников за свою добросовестность, и это делает невероятной неподтвержденную историю о его подлости.

7 декабря, когда к нему не прибыло подкрепление, Налдо официально сдал цитадель, а его гарнизону была предоставлена охранная грамота.

Неделю спустя в Имолу прибыл двоюродный брат Чезаре, кардинал Джованни Борджиа, которого папа назначил легатом в Болонье и Романье вместо кардинала Асканио Сфорца и которого он послал поддержать действия Чезаре церковными властями. Кардинал Джованни, как представитель Папы Римского, принял в церкви Сан-Доменико присягу на верность города Святому Престолу. Это было обещано четырьмя представительными членами Совета Тридцати; и этим актом завоевание и подчинение города стало полностью свершившимся фактом.

Меньшие крепости на этой территории одна за другой открывали свои ворота перед наступающим врагом, пока не осталось взять только Форли. Чезаре подался вперед, чтобы уменьшить его.

По пути он проезжал через Фаэнцу, тиран которой Манфреди, считая себя уверенным в защите Венеции и принимая во внимание то обстоятельство, что республика отправила в Рим задолженность по дани, причитающуюся с его феода, и стремясь умиротворить папу, принял Чезаре очень радушно.

В Форли практически повторился случай в Имоле. Несмотря на то, что жители находились под непосредственным присмотром грозной графини, и хотя она послала своего брата, Алессандро Сфорца, призвать народ и Совет поддержать ее, последние, как и все остальные, устав от деспотичной тирании ее семьи, отправили своих представителей к Чезаре, чтобы предложить ему город.

Доблесть графини была из тех, которые возрастают по мере того, как положение становится все более отчаянным. Поскольку город покинул и предал ее, она будет полагаться на свою цитадель и упорным сопротивлением заставит Чезаре заплатить за это место как можно дороже. Опасности, которой она, кажется, почти готова подвергнуться сама, эта решительная, миловидная матрона не подвергнет сына, которого до сих пор держала рядом с собой; и поэтому она отправляет Оттавиано во Флоренцию, в безопасное место. Сделав это, она дает своим мятежным подданным почувствовать вкус своего гнева, пытаясь схватить полдюжины видных граждан Форли. Так случилось, что не только это намерение провалилось, но и едва не стало средством вовлечения ее в битву еще до прибытия герцога; ибо люди, пронюхав об этом, взяли за оружие, чтобы защитить своих сограждан, которым угрожала опасность.

Однако она утешила себя тем, что схватила Николо Торниелли и Лодовико Эрколани, которых Совет послал сообщить ей, что их представители отправились к Чезаре с предложением сдать город. Далее, чтобы дать выход своему гневу и продемонстрировать свое чувство юмора, она направила свою пушку на Общественный дворец и разрушила его башню.

Тем временем Чезаре двинулся вперед. Теперь Тиберти снова выехал вперед на своем коне, чтобы потребовать сдачи Форли. Это было принято с такой же готовностью, как и в случае с Имолой, после чего Чезаре прибыл, чтобы лично вступить во владение; но, несмотря на сердечное приглашение членов совета, он отказался войти в ворота, пока не подпишет статьи капитуляции.

19 декабря под проливным дождем Чезаре в полном вооружении, со знаменем Церкви, несомым впереди него, въехал со своими войсками в Форли. Его разместили во дворце графа Луффо Номалье (одного из джентльменов, которых Катерина надеялась захватить в плен), а его люди были расквартированы по всему городу. Эти его иностранные солдаты, похоже, немного вышли из-под контроля здесь, в Форли, и они совершили немало злоупотреблений, к ужасу и дискомфорту горожан.

Сануто комментирует это с удовлетворением, считая, что городу хорошо послужили за то, что она отдалась, как шлюха. Это комментарий скорее живописный, чем справедливый, поскольку очевидно, что Форли сдался не из-за малодушия, а ради того, чтобы избавиться от отвратительного правления риариев.

Город был захвачен, теперь оставалось разрушить крепость и примирить ее воительницу-хозяйку. Чезаре немедленно приступил к этому, не позволив рождественским празднествам помешать его трудам, но заставил своих людей работать, чтобы установить осадные орудия на позиции. В День Рождества графиня запоздало предприняла слабую уловку в надежде запугать их. Она спустила со своей зубчатой стены знамя с изображением льва Святого Марка, думая обмануть Чезаре и заставить его поверить, что она заручилась защитой Венеции, или, возможно, показывая таким образом, что она бросилась в объятия республики, сдавая свои феодалы венецианцам до конца, чтобы наперекор силе, которой она не могла долго противостоять, — как пытался сделать Джованни Сфорца.

Но Чезаре, ничуть не обеспокоенный этим знаменем, продолжил свои приготовления, которые включали установку семи пушек и десяти фальконетов на площади перед церковью Святого Иоанна Крестителя. Когда все было готово к бомбардировке, он предпринял попытку заставить ее осознать безнадежность своего сопротивления и напрасную жертву жизнью, которую это повлечет за собой. Возможно, его подвигла на это проявленная ею доблесть, а возможно, он повиновался инстинкту полководца, который всегда делал его скупым на жизни своих солдат. Как бы то ни было, с намерением привести ее к разумному взгляду на ситуацию он дважды подъезжал к самому краю канавы, чтобы вступить с ней в переговоры; но все, что из его усилий вышло, это то, что при повторном обращении к ней он едва не стал жертвой ее предательства и, таким образом, расстался с жизнью.

Она спустилась с крепостного вала и, приказав опустить мост, пригласила его встретиться с ней на нем, чтобы там они могли более непринужденно посоветоваться, тем временем проинструктировав своего кастеляна снова поднять мост, как только герцог ступит на него. Смотритель воспринял ее инструкции слишком буквально, потому что как только герцог поставил на нее ногу, раздался скрежет и лязг механизмов, и огромное сооружение с грохотом встало на место. Герцог остался снаружи, спасенный слишком большим рвением со стороны тех, кто работал с лебедками, потому что, промедли они еще хоть секунду, они бы поймали его в ловушку.

Разгневанный Чезаре вернулся в Форли и назначил цену за голову Катерины — 20 000 дукатов, если ее возьмут живой, 10 000, если мертвой; а на следующий день он открыл огонь. В течение двух недель это продолжалось без видимого результата, и ежедневно графиню можно было видеть на стенах вместе со своим кастеляном, руководящим обороной. Но 12 января, когда пушки Чезаре были сосредоточены на одной точке, наконец была пробита брешь. Немедленно ожидавшие горожане, которые были завербованы специально для этой цели, выступили вперед со своими вязанками хвороста, складывая их во рву до тех пор, пока не стал возможен проход. За этим последовали солдаты Чезаре, чтобы ворваться внутрь.

В равелине завязался упорный бой, где защитники сдерживали людей герцога, и только после того, как около четырехсот трупов заполнили это узкое пространство, осажденные уступили им дорогу.

Как и большинство итальянских крепостей того периода, замок Форли представлял собой цитадель внутри цитадели. В самом центре главного полотна, но опять же отрезанная от него собственным рвом, возвышалась огромная башня, известная как Маскио. Это было последнее отступление осажденных, когда сама крепость была взята штурмом, и, в случае с Маскио

цитадели Форли, ее конструкция была настолько прочной, что считалась практически неуязвимой.

Если бы солдаты графини в полном порядке отступили к этой башне, где хранились все боеприпасы и провизия, Чезаре обнаружил бы осаду лишь в самом начале; но в суматохе того мрачного часа осажденные и осаждающие, борджиан и риарианец, ринулись вперед, сцепившись, корчащейся, рубящейся, истекающей кровью толпой латников. Таким образом, они всем скопом бросились через мост, перекинутый через внутренний ров, и, таким образом, в Маскио, в то время как поток солдат Чезаре, который непрерывно переправлялся через реку непосредственно вслед за этой сражающейся массой, лишил защитников возможности захватить мост.

Внутри башни продолжалась резня, и люди герцога прорубали себе путь через то, что осталось от форливезе, пока не стали хозяевами той внутренней крепости, где Катерина искала своего последнего убежища.

Бургундец, служащий при бейли Дижона, был первым, кто наткнулся на нее в комнате, в которую она убежала с несколькими слугами и горсткой мужчин, среди которых были Алессандро Сфорца, Паоло Риарио и Сципионе Риарио — последний был незаконнорожденным сыном ее первого мужа, которого она усыновила. Бургундец объявил ее своей пленницей и удерживал в плену за назначенную за ее голову цену до прибытия Чезаре, который вошел в цитадель со своими офицерами вскоре после того, как был предпринят последний штурм.

Чезаре принял ее и обращался с ней с величайшей вежливостью, и, видя, что в данный момент она обездолена, он подарил ей кошелек с двумястами дукатов на ее неотложные нужды. Под его конвоем она покинула замок и вместе с немногими оставшимися слугами была препровождена во дворец Номалье, чтобы остаться на попечении герцога, его пленницы. Ее брат и другие члены ее семьи, найденные вместе с ней, были точно так же взяты в плен.

После ее ухода цитадель была отдана на разграбление, и в ней, должно быть, бушевал сущий ад, если мы можем судить по инциденту, описанному Бернарди в его хрониках. Молодой клерк по имени Эванджелиста да Монсиньян, схваченный бургундским солдатом, который спросил его, есть ли у него деньги, достал и отдал кошелек с тринадцатью дукатами и таким образом вырвался из лап наемников, но только для того, чтобы попасть в руки других, один из которых снова объявил его пленником. Бедный юноша, напуганный творящимся вокруг него насилием и стремящийся поскорее убраться из этого кошмара, закричал, что, если они отпустят его, он заплатит им выкуп в сто дукатов.

Вслед за этим “Сдавайтесь мне!” - крикнул один из солдат, и, когда клерк собирался это сделать, другой, столь же жаждущий выкупа, бросился вперед. “Нет. Скорее сдавайся мне”, - потребовал этот человек.

Первый настаивал на том, что юноша был его пленником, после чего второй размахивал мечом, угрожая убить Эванджелисту. Клерк в панике бросился в объятия монаха, который был с ним, взывая о пощаде, и там, на руках монаха, был жестоко убит, “чтобы положить конец, - сказал его убийца, - спору”.

Форлиμποполи сдался несколько дней спустя Иву д'Аллегре, которого Чезаре отправил туда, находясь в Форли, как только тот захватил цитадель и даже не попытался исправить нанесенный ущерб, герцог приступил к наведению порядка и обеспечению отправления правосудия, применив с этой целью редкие административные способности, которых не лишали его даже самые ярые недоброжелатели.

Он послал кастеляна в Форлиμποполи и привез из Имолы подесту для Форли.⁽¹⁾ Он утвердил Совет Сорока, правивший Форли, — по десять человек от каждого квартала города — и в целом принимал разумные меры для обеспечения благосостояния города, которые, как мы вскоре увидим, приносят плоды.

1 По всей Италии было принято, что подеста, или главный магистрат, никогда не должен был быть уроженцем города — реже штата, — в котором он занимал свой пост. Таким образом, не имея местных интересов или связей, он был более склонен вершить правосудие с желаемой целеустремленностью.

Затем его внимание привлек ремонт крепости, и он распорядился этим, поручив выполнение своих инструкций Рамиро де Лоркуа, которого он оставил на посту губернатора. В том месте, где пролом был пробит его пушкой, он приказал установить мраморную панель со своим гербом; и там ее можно увидеть и по сей день: Декстер, соболиные прутья Дома Лензолъ; Злыдень, главный бык Борджиа и лилии Франции; и, наложенный поверх, гербовый знак с папским гербом.

Когда были приняты все меры в отношении Форли, Чезаре обратил свое внимание на Пезаро и приготовился вторгнуться в него. Однако перед отъездом он дождался возвращения своего отсутствующего кузена, кардинала Джованни Борджиа, который, как папский легат, должен был принять присягу на верность от города; но вместо кардинала, которого он ожидал, прибыл гонец с известием о его смерти от лихорадки в Фоссомброне.

Джованни Борджиа покинул Форли 28 декабря, чтобы отправиться в Чезену, с намерением, как говорили, завербовать в армию своего кузена тех жителей Римини, которые, будучи изгнанными и восстав против своего тирана Малатесты, искали убежища в этом папском феоде. Оттуда он переехал в Урбино, где — во дворце герцога — ожидал известий о падении Форли и где, пока ждал, заболел. Тем не менее, когда до него дошла весть о победе Чезаре, он настоял на том, чтобы сесть на коня и отправиться в Форли; но, обнаружив, что слишком болен, чтобы держаться в седле, он был вынужден отказаться от поездки в Фоссомброне, в то время как результатом попытки стало обострение лихорадки, приведшее к смерти кардинала.

Чезаре, по-видимому, был глубоко опечален потерей Джованни, и есть все основания предполагать, что между кузенами царил искренняя привязанность. Тем не менее, Чезаре был обвинен в его смерти и в том, что он отравил его, и среди множества глупых, безосновательных обвинений, выдвинутых против Чезаре, вы не найдете ничего более глупого или безосновательного, чем это. В других случаях недоказанных преступлений, в которых его обвиняли, могут быть какие-то следы материи, которые могут служить доказательством или быть истолкованы как мотивы; здесь нет ничего, что могло бы послужить той или иной цели, и

ужасающая и бешеная беспринципность, безжалостная злоба борджианских хронистов ни в чем не проявляются так явно, как в этом обвинении.

Сануто упоминает полученные советы и слухи о том, что Чезаре убил его из ревности, зная, что он любим папой, видя в нем легата и опасаясь, что ему могут дать пост губернатора какого-нибудь феода Романьи.

Когда Гандиа умер и Чезаре обвинили в его убийстве, выдвинутым мотивом было то, что Чезаре, папский легат, обижался на брата, который был герцогом. Так вот, Чезаре, будучи герцогом, возмущен тем, что его кузен является папским легатом. Вы заметите, что, если продолжить этот метод выявления мотивов, не останется ни одного человека, умершего при жизни Чезаре, которому нельзя было бы доказать, что у Чезаре были мотивы для убийства.

Еще глупее, чем у Сануто, мотив, с помощью которого Джовио пытается подкрепить обвинение, о котором он сообщает: “Он [Чезаре] отравил его, потому что он [Джованни] благоволил герцогу Гандии”.

Это, по-видимому, было лучшее, что смог придумать Джовио. Это едва ли понятно — что, возможно, неизбежно, поскольку нелегко быть понятным, когда ты сам не совсем понимаешь, что имеешь в виду, как, должно быть, и было в случае с Джовио.

Все обвинение настолько глупо и злонамеренно, что вряд ли стоило бы упоминать о нем, если бы так много современных авторов не включили это в число преступлений Борджиа. На самом деле — и как покажет сравнение приведенных выше дат — между расставанием Джованни Борджиа с Чезаре в Форли и его гибелью в Урбино прошло восемнадцать дней, что само по себе решает вопрос. Можно отметить, что это обстоятельство, которое эти глупые или намеренно злонамеренные клеветники либо не потрудились выяснить, либо сочли более разумным замять. Хотя, если бы на них надавили, всегда можно было бы сослаться на смерть Джема и вымысел о медленно действующем яде, специально изобретенном для того, чтобы встретиться с ним и объяснить его случай.

Подготовка к вторжению в Пезаро была завершена, и было решено, что 22 января армия должна выступить из Форли; но в ночь на 21-е произошли беспорядки. Швейцарцы под предводительством Бейли Дижона взбунтовались — они, по-видимому, всегда были людьми неподготовленными — и теперь требовали более высокого жалованья, если им придется отправиться в Пезаро, настаивая на том, что они уже служили герцогу Валентинуа настолько, насколько они присягнули королю Франции.

Около третьего часа ночи сам бейли, преследуемый по пятам этими мятежниками, явился во дворец Номалье, чтобы потребовать передачи графини Сфорца-Риарио в его руки. Он утверждал, что она была его пленницей, поскольку была арестована его собственным солдатом, и что она сдалась Франции, к чему он добавил — мысль, по-видимому, непоследовательная, — что французские законы запрещают брать женщин в плен. Валентинуа, застигнутый врасплох и не имевший под рукой сил для сопротивления судебному приставу и его швейцарцам, был вынужден подчиниться и позволить последним увезти графиню к себе домой; но он отправил гонца в Форли-мпополи с приказом немедленно вернуть Аллегра и его лошадь, а утром, после мессы, он выстроил армию на рыночной площади; и таким образом, при поддержке своих испанских, французских и итальянских войск он столкнулся с угрожающими швейцарцами.

Горожане были в панике, ожидая увидеть, как в любой момент вспыхнет битва, и опасаясь последствий, которые могли бы возникнуть для города.

За ночь швейцарцы взбунтовались еще больше, чем когда-либо, и теперь отказывались выступать, пока им не заплатят. Усмирить и вернуть их к повиновению должен был Чезаре. Он сообщил им, что им заплатят, когда они придут в Чезену, и что, если впоследствии они останутся у него на службе, их жалование будет соответствовать улучшенной шкале, которую они потребовали. Помимо этого, он не пошел ни на какие уступки. Остальная часть его речи была направлена на то, чтобы заставить их подчиниться, поскольку он пригрозил, что прикажет бить в набат и прикажет жителям Форли разрезать их на куски, которых их грубые и хищнические привычки уже глубоко оскорбили.

Порядок был наконец восстановлен, и бейли Дижона был вынужден вернуть графиню Чезаре. Но их отъезд был отложен до завтра. В тот день, 23 января, после получения клятвы верности от Анциани в церкви Сан-Меркуриале герцог вывел свою армию из Форли и направился по дороге в Пезаро.

Катерина Сфорца Риарио пошла с ним. Одета в черное и верхом на белом коне, красивая амазонка ехала между Чезаре Борджиа и Ивом д'Аллегре.

В Чезене герцог сделал привал и там оставил графиню на попечение д'Аллегре, а сам поехал вперед, чтобы догнать основные силы своей армии, которые были уже так далеко на юге, что достигли Каттолики. Что касается Джованни Сфорца, то, несмотря на то, что герцог Урбино выслал несколько человек для его поддержки, он был гораздо более склонен бежать, чем сражаться, и фактически он уже принял меры предосторожности, поместив свои деньги и ценности в безопасное место, и собирался сам последовать за ними. Но случилось так, что в этом пока не было необходимости. Судьба — в лице его двоюродного брата Лодовико Миланского — отложила это событие.

26-го числа Чезаре находился в Монтефиори, и там до него добрались курьеры, срочно присланные из Милана Тривульцио. Лодовико Сфорца собрал армию швейцарских и немецких наемников, чтобы отвоевать свои владения, и миланцы открывали объятия, чтобы принять его обратно, уже обнаружив, что, променяв его правление на правление французов, они всего лишь променяли короля Лога на короля Аиста. Тривульцио умолял о немедленном возвращении французских войск, служивших под командованием Чезаре, и Чезаре, естественно вынужденный согласиться, был вынужден отложить продолжение своей кампании, что, должно быть, было немало неприятно в такой момент.

Он вернулся в Чезену, где 27-го числа отпустил Ива д'Аллегре и его людей, которые поспешили обратно в Милан, так что у Чезаре осталось не более тысячи пеших и пятисот всадников. Этого, без сомнения, хватило бы ему для завоевания Пезаро, но Джованни Сфорца, ободренный возвращением своего кузена и надеющийся теперь на помощь, несомненно, окопался бы и выдержал осаду, которая по необходимости должна была затянуться, поскольку уход французов лишил Чезаре его артиллерии.

Поэтому герцог вместо этого распорядился о своем возвращении в Рим и, оставив Эрколе Бентивольи с пятью сотнями всадников и Гонсалво де Мирафуэнте с тремя сотнями пехотинцев для охраны Форли, 30 января покинул Чезену с остатками своих сил, включая конницу Вителли. С ним поехала Катерина Сфорца-Риарио, и, конечно, не было недостатка в тех, кто утверждал,

что за несколько дней в Чезене он продвинул свое завоевание дальше, чем вопрос о ее территориях (1) — слух, источником которого, без сомнения, была непристойная шутка, отпущенная в Милане Тривульцио, когда он услышал о ее пленении.

1 “Teneva detta Madona (la qual é bellissima dona, fiola del Ducha Galeazo di Milan) di zorno e di note in la sna camera, con la quale—judicio omnium—si deva piacer” (Sanuto’s Diarii).

Он отвез ее в Рим — в золотых цепях, “как в другой Пальмире”, как говорят, — и там ей предоставили прекрасный Бельведер в качестве тюрьмы, пока в июне следующего года она не попыталась сбежать; после чего, для большей безопасности, ее перевели в замок Сант-Анджело. Там она оставалась до мая 1501 года, когда благодаря вмешательству короля Франции ей освободили и разрешили уехать во Флоренцию, чтобы воссоединиться со своими детьми. В городе лилий она жила, посвятив себя добрым делам, пока не закончила свою бурную, несчастливую жизнь в 1509 году.

То обстоятельство, что ее не заставили заплатить жизнью за попытку отравления папы Римского, несомненно, говорит в пользу Борджиа, и это в какой-то степени опровергает бесконечные заявления об их свирепой и мстительной жестокости. Конечно, утверждалось, что они избавили ее от страха перед Францией; но если это допустить, что тогда станет с теорией о тайном яде, который с таким успехом мог быть применен в подобном случае?

ГЛАВА IV. ГОНФАЛОНЬЕР ЦЕРКВИ

Хотя завоевание Чезаре Борджиа Имола и Форли нельзя всерьез считать выдающимися военными достижениями — за исключением того факта, что это была первая проведенная им кампания, — все же в Риме ажиотаж, вызванный его победой, был огромным. Возможно, это следует отнести к неотразимому качеству личности этого человека, которое начинало проявляться и заявлять о себе и выходить из тени, в которую оно до сих пор было отброшено его выдающимся отцом.

Энтузиазм поднимался все выше и выше, пока велись приготовления к его приему, и достиг своего апогея 26 февраля, когда с ошеломляющей помпой он въехал в Рим, что было настоящим триумфом.

Сануто рассказывает нам, что, когда пришло известие о его приближении, папа в своем радостном нетерпении и возбуждении стал не в состоянии выполнять обязанности своего кабинета и больше никому не давал аудиенций. Александр всегда проявлял себя самым любящим из отцов по отношению к своим детям, и теперь его переполняла гордость за своего сына, который уже проявил такие превосходные способности кондотьера и оправдал то, что тот снял сутану, чтобы пристегнуть солдатскую сбрую к своему гибкому и красивому телу.

Кардиналы Фарнезе и Борджиа с внушительной свитой выехали несколько дальше ворот Санта-Мария-дель-Пополо, чтобы встретить герцога. У самих ворот ему был приготовлен великолепный прием, и весь папский двор, прелаты, священники, послы Держав и официальные лица города и курии, вплоть до апостольских аббревиатуров и секретарей, ждали его, чтобы принять.

Было уже ближе к вечеру — между двадцать вторым и двадцать третьим часами, — когда он появился. В авангарде ехали повозки с багажом, а за ними маршировала тысяча пеших в полном походном облачении, возглавляемых двумя герольдами в ливреях герцога и одним в ливрее короля Франции. Следующей следовала лошадь Вителлоццо, за которой следовали пятьдесят кавалеристов - гвардия герцога Кесарева - непосредственно перед самим Чезаре.

Красивый молодой герцог — “белло э бьондо” — был великолепно конен, но очень просто одет в черный бархат с простой золотой цепью в качестве единственного украшения, и при нем была сотня пеших гвардейцев, тоже в черном бархате, с алебардами на плечах и отряд трубачей в ливреях, демонстрировавших его герб. Непосредственно за ним прибыли несколько кардиналов на своих мулах, а за ними следовали послы Держав, брат Чезаре Джуффредо Борджиа и Альфонсо Арагонский, герцог Бизелли и принц Салерно - муж Лукреции и отец ее мальчика Родриго, родившегося примерно тремя месяцами ранее. В свите Чезаре также бросалась в глаза внушительная фигура грозной графини Сфорца-Риарио, одетая в черное, верхом на белом коне, в золотых кандалах, между двумя служанками.

Когда процессия достигла моста Святого Ангела, из замка прогремел салют из пушек, на которых развевались знамена Чезаре и церкви. Толпа людей от Porta дельПополо до самого Ватикана была огромной. Это был год Папского юбилея, и город был переполнен паломниками со всех концов Европы, которые стекались в Рим, чтобы получить полную индульгенцию, предложенную папой. По этому случаю было так велико скопление народа, что процессия с величайшим трудом продвигалась вперед, и продвижение по улицам, запруженным кричащей толпой, по необходимости было медленным. Наконец, однако, мост Сант-Анджело был пересечен, и процессия двинулась к Ватикану по новой дороге, открытой Александром к Юбилею в декабре прошлого года.

С лоджии над порталами Ватикана папа наблюдал за величественным приближением своего сына, и когда последний спешил к ступеням, его Святейшество вместе с пятью сопровождавшими его кардиналами спустился в Зал Папагалло — зал папских аудиенций, примыкающий к апартаментам Борджиа, — чтобы принять герцога. Туда поспешил Чезаре со своей многочисленной свитой, и при виде его глаза папы наполнились слезами радости. Герцог с серьезным видом подошел к подножию трона, где упал на колени, и Бурхард случайно услышал, как он выражал своему отцу на их родном испанском все, чем он обязан Святости папы, на что Александр ответил на том же языке. Затем Чезаре наклонился и поцеловал папе ноги, а затем руку, после чего Александр, без сомнения, покоренный отцовским инстинктом привязанности, который был в нем так силен, поднял сына и нежно заключил его в объятия.

На следующий день в Риме возобновились празднества в честь возвращения Чезаре, и то обстоятельство, что в это время года был карнавал, несомненно, способствовало этому и придавало зрелищам угрожающий характер, которого в противном случае могло бы и не быть. В них победы герцога стали предметом иллюстрации. На Пьяцца Навона состоялось шествие огромных колесниц с группами, символизирующими триумфы древнего Цезаря, в организации

которого, без сомнения, была заручена помощь того отряда доблестных художников, которые в то время стекались в Рим и к папскому двору.

Ириарте, повсюду смешивающий факты с либеральной закваской вымысла, говорит нам, что “это тот самый момент, когда Чезаре Борджиа, устремив свой взор на римского цезаря, определенно берет его за образец и применяет принцип ”Aut Caesar, aut nihil”.”.

Чезаре Борджиа никогда не применял это устройство и никогда не демонстрировал его. В связи с ним его можно найти только на почетном мече, изготовленном для него, когда, еще будучи кардиналом, он отправился короновать короля Неаполя. Вовсе не маловероятно, что надпись с эмблемой на этом мече, который повсюду украшен иллюстрациями карьеры Юлия Цезаря, могла быть задумкой изготовителя меча как довольно очевидной игры с именем Чезаре.⁽¹⁾ Несомненно, если бы устройство было усыновлено самим Чезаре, мы нашли бы его в другом месте, а больше нигде его найти нельзя.

1 Ножны этого меча можно увидеть в музее Южного Кенсингтона; сам меч находится во владении семьи Каэтани.

Вскоре после возвращения Чезаре в Рим Имола и Форли отправили своих послов в Ватикан, чтобы умолять его Святейшество подписать статьи, которые составили эти города и в силу которых они провозгласили Чезаре своим господином вместо свергнутого Риария.

Совершенно верно, что Александр объявил, что, продвигая кампанию в Романье, он имел целью вернуть Церкви государства, которые мятежно отделились от нее. Тем не менее, нет достаточных оснований предполагать, что он грубо нарушил свое слово, удовлетворив просьбу, которую передали эти послы, и провозгласив своего сына графом Имолы и Форли. Признавая, что это было на пользу Чезаре и его продвижению по службе, все же следует помнить, что этими поместьями должен управлять от имени Церкви викарий, как это было всегда.

В таком случае, кого можно было бы предпочесть Чезаре по достоинству, учитывая, что не только изгнание тиранов было его работой, но и то, что сами жители желали видеть его своим господином? В остальном, учитывая его исключительные качества, следует помнить, что папа был его отцом, и — оставляя в стороне вину и скандал, связанные с этим отцовством, — вряд ли разумно ожидать, что отец предпочтет кого-то другому своему сыну на посту руководителя, для которого никто не подходит так хорошо, как этот самый сын. То, что Имола и Форли не были безвозмездным подарком Чезаре, оторванным с целью их получения от Святого Престола, ясно из титула викария, которым Чезаре взял на себя управление ими, как указано в Булле об инвеституре.

В дополнение к тому, что он получил звание викария и графа Имолы и Форли, именно в том же марте месяце, наконец, — и можно сказать, что Чезаре заслужил это, — он получил Знамя Церкви. С единодушного согласия Священной коллегии папа официально назначил его генерал-капитаном папских войск — следует помнить, что стремление занять эту должность было одним из мотивов предполагаемого убийства герцога Гандийского тремя годами ранее.

29 марта Чезаре приезжает в собор Святого Петра, чтобы принять свой новый сан и дальнейшую почесть Золотой Розы, которую ему должен вручить Папа, — символа Церкви Воинствующей и Церкви Торжествующей.

Благословив Розу, папа торжественно вносится в собор Святого Петра, перед ним проходит Коллегия кардиналов. Подойдя к Главному Алтарю, он снимает свою тиару — коническую, богато украшенную драгоценными камнями шапочку, сплетенную из оперения белых павлинов, — и с непокрытой головой преклоняет колени для молитвы; после чего он исповедуется кардиналу Беневенто, который был участником церемонии по этому случаю. Сделав это, он восходит и занимает свое место на Папском троне, куда приходят кардиналы, чтобы поклониться ему, под звуки органа и голоса хора. Последним появляется Чезаре, одетый в золотую ткань с оторочкой из горноста, чтобы преклонить колени на самой верхней ступени трона, после чего папа, снимая свою тиару и передавая ее кардиналу Сан-Клементе, произносит прекрасную молитву об инвеституре. После этого папа принимает из рук кардинала Сан-Клементе великолепную мантию гонфалоньера и набрасывает ее на плечи герцога с предписанными словами: “Пусть Господь облачит тебя в одежды спасения и окружит плащом счастья”. Затем он берет из рук Церемониймейстера — того самого Бурхарда, дневник которого снабжает нас этими подробностями, — алую с горностаем шапку гонфалоньера — богато украшенную жемчугом и увенчанную голубем — эмблемой Святого Духа, также выполненной из жемчуга. Это он возлагает на каштановую голову Чезаре; после чего, еще раз сняв тиару, произносит предписанную молитву над коленопреклоненным герцогом.

Покончив с этим, Святой Отец возвращается на свое место и надевает тиару, Чезаре наклоняется, чтобы поцеловать ноги папы, затем встает и в своем одеянии гонфалоньера, с шапочкой на голове, занимает свое место среди кардиналов. Снова гремит орган; хор исполняет “Introito ad altare Deum”; священнослужитель поднимается на алтарь и, воскурив ладан, снова спускается, и начинается месса.

Когда месса закончилась, и священнослужитель снял свое священное облачение и присоединился к своим братьям-кардиналам, кардинал Сан-Клементе снова направляется к Папскому престолу в сопровождении двух камергеров, которые несут два сложенных знамени, на одном из которых изображен личный герб Папы, на другом - герб Святой Церкви. За кардиналом следует послушник с кадилом и ладанницей, другой - со святой водой и асперсорио, а за ними снова два прелата с молитвенником и свечой. Папа встает, благословляет сложенные знамена и воскуривает их, получив кадило из рук священника, который его приготовил. Затем, возвращаясь на свое место, Чезаре снова выходит вперед и, преклонив колени, возлагает обе руки на Молитвенник и громким, ясным голосом произносит слова клятвы верности Святому Петру и Папе Римскому, клянясь всегда защищать последнего и его преемников от вреда жизни, здоровью или имуществу. После этого папа берет освященные знамена и передает их Чезаре, вручая ему в руки белую дубинку, символизирующую его должность, в то время как Церемониймейстер вручает настоящие знамена двум заместителям, которые в полном вооружении следуют за ними, чтобы принять их, и которые прикрепляют их к копьям, предусмотренным для этой цели.

За посвящением следует вручение Золотой Розы, после чего Чезаре, еще раз поцеловав ноги папы и кольцо Рыбака на его пальце, сам Бурхард надевает ему на голову служебную шапку, и на этом церемония заканчивается.

Епископ Изернии направлялся в Чезену, чтобы занять пост губернатора этого папского феода, и, воспользовавшись этим, Чезаре назначил его своим генерал-лейтенантом в Романье с властью над всеми другими тамошними офицерами и полными судебными полномочиями.

Кроме того, он пожелал, чтобы тот выступил в качестве его заместителя и принял присягу на верность от новых подданных герцога.

Тем временем Чезаре оставался в Риме, без сомнения, недовольный перерывом в его кампании, который, казалось, должен был продолжаться еще некоторое время. Лодовико Сфорца преуспел в изгнании французов из своих владений так же легко, как он сам был изгнан ими несколькими месяцами ранее. Но Людовик XII послал свежую армию под командованием Ла Тремуйля, и Лодовико, подло преданный своими швейцарскими наемниками в апреле при Новаре, был взят в плен.

Это был окончательный конец правления Сфорца в Милане. В течение десяти лет хитрый, коварный Лодовико был оставлен томиться пленником в замке Лох, в конце концов он прискорбно скончался.

Сразу же после возвращения французов в Милан папа запросил войска, чтобы Чезаре мог возобновить свое предприятие не только против Пезаро, Фаэнцы и Римини, но и против Болоньи, где Джованни Бентивольи не смог поддержать — как того требовал долг — короля Франции против Лодовико Сфорца. Но Бентивольи выкупил утраченное французское покровительство за 40 000 дукатов и таким образом избежал надвигающейся опасности; в то время как Венеция, случилось так, что она все больше беспокоилась о том, что союз с Францией и Римом не принесет ей никакой прибыли; и это был вопрос, который ее дух торговца не мог вынести. Поэтому Венеция вмешалась в дело Римини и Фаэнцы, которые она защищала примерно в том же духе, в каком собака защищает солому в яслях. Затем, когда, покорив Милан, Людовик XII обратил свои мысли к завоеванию Неаполя и призвал Венецию выступить вместе с ним, как подобает хорошему союзнику, Республика совершенно ясно дала понять, что она не намерена двигаться дальше, если не получит от этого какой-то выгоды для себя. Она указала, что Мантуя и Феррара оказались в том же положении, что и Болонья, поскольку не смогли оказать помощь французам в трудную минуту, и предложила Людовику XII завоевание и раздел этих территорий.

Таким образом, дела обстояли, и Чезаре волей-неволей пришлось дожидаться окончания Пизанской войны, в которой участвовали французы, уверенный, однако, что, как только она закончится, Людовик, стремясь сохранить дружеские отношения с папой, сможет убедить Венецию отказаться от своей защиты Римини и Фаэнцы. Для него было сделано так много, что теперь он был в состоянии сделать остальное без помощи французских войск, если потребуется. Юбилей, затянувшийся еще на год, настолько обширным и непрерывным было скопление верующих, 200 000 из которых преклонили колени на площади перед собором Святого Петра в день Пасхи, чтобы получить благословение папы, вливал огромные суммы денег в папскую казну, а денег у молодого кондотьера, слава о котором распространялась с тех пор, как он вернулся из Романьи, было предостаточно. Теперь он был надеждой солдат удачи, которыми изобиловала Италия, привлеченных туда со всех сторон постоянными возможностями для трудоустройства, которые предоставляла эта беспокойная страна.

Именно говоря о нем примерно в это время и снова восхваляя его личную красоту и утонченную внешность, Капелло говорит о нем, что, если он выживет, он станет одним из величайших капитанов Италии.

Те проблески, которые мы имеем на страницах современных записей о Чезаре в то многолюдное время Папского юбилея, которые нам разрешены, незначительны и мимолетны. 13 апреля мы видим его верхом на лошади, сопровождающим Папу Римского по Риму в кавалькаде, которая посетила четыре базилики, чтобы получить предложенную индульгенцию, и, как обычно, его сопровождает сотня вооруженных конюхов в черном.

В другой раз мы увидели его совсем в другом амплуа — демонстрирующим свои превосходные физические данные, силу, мужество и непревзойденное обаяние. 24 июня на корриде, проходившей в Риме — испанская тавромахия была завезена из Неаполя, где она процветала под властью Арагона, — он спустился на арену и верхом на лошади, вооруженный только легким копьем, убил пятерых диких быков. Но мастерский удар он приберег на конец. Спешившись и взяв обоюдоострый меч у шестого выпущенного на него быка, он обезглавил огромное животное одним ударом, “подвиг, который весь Рим считал великим”.

Так ускорилось время ожидания, а тем временем он собрал вокруг себя Придворных не только капитанов удачи, но и людей искусства и литераторов, которым покровительствовал с такой щедростью — более того, расточительностью, — что вскоре это вошло в поговорку и, между прочим, своими масштабами вызвало неодобрение его отца. В блестящей группе литераторов, пользовавшихся его покровительством, были такие писатели, как Джустоло, Сперуло и несчастный поэт Серафино Чимино да Аквила, известный славе и потомкам как великий Аквилано. И, без сомнения, именно в эти месяцы Пьер ди Лоренцо написал тот портрет Чезаре, который Вазари впоследствии видел во Флоренции, но о существовании которого, к сожалению, сейчас не известно. Браманте тоже был в то время при его Дворе, как и Микеланджело Буонарроти, чья великолепная группа “Милосердие”, написанная для кардинала де Вилье, только что поразила весь Рим. Наряду с Пинтуриккьо и Леонарди да Винчи, которого мы позже увидим рядом с Чезаре, Микеланджело всегда пользовался высочайшим уважением герцога.

История о стремлении этого молодого скульптора к славе, возможно, не так широко известна, но ее повторение здесь можно допустить, особенно потому, что она, по крайней мере отдаленно, касается Чезаре Борджиа.

Когда в 1496 году молодой Буонарроти в возрасте двадцати трех лет приехал из Флоренции в Рим, чтобы попытать счастья при богатом папском дворе, он привез рекомендательное письмо кардиналу Сфорца-Риарио. Это было время великих раскопок в Риме; сокровища древнего искусства ежедневно извлекались из земли, а кардинал Сфорца-Риарио был великим дилетантом и коллекционером антиквариата. С гордостью обладателя он провел молодого скульптора по своей галерее и, показав ему свою скульптуру, спросил, может ли он сделать что-нибудь, что могло бы сравниться с ней. Если кардинал намеревался бесцеремонно использовать молодого флорентийца, то его наказание было немедленным и поэтичным, поскольку среди антиквариата Микеланджело увидел спящего Купидона, которого он немедленно объявил своей собственной работой. Риарио был разгневан; несомненно, он также подозревал мошенничество. Этот Купидон был — как свидетельствовал его внешний вид, подлинным антиквариатом, который кардинал приобрел у миланского торговца за двести дукатов. Микеланджело в порыве гнева назвал имя продавца — некоего Бальдассаре, — которому он отправил статую после того, как обошелся с ней с сомнительной моралью

чинквечентиста, чтобы создать видимость того, что она пролежала в земле, с целью, чтобы Бальдассаре мог избавиться от нее как от антиквариата.

Его нынешняя ярость возникла из-за того, что он узнал о цене, заплаченной кардиналом Бальдассаре, от которого Микеланджело получил всего тридцать дукатов. В гневе он потребовал — как кажется, весьма произвольно — возвращения своей статуи. Но кардинал не соглашался на это до тех пор, пока Бальдассаре не был арестован и не заставил его вернуть выплаченные ему деньги. Тогда, наконец, Сфорца-Риарио выполнил требования Микеланджело и передал ему своего Купидона — произведение искусства, обладание которым, вероятно, перестало доставлять удовольствие этому коллекционеру антиквариата.

Но эта история разошлась по всему миру, и культурный Рим с нетерпением ждал появления статуи, которая обманула такого проницательного судью, как Сфорца-Риарио. Слава о молодом скульпторе распространилась, как рябь по воде, и именно Чезаре Борджиа — в то время еще кардинал Валенсии - купил Купидона. Много лет спустя он отправил ее Изабелле д'Эсте, заверив ее, что ей нет равных среди современных произведений искусства.

ГЛАВА V. УБИЙСТВО АЛЬФОНСО АРАГОНСКОГО

Теперь мы переходим к рассмотрению события, которое, несмотря на свет, который так много людей с такой уверенностью пролили на него, остается окутанным неизвестностью и представляет собой тайну, уступающую только тайне убийства герцога Гандийского.

Как вы помните, в июле 1498 года Лукреция вышла замуж во второй раз за Альфонсо Арагонского, побочного сына Альфонсо II Неаполитанского и племянника Федерико, правящего короля. На момент женитьбы он был красивым семнадцатилетним мальчиком — на год моложе Лукреции, — и в честь этого события и по настоянию папы римского он был создан его дядей герцогом Бизелли и принцем Салерно. Со всех сторон говорили, что этот брак был заключен по любви, и в ноябре 1499 года от него родился мальчик Родриго.

15 июля 1500 года, примерно в третьем часу ночи, Альфонсо подвергся нападению и был тяжело ранен — сначала говорили, смертельно — на ступенях собора Святого Петра.

По словам Берчарда, на молодого принца напали несколько убийц, которые ранили его в голову, правую руку и колено. Оставив его, без сомнения, умирать, они сбежали вниз по ступеням, у подножия которых их ожидало около сорока всадников, которые вывели их из города через ворота Пертузы. Принц проживал во дворце кардинала Санта-Мария-ин-Портико, но его состояние было настолько отчаянным, что те, кто нашел его на ступенях базилики, отнесли его в Ватикан, где его поместили в камеру башни Борджиа, в то время как кардинал Капуи сразу же отпустил ему грехи *in articulo mortis*.

Этот поступок вызвал большой переполох в Риме и, конечно же, немедленно стал предметом сплетен, а три дня спустя Чезаре издал указ, запрещающий под страхом смерти любому мужчине передвигаться с оружием между Сант-Анджело и Ватиканом.

Весть об этом событии немедленно разнеслась по Неаполю, и король Федерико прислал своего собственного врача Галиено для лечения своего племянника. Под присмотром этого врача и горбуна-ассистента Альфонсо пролежал, страдая от ран, до 17 августа, когда внезапно скончался, к великому изумлению Рима, который некоторое время считал, что он вне опасности. Описывая свою фактическую смерть, Берчард одновременно откровенен и сдержан до необычайной степени. “Не умирая, - пишет он, - от полученной раны, он был вчера задушен в своей постели в девятнадцатом часу”.

Между хроникой о том, что он был ранен на ступенях собора Святого Петра, и записью о его смерти тридцать три дня спустя в дневнике Берчарда нет никаких записей, касающихся принца, и ничего такого, что могло бы каким-либо образом помочь следователю прийти к заключению; в то время как по поводу удушения Церемониймейстер больше ни слова не добавляет к тому, что было процитировано выше. То, что он так холодно — почти цинично — заявляет, что Альфонсо был задушен, даже не предполагая, кем, необычно для человека, который, каким бы мрачно лаконичным он ни был, редко бывает скрытным — несмотря на то, что так его могли расценить те, кто отчаялся найти в его дневнике подтверждение тех точек зрения, которые они случайно выбрали, и тех вопросов, в которые им нравилось верить и распространять.

В тот же вечер тело Альфонсо без всякой помпы было доставлено в собор Святого Петра и помещено в часовне Санта-Мария-делле-Феббре. Его сопровождал Франческо Борджиа, архиепископ Козенцы.

Врач, который лечил покойного, и горбун были схвачены, доставлены в Сант-Анджело и обследованы, но вскоре после этого отпущены на свободу.

Пока мы находимся на том, что можно считать безопасной почвой. Дальше этого мы не можем пойти, разве что следуя по ненадежным путям спекуляций и следя за различными слухами, распространявшимися в то время. Официальных и абсолютно положительных доказательств причастности к убийству Альфонсо нет.

Венецианский посол, невыразимый сплетник Паоло Капелло, который, как мы видели, располагал самыми полными подробностями смерти герцога Гандийского — хотя он приехал в Рим только через два с половиной года после преступления, — в данном случае снова является косвенным. Вы видите в этом Капелло предшественника современного журналиста низшего пошиба, существо, которое рыщет в поисках обрывков сплетен и скандальных сюжетов, и которое, найдя их, не слишком заботится об их абсолютной правдивости, чтобы они предоставили ему сенсационную “копию”. Имейте в виду, что это тот же самый Капелло, который рассказывает нам историю убийства Чезаре прямо на руках у папы римского Педро Кальдеса, который, как показано в другом месте, упал в Тибр и утонул, вплоть до зловещих подробностей о крови, брызнувшей папе в лицо.

Его знаменитое обращение к Сенату в сентябре 1500 года немногим лучше, чем краткое изложение всех скандалов, имевших место в Риме во время его пребывания там в качестве посла, а его воскрешение старого дела об убийстве Гандии в какой-то степени демонстрирует дух, которым он руководствовался, и его любовь к сенсациям. Большинству авторов,

занимавшихся делом об убийстве Альфонсо Арагонского, понравилось следовать заявлениям Капелло; следовательно, они должны быть изучены.

Он пишет из Рима — как записал Сануто, — что 16 июля Альфонсо Биселли подвергся нападению на ступенях собора Святого Петра и получил четыре ранения: “одно в голову, одно в руку, одно в плечо и одно в спину”. Это было все, что было известно Капелло на момент написания им этого письма, и вы уже заметили несоответствие между его заявлением, написанным на основе слухов, и отчетом Берчарда, которому, учитывая положение последнего в Ватикане, всегда следует отдавать предпочтение. По словам Берчарда, ран было три, и они были нанесены в голову, правую руку и колено.

19-го числа Капелло пишет снова и, сообщив, что Лукреция, которая действительно была убита горем из-за смерти своего мужа, была поражена лихорадкой, добавляет, что “неизвестно, кто ранил герцога Бизелли, но говорят, что это был тот же самый человек, который убил и сбросил в Тибр герцога Гандийского. Милорд Валентинуа издал указ, согласно которому отныне никто не должен носить оружие между Сант-Анджело и Ватиканом.

На первый взгляд, этот эдикт Валентинуа, кажется, свидетельствует о досаде на то, что произошло, и желании предотвратить его повторение — положение, которое вряд ли могло быть сделано человеком, организовавшим нападение, если только он не стремился этим эдиктом пустить пыль в глаза миру; и нельзя связывать произошедшее после события и страх критики с такой натурой, как у Цезаре, или с такой характеристикой, которую ему приписывают те, кто убежден, что именно он убил Бизелли.

Слух о том, что на Альфонсо напал убийца Гандии, является достаточно обоснованным слухом, пока последний остается неназванным, поскольку он просто указал бы на какого-то врага Дома Борджиа, который, убив одного из его членов, теперь пытается убить другого. Действительно ли Капелло имел в виду Цезаре, когда писал эти слова 19 июля, не так очевидно, как можно предположить, поскольку следует иметь в виду, что на тот момент Капелло еще не составил “отношение”, в котором он рассматривает убийство Гандии.

23 июля он написал, что герцог действительно очень болен из-за раны в голове, а 28-го - что он в опасности из-за той же раны, хотя лихорадка спала.

18 августа он объявляет о смерти Альфонсо в следующих выражениях: “Герцог Биселли, муж мадонны Лукреции, умер сегодня, потому что он планировал убить герцога [Валентинуа] выстрелом из арбалета, когда тот гулял в саду; и герцог приказал своим лучникам изрубить его на куски в его комнате”.

Эта “режущая на куски” форма смерти очень дорога воображению Капелло и свидетельствует о его склонности к сенсациям.

Переходя к более публичным вопросам, на основании которых его показания более приемлемы, 20-го числа он пишет, что некоторые слуги принца были арестованы, и что, когда их допросили, они признались в намерении принца убить герцога Валентинуа, добавив, что в этом замешан слуга герцога. 23-го числа Капелло косвенно подтверждает факт покушения Альфонсо на жизнь Цезаре и заявляет, что в этом признался хозяин дома Альфонсо, “брат его матери, мадонны Друзы”.

Таков итог отчетов Капелло перед Сенатом, записанный Сануто. Остальное, полная, зловещая, насыщенно окрашенная, сенсационная история, содержится в его “Отношении” от 20 сентября. Он предваряет повествование сообщением сенату о том, что папа находится в очень плохих отношениях с Неаполем, и продолжает рассказывать о деле Альфонсо Арагонского следующим образом:

“Он был ранен в третий час ночи возле Дворца герцога Валентинуа, его брат -в-законе, и принц побежал к папе, заявив, что он был ранен и что он знал, от кого; и его жена Лукреция, папа и дочь, кто был в комнате, впал втоску. Он болел тридцать три дня, и его жена и сестра, которая является женой принца Сквиллаче, еще одного сына папы римского, были с ним и готовили для него в кастрюле, опасаясь, что его отравят, поскольку герцог Валентинуа так ненавидел его. И папа приказал охранять его шестнадцать мужчинам, опасаясь, что герцог убьет его. И когда папа отправился навестить его, Валентинуа не сопровождал его, за исключением одного случая, когда он сказал, что то, что не было сделано за завтраком, можно сделать за ужином.... 17 августа он [Валентинуа] вошел в комнату, где принц уже встал с постели, и, выгнав жену и сестру, позвал своего человека по имени Микели и приказал задушить принца; и той же ночью он был похоронен”.

Теперь должны возникнуть следующие моменты, которые поколеблют доверие студента к этому повествованию и к Капелло как к авторитету в любых других вопросах, которые он затрагивает:

(i) “Он был ранен недалеко от дворца герцога Валентинуа”. Это чрезвычайно похоже на попытку собрать улики против Чезаре и демонстрирует склонность прибегать к их выдумке. Что бы ни было неизвестно о смерти Альфонсо, всем было известно, что он был ранен на ступенях собора Святого Петра, и сам Капелло в своих депешах сказал об этом в то время. Подозрение, что все отношения Капелло направлены на то, чтобы немедленно очернить Чезаре, возникает и получает подтверждение, если учесть, что, как мы уже говорили, именно в этом же отношении имеет место вымысел о Педро Кальдесе и что вина за убийство герцога Гандийского определенно возложена на Чезаре.

(ii) “Он побежал к папе римскому [“Corse dal Papa”], сказав, что был ранен и что он знает, кем”. Человек с раной в голове, которая угрожала его жизни более недели, вряд ли был бы в сознании, получив ее, и не следует предполагать, что, будь он в сознании, нападавшие ушли бы. Не подлежит сомнению, что они оставили его умирать. Его отнесли во дворец, и мы знаем от Бурхарда, что кардинал Капуи отпустил ему грехи *in articulo mortis*, что красноречиво свидетельствует о его состоянии. Немыслимо, чтобы он смог “побежать к папе”, сомнительно, чтобы он был в состоянии говорить; и если он это сделал, то кто передал его слова венецианскому послу? Капелло мудро воздерживается от высказываний.

(iii) Лукреция и Санча пытаются защитить его от яда, готовя еду в его комнате. Это совершенно невероятно. Даже признавая готовность сделать это со стороны этих принцесс, была ли в этом необходимость, учитывая присутствие врача, присланного Капелло из Неаполя, и его горбун-ассистента?

(iv) “Папа приказал, чтобы его охраняли шестнадцать человек, опасаясь, что герцог убьет его”. Однако, когда, по словам Капелло, герцог прибывает со своим смертоносным поручением в сопровождении только Мичели (который, как обычно предполагают писатели, был доном Микеле да

Корелла, одним из капитанов Чезаре), где были эти шестнадцать охранников? Капелло упоминает об увольнении только Лукреции и Санчи.

(v) “Валентинуа ... сказал, что то, что не было сделано за завтраком, можно сделать за ужином”. Следует отметить, что Капелло ни разу не счел необходимым предоставить свои полномочия в отношении чего-либо, что он заявляет. Это становится, возможно, более примечательным, чем обычно, в случае с этой заявленной речью Чезаре. Он не уточняет, кому Чезаре адресовал эти зловещие слова и кто сообщил ему о них. Вряд ли это заявление можно принять без столь необходимого упоминания авторитетов, и мы не можем представить, чтобы Капелло опустил их, если бы они у него были.

Будет видно, что вряд ли есть необходимость выходить за рамки собственного отношения Капелло с целью ознакомления с содержащимися в нем заявлениями, поскольку это касается смерти Альфонсо Арагонского.

Однако все же следует учитывать, что, если бы Альфонсо знал, кто покушался на его жизнь, — как утверждает Капелло, он сказал папе римскому, — и знал, что ему ежечасно угрожает смертельная опасность со стороны Валентинуа, несомненно, можно считать само собой разумеющимся, что он поделился бы этой информацией с неаполитанским врачом, присланным ему его дядей, который, должно быть, пользовался его доверием.

Мы знаем, что после смерти принца врач и его горбатый помощник были арестованы, но впоследствии освобождены. Они вернулись в Неаполь, и в Неаполе, если не где-либо еще, должна была быть известна правда — определенные и достоверные факты из уст очевидцев, а не просто слухи, как это было в Риме. Следовательно, именно к неаполитанским писаниям мы должны обратиться в поисках истины об этом деле; и все же из Неаполя мы находим только слух — отголосок римского слуха— “Говорят, - пишет венецианский посол при дворе короля Федерико, - что он был убит сыном папы”.

Более озорной документ, чем “Relazione” Капелло, редко попадал на страницы истории; это главный источник нескольких необоснованных обвинений против Чезаре Борджиа— на которых опирались последующие авторы, принимая их без критики, и из которых они сделали свои выводы относительно характера герцога. Даже в наше время мы видим, что ученый Грегоровиус шаг за шагом следит за реляцией Капелло и излагает этот вопрос об убийстве герцога Биселли в своих собственных перефразировках как во многом обоснованный, неоспоримый факт. В его книге “Лукреция Борджиа” мы находим следующее высказывание: “Это дело больше не было тайной. Сам Чезаре публично заявил, что убил герцога, потому что последний покушался на его жизнь”.

Сказать, что Чезаре “публично заявил, что он убил герцога”, - значит сказать очень смелую вещь, и опасно улучшать положение Капелло. Если это правда, что Чезаре сделал это публичное заявление, как получилось, что никто, кроме Капелло, его не слышал? ведь во всех других документах есть не более чем слухи о том, как умер Альфонсо. Конечно, следует предположить, что, если бы Чезаре сделал какое-либо подобное заявление, об этом зазвонили бы письма послов. И все же они не предложат вам ничего, кроме заявлений о том, о чем ходят слухи!

Грегоровиус также не ограничивается этим, внимательно следя за Отношениями Капелло. Он вытягивает из Капелло лживую историю об убийстве Педро Кальдеса. “Что, ” говорит он о Чезаре, подкрепляя свою точку зрения о том, что Чезаре убил Альфонсо Арагонского, - могло быть помимо этого ужасного человека, который ткнул испанца Педро Кальдеса ... под самый плащ папы, так что его кровь брызнула папе в лицо?” Это в его "Истории Рима". В своей книге “Лукреция Борджиа” он чуть ли не улучшает ситуацию, когда говорит, что “Венецианский посол Паоло Капелло сообщает, как Чезаре Борджиа зарезал камергера Перотто и т.д., Но Бурхард не упоминает об этом факте”. О факте нанесения ножевого ранения Берчард, конечно, не упоминает; но он упоминает, что мужчина утонул случайно, как уже было рассмотрено. Это снова — и более вопиющий, чем когда-либо, — случай доказательства вины Чезаре в преступлении, о котором нет убедительных доказательств, путем предъявления ему обвинения в другом, которого — в данном случае - на самом деле нет доказательств того, что он не совершал.

Но это между прочим.

Записи Бурхарда в его дневнике, касающиеся нападения на Альфонсо Арагонского, могут избежать критики со стороны вдумчивых не больше, чем отношение Капелло. Его сорок всадников, например, нуждаются в объяснении. Помимо того факта, что использование сорока всадников было бы совершенно удивительным и невероятным способом совершить убийство одного человека, следует учитывать, что такой отряд, выстроенный на площади перед собором Святого Петра, неизбежно должен был привлечь некоторое внимание. Помните, это было в первом часу ночи, согласно Берчарду, то есть в сумерках. Также предположительно, эти всадники ждали прибытия принца. Как же тогда он — и почему ему позволили — пройти мимо них только для того, чтобы подвергнуться нападению при подъеме по ступенькам? Берчард, по-видимому, сам не видел этих всадников; конечно, он не мог видеть, как они сопровождали убийц к воротам Пертузы. Следовательно, ему, должно быть, доложили о случившемся. Вполне естественно, что если бы всадники существовали, их должны были увидеть. Как же тогда получилось, что Капелло о них не слышал? ни флорентийский посол, который утверждает, что убийц было четверо, ни кто-либо другой, по-видимому?

Обратившись на мгновение к письмам флорентийского посла по этому поводу, мы находим в этом другом Капелло — его звали Франческо Капелло — описания, которые одинаково отличаются от рассказов Паоло Капелло и Берчарда. Но он осторожен, говоря, что он просто повторяет слухи, которые ходят за границей, и приводит несколько различных версий, которые являются актуальными, добавляя, что правда об этом деле никому не известна. Однако его выводы, особенно те, которые даны зашифрованным текстом, указывают на Чезаре Борджиа как на исполнителя этого поступка и намекают на некий мотив возмездия за покушение на его собственную жизнь, подобный тому, который приводится послом Венеции.

В этом вопросе много загадочного, несмотря на утверждение Грегоровиуса об обратном, — загадочного, которое простым утверждением не рассеешь. Однако этот вывод справедлив: если, основываясь на показаниях Капелло, мы должны признать, что Чезаре Борджиа несет ответственность за смерть Альфонсо Арагонского, то, основываясь на тех же доказательствах, мы должны признать и мотив, и поступок. Мы должны признать столь же точным его трижды повторенное заявление в письмах в Сенат о том, что принц спланировал смерть Чезаре, отправив арбалетчиков застрелить его.(1)

1 Чрезвычайно важно, что в "Реляции" Капелло нет упоминания о заговоре Альфонсо против жизни Чезаре, вопрос, который, как мы видели, неоднократно фигурировал в депешах этого посла из Рима во время событий. Это упущение является еще одним доказательством злонамеренности, которой было вдохновлено "отношение". Соккрытие всего, что могло бы оправдать поступок, приписываемый Чезаре, показывает, насколько клевета и умаление достоинства были целями этого венецианца.

Либо мы должны принять все, либо мы должны отвергнуть все, что говорит нам Капелло. Если мы отвергнем все, то останемся совершенно без информации о том, как умер Альфонсо Арагонский. Если мы примем все, то обнаружим, что именно в качестве меры возмездия Чезаре допустил смерть своего шурина, что сделало это не убийством, а частной казнью, оправданной при обстоятельствах полученной провокации и в том смысле, в каком урегулирование этих дел понималось в Чинквеченто.

ГЛАВА VI. РИМИНИ И ПЕЗАРО

Осенью 1500 года, стремясь снова выступить в поход, Чезаре был занят сбором и оснащением армии — занятие, получившее дополнительный стимул, когда ближе к концу августа Луи де Вильнев, французский посол, прибыл в Рим со статьями соглашения, в которых излагались условия, на которых Людовик XII был готов и дальше помогать Чезаре в возобновлении его кампании. В них оговаривалось, что в обмен на такую помощь Чезаре должен со своей стороны оказать помощь королю Франции в завоевании Неаполя, когда созреет время для этой экспедиции. Кроме того, Луи XII был вынужден обратиться к Венеции с заявлением о том, что республика должна лишить ее защиты со стороны Манфреди из Фазэнцы и Малатесты из Римини.

Венеция, находившаяся в то время в затруднительном положении из-за турок и более чем когда-либо стремившаяся примирить Францию и папу римского, была вынуждена проглотить свое нежелание и подчиниться со всей любезностью, на которую только была способна. Соответственно, она отправила своих послов в Рим, чтобы выразить свою покорность Святейшему папе и официально сообщить новость о том, что она отозвала свою защиту из запрещенных феодальных владений.

Позже в том же году - в октябре месяце — Сенат должен был удостоить Чезаре Борджиа высшей награды в своем подарке, чести, которой венецианцы завидовали превыше всего остального, — чести венецианского гражданства, занесения его имени в Золотую книгу, дарования ему дворца в Венеции и других обычных для этого случая знаков отличия. Возникает соблазн спросить, было ли это следствием зловещих Отношений Паоло Капелло, что гордая Республика сочла его достойным такой чести?

Возвращаясь, однако, к вопросу о снятии Республикой своего щита с Римини и Фаэнцы, Александр воспринял известие об этом с нескрываемой радостью и отпраздновал это празднествами в Ватикане, в то время как из-за гнева на Венецию и заявления о том, что Республике больше никогда не придется обращаться к нему за милостью, он теперь полностью изменил направление и в порыве благодарности заверил венецианских послов, что ни одну державу в мире он так высоко не ценит. Чезаре присоединился к выражениям благодарности и признательности своего отца и пообещал, что Александру на престоле Святого Петра сменит такой папа, который понравится Венеции, и что, если кардиналы останутся едины, понтификат достанется только венецианцу.

Таким образом Чезаре, искренне или нет, попытался уменьшить огорчение Республики, увидевшей, как он с копьем на бедре вторгается завоевателем во владения, которых она так долго жаждала.

Франция снова предоставила Ива д'Аллегра в распоряжение Чезаре, и с ним отправились шестьсот копейщиков и шестьсот швейцарских пехотинцев. Это увеличило силы, которые Чезаре уже собрал в армию численностью около десяти тысяч человек. Артиллерией командовал Вителлоццо Вителли, в то время как Бартоломео да Капраника был назначен начальником лагеря. К знамени Чезаре присоединился кондотьер под командованием Паоло Орсини, помимо которого в свите герцога было несколько римских дворян, включая большинство из тех, кто составлял его почетную гвардию по случаю его визита во Францию и кто с тех пор продолжал следить за его судьбой. Ахилл Тиберти прибыл в Рим с кондотьерами, которых он набрал в Романье из молодых людей, которых растущая слава Чезаре побудила предоставить в его распоряжение свои мечи. Член семьи Мальвецци, изгнанной из Болоньи, возглавлял небольшой отряд других изгнанников, прибывших на службу к герцогу, в то время как в Перудже его ждал сильный отряд под командованием Джанпаоло Бальони.

Помимо этих кондотьеров, было много авантюристов, которые приходили предложить Чезаре свои мечи; действительно, он, должно быть, обладал большим количеством того личного магнетизма, который является главным качеством каждого прирожденного лидера, поскольку в те дни он доводил людей до состояния дикого энтузиазма и вдохновлял других, кроме воинов, носить оружие ради него. Мы видим литераторов, таких как Джустоло, Кальмета, Сперуло и другие, которые бросают свои перья, хватают мечи и следуют за ним. Художники и скульпторы тоже отказываются от идеалов искусства, чтобы преследовать уродливые реалии войны в свите этого молодого кондотьера. Среди этих художников выделяется великий Пьетро Торриджани. Поразительное перо его брата-скульптора Бенвенуто Челлини оставило нам четкий портрет этого человека, в котором он говорит о своей личной красоте и сообщает нам, что у него был скорее вид великого солдата, чем скульптора (что, как нам кажется, было характерно для самого Челлини). Торриджани вошел в историю главным образом благодаря двум произведениям, совершенно непохожим по характеру, — возведению гробницы английского короля Генриха VII и разбитию носа Микеланджело Буонарроти в ходе ссоры, которая произошла у них во Флоренции, когда они были сокурсниками Мазаччо. Ничем из того, что он когда-либо делал в жизни, он так не гордился — как, как мы можем судить по Челлини, — как тем, что изуродовал Микеланджело, и в этом чувстве снова проглядывает наивный дух его эпохи.

Мы также увидим, как Леонардо да Винчи присоединяется к армии герцога в качестве инженера — но это произойдет только несколько месяцев спустя.

Между тем его силы в Риме ежедневно росли, и все его время уходило на их организацию, оснащение и муштровку, чтобы добиться того совершенного единства, которым его армия должна была выделяться, несмотря на разнообразие французских, итальянских, испанских и швейцарских элементов, из которых она состояла. Его войска были так эффективно вооружены и среди них царила такая превосходная дисциплина, что подобных им, вероятно, никогда прежде не видели на полуострове, и они должны были вызвать — как и многое другое в творчестве Чезаре — удивление и восхищение великого критика Макиавелли.

Однако столь многого нельзя было достичь без денег, и для предстоящей кампании требовалось еще больше. Для этого Церковь предоставила средства. Никогда еще казна Святого Престола не была так полна, как в этот момент. Дополнительные средства поступили от того, что почти повсеместно называют “продажей шляп двенадцати кардиналов”.

В том же году — в сентябре — были назначены двенадцать новых кардиналов, и с каждого из них была взимаема в качестве налога десятая часть доходов за первый год от бенефиций, на которые они вступили. Единственное оправданное исключение, которое может быть сделано из этого правила, заключается в количестве кардиналов, избранных одновременно, что придает окраску предположению, что единственной целью этих выборов было собрать дополнительные средства для кампании Чезаре. Вероятно, целью Александра также было дальнейшее укрепление своей власти с помощью Священной коллегии, чтобы он мог полагаться на большинство, гарантирующее его волю во всех вопросах. Но в данный момент мы озабочены вопросом взимаемого налога.

Это было названо “чудовищным актом симонии”, но рассуждения, которые так это истолковывают, не столь ясны. Шляпы кардиналов несли с собой огромные выгоды. Эти бенефиции были собственностью Церкви; они находились в дару Папы Римского, и при их даровании папа взимал пропорциональный налог. Оставляя в стороне аргумент о том, что этот налог не был изобретением Александра, действительно ли такое разбирательство равносильно “продаже” льгот? Продажа предполагает торг, установление условий между двумя сторонами, корректировку цены, которая должна быть уплачена. Есть свидетельства того, что эти пособия не продавались подобным образом; действительно, один кардинал, давший обет бедности, получил свою шляпу без уплаты налога, другим был шурин Чезаре, Аманье д'Альбре, которому эта шляпа была обещана год назад. Далее следует иметь в виду, что четырьмя месяцами ранее папа обложил аналогичной децимой, или налогом, всю коллегию кардиналов и каждого чиновника на службе Святого Престола для целей экспедиции против мусульманина, который с оружием в руках выступал против христианства. Естественно, этот налог не был популярен среди роскошных, корыстолюбивых прелатов чинквеченто, которые в основном заботились исключительно о собственном процветании, а вовсе не о процветании христианства, и вы можете понять, как, вводя его, Александр подвергал себя резкой критике.

Единственный спорный момент в этом деле заключается, как уже было сказано, в количестве кардиналов, созданных таким образом за один раз. Но можно считать, что цели, которым нужно служить, оправдывают, если не полностью, то, по крайней мере, в какой-то мере, принятые средства. Война в Романье, для которой были необходимы средства, была в первую очередь направлена на развитие Церкви, на изгнание тех неверных викариев, которые, назначенные

Святым Престолом и доверявшие ей свои вотчины, отказывались платить справедливую дань и иным образом действовали так, чтобы отторгнуть от Церкви Государства, которые она считала своими. Их восстановление Церкви — хотя это могло бы стать средством основания династии Борджиа в Романье — способствовало росту могущества и славы Святого Престола. Давайте помнить об этом и о том, что такова была цель, которой служил налог, взимаемый с этих новоизбранных кардиналов. Усиление Дома Борджиа, безусловно, было одним из результатов, которых следовало ожидать от кампании в Романье, но мы не вправе считать это единственной целью и завершением этой кампании.

У Александра было такое преимущество перед Сикстом IV или Иннокентием VIII — не говоря уже о тех папах, у которых он служил вице-канцлером, что касалось примеров вопиющего кумовства, — что он, по крайней мере, служил двум целям одновременно, и что, возвеличивая свою семью, он укреплял светскую власть Церкви, в то время как те, другие, только подрывали ее, чтобы обогатить свое потомство.

И раз уж речь зашла о "продаже" шляп кардиналов, возможно, не лишним будет сказать пару слов о "продаже" индульгенций, в которой так свободно обвиняли Александра. И здесь снова раздался слишком громкий протест против Александра — протест, негодующая резкость которого заставляет предположить, что продажа индульгенций была симонией, изобретенной им самим или же практиковавшейся им в постыдно беспрецедентной степени. Это очень далеко от истины. Архетип продавца индульгенций — как и всех других симонианских практик — Невинен VIII. В его правление мы видели, как убийце обычно предоставляли выбор между палачом и покупкой помилования, и мы видели, как полученные таким образом деньги обеспечивали егонезаконнорожденного сына, кардинала Франческо Чибо, средствами для роскошной распущенной жизни, грубые нарушения которой преждевременно убили его.

Ни в коем случае нельзя столь вопиюще доказать, что Александр осуществлял "продажу" индульгенций, которые он раздавал. У него не было недостатка в прецедентах для этой практики, и, что касается самой фактической практики, было бы трудно доказать, что она была неоправданной или симониакальной до тех пор, пока ограничивалась определенными четко определенными рамками, и до тех пор, пока взимаемые ею суммы должным образом использовались на благо христианства. Это практика, сравнимая с привлечением гражданского правонарушителя к ответственности в нарушение судебных законов. Поскольку наши магистраты налагают штрафы, современным критикам и в голову не приходит говорить, что они продают помилование и иммунитет от тюремного заключения. Это общепризнано как мудрая и похвальная мера, служащая двоякой цели наказания преступника и приносящая пользу светскому государству, против которого он совершил преступление. Должно ли это быть менее похвальным в случае духовных оскорблений духовного государства? Это более полезно, чем навязывание скороговорки из дюжины молитв перед сном, и поскольку, без сомнения, это ложится более тяжелым бременем на нарушителя, это, возможно, в еще большей степени способствует его духовному совершенствованию.

Таким образом, эта "продажа" индульгенций в значительной степени утрачивает ту отвратительность, с которой в нее вкладывались. Средства, вырученные таким образом, поступают в казну Церкви, что вполне уместно. То, что впоследствии стало с ними от рук Александра, открывает совершенно другой вопрос, в котором мы не можем закрывать глаза на тот факт, что он был таким же непочтительным, как и многие другие, носившие Кольцо Рыбака

до него. И все же это следует сказать в его пользу: если он свободно запустил свои руки в казну Святого Престола, то, по крайней мере, у него была возможность позаботиться о том, чтобы эта казна была хорошо пополнена; и то обстоятельство, что после своей смерти он оставил церковь намного богаче и могущественнее, чем она была на протяжении веков, с ее владениями, которые его предшественники бессмысленно отчуждали, преобразованными в то могущественное государство, которому предстояло просуществовать триста лет, является аргументом в пользу его понтификата, который нелегко отбросить в сторону.

Имола и Форли сами обратились к понтифику с просьбой назначить Чезаре Борджиа своим правителем вместо свергнутого Риария. К ним теперь добавилась Чезена. В июле там произошли беспорядки между гвельфами и гибеллинами. Обнажались мечи, и на улицах лилась кровь, пока губернатор не был вынужден вызвать Эрколе Бентивольи и его конницу из Форли для подавления беспорядков. Прямым результатом этого стало то, что гибеллины преобладали в совете, и Чезена отправил посольство в Рим, чтобы просить его Святейшество передать управление поместьем герцогу Валентинуа. Папа согласился с этим, и 2 августа Чезаре был должным образом назначен лордом-викарием Чезены. Он отпраздновал свое вступление в должность, отменив часть налогов, полностью отменив пошлину на муку и установив мир между двумя преобладающими группировками.

К концу сентября приготовления Чезаре к возобновлению кампании были завершены, и в начале октября (его армия укрепилась духом благодаря благословению папы Римского) он выступил в путь и сделал свой первый привал в Непи. Лукреция была там со своим Двором и своим ребенком Родриго, удалившись в этот свой замок, чтобы оплакать своего покойного мужа Альфонсо; и там она жила до тех пор, пока отец не отозвал ее в Рим примерно два месяца спустя.

Оттуда Чезаре двинулся дальше так быстро, как только позволяла ему плохая погода, через Витербо, Ассизи и Ночеру, чтобы пересечь Апеннины у Гуальдо. Здесь он остановился, чтобы потребовать освобождения некоторых заключенных в горной крепости Фоссейт, и получил в ответ отказ. Разгневанный таким сопротивлением своим желаниям и полный решимости отговорить других следовать примеру Фоссейта, он был быстр и ужасен в своем ответе. Он захватил Цитадель и силой сделал то, в чем ему было отказано. Освободив заключенных в тамошнем дюрансе, он предал территорию опустошению огнем и мародерством.

Сделав это, он возобновил свой поход, но погода задерживала его все больше и больше. Проливные дожди привели дороги в такое состояние, что его артиллерия отстала, и он был вынужден еще раз сделать привал в Деруте и ждать там четыре дня, пока его пушки догонят его.

В Римини великий дом Малатеста был представлен Пандольфо — бастардом и преемником Роберто Малатесты — дегенератом, которого подданные так ненавидели, что он был известен под именем Пандольфаччо (оскорбительное дополнение, выражающее дурную репутацию, которой он пользовался).

Среди его многочисленных злоупотреблений, к которым он прибегал с целью вымогательства денег у своих многострадальных подданных, было то, что он заставил богатых жителей Римини выкупить у него поместья, которые он конфисковал у фуорушити — тех, кто искал в изгнании защиты от гнева, вызванного их справедливым негодованием по поводу его жестокого правления. Он оказался в том же положении, что и другие тираны Романьи, и теперь, когда

Венеция отняла у него свою покровительственную эгиду, он не питал иллюзий относительно уготованной ему участи. Поэтому, когда по Романье снова раздался топот наступающих легионов Чезаре Борджиа, Пандольфаччо приготовился не к битве, а к капитуляции на самых выгодных условиях, какие только ему удастся заключить.

Он был женат на Виоланте, дочери Джованни Бентивольи из Болоньи, и в первую неделю октября отправил ее вместе с детьми искать убежища при дворе ее отца. Сам же он удалился в свою цитадель — знаменитую крепость своего ужасного деда Сигизмондо. Этот шаг почти наводил на мысль, что он готовился оказать сопротивление герцогу Валентинуа, и, возможно, это побудило Совет направить ему сообщение с просьбой выяснить, каковы могли быть его намерения.

Честь была неведома этому Пандольфаччо — даже столько чести, сколько может потребоваться для достойного отступления. Поскольку все было потеряно, оставалось — по его разумению — заключить выгодную сделку, какую только он мог, и получить максимально возможную цену в золоте за то, от чего он отказывался. Поэтому он ответил, что Совет должен делать все, что сочтет наилучшим для себя, в то время как, чтобы опередить своих членов в любом предложении капитуляции и таким образом добиться расположения и заслужить хорошие условия от этого человека, который пришел свергнуть его с трона его семьи, он отправил доверенного слугу к Чезаре, чтобы предложить ему город и цитадель.

Тем временем — как Пандольфо и ожидал — Совет также направил предложения о капитуляции Чезаре, а также его генерал-лейтенанту Романьи, епископу Оливьери, в Чезену. Эти сообщения привели к тому, что Оливьери немедленно прибыл в Римини, и там 10 октября статьи о капитуляции были подписаны епископом, как представителем герцога, и Пандольфо Малатестой. В них было оговорено, что Малатеста должен получить охранную грамоту для себя и своих приближенных, 3000 дукатов и стоимость — подлежащую оценке — артиллерии, которую он оставил в цитадели. Кроме того, за 5500 дукатов он отказался также от крепостей Сарсина и Медола и замков Монтаньи.

Покончив таким образом с тиранией, Пандольфаччо сел на корабль в Равенну, где ему предстояло заплатить цену за свое бесчестие, и в качестве гарантии он взял с собой Джанбаттисту Бальдассаре, сына герцогского комиссара.

В день его отъезда, чтобы отпраздновать бескровное завоевание Римини, в соборе была отслужена торжественная месса, и епископ Оливьери принял присягу города на верность Святому Престолу, куда вскоре после этого Римини отправила своих послов, чтобы выразить папе свою благодарность за освобождение из рабства Пандольфаччо.

Как и Римини, Пезаро тоже пал без единого удара, несмотря на то, что его правитель отнюдь не с такой готовностью сдался. Последние два месяца Джованни Сфорца отчаянно пытался заручиться помощью, которая позволила бы ему противостоять могуществу Борджиа. Но все напрасно. Его мольбы к императору остались без ответа, в то время как его обращение к Франческо Гонзаге Мантуанскому, сестра которого, как мы помним, была его первой женой, привело к тому, что маркиз прислал ему сотню человек под командованием албанца по имени Джакопо.

Что Джованни должен был делать с сотней человек, трудно себе представить, равно как и неясны мотивы действий Гонзаги. Мы знаем, что в то время он страстно искал дружбы Чезаре,

сильно обеспокоенный судьбой, которая могла уготовать его собственным владениям, как только герцог Валентинуа избавится от церковных феодалов. В начале 1500 года он попросил Чезаре стать крестным отцом его ребенка, и Чезаре с готовностью согласился, в результате чего между ними установились определенные узы родства и добрых чувств, которые, судя по всему, Гонзага больше всего стремился сохранить неразрывными. Единственный разумный вывод по поводу этой кондотьеры из ста человек состоит в том, что Гонзага хотел проявить дружелюбие к сеньору Пезаро, но был осторожен, чтобы не делать этого в какой-либо степени, которая могла бы навредить Валентинуа.

Что касается Джованни Сфорца, о котором с таким чувством писали так много способных перьев, как о постоянной, несчастной жертве амбиций Борджиа, то здесь нет необходимости вдаваться в анализ с целью судить о нем. Его собственные подданные поступали так же в его собственное время. Когда принц любим всеми классами своего народа, из этого должно следовать, что он хороший принц и мудрый правитель; когда его подданные разделены на две фракции: одна выступает против, а другая поддерживает его, он может быть хорошим или плохим, или хорошим и порочным; но когда принц не может найти никого, кто поддержал бы его в час опасности, следует заключить, что он мало заслужил от рук тех, кем он правил. Последнее относится к Джованни Сфорца — этому принцу, который, по словам Ириарте, “сделал жизнь своих подданных сладкой”. Дворянство и пролетариат Пезаро ненавидели его; классы торговцев придерживались нейтралитета, стремясь избежать последствий партийности, поскольку именно этот класс был наиболее подвержен этим последствиям.

В воскресенье, 11 октября, на следующий день после того, как Пандольфо Малатеста оставил Римини, до Пезаро дошла весть о том, что конница Эрколе Бентивольи движется на город впереди основных сил армии Чезаре. Мгновенно вспыхнуло восстание против Джованни, и народ, взявшись за оружие, поднял крик “Дука!” в честь герцога Валентинуа под самыми окнами дворца своего правителя.

Собрав триста человек, составлявших его армию, Джованни поспешно отступил к великолепной крепости Пезаро и той же ночью тайно сел на корабль в Равенну, сопровождаемый албанцем Джакопо и оставив своего сводного брата Галеаццо Сфорца ди Котиньола командовать цитаделью. Оттуда Джованни отправился в Болонью и, уже раскаяваясь в своем опрометчивом бегстве, обратился за помощью к Бентивольи, который сам чувствовал себя неловко, несмотря на французское покровительство, которым он пользовался. Точно так же Джованни обратился с новыми призывами к Франческо Гонзаге; но ни один из этих тиранов не мог или не осмеливался помочь ему, и, пока он все еще умолял их вмешаться, его поместье перешло во власть Чезаре.

Эрколе Бентивольи с небольшим отрядом конницы появился у ворот Пезаро 21 октября, и Галеаццо Сфорца, получив охранную грамоту для гарнизона, сдался.

Тем временем Чезаре был в Фано, где остановился, чтобы дать возможность своей армии поравняться с ним, поскольку он обогнал ее из Фоссате в холодную зимнюю погоду, сопровождаемый только своей легкой кавалерией. Говорили, что он надеялся, что Фано предложит ему себя, как это сделали другие феодалы, и — если Пандольфо Колленуччо прав — папа посоветовал ему не пытаться навязывать себя Фано, а предоставить городу свободу голоса в этом вопросе. Если его надежды оправдались, он был разочарован в них, поскольку Фано не сделала ему никакого предложения, и пока все оставалось так, как было.

27-го числа, с развернутыми знаменами быка, он въехал в Пезаро во главе двух тысяч человек, совершив свой въезд с присущей ему помпезностью, драматическую ценность которой он так хорошо осознавал. У ворот его встретил Совет, который пришел, чтобы вручить ему ключи от города, и, несмотря на проливной дождь, под которым он въехал в город, жители Пезаро заполнили улицы, чтобы приветствовать его, когда он ехал.

Он поселился во дворце Сфорца, который так недавно покинул Джованни, — дворце, где Лукреция Борджиа содержала свой Двор, когда, будучи женой Джованни, была графиней Пезаро и Котиньола. Рано утром он посетил цитадель, которая была одной из лучших в Италии и соперничала по мощи с Римини. Когда он прибыл туда, звук труб заставил замолчать, в то время как герольды официально приветствовали его как лорда Пезаро. Он приказал одному из художников в своей свите составить планы крепости для отправки папе римскому и дал инструкции по определенному ремонту и усовершенствованиям, которые считал желательными.

Сюда, в Пезаро, прибыл знаменитый Пандольфо Колленуччо, посланник герцога Феррарского, чтобы поздравить Чезаре с победой. Отправляя Колленуччо в такое время, Эрколе д'Эсте сделал герцогу Валентинуа тонкий, изящный комплимент. Этот выдающийся поэт, драматург и историк был уроженцем Пезаро, который был изгнан Джованни десятью годами ранее — так тиран хотел выразить свою благодарность человеку, который больше, чем кто-либо другой, способствовал наследованию бастардом Сфорца своего отца в качестве сеньора Пезаро и Котиньолы.

Колленуччо был одним из немногих литераторов своего времени, который не гнушался использовать итальянский язык, серьезно относясь к нему как к языку, а не просто как к униженной форме латыни. Он был выдающимся юристомconsult и, будучи человеком действия, а также литератором, занимал должности подесты в разных городах; он нашел работу при Лоренцо деи Медичи, а затем при Эрколе д'Эсте, которого мы сейчас видим его представителем.

Чезаре принял его со всеми почестями, отправив хозяина своего дома Рамиро де Лоркуа поприветствовать его по прибытии и передать обычные приветственные подарки: ячмень, вино, каплунов, свечи, сладости и т.д., А на следующий день герцог дал ему аудиенцию, обойдясь с ним самым дружелюбным образом, как мы видим из собственного отчета Колленуччо герцогу Феррарскому. В этом он говорит о Чезаре: “Его считают доблестным, жизнерадостным и открытым человеком, и считается, что он пользуется большим уважением у честных людей. Суровый в своей мести, по мнению многих, он велик духом и честолюбием, жаждет возвышения и славы”.

Чезаре восстановил Колленуччо во владениях, которых лишил его Джованни, и это настолько вызвало негодование последнего, что, когда в конце концов он вернулся в свои владения, одним из его первых действий было отомстить за это. Колленуччо, опасаясь, что ему может не понравиться тиран, уехал из Пезаро. Но Джованни, со всем подобием дружелюбия, вероломно заманил его обратно, чтобы бросить в тюрьму и задушить — маленький вопрос, который тем, кто в ущерб Борджиа стремится сделать из этого Джованни Сфорца героем, лучше бы не замалчивать.

Доказательством великолепной дисциплины, царящей в армии Цезаре, является его краткое пребывание в Пезаро. В самом городе было размещено около двух тысяч его солдат, в то время как еще несколько тысяч расселились по окрестностям. Оккупация такой армией, вполне естественно, вызвала глубокую тревогу у людей, которые были слишком хорошо знакомы с обычаями вооруженных людей пятнадцатого века. Но перед нами был генерал, который знал, как обуздывать своих солдат и контролировать их. Под страхом смерти его людям было запрещено заниматься каким-либо хищничеством или насилием, обычными для их вида; и, как следствие, жителям Пезаро было не на что жаловаться.

Джустоло дает нам изображение герцога Валентинуа на берегах реки Монтоне, что еще раз подчеркивает дисциплину, которую само его присутствие — такова была сила его личности — могло насадить. Среди его солдат возникло волнение при переправе через эту реку, которая разлилась от дождей и мост через которую был разрушен. Возникла необходимость совершить переправу на одной маленькой лодке — единственном доступном судне, — и мужчины, столпившись на берегу, бушевали и боролись за превосходство, пока ситуация не стала угрожающей. Цезаре поехал к реке, и для восстановления мира было необходимо только его присутствие. Под его спокойным, холодным взглядом люди мгновенно привели себя в порядок, и, пока он сидел на лошади и наблюдал за ними, переправа была совершена спокойно и так быстро, как только позволяло одноместное судно.

Герцог пробыл в Пезаро всего два дня. 29-го, назначив лейтенанта представлять его интересы и капитана гарнизона, он снова выступил, чтобы провести ночь в Каттолике и завтра войти в Римини.

Там его снова приняли с распростертыми объятиями, и он оправдал оказанное ему народом гостеприимство немедленной организацией дел, которая вызвала всеобщее удовлетворение. Он позаботился о надлежащем отправлении правосудия и сохранении мира; он отозвал фуоружити, изгнанных беспринципным Пандольфаччо, и восстановил их в правах собственности, которой лишил их этот тиран. Будучи своим лейтенантом в Римини, со строгими предписаниями сохранять закон и порядок, он оставил Рамиро де Лоркуа, когда 2 ноября отправился в поход на Фаэнцу, которая приготовилась к сопротивлению.

То, что Цезаре делал в Римини, было не больше, чем то, что он делал по всей Романье, о чем свидетельствуют различные архивы. Они в не меньшей степени свидетельствуют о его огромных способностях администратора, показывая, как он преобразовал царящий хаос в форму и порядок благодаря своей замечательной организации и подавлению несправедливости. Те же архивы показывают нам также, что он находил время для благотворительных дел, которые вызвали к нему расположение людей, которые повсюду приветствовали его как своего избавителя от рабства. Было бы неразумно присоединяться к хору тех, кто, похоже, воспринял альтруизм Цезаре как должное. Неприятие диких историй, которые изображают его коррумпированным и кровожадным монстром, совершенно бесчеловечным, и приписывают ему дюжину ужасных преступлений, не обязательно влечет за собой наше восприятие Цезаре как ангела-избавителя, почти божественного агента, спасающего страдающий народ от угнетения из чистого человеколюбия.

Он такой же маленький, как и другой. Он просто, как писал Колленуччо Эрколе д'Эсте, “велик духом и честолюбием, жаждет возвышения и славы”. Он был поглощен желанием власти и мирского величия, колоссом эгоизма, для которого мужчины и женщины были фигурами,

которыми он манипулировал на шахматной доске своих амбиций, которыми безжалостно приносили в жертву, когда это было необходимо для достижения его целей, но о которых он заботился и тщательно охранял, когда они могли служить ему.

Наблюдая за карьерой Чезаре Борджиа, Макиавелли вскоре написал о недавно приобретенных княжествах, что “какими бы большими ни были военные ресурсы принца, он обнаружит, что для того, чтобы прочно обосноваться в провинции, он должен заручиться благосклонностью и интересом жителей”.

Для Чезаре это был самоочевидный принцип — принцип, по которому он действовал на протяжении всего своего завоевания Романьи. Заставив своих новых подданных сразу осознать, что они сменили деспотичное правление на великодушное, он привязал их к себе.

ГЛАВА VII. ОСАДА ФАЭНЦЫ

Вторая кампания в Романье началась для Чезаре так же легко, как и первая. До сих пор его завоевания были достигнуты немногим больше, чем демонстрацией его вооруженных легионов в процессии. Как и другой Иисус Навин, он покорял города простым звуком своих труб. Однако в конце концов он должен был получить чек. Там, где взрослые мужчины трусливо убегали при его приближении, ребенку оставалось сопротивляться ему в Фаэнце, как женщина сопротивлялась ему в Форли.

Его продвижение на север от Пезаро было по необходимости медленным. Как мы видели, он остановился в Римини, а затем снова, на более длительный срок, в Форли, так что только на второй неделе ноября Асторре Манфреди — шестнадцатилетний юноша, которому предстояло удерживать Фаэнцу, — уловил на расстоянии блеск оружия и знамени с изображением быка, которые несло войско, которое герцог Валентинуа повел против него.

Сначала Асторре намеревался последовать примерам, которые подавали ему Малатеста и Сфорца, и он уже зашел так далеко, что перевез свои ценности в Равенну, где он тоже намеревался искать убежища. Но он был в лучшем положении, чем любой из свергнутых к настоящему времени тиранов, поскольку его семья, правившая Фаэнцей в течение двухсот лет, не вызывала ненависти своих подданных, и теперь они были готовы преданно поддержать своего молодого господина. Но одна лишь верность мало что может сделать, если не подкреплена мощью оружия, против такой силы, какую Чезаре был готов бросить на Фаэнцу. Асторре понял это и ради себя самого и ради своих подданных готовился к отъезду, когда, к его гибели, поддержка пришла к нему с неожиданной стороны.

Болонья, правитель которой Джованни Бентивольи приходился дедом Асторре, как и Флоренция и Урбино, с каждым днем становилась все более и более встревоженной постоянным появлением вооруженных толп у ее границ и неуклонным ростом численности и

боеспособности этой великолепной армии, следовавшей за Казаре, — армии, которой командовали такие враги Бентивольи, как Бальони, Орсини и изгнанный Мальвецци.

У Бентивольи были веские основания для беспокойства, он не знал, как долго он может рассчитывать на защиту Франции, и прекрасно понимал, что, как только эта защита будет снята, не будет преграды между Болоньей и явными намерениями Казаре в отношении нее.

После полного уничтожения Казаре самым заветным желанием Бентивольи было остановить его продвижение, и с этой целью в середине октября он отправил графа Гвидо Тореллу в Фазенцу с предложением помочь Асторре людьми и деньгами.

Асторре, сменивший Галеотто Манфреди при тирании Фазенцы в возрасте трех лет, находился и продолжает находиться под опекой Совета, который действительно управлял его территориями. На этот Совет пришел граф Торелла с предложением Бентивольи, добавив предложение о том, чтобы молодой Асторре был отправлен в Венецию для его личной безопасности. Но на это Совет ответил, что в случае принятия такого курса было бы бесполезно пытаться сопротивляться, поскольку людей могла подтолкнуть к этому только их любовь к своему молодому господину, и что, если его убрать из их среды, они будут настаивать на капитуляции.

Известие об этих переговорах достигло Рима, и 24 октября Александр отправил Бентивольи приказ воздерживаться под страхом отлучения от церкви от вмешательства в дела Фазенцы. Бентивольи предпринял слабую попытку замаскировать свое неповиновение. Войска, с которыми он намеревался помочь своему внуку, были направлены якобы в Кастель-Болоньезе, но с инструкциями дезертировать оттуда и направиться в Фазенцу. Это они сделали, и таким образом Асторре был укреплен тысячей человек, в то время как работа по подготовке его города к сопротивлению быстро продвигалась вперед.

Тем временем, опередив Казаре Борджиа, Вителлоццо Вителли на своей лошади вторгся во владения Асторре. Он спустился в долину Ламоне и начал военные действия, захватив и оккупировав Бризгеллу 7 ноября. Другие меньшие крепости и поселки не оказали сопротивления оружию Казаре. На самом деле их побудил к готовому восстанию против своего господина Диониджио ди Нальдо — некогда защитник Имолы, который теперь перешел на службу к Казаре.

10 ноября сам Казаре остановил свое войско под стенами Фазенцы и призвал город сдаться. Получив отказ, он расположил свою армию лагерем для осады. Он выбрал восточную часть города, между реками Ламоне и Марцано, и, чтобы его артиллерия могла иметь свободный ход, приказал снести несколько домов.

Тем временем в самой Фазенце легкое завоевание долины не произвело хорошего эффекта. Более того, у защитников были основания опасаться предательства у своих ворот, поскольку из рва была подобрана бумага, содержащая предложение об условиях капитуляции. Пуля была выпущена в замок из арбалетного болта и предназначалась кастеляну Кастаньини. Этот Кастаньини был арестован, брошен в тюрьму, а его имущество конфисковано, в то время как Совет передал цитадель в руки четырех своих членов вместе с Джаневанджелистой Манфреди — сводным братом Асторре и бастардом Галеотто. Они принялись защищать его от Казаре, который к этому времени открыл огонь. Герцог приказал направить орудия на определенный бастион, через который, по его мнению, можно было провести хороший штурм и захватить вход.

День и ночь продолжалась бомбардировка этого бастиона, но без видимого эффекта до утра 20-го, когда внезапно одна из его башен с грохотом рухнула в ров.

Мгновенно и без приказов солдаты, стремившиеся войти одними из первых, в полном и ожесточенном беспорядке бросились вперед, чтобы штурмовать брешь. Чезаре за завтраком — как он сам написал герцогу Урбино — вскочил при сильном шуме и, догадавшись, что происходит, выбежал, чтобы задержать своих людей. Но задача была нелегкой, потому что, набираясь азарта и неистовства боя на бегу, они уже достигли края рва, и туда Чезаре был вынужден последовать за ними, снова отбиваясь голосом и руками.

Наконец ему удалось восстановить контроль над ними и вынудить их организованно отступить и обуздать их нетерпение до тех пор, пока не должно было наступить время штурма, которого еще не наступило. В ходе этого дела Чезаре чудом спасся от выстрела из замка, в то время как один из его офицеров — Онорио Савелли — был убит пушечным ядром из собственных орудий герцога, чьи люди, не подозревая о происходящем, продолжали обстрел.

До сих пор армия была вынуждена терпеть плохую погоду — дождь, туманы и ветер; но наступило еще худшее. Утром 22-го пошел снег. Это переросло в бурю, и метель продолжалась весь тот день, который был в воскресенье, всю ночь и весь следующий день, и хлестала людей безжалостно и ослепляюще. Армия, и без того ослабленная нехваткой провианта, теперь находилась в жалком положении в своем незащищенном лагере, и защитники Фаэнцы, словно понимая это, 23-го предприняли вылазку, в результате которой завязался ожесточенный бой с большими потерями с обеих сторон. 25-го снова пошел снег, после чего доселе непобедимый Чезаре, наконец побежденный стихией и видящий, что его люди не могут продолжать терпеть такое положение, был вынужден 26-го свернуть лагерь и отправиться на зимние квартиры, без сомнения, с огромным огорчением из-за того, что оставил столько работы незавершенной.

Поэтому он превратил осаду в блокаду, перекрыв все дороги, ведущие в Фаэнцу, с целью перекрыть доступ припасов из города; и он распределил войска по деревням территории с приказами постоянно беспокоить гарнизон и не давать ему покоя.

Он также отправил посланника с предложением условий капитуляции, но Совет отклонил его с гордым ответом, что его члены “согласились на генеральной ассамблее защищать владения Манфреди до смерти”.

После этого Чезаре отошел к Форли со 150 копьями и 2500 пехотинцами, и здесь он представляет доказательство своей предусмотрительности. Город уже пережил несколько оккупаций и тяжесть того, что во время осады цитадели он был ареной военных действий. Чезаре был полон решимости как можно меньше ощущать нынешнюю оккупацию, поэтому он отдал приказ жителям, у которых были расквартированы его солдаты, снабжать их только постелью, светом и огнем. То, что им требовалось еще, должно было быть оплачено, и, чтобы избежать споров о ценах на продукты питания и другие предметы первой необходимости, он приказал Совету установить тарифы и издал эдикт, запрещающий его солдатам под страхом смерти прикасаться к какой-либо собственности горожан. Чтобы они не усомнились в его серьезности, 7 декабря он повесил двух своих солдат — пьемонтца и гасконца, а 13-го — третьего, всех из окон своего собственного дворца, и у всех на ногах висели ярлыки, гласящие, что они были повешены за то, что брали чужое добро, несмотря на запрет сеньора герцога, и т.д.

Он оставался в Форли до 23-го числа, когда отбыл в Чезену, которая на самом деле была его столицей в Романье, и в огромной цитадели которой было достаточно места для сопровождавших его войск. В Форли он оставил в качестве своих помощников епископа Трани и дона Микеле да Кореллу — “Мичели” родственника Капелло и “Микелотто” из стольких басен Борджиа. О том, что этот офицер правил солдатами, оставшимися с ним в Форли, в соответствии с суровым примером, поданным ему его хозяином, мы знаем из хроник Бернарди.

В Чезене герцог занял великолепный дворец Малатеста Новелло, который был великолепно оборудован для него, и там, в канун Рождества, он пригласил городской совет и других важных граждан на банкет, достойный славы за роскошь, которой он наслаждался. В этом он сильно отличался от своего отца, чьи привычки за столом были самыми скупыми — чему, без сомнения, его Святейшество был обязан удивительной, почти юношеской энергией, которой он все еще обладал в свои семьдесят лет. Было печально известно, что послы мало обращали внимания на приглашения к папскому столу, где трапеза никогда не состояла более чем из одного блюда.

В День Рождества герцог с большой помпой посетил мессу в церкви Сан-Джованни Евангелиста, облаченный в герцогскую хламиду, за которым следовали его кавалеры. С этими молодыми патрициями Чезаре веселился в последующие дни. Время проводилось в играх и рыцарских поединках, во всех из которых герцог проявлял себя свободно, демонстрируя свое физическое совершенство, полностью осознавая, без сомнения, какой короткий путь это давало ему к сердцам людей, всегда готовых поклоняться физической красоте, доблести и обаянию.

Тем не менее, дело не было полностью заброшено, поскольку 4 января он отправился в Порто-Чезенатико и там опубликовал указ против всех, кто практиковал с фуорушитами в его Штатах, запрещающий это преступление под страхом смертной казни и конфискации имущества.

Он оставался на зимних квартирах до следующего апреля, из чего, однако, нельзя сделать вывод, что Фаэнце было позволено пребывать в покое в течение этого периода. Приказ, который он оставил после себя, о том, что город должен постоянно подвергаться нападениям, ни в коем случае не был проигнорирован. В ночь на 21 января, по договоренности с некоторыми жителями осажденного города, пехота, окружающая Фаэнцу, попыталась застать гарнизон врасплох тайной атакой. Однако они были вовремя обнаружены при попытке и отброшены, а тех, кому посчастливилось — как это случилось — взобраться на зубчатые стены до того, как была поднята тревога, схватили и повесили. Войска герцога, однако, утешили себя захватом Руси и Солароло, двух последних оплотов в долине, которые удерживали Асторре.

Тем временем Чезаре и его веселые юные патриции проводили время настолько приятно, насколько это было возможно в Чезене во время карнавала. Автор “Дневников Чезенате” тронут развлечениями герцога и сурово критикует его за то, что он предается развлечениям, недостойным достоинства его положения. Он особенно потрясен, узнав, что герцог должен был переодеться и с несколькими спутниками отправиться на карнавальные гуляния по окрестным деревням и там сразиться с крестьянами. Нетрудно представить, какое поражение потерпели многие деревенские Геркулесы от рук этого гибкого молодого человека, который мог обезглавить быка одним ударом спадуна и сломать подкову в пальцах. Дневник, о котором идет речь, как вы уже поняли, принадлежит педанту, чопорному и легко впадающему в шоковое состояние. Поскольку многое очевидно, примечательно, что поведение Чезаре не должно было стать для него поводом для более серьезных упреков, чем эти, поскольку Чезаре был таким

человеком, как был представлен, а время было карнавальным, когда вольности давали полную волю.

Папа считал, что испытание, которому подвергся Чезаре перед Фаэнцей, было вызвано не столько плохой погодой, от которой пострадала его армия, сколько помощью, которую Джованни Бентивольи оказал своему внуку Асторре, и горькими были жалобы на это, с которыми он обратился к королю Франции. Встревоженный этим и опасаясь, что своими действиями он мог скомпрометировать себя и поставить под угрозу защиту Франции, Бентивольи поспешил отозвать свои войска и фактически вывел их из Фаэнцы в начале декабря, вскоре после того, как Чезаре отправился на зимние квартиры. Тем не менее жалобы папы продолжались, и Александр в своем тайном, коварном сердце, без сомнения, радовался, что Бентивольи нанес ему столь обоснованный удар. Поскольку Людовик XII по ряду причин желал поддерживать хорошие отношения с Римом, он направил посольство в Бентивольи, чтобы выразить свое сожаление и порицание вмешательству последнего в дела Фаэнцы. Он сообщил Бентивольи, что папа требует возвращения Болоньи Государству Церкви, и, не выражая ясно своего собственного взгляда на этот вопрос, посоветовал Бентивольи воздержаться от союзов с врагами Святого Престола и закрепить Болонью за собой каким-либо разумным соглашением. Это показало Бентивольи, в какой опасности он находился, и его беспокойство усилилось с прибытием в Модену Ива д'Аллегра, посланного королем Франции с отрядом из 500 всадников с целями, которые не были разглашены, но которые, как сильно опасался Бентивольи, могли оказаться враждебными по отношению к нему самому.

В начале февраля Чезаре перенес свои апартаменты из Чезены в Имолу, а оттуда отправил своих послов требовать зимних квартир для своих войск в Кастель-Болоньезе. Это повергло Бентивольи в настоящий ужас, поскольку он истолковал просьбу как угрозу вторжения. Замок Болоньезе был слишком ценным оплотом, чтобы так легко отдать его в руки герцога. Оттуда Бентивольи мог, в случае необходимости, сдерживать герцога, поскольку крепость контролировала дорогу из Имола в Фаэнцу. Однако у него хватило здравого смысла пойти на компромисс в этом вопросе, вернув Чезаре предложение о размещении его людей с продовольствием, артиллерией и т.д., но без уступки Кастель Болоньезе. Этим Чезаре был вынужден довольствоваться, поскольку не было никаких разумных оснований, по которым он мог бы отклонить столь щедрое предложение. Это была хитрая уступка со стороны Бентивольи, поскольку, не укрепляя позиций герцога, она, тем не менее, давала последнему то, чего он якобы требовал, и не оставляла повода для недовольства и никаких оснований для того, чтобы досаждал Болонье. Это было настолько важно, что 26 февраля папа написал Бентивольи, выражая свою благодарность за помощь, которую тот оказал Чезаре в предприятии в Фаэнце.

Именно во время пребывания Чезаре в Имоле произошло похищение Доротеи Караччоло, молодой жены Джанбаттисты Караччоло, пехотного капитана венецианской службы. Дама, находившаяся при герцогине Урбинской, проживала при дворе последней, и в декабре прошлого года Караччоло попросил разрешения Совета Десяти, чтобы он мог сам отправиться в Урбино с целью сопроводить ее в Венецию. Совет, однако, ответил, что он должен послать за ней, что капитан и сделал. Недалеко от Червии, на границе венецианской территории, вечером 14 февраля на сопровождавших леди напали десять хорошовооруженных мужчин, с которыми они грубо обошлись, некоторые были ранены, а по крайней мере один убит, в то время как леди и находившуюся с ней женщину увезли.

Подеста Червии доложил венецианскому сенату, что похитителями были испанцы из армии герцога Валентинуа, и в Венеции, по словам Сануто, опасались, что это дело рук Чезаре.

Вопрос, содержащийся в этом Отношении Капелло к Сенату, должно быть, к настоящему времени получил широкое распространение, и о человеке, который мог совершать злодеяния, разглашенные в нем, можно было верить чему угодно. Действительно, из этого, по-видимому, следовало, что всякий раз, когда обнаруживался какой-либо злодеяние, люди сразу же оглядывались, не несет ли ответственности Чезаре, и не присматривались достаточно пристально, чтобы окончательно убедиться. Ни к какой другой причине нельзя отнести то, что в шумихе, поднятой Сенатом, имя Чезаре сразу же было выдвинуто в качестве имени похитителя, причем настолько широко, что со всех сторон на него посыпались письма с мольбами исправить это жестокое нарушение. Вы видите, что многое предполагается на основании не большого количества доказательств, чем содержалось в том письме от подесты Червии, в котором не говорилось ничего, кроме того, что похитителями были “испанцы из армии герцога Валентинуа”. Сенат немедленно отправил к Чезаре посланника Маненти, и он, очевидно, был убежден, что виновным был Чезаре Борджиа. Он заручился поддержкой месье де Транса (в то время французского посла, направлявшегося в Рим) и Ива д'Аллегра и взял их с собой к герцогу в Имолу.

Там, руководствуясь своими сильными подозрениями, Маненти, по-видимому, перешел на повышенный тон, заявив герцогу, что он совершил недостойный поступок, и умоляя его вернуть даму ее мужу. Терпение Чезаре, проявленное при дерзком предположении, в оправдание которого у Маненти не было ни малейших доказательств, является — виновным или невиновным — редким примером самообладания. Он снизошел до того, чтобы принести присягу в том, что он не совершал того, что они ему вменяли. Он признался, что слышал об этом безобразии, и выразил убеждение, что это дело рук некоего Диего Рамиреса — пехотного капитана, состоявшего у него на службе. Этот Рамирес, объяснил он, состоял на службе у герцога Урбино и в Урбино познакомился с дамой и влюбился в нее; и он добавил, что парень недавно исчез, но что он уже отправился на его поиски и что, когда его поймут, он послужит ему примером.

В заключение он умолял республику не верить этому обвинению против него, заверяя посланника, что он не находил дам Романьи настолько несговорчивыми, чтобы прибегать к таким грубым и насильственным мерам.

Французский посол, безусловно, кажется, безоговорочно поверил заявлению Чезаре, и он в частном порядке сообщил Маненти, что Рамирес, как полагают, находится в Медоле, и что Республика может быть уверена, что, если его схватят, будет совершено образцовое правосудие.

Все это вы найдете записанным у Сануто. После этого его дневник развлекает нас слухами, которые доходят до Венеции, теперь о том, что дело рук герцога, теперь о том, что дама была с Рамиресом. Позже эти два слуха были объединены в один в отчете подесты Червии о том, что “леди находится в замке Форли с Рамиресом, и что он отвез ее туда по приказу герцога”. Подеста говорит, что человек, которого он послал собрать новости, узнал эту историю от некоего Бенфаремо. Но он не говорит, кто и что такое этот Бенфаремо и каков источник его информации.

Таким образом, дела остаются под угрозой забвения, и 16 марта Караччоло предстает перед Сенатом и умоляет разрешить ему разобраться с ними самому. В этом разрешении ему отказывают, поскольку дож полагает, что лучше всего этим вопросом займется Сенат, и Караччоло приказывают вернуться на свой пост в Градиске. Оттуда он пишет Сенату 30 марта, что уверен, что его жена находится в цитадели Форли.

После этого Сануто больше не упоминает об этом деле до декабря 1503 года — почти три года спустя, — когда мы узнаем, что под давлением постоянных писем от мужа венецианский посол в Ватикане поднял такой шум, что даму наконец выдали замуж и она на время удалилась в монастырь. Но нам не говорят, где и как ее нашли, и где находится монастырь, в котором она ищет убежища. Это первое важное упущение Сануто.

И теперь внезапно на все это дело проливается странный свет, и начинает казаться, что леди была не невольной жертвой похищения, а, скорее, участницей побега. Она демонстрирует явное нежелание возвращаться к мужу; она боится это делать — “из страха за саму свою жизнь” — и умоляет сенат добиться от Караччоло какой-либо гарантии для нее или же предоставить ей разрешение навсегда удалиться в монастырь.

Сенат вызывает мужа и представляет ему дело. Он уверяет Сенат, что простил свою жену, считая ее невиновной. Этого, однако, недостаточно, чтобы развеять ее беспокойство - или ее нежелание, — поскольку 4 января 1504 года Сануто сообщает нам, что Сенат получил от нее благодарственное письмо, в котором она рассказывает о своих несчастьях и в котором снова просит, чтобы ее мужа вынудили пообещать хорошее обращение с ней (“дорогая жизнь”) или же чтобы ей разрешили вернуться к матери. О природе несчастий, о которых, по его словам, она рассказала в своем письме, Сануто ничего не говорит. Это его второе важное упущение.

Последнее упоминание этой темы в "Сануто" относится к ее возвращению к мужу. Он говорит нам, что Караччоло принял ее с большой радостью, но умалчивает о чувствах дамы по этому поводу.

Вот все, что известно о похищении Доротеи Караччоло, которое более поздние авторы, включая Бембо в его "Истории", положительно приписали Чезаре Борджиа, используя свое воображение, чтобы заполнить пробелы в истории, чтобы поддержать свою точку зрения.

Однако эти пробелы наделены определенным красноречием, которым не следует пренебрегать. Признавая, что толкование молчания как доказательства - опасный путь, полный подводных камней, все же представляется допустимым задать следующие вопросы:

Если раскрытие обстоятельств, при которых она была найдена, откровения, содержащиеся в ее письмах в Сенат, и откровения, которые, как можно предположить, должны были последовать за ее возвращением к мужу, подтверждают прошлые слухи и обвиняют Чезаре в преступлении, как случилось, что Сануто, который никогда не упускал случая записать ничего, что могло бы свидетельствовать против Чезаре, должен молчать по этому вопросу? И как же так получилось, что так много перьев, которые жадно занимались скандалом, затронувшим семью Борджиа, должны хранить такое же молчание? Неразумно ли делать вывод, что эти разоблачения не изобличали его — что они опровергли все ходившие слухи? Если это не вывод, то что же тогда?

Далее следует отметить, что 16 января — после письма Доротеи в Сенат с подробностями ее несчастий, которые Сануто скрыл, — Диего Рамирес, настоящий и известный похититель, все

еще является объектом охоты, начатой некоторыми венецианцами. Было бы так, если бы ее откровения показали, что Рамирес - не более чем инструмент герцога? Возможно; но не вероятно. В таком случае он не стоил бы того, чтобы его преследовать.

Можно резонно возразить: как, если Чезаре не был виновен, могло случиться, что он не выполнил свою угрозу совершить образцовое правосудие над Рамиресом, когда его схватили, — поскольку Рамирес, очевидно, находился в его власти в течение многих лет после этого события? Ответ на этот вопрос вы найдете в нежелании дамы возвращаться в Караччоло и в истории, которую она рассказывает. Ни в малейшей степени не будет нелогичным предположить, что, когда Чезаре пригрозил Рамиресу отомстить за бесчинство, которое, как утверждалось, было совершено, он полностью намеревался привести его в исполнение; но, схватив Рамиреса и обнаружив, что здесь не было такого бесчинства, какое было представлено, а просто побег пары влюбленных, он обнаружил, что ему не за что мстить. Должен ли был Чезаре Борджиа выступить в роли защитника и мстителя рогоносцев? Скорее, это соответствовало бы чувствам его возраста и расы - подружиться с парой беглецов, которые водрузили олени рога на лоб венецианского капитана.

Наконец, возможно, стоит рассмотреть отношение Чезаре к женщинам, чтобы мы могли судить, соответствует ли ему тот поступок, который ему вменяли. Женщины не играют никакой роли в его истории. Ни разу вы не обнаружите, что влияние женщины поколебало его; ни разу вы не увидите, чтобы он позволял флирту замедлить свое продвижение или поставить под угрозу свои шансы. У него, как и у эгоистов его типа, управляемых холодной волей и холодным интеллектом, сентиментальной стороне отношений полов нет места. С ним одна женщина была как другая женщина; как он жаждал женщин, так и брал их, но почти презрительно, без дискриминации. Для всех его потребностей в них было достаточно лупанария.

Как вы думаете, это всего лишь предположение? Вы говорите, что нет никаких доказательств в поддержку этого? Рассмотрите, прошу вас, во всех подробностях трактат о пудендагре, посвященный человеку ранга Чезаре Борджиа врачом Тореллой, написанный для удовлетворения его потребностей, и посмотрите, какой вывод вы из этого сделаете. Несомненно, такой вывод, который придаст звучание истины, выражая его интимную натуру и дополнительно подтверждая то, что здесь было сказано, — его ответ венецианскому посланнику, “что дамы Романьи не показались ему настолько несговорчивыми, чтобы прибегать к таким грубым и насильственным мерам”.

ГЛАВА VIII. ASTORRE MANFREDI

29 марта Чезаре Борджиа покинул Чезену, куда тем временем вернулся, чтобы двинуться на Фаэнцу, возобновить атаку и положить конец упорному сопротивлению города.

Однако в течение последних месяцев, несмотря на присутствие войск Борджиа на территории, жители Фаэнцы смогли усилить свои укрепления, возведя надворные постройки и прочный бастион по соседству с больницей Оссерванца, далеко за пределами стен. Этот бастион привлек к себе первое внимание Чезаре, и 12 апреля он был взят штурмом. Теперь он доставил туда свои пушки, установил их и приступил к непрерывному обстрелу цитадели. Но сопротивление продолжалось с неослабевающей решимостью — решимостью, приравняемой к героизму, учитывая безнадежность их положения и положение, в котором к настоящему времени оказались "Фаэнтини". Съестные припасы и другие предметы первой необходимости уже давно были на исходе. Тем не менее жители Фаэнцы затянули пояса потуже, позаботились о своей обороне и бросили вызов Борджиа. Более состоятельные жители раздавали вино и муку по чисто номинальным ценам и ссужали Асторре деньги на содержание его войск. Написано, что с той же целью сами священники, чей патриотизм превзошел их долг перед Святым Отцом, во имя которого велась эта война, согласились на разграбление церквей и переплавку священных сосудов.

Даже женщины Фаэнцы несли свою долю бремени обороны, переноса на вал тяжелые камни, которые должны были быть сброшены на осаждающих, или надевали каски и бронежилеты и несли караульную службу на стенах, пока мужчины отдыхали.

Но конец приближался. 18 апреля пушки Борджиа наконец пробили брешь в стенах, и Чезаре предпринял ужасный штурм цитадели. Бой на дымящихся руинах был ожесточенным и решительным с обеих сторон, люди герцога храбро продвигались вперед под ливнями раскаленной смолы и градом валунов, обрушиваемых на них защитниками, которые использовали сами руины стены в качестве боеприпасов. Штурм продолжался четыре часа; он не прекращался до тех пор, пока сгущающиеся сумерки не вынудили Чезаре отдать приказ об отступлении, поскольку продолжать его в сумерках означало лишь бессмысленно жертвовать людьми.

Чезаре высоко ценил доблесть гарнизона. Это внушило ему уважение, свидетельствующее о его беспристрастной широте ума, и он, как сообщается, заявил, что с армией таких людей, как те, кто противостоял ему в Фаэнце, он завоевал бы всю Италию. Он не предпринял второй попытки штурма, но в течение трех последующих дней ограничивался продолжением бомбардировки.

К этому времени люди в Фаэнце были в отчаянном положении. Усталость и голод настолько истощили их выносливость, настолько подорвали их высокую доблесть, что каждую ночь в лагерь герцога дезертировали люди, которые больше не могли этого выносить. Беглецы из города были хорошо приняты, все, кроме одного — человека по имени Граммант, красильщика по профессии, — который, перебежав к герцогу, пришел сообщить ему, что в определенном месте цитадели оборона настолько слаба, что штурм, предпринятый там, не мог не привести к поражению.

Этот человек дал Чезаре возможность продемонстрировать свое презрение к предателям и уважение к доблестным защитникам Фаэнцы. Герцог повесил его за мучения под самыми стенами города, который он предал.

21-го числа бомбардировка продолжалась почти без перерыва в течение восьми часов, и эта безжалостная канонада настолько разрушила цитадель, что конец был, наконец, виден. Но

удовлетворение герцога было омрачено его огорчением из-за потери Ахилла Тиберти, одного из самых доблестных его военачальников, который с самого начала следил за его судьбой с заметной преданностью. Он был убит выстрелом из пистолета. Пышные похороны в Чезене засвидетельствовали, до какой степени Чезаре уважал его.

Асторре, теперь видя, что цитадель превратилась в руины, а возможности для дальнейшего сопротивления полностью исчерпаны, собрал Совет Фаэнцы, чтобы определить план действий, и в результате их обсуждения молодой тиран отправил своих послов к герцогу, чтобы предложить условия капитуляции. Это было запоздалое предложение, поскольку со стороны Чезаре больше не было необходимости выдвигать условия. Оборона города была разрушена, и говорить о капитуляции сейчас означало говорить о предоставлении чего-то, чего больше не существовало. И все же Чезаре встретил послов в духе поразительной щедрости.

Предложенные условия заключались в том, что жители Фаэнцы должны иметь неприкосновенность для себя и своей собственности; что Асторре должен иметь свободу уехать и забрать с собой свое движимое имущество, а его недвижимое имущество остается во власти папы. По всем законам военного времени Чезаре имел право на крупную компенсацию за потери, которые он понес в результате оказанного ему сопротивления. Учитывая те же самые законы и то применение, которое они имели обыкновение получать в его дни, никто не смог бы осудить его, если бы он отверг все условия и отдал город на разграбление. Тем не менее, он не только соглашается на предложенные ему условия, но, кроме того, он фактически прислушивается к молитве Совета о том, чтобы из уважения к огромным страданиям города во время осады он воздержался от требования какой-либо компенсации. Это действительно должно было быть проявлением снисходительности; но он должен был пойти в своей снисходительности еще дальше. В ответ на выраженные Советом опасения по поводу дальнейшего вреда от рук его солдат, когда они окажутся в Фаэнце, он фактически согласился не входить в город.

Мы ни на минуту не должны считать, что Чезаре руководствовался во всем этом каким-либо возвышенным гуманизмом. Он просто проводил свою мудрую политику, воздерживаясь от наказания завоеванных государств, которые отныне должны были подчиняться его правлению и с которыми, следовательно, необходимо было примириться, чтобы они могли быть лояльны ему. Но хорошо, что вы, по крайней мере, оценили эту политику и те плоды, которые она принесла, когда прочитали, что Чезаре Борджиа был кровожадным монстром резни, который опустошал Романью, разрывая и пожирая ее, как какой-то хищный зверь.

26-го Совет посетил Чезаре в больнице Оссерванца— где он был помещен, чтобы принести присягу на верность. В тот же вечер сам Асторре в сопровождении нескольких своих джентльменов явился к герцогу.

Этому довольно болезненному и меланхоличному парню, за плечами которого была ужасная семейная история насилия, и его незаконнорожденному брату Джаневанджелисте герцог оказал самый любезный прием. Действительно, Асторре нашел герцога настолько дружелюбным, что, хотя условия капитуляции предоставляли ему полную свободу отправляться туда, куда он укажет, он предпочел принять приглашение Чезаре остаться в свите герцога.

Однако весьма вероятно, что намерение герцога удержать молодого человека при себе было продиктовано другой фазой его политики, которую Макиавелли позже сформулировал в правилах поведения, приемлемых для принца:

“Для сохранения вновь приобретенного Состояния особое внимание следует уделить двум моментам. Во-первых, следует позаботиться о том, чтобы полностью уничтожить семью древнего государя; во-вторых, не следует изменять законы и увеличивать налоги”.

Таким образом, Макиавелли. Второй момент - это все, что есть превосходного; первый — это все, что есть мудрого, каким бы холодным, ужасным и отвратительным это ни было для наших представлений двадцатого века.

На самом деле Чезаре Борджиа едва ли зашел так далеко, как советует Макиавелли. Он практиковал дискриминацию. Он, например, не покушался на жизнь Пандольфаччо Малатесты или Катерины Сфорца-Риарио. Он не видел никакой опасности в их жизни, никаких будущих неприятностей, которых можно было бы от них ожидать. Ненависть, которую питали к ним их подданные, была для Чезаре достаточной гарантией того, что они вряд ли попытаются вернуться в свои владения, и поэтому он позволил им сохранить свои жизни. Но оставить Асторре Манфреди или даже его незаконнорожденного брата в живых было бы плохой политикой с той ужасающе эгоистичной точки зрения, которой придерживался Чезаре, — точки зрения, помните, которая получает ужасно интеллектуальное, совершенно несентиментальное, отвратительно практичное одобрение Макиавелли.

Итак, чтобы немного забежать вперед, мы видим, как Чезаре забирает Асторре и Джаневанджелисту Манфреди в Рим, когда он вернулся туда в июне следующего года. Две недели спустя — 26 июня — грозная амазонка Форли, графиня Сфорца-Риарио, была освобождена, как мы знаем, из замка Сант-Анджело и ей было разрешено удалиться во Флоренцию. Но ворота этой мрачной крепости, открывшись, чтобы позволить ей выйти, открылись также для того, чтобы впустить Асторре и Джаневанджелисту, за которыми они закрылись.

Все, что достоверно известно о судьбе этих несчастных молодых людей, - это то, что они так и не вернулись оттуда живыми.

Запись в “Бурхарде” (9 июня 1502 г.) о том, что тело Асторре было найдено в Тибре с камнем на шее, вероятно, страдает от добавления, что “вместе с ним были найдены тела двух молодых людей со связанными руками, некой женщины и многих других”.

За депешей Джустиниани о том, что “Говорят, что этой ночью были сброшены в Тибр и утонули два лорда Фаэнцы вместе с их сенешалем”, никогда не последовало никакой другой депеши, подтверждающей этот слух, и она не подтверждается ни одной депешей, обнаруженной на данный момент от какого-либо другого посла, и до сих пор этот вопрос не нашел места в Хрониках Фаэнцы.

Но это имеет второстепенное значение. Самой уродливой чертой этого дела является не само убийство молодых людей, а тот факт, что Чезаре поклялся, что Асторре выйдет на свободу, и все же держал его при себе — сначала, по-видимому, в своем поезде, а позже в качестве заключенного — до тех пор, пока не покончил с его жизнью. Это было уродливое, беспринципное деяние; но нет необходимости преувеличивать его отвратительность, как это

постоянно делается, опираясь на авторитет Гвиччардини, который написал, что убийство было совершено “saziata prima la libidine di qualcuno”.

Из всей невыразимой клеветы, которой подверглись Борджиа, ни одна не является более вопиющей, чем это отвратительное измышление похотливого изобретения Гвиччардини. Пусть позор, который должен навеки навлечь на него за это, ляжет также на тех последующих авторов, которые повторяли и распространяли это отвратительное и совершенно ничем не подкрепленное обвинение, и особенно на тех, кто без колебаний предположил, что “куалькуно” Гвиччардини был стариком семидесяти двух лет от роду - папой Александром VI.

Другие, чуть более милосердные, чуть более осторожные с физическими возможностями (но ничуть не менее непристойные), сочли, что флорентийский историк имел в виду Чезаре.

Но, в той или иной форме, ложь распространилась так, как может распространяться только такая мерзость. Это вплелось в основу истории; это превратилось в один из тех “фактов”, которые безоговорочно принимаются, но не имеет лучшего основания, чем частое повторение, которого не могло избежать столь чудовищное обвинение. Его источник не является современным. Впервые он упоминается Гвиччардини; и нет никакого логического вывода, кроме того, что Гвиччардини изобрел его. Другая история, которая обязана своим существованием главным образом и почти полностью своими подробностями клеветническому перу Гвиччардини, — история смерти Александра VI, которая будет рассмотрена в своем месте, — вызвала праведный гнев Вольтера. Каким бы атеистом и ярым антиклерикалом он ни был, очевидная фальшь этой истории настолько возмутила его, что он написал свой грозный обвинительный акт, в котором заклеил Гвиччардини как лжеца, обманувшего потомство, чтобы дать выход своей ненависти к Борджиа. Дело Асторре Манфреди было еще более веским поводом для негодования Вольтера, как и для негодования всех добросовестных искателей истины.

ГЛАВА IX. КАСТЕЛЬ БОЛОНЬЕЗЕ И ПЬОМБИНО

Возвращаясь к сдаче Фаэнцы 26 апреля 1501 года, мы видим, как Чезаре на следующий день после этого события сворачивает лагерь с такой поразительной внезапностью, что даже не останавливается, чтобы обеспечить правление побежденной тиранией, но четыре дня спустя назначает викария, который займется этим.

Он внезапно покидает Фаэнцу и мчится подобно вихрю, чтобы неожиданно вторгнуться на территорию Болоньи и, нанеся быстрый удар, запугать Бентивольи и заставить его подчиниться в вопросе о замке Болоньезе.

Эта крепость, стоящая во владениях герцога, на дороге между Фаэнцей и Имолой, должна представлять для него угрозу, находясь в руках державы, которая может стать активно враждебной.

Перед этим Чезаре отправил посланца в Бентивольи с требованием его сдачи.

Встревоженный сеньор Болоньи, созвав свой Совет (Reggimento), ответил, что они должны обсудить этот вопрос; и два дня спустя они отправили своего посла, чтобы изложить Чезаре результаты этих обсуждений. Они должны были искать герцога в Имоле, но добрались не дальше замка Сан-Пьетро, который, к своему ужасу, они обнаружили уже в руках людей Вителлоццо Вителли изарms. В течение того времени, пока Бентивольи раздумывал, Чезаре Борджиа действовал с той быстротой, которая была одной из его наиболее характерных черт, и, в дополнение к Кастель-Сан-Пьетро, он уже захватил Казальфиуминенсе, Кастель-Гуэльфо и Медечину, которые теперь были окружены его войсками.

Когда тревожные известия об этих быстрых действиях достигли Болоньи, это заставило Бентивольи наконец вспомнить совет Людовика XII о том, что ему следует примириться с Чезаре Борджиа, и он понял, что откладывать это больше нельзя. Поэтому он поспешил согласиться на сдачу замка Болоньезе герцогу, выделить ему жалованье в размере ста копий по три человека в каждой и взять на себя обязательство оказывать ему всяческую помощь в течение одного года против любой державы, с которой он мог бы воевать, за исключением короля Франции. Взамен Чезаре должен был отказаться от захваченных крепостей и потребовать, чтобы папа подтвердил за Бентивольи его древние привилегии. 29 апреля Паоло Орсини отправился в качестве полномочного представителя Чезаре в Болонью для подписания этого договора.

Это было хитроумное соглашение со стороны Бентивольи, поскольку, помимо умиротворения Чезаре и преимущества союза с ним, в результате он заручился поддержкой знаменитых кондотьеров Вителли и Орсини, злейших врагов Флоренции — последний стремился восстановить власть Медичи, а первому не терпелось отомстить синьории за казнь своего брата Паоло. В качестве взноса в счет этого долга Вителли уже казнил Пьетро да Марчиано — брата графа Ринуччо да Марчиано, — когда этот джентльмен попал к нему в руки в Медицине.

За два дня до подписания договора Бентивольи схватил четырех членов могущественного дома Марескотти. Эта семья была в родстве с изгнанным Мальвецци, который был заодно с Чезаре, и Бентивольи опасался, что между ними могут передаваться связи, которые приведут к его гибели. Из-за этого подозрения он пока держал их в плену и не освободил ни когда был подписан договор, ни когда 2 мая, среди народных ликований, выразивших облегчение болонцев, он был опубликован.

Гермес Бентивольи — младший сын Джованни - стоял на страже дворца вместе с несколькими другими молодыми болонскими патрициями, и он подстрекал их пойти с ним, чтобы покончить с предателями, которые пытались разрушить мир своими предполагаемыми заговорами с врагами Бентивольи в лагере Чезаре. Он повел своих спутников в комнату, где содержались Марескотти, и там, более или менее хладнокровно, эти четверо джентльменов были убиты без всякой видимой причины, кроме как потому, что было подозрение, что они поддерживали связь со своими родственниками в армии герцога Валентинуа. Таков был путь Чинквеченто, в котором, по-видимому, мало что имело меньшее значение, чем человеческая жизнь.

Мимоходом можно упомянуть, что Гвиччардини, конечно, делает все возможное, чтобы это нелепое убийство выглядело — по крайней мере косвенно, поскольку напрямую это было бы невозможно — делом рук Чезаре Борджиа.

Что касается самого замка Болоньезе, то в июле следующего года Чезаре Борджиа послал тысячу разрушителей, чтобы сравнять его с землей. Говорят, это был самый красивый замок в Романье, но Чезаре обладал и другими качествами, помимо красоты, которые следовало учитывать при выборе крепости. Его господствующее положение делало его почти воротами, контролирующими, как мы знаем, дорогу из Фаэнцы в Имолу, и его оккупация болонцами или другими врагами во время беспорядков могла иметь серьезные последствия для Чезаре. Поэтому он безжалостно приказал Рамиро де Лоркуа приступить к его сносу.

Совет Капель Болоньезе выразил большой протест и умолял Рамиро воздержаться от действий до тех пор, пока они не свяжутся с герцогом с просьбой о сохранении замка; но Рамиро — жесткий, суровый человек и самый деятельный офицер Чезаре в Романье — прямо сказал им, что обращаться к герцогу по такому вопросу было бы пустой тратой времени. Он был не более чем прав, ибо Чезаре, твердо решив, что разрушение замка целесообразно, вряд ли стал бы прислушиваться к сентиментальным доводам в пользу его сохранения. Уверенный в этом, Рамиро без лишних слов приступил к выполнению полученных им приказов. Он разрушил стены и засыпал ров, пока не осталось ничего, что указывало бы на место, где когда-то стояла крепость.

Другой крепостью, разделившей судьбу замка Болоньезе, был замок Сант-Арканджело, и точно так же Чезаре распорядился бы Солароло, но тот имел меньшее значение, а жители в своем прошении о его сохранении предложили самим платить капеллану, и он позволил ему остаться.

Едва был подписан договор с Болоньей, как Чезаре получил письма от папы, отзывающие его в Рим и рекомендующие не досаждать флорентийцам во время своего путешествия — рекомендация, которую Александр счел очень необходимой, учитывая отношение к Флоренции Вителли и Орсини. Он предвидел, что они прибегнут к аргументам, чтобы склонить Валентинуа к предприятию, все издержки которого будут на его совести, а вся возможная прибыль — на их.

Герцог, конечно, подчинился бы и избегал Тосканы, но — именно этого и опасался проницательный папа — Вителли и Орсини умоляли его пройти маршем по территории Флоренции. Вителли действительно бросился на колени перед Чезаре в пылких мольбах, утверждая, что его единственным мотивом было добиться освобождения из несправедливого заключения Цербоне, который был канцлером его казненного брата. Кроме того, он поклялся, что не будет предъявлять никаких требований к Флоренции, что он не будет пытаться вмешиваться в дела Медичи и что он не будет совершать насилия над городом или страной.

Умоляемый таким образом, Чезаре уступил. Вероятно, он вспомнил те самые обстоятельства, при которых Вителли встал под его знамена, и решил, что теперь не может воспротивиться просьбе, подкрепленной обещанием такой умеренности; поэтому 7 мая он отправил своих послов в синьорию просить разрешения на проезд для его войск через территорию Флоренции.

Еще в Болоньезе его разыскал Джулиано де'Медичи, который умолял разрешить ему сопровождать его, на просьбу, которую Чезаре немедленно отклонил, как противоречащую тому, чем он занимался сам, и из-за него Джулиано отстал в Лохано. Он также не пожелал даже принять на аудиенции Пьеро де'Медичи, который также стремился присоединиться к нему на

территории Сиены, как только понял, к чему идет дело. Тем не менее, как бы сильно герцогни протестовал против того, что у него нет намерения вносить какие-либо изменения в состояние Флоренции, мало кто ему верил. Флоренция, измученная и сильно ослабленная долгой борьбой во время Пизанской войны, была легкой добычей. Сознывая это, она была встревожена просьбой Чезаре о переезде. Синьория ответила, предоставив ему запрошенное разрешение, но поставив условие, что он должен оставаться в стране, воздерживаться от въезда в какой-либо город и не приводить с собой на территорию Флоренции Вителли, Орсини или любого другого врага существующего правительства. Однако случилось так, что, когда флорентийский посол прибыл к нему с этим ответом, герцог уже пересекал границу Тосканы с изгнанными кондотьерами в своей свите.

Как следствие, на нем лежала обязанность оправдать это своевольное ожидание безоговорочного флорентийского разрешения, которое так и не поступило. Поэтому он заявил, что в прошлом году Флоренция оскорбила его в деле Форли, а в этом году - снова в деле Фаэнцы, в обоих этих городах он обвинил синьорию в содействии сопротивлению ему, и он объявил, что, чтобы оправдать свои намерения в отношении Флоренции, он объяснится с Барберино.

Там 12 мая он дал аудиенцию послу. Он заявил ему, что желает хорошего взаимопонимания с Флоренцией и что она не должна препятствовать завоеванию Пьомбино, к которому он теперь был привязан; добавив, что, поскольку он не доверяет нынешнему правительству, которое уже нарушило доверие к нему, ему потребуются некоторое надежное обеспечение для заключения договора. О восстановлении власти Медичи он ничего не сказал, но потребовал, чтобы Вителли и Орсини получили некоторое удовлетворение, и, чтобы ускорить принятие решения Флоренцией, продвинулся со своей армией до Форно—деи-Кампи - почти под самыми ее стенами.

Республика была повергнута в ужас. Она немедленно собрала все силы, которыми располагала, и направила свою артиллерию в Арно, чтобы не быть вынужденной ни отказать в ней Чезаре по его требованию, ни все же доставить ее.

Макиавелли осуждает поведение синьории в этом деле как невежливое. Он утверждает, что герцог, обладающий большим вооружением, а Флоренция вообще не вооружена и, следовательно, ни в коем случае не препятствует его прохождению, было бы разумнее, и синьория лучше сохранила бы свое лицо и достоинство, если бы она дала Чезаре разрешение на проход, которого он требовал, вместо того, чтобы видеть, как он принуждает к этому проход силой оружия. Но все, что сейчас заботило флорентийцев, - это избавиться от армии, присутствие которой на их территории представляло постоянную угрозу. И для достижения этой цели они были готовы пойти на любые обязательства, точно так же, как были полны решимости не выполнять ни одно из них.

Точно так же случилось, что Чезаре не меньше спешил уехать; ибо он получил еще одно письмо от папы, повелевавшее ему удалиться, и вдобавок к этому его донимали Вителли и Орсини, которые стали проявлять беспокойство, умоляя разрешить им отправиться либо во Флоренцию, либо в Пистойю, где у них не было недостатка в друзьях. Чтобы противостоять им, Чезаре понадобились вся суровость и решительность, на которые он был способен; и он даже зашел так далеко, что подкрепил свой отказ угрозой самому поднять на них оружие, если они будут настаивать.

15-го числа, наконец, был подписан договор, который представлял собой наступательный и оборонительный союз. По условиям соглашения Флоренция обязалась предоставить Чезаре кондотту из 300 копий сроком на три года для использования на флорентийской службе с ежегодным жалованьем в размере 36 000 дукатов. Как много это значило на самом деле, герцог узнал два дня спустя, когда послал просить синьорию одолжить ему несколько пушек для нападения на Пьомбино и выплатить ему первый взнос в размере четверти годового жалованья, прежде чем он покинет территорию Флоренции. Синьория ответила, что по условиям соглашения нет никаких обязательств по немедленной выплате взноса, в то время как в вопросе с артиллерией они откладывали его со дня на день, пока Чезаре не понял, что их единственной целью при подписании договора было немедленное избавление от его армии.

Риск, которому подверглась Флоренция, играя так быстро и развязно с таким человеком, особенно в момент полной неспособности противостоять ему, несмотря на французское покровительство, которым пользуется синьория, поражает своей безрассудной дерзостью. К счастью для Флоренции, приказ папы связал герцогу руки — и, возможно, синьория знала об этом, и именно на основании этого знания, в сочетании с защитой Франции, она и предполагала. Чезаре отнесся к этому делу в духе отличного неудачника.

Он не выдал ни малейшего намека на свое огорчение и обиду; вместо этого он занялся обеспечением своих нужд в другом месте, отправив Вителли в Пизу с просьбой об артиллерии, на просьбу, на которую Пиза с готовностью откликнулась, как из-за Вителли, так и из-за герцога. Что касается Флоренции, то если Чезаре Борджиа мог быть ужасно быстрым в наказании, то он мог быть и устрашающе медлительным. Если бы он мог нанести удар в тот момент, когда появилась возможность для удара, он мог бы также ждать месяцами, пока эта возможность не будет найдена. Теперь он ждал.

Примерно в это же время молодой Леонардо да Винчи искал работу на службе у Чезаре Борджиа. Леонардо пробыл в Милане до лета 1500 года, когда отправился во Флоренцию в поисках лучшей доли; но, не найдя там практически никакой работы, он воспользовался шансом герцога Валентинуа, чтобы предложить свои услуги тому, чье щедрое покровительство искусствам вошло в поговорку. Чезаре взял его к себе на работу в качестве инженера и архитектора, оставив на время в Романье. Леонардо, возможно, руководил ремонтом замка Форли, в то время как он, безусловно, построил канал от Чезены до Порто-Чезенатико, прежде чем присоединиться к герцогу в Риме.

25 мая Чезаре двинулся по долине Чечина, чтобы попытаться договориться с Джакомо д'Аппиано, тираном Пьомбино, который с помощью некоторых генуэзцев и флорентийцев был склонен оказать сопротивление герцогу. Первым стратегическим шагом в этом деле должен быть захват острова Эльба, откуда помощь могла бы достичь Пьомбино на его выступающем в море мысу. Для этой цели папа отправил из Чивита-Веккьи шесть галер, три бригантины и два галеона под командованием Лодовико Моска, капитана папского военно-морского флота, в то время как Чезаре получил дополнительное подкрепление за счет нескольких судов, присланных ему из Пизы вместе с восемью пушками. С их помощью он легко захватил Эльбу и Пианозу. Сделав это, он приступил к осаде Пьомбино, который после двухмесячного доблестного сопротивления был, наконец, вынужден капитулировать.

Однако задолго до того, как это произошло, Чезаре уехал. Поскольку его ждали в Риме, он не смог лично руководить осадными работами. Поэтому он покинул Пьомбино в июне, чтобы

присоединиться к французам под командованием д'Обиньи, связанным, наконец, завоеванием Неаполя и требующим — как и предусматривал их договор с ним — сотрудничества Чезаре.

ГЛАВА X. КОНЕЦ ДОМА АРАГОНОВ

Чезаре прибыл в Рим 13 июня. По этому случаю не было обычной помпезности. Он вошел тихо, сопровождаемый лишь небольшим отрядом латников, а на следующий день за ним последовал Ив д'Аллегр с армией, значительно уменьшенной за счет отрядов, оставленных для размещения гарнизона в Романье и осады Пьомбино.

Вернувшись в свои покои в Ватикане, герцог оставался там так близко в течение тех нескольких недель, что он пробыл в Риме по этому случаю (1), что с этого момента добиться от него аудиенции стало делом крайне трудным. Возможно, это было связано с его привычкой превращать ночь в день, а день в ночь, будь то на работе или в игре, что на самом деле было оправданием, предложенным папой некоторым посланникам, отправленным к Чезаре из Римини, которые были оставлены прохлаждаться в приемных Ватикана на две недели, так и не добившись аудиенции.

1 “Манситы во Дворце секретничают”, - говорит Берчард.

Теперь Чезаре Борджиа был сеньором Имолы, Форли, Римини, Фаэнцы и Пьомбино, что гарантировало ему инклюзивный титул герцога Романьи, который он принял сразу после падения Фаэнцы.

По мере того как росло его состояние, естественно, росли и государственные дела; и в течение тех четырех недель, что он провел в Риме, дела требовали его внимания, и на них было направлено огромное количество средств. Главным образом он был занят управлением делами Фаэнцы, которую он так поспешно покинул. В этом снова проявляется его пронизательная политика великодушия. Своим представителем и лейтенантом он назначил видного гражданина Фаэнцы по имени Паси, одного из тех самых членов Совета, которые участвовали в защите города и сопротивлении Чезаре. Герцог мотивировал свой выбор тем, что этот человек явно заслуживал доверия, учитывая его верность Асторре.

И здесь вы имеете дело не только с пронизательностью человека, который знает, как выбирать своих слуг, — что является одним из важнейших факторов успеха, — но и с широтой взглядов, действительно необычной для Чинквеченто.

В дополнение к иммунитету от контрибуции, предусмотренному условиями капитуляции города, Чезаре фактически зашел так далеко, что предоставил крестьянам долины 2000 дукатов в качестве компенсации за ущерб, нанесенный во время войны. Кроме того, он поддержал

ходатайства Собора перед Папой Римским о возведении нового монастыря взамен того, который был разрушен во время бомбардировки. Давая свое согласие на это — в краткой записке от 12 июля 1501 года — папа объявляет, что он делает это в ответ на молитвы Совета и герцога.

Джованни Вера, бывший наставник Чезаре, которому герцог до сих пор с любовью присваивал этот титул, теперь был архиепископом Салерно, кардиналом Санта-Бальбины и папским легатом в Мачерате, и он был избран папой для поездки в Пезаро и Фано с целью получения клятвы верности. С собой Чезаре отправил в качестве своего личного представителя своего секретаря Агабито Герарди, который работал у него в этом качестве со времени поездки герцога во Францию и которому предстояло следить за его судьбой до конца.

Однако жители Фано, возможно, воздержались от предложения себя во власть герцога, когда в октябре прошлого года он своим присутствием предоставил им возможность сделать это, их поведение сейчас вряд ли указывало на то, что предыдущее воздержание было вызвано нежеланием, или же их умы претерпели за это время значительные изменения. Ибо, когда они получили сообщение о назначении его своим господином, они отметили это событие публичными ликованиями и иллюминациями; в то время как 21 июля Совет, представляющий народ, в присутствии Веры и Герарди принес присягу на Евангелиях в вечной верности Чезаре и его потомкам.

В Консистории от 25 июня того же года послы Франции и Испании прибыли официально уведомить Святого Отца о Гранадском договоре, заключенном в ноябре прошлого года Людовиком XII с одной стороны, и Фердинандом и Изабеллой с другой, относительно завоевания и раздела Неаполитанского королевства. Соперничающие претенденты пришли к компромиссу, в силу которого они должны были совместно предпринять завоевание и впоследствии разделить добычу — Неаполь и Абруцци отойдут Франции, а Калабрия и Апулия - Испании.

Александр немедленно опубликовал свою Буллу, объявляющую Федерико Неаполитанского низложенным за неповиновение Церкви и за то, что он призвал турка к себе на помощь, убедительное подтверждение любого из этих обвинений потребовало бы от Александра изобретательности, какой бы огромной она ни была, или, будучи установленным, осуждения после рассмотрения всех фактов. Обвинения были не более чем предлогом для ограбления несчастного короля, который из-за союза своей дочери с Чезаре решил, что может безнаказанно пренебрегать семейством Борджиа.

28 июня д'Обиньи покинул Рим вместе с французскими войсками в сопровождении большей части значительной армии, с которой Чезаре поддерживал своего французского союзника, помимо 1000 пеших, выставленных папой, и кондотты из 100 копий под командованием Морганте Бальони. Когда войска дефилировали перед замком Сант-Анджело, они получили апостольское благословение от папы римского, стоявшего на нижних валах крепости.

Сам Чезаре не мог последовать за ним, чтобы присоединиться к армии, до 10 июля, поскольку уже к этой дате им был издан эдикт против всех, кто посмеет причинить вред его офицерам из Романы. Примерно в то же время, когда Гонсало де Кордоба покинул Рим, чтобы преследовать французов, он высадил испанскую армию в Калабрии, и дни арагонского владычества в Неаполе были сочтены.

Король Федерико приготовился встретить врага лицом к лицу. Оставаясь сам в Неаполе с Просперо Колонной, он отправил основную часть своих сил в Капую под командованием Фабрицио Колонны и графа Ринуччо Марчиано — брата того Марчиано, которого Вителли казнил в Тоскане.

Опустошая территорию и форсируя ее крепости по мере продвижения, союзники были под стенами Капуи в течение трех недель после выхода; но 17 июля, когда они были в двух милях от города, их встретили шестьсот копейщиков под командованием Колонны, которые попытались оспорить их проход. Это был сам Чезаре Борджиа, который возглавил обвинение против них. Жан д'Отон в своих "Хрониках Людовика XII" с теплотой отзываясь о доблести герцога и о том, как словами и примером он поощрял своих сторонников атаковать войска Колонны с таким успехом, что они наголову разбили неаполитанцев и стремглав отбросили их обратно под защиту стен Капуи.

Союзники подняли свои пушки и открыли обстрел. Это продолжалось непрерывно с 17 июля — это был понедельник — до следующей пятницы, когда два бастиона были настолько разрушены, что французы смогли овладеть ими, предав мечу около двухсот неаполитанских солдат, которые были оставлены защищать эти укрепления. Оттуда доступ в сам город был получен четыре дня спустя — 25—го - через брешь, по мнению одних, через предательское открытие ворот, по мнению других. Через ворота или брешь осаждающие врывались штурмом, встречая ожесточенное сопротивление, и за этим следовала самая ужасная резня. Они гнали защитников назад, прокладывая себе путь по улицам и никого не щадя в ужасной ярости, охватившей их. Оборона была прорвана; сопротивлению пришел конец; но кровавая работа все еще продолжалась. Бой незаметно перерос в резню; деморализованные и охваченные паникой из-за своей недавней доблести, неаполитанские солдаты побросали оружие и обратились в бегство, требуя пощады. Но ничего не было дано. Захватчик убивал всех, кто попадался ему на пути, без различия возраста и пола, и кровь примерно четырех тысяч жертв лилась по улицам Капуи, как вода после грозы. Разграбление Капуи - одна из самых ужасных страниц в ужасной истории саксов. Вы найдете все подробности в "Хронике д'Отонна", если вам нравятся подобные ужасы. В дневнике Берчарда есть краткое изложение события под датой 26 июля 1501 года, которое звучит следующим образом:

“Вчера около четвертого часа ночи папа получил известие о захвате Капуи герцогом Валентинуа. Захват произошел из-за измены некоего Фабрицио — гражданина Капуи, — который тайно представил осаждающих и был первым, кого они убили. После него та же участь постигла около трех тысяч пеших и около двухсот всадников, горожан, священников, монахинь обоего пола, даже в самих церквях и монастырях, и все захваченные женщины были отданы в добычу с величайшей жестокостью. Общее число убитых оценивается в четыре тысячи”.

Д'Отон также является свидетелем этого массового насилия над женщинами, “которое, “ добавляет он, ” является самым худшим из всех эксцессов войны”. Далее он сообщает нам, что “пехотинцы герцога Валентинуа проявили себя в этом деле так хорошо, что тридцать самых красивых женщин отправились пленницами в Рим”, и эта цифра подтверждается Бурхардом.

“Какой только возможности не было для Гвиччардини! Пехотинцы герцога Валентинуа так хорошо проявили себя в этом, что тридцать самых красивых женщин отправились пленницами в Рим”.

Под его ловким, злобным, беспринципным пером это заявление редактируется до тех пор, пока не станет известно не тридцать, а сорок захваченных жертв, доставленных в Рим, и не нога Валентинуа, а сам Валентинуа - насильник всех сорока! Но послушайте собственные слова эlegantного флорентийца:

“О [дивульгосси] распространились слухи, - пишет он, - что, помимо других злодеяний, достойных вечного позора, многие женщины, укрывшиеся в башне и таким образом избежавшие первой ярости нападения, были найдены герцогом Валентинуа, который в звании королевского лейтенанта следовал за армией не более чем со своими дворянами и охраной.⁽¹⁾ Он пожелал увидеть их все, и после тщательного изучения [*consideratele diligentemente*] он сохранил сорок самых красивых”.

1 Это, кстати, еще одно искажение. С Валентинуа, помимо тысячи пехотинцев, набранных папой, и сотни копий под командованием Морганте Бальони, была еще многотысячная армия под предводительством Ива д'Аллегра.

Цель Гвиччардини, конечно, состоит в том, чтобы шокировать вас; он считает необходимым сохранить в Чезаре характер прожорливого волка, которым он его наделил. Чудо не в том, что Гвиччардини сочинил это совершенно нелепое обвинение, а в том, что более или менее серьезные последующие писатели — и даже писатели нашего времени — вместо того, чтобы презрительно смеяться над дикой глупостью этой истории, вместо того, чтобы искать в доступных источниках зародыш истинного факта, из которого она возникла, должны были усердно и без стыда продолжать ее распространение.

Ириарте не только повторяет историю со всем трезвым спокойствием человека, совершенно лишённого чувства смешного, но и дополняет ее восхитительным штрихом, достойным самого Гвиччардини, когда уверяет нас, что Чезаре взял этих сорок женщин в свой гарем!

Это прекрасный пример того, как история Борджиа росла и продолжает расти.

Если правдоподобие само по себе не опровергает историю Гвиччардини, то об этом свидетельствуют капуанские хроники, особенно хроники Пеллегрини, который был свидетелем разграбления. В тех хрониках, из которых Гвиччардини черпал материал для этой части своей истории Италии, вы напрасно будете искать подтверждения тому вымыслу, которым флорентийский историк — тот, у кого было золотое перо для друзей и железное для врагов, — счел нужным украсить свои факты.

Если вам интересен гротеск в историческом строительстве, вы можете полистать страницы "Гражданской истории Капуи" Ф. Гранаты, опубликованной в 1752 году. Этот автор тщательно следовал капуанским хроникам в их описании осады; но когда дело доходит до подробностей о сорока дамах в башне (в которых эти хронисты подводят его), он фактически приводит Гвиччардини в качестве своего авторитета, устанавливая моду, в которой не было недостатка в бессознательных и не менее вопиющих подражателях.

Возвращаясь от критики художественной литературы к рассмотрению фактов, отметим, что Фабрицио Колонна и Ринуччо да Марчиано были среди многих капитанов неаполитанской армии, попавших в плен. Ринуччо был главой флорентийской фракции, которая привела к казни

Паоло Вителли, и Джовио утверждает, что Вителлоццо Вителли, который уже отомстил, казнив Пьетро да Марчиано в Тоскане, отравил раны Ринуччо, так что он умер два дня спустя.

За падением Капуи очень скоро последовало падение Гаэты, а через неделю - падение Неаполя, в который 3 августа вступил Чезаре Борджиа, командовавший авангардом армии. “Тот, кто пришел как кардинал, чтобы короновать короля Федерико, теперь пришел как кондотьер, чтобы свергнуть его”.

Федерико предложил сдать французам все крепости, которые еще оставались за ним, при условии, что он получит безопасный пропуск на Искью и свободу оставаться там в течение шести месяцев. С этим согласились, и Федерико было также разрешено взять с собой свое движимое имущество и артиллерию, которую, однако, он впоследствии продал папе.

Таким образом, последний представитель Арагонского дома, восседавший на неаполитанском троне, отбыл в сопровождении немногих верных людей, которые любили его достаточно сильно, чтобы последовать за ним в изгнание; среди них был поэт Санаццаро, который, чтобы отомстить за зло, причиненное мастеру, которого он любил, выпустил свои ужасные эпиграммы против Александра, Чезаре и Лукреции, и с помощью этих сохранившихся стихов позволил врагам Дома Борджиа очернить их память в последующие столетия.

Капитаны Федерико Просперо и Фабрицио Колонна, получив выкуп, передали свои мечи Гонсало де Кордобе, надеясь на тот день, когда они смогут отомстить Борджиа за разорение, которое даже в этом неаполитанском завоевании они приписывали папе и его сыну.

И на этом, что касается Неаполя, заканчивается история Дома Арагон. В Италии он вымер; и в течение столетия он должен был стать таким же и в Испании.

ГЛАВА XI. ПИСЬМО СИЛЬВИО САВЕЛЛИ

К 15 сентября Чезаре вернулся в Рим, разбогатевший благодаря известности, в фаворе у Франции и всего за 40 000 дукатов, что оценивается как общая сумма сумм, выплаченных ему Францией и Испанией за поддержку, которую им оказала его кондотта.

Во время его отсутствия произошли два важных события: обручение его овдовевшей сестры Лукреции с Альфонсо д'Эсте, сыном герцога Эрколе Феррарского, и публикация Буллы об отлучении от церкви (от 20 августа) Савелли и Колонна в связи со всем, что они совершили против Святого Престола со времен понтификата Сикста IV по настоящее время. На основании этой Буллы папа распорядился конфисковать имущество отлученных семей, в то время как Каэтани пострадали аналогичным образом в то же время.

Эти владения были разделены на две части, и Буллой от 17 сентября они были пожалованы: одна - сыну Лукреции Родриго и вместе с ними титулу герцога Сермонеты; другая - ребенку, Джованни Борджиа (который остается загадкой) с титулом герцога Непи и Палестрины.

Весь процесс, несомненно, заслуживает серьезного порицания, поскольку распределение конфискованных феодальных владений ставит под сомнение чистоту мотивов, побудивших к этой конфискации. Это был со стороны Александра грубый акт кумовства, грубое злоупотребление своей папской властью; но, по крайней мере, можно сказать, что, совершая это, он делал не больше, чем в его эпоху было принято делать папам. Александр, можно еще раз сказать в этой связи, был частью коррумпированной системы, а не разрушителем чистой.

Что касается мальчика Джованни Борджиа, то тайна, связанная с ним, касается его происхождения и возникает из того исключительного обстоятельства, что существуют две папские буллы, обе датированные 1 сентября 1501 года, в каждой из которых ему приписывается другой отец, причем вторая, по-видимому, дополняет и исправляет первую.

Первая из этих Булл, адресованная “Дилекто Филио Нобили Джоанни де Борджиа, Инфантильный Романо”, объявляет его трехлетним ребенком, незаконнорожденным сыном Чезаре Борджиа, неженатого (каковым Чезаре был на момент рождения ребенка) и женщины (безымянной, как обычно в таких случаях), также незамужней.

Второе вместо этого объявляет его сыном Александра и гласит: “Поскольку вы несете этот недостаток не от упомянутого герцога, а от нас и упомянутой женщины, который мы по уважительным причинам не хотели выражать в предыдущем письме”.

То, что вторая Булла, несомненно, содержит правду по данному вопросу, является единственным возможным объяснением ее существования, а “веские причины”, которые существовали для первой, без сомнения, заключаются, как говорит Грегоровиус, в том, что официально и в соответствии с каноническим правом папе римскому было запрещено признавать детей. (Следует помнить, что другие его дети были признаны им во время его кардинализации и до его восшествия на престол Святого Петра.) Отсюда и попытка этих Быков обойти закон до такой степени, чтобы ребенок не пострадал в вопросе своего наследования.

Берчард под датой 3 ноября того же года свободно упоминает этого Джованни Борджиа как сына папы римского и “некой римлянки” (“quadam Romana”).

В тот же день, когда были подписаны эти две Буллы, была издана третья, подтверждающая постоянное пребывание дома Эсте во владениях Феррары и других ее владений в Романье и уменьшающая на треть ежегодную дань в размере 4000 дукатов, взимаемую с этой семьи Сикстом IV; и было недвусмысленно добавлено, что эти уступки были сделаны для Лукреции и ее потомков.

Три дня спустя курьер от герцога Эрколе принес известие, что брачный контракт подписан в Ферраре, и в тот день под артиллерийские залпы и иллюминацию после наступления темноты папа выразил удовлетворение, которое доставляла ему перспектива того, что его дочь войдет в одну из древнейших семей и взойдет на один из самых благородных тронов Италии.

Было бы напрасно притворяться, что этот брак был не просто браком по расчету. Любовь между договаривающимися сторонами не играла никакой роли в этой сделке, и Эрколе д'Эсте был

вынужден пойти на это по уговору короля Франции, из страха перед растущим могуществом Чезаре и из уважения к великолепному приданому, которое он требовал и в вопросе о котором проявил дух, который Александр презрительно называл духом торговца. Эрколе также не стал бы посылать эскорт в Рим за невестой, пока не получил бы в свои руки Буллу об инвеституре в феоды Ченто и Пьеве, которые вместе со 100 000 дукатов составляли приданое Лукреции. В общем, в высшей степени неромантическое дело.

Следующее письмо посла Феррарезе в Риме от 23 сентября представляет интерес в связи с этим браком:

“САМЫЙ ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ПРИНЦ И БЛАГОРОДНЕЙШИЙ ЛОРД,

“Его Святейшество Папа, принимая во внимание такие обстоятельства, которые могут вызвать неудовольствие не только вашего Превосходительства и Светлейшего дона Альфонсо, но также герцогини и даже его самого, поручил нам написать вашему Превосходительству и настоятельно призвать вас сделать так, чтобы сеньора Джованни из Пезаро, который, как известно вашему Превосходительству, находится в Мантуе, не было в Ферраре во время бракосочетания. Несмотря на то, что его развод с упомянутой герцогиней абсолютно законен и совершен в соответствии с чистой правдой, как общеизвестно не только из материалов судебного разбирательства, но и из свободного признания упомянутого Дона Джованни, вполне возможно, что им все еще движет какая-то давняя недоброжелательность; а потому, если он окажется в любом месте, где упомянутая леди может быть им замечена, ее превосходительство может, вследствие этого, быть вынуждена уединиться, чтобы избавиться от воспоминаний о прошлом. Поэтому его Святейшество призывает ваше Превосходительство проявить обычную осмотрительность на случай подобных непредвиденных обстоятельств”.

Тем временем празднества, которыми отмечалась ее помолвка, продолжались весело, и в самый разгар их, чтобы внести свою лепту, прибыл Чезаре, увенчанный свежими лаврами, добытыми в неаполитанской войне. Ни одно веселое мероприятие, когда-либо проводившееся под эгидой папы Александра VI в Ватикане, не избежало того, чтобы стать источником множества скандальных слухов, но ни одно из них не было таким скандальным и позорящим, как истории, распространившиеся по этому поводу за рубежом. Они достигли подходящей кульминации в анонимном письме Сильвио Савелли, опубликованном в Германии, которое в то время, следует иметь в виду, было крайне враждебно настроено по отношению к папе, с желчью взирая на его постоянно растущую власть, и, возможно, вызвало невыразимый взрыв ядовитой ярости со стороны альянса благородных Эсте, столь ценного для Чезаре тем, что дало ему друга на границе его владений в Романье.

Ужасающая публикация, которая полностью приводится в Burchard, была фиктивно датирована 25 ноября, когда Гонсола де Кордоба находился в испанском лагере в Таранто. Копия этого анонимного памфлета, представляющего собой самую жестокую атаку на Борджиа, когда-либо написанную, возможно, самое страшное обвинение против любой семьи, когда-либо опубликованное, - памфлета, который Грегоровиус без колебаний называет “подлинным документом о римском государстве при Борджиа”, — попала в руки кардинала Модены, который в последний день года передал его папе.

Прежде чем рассматривать это письмо, неплохо бы обратиться к записям в дневнике Берчарда под датами 27 октября и 11 ноября того же года. Вы найдете два утверждения, которым нет

параллели во всем остальном дневнике, мало параллелей в любом трезвом изложении фактов. Здравомыслящий разум должен отшатнуться и закрыться перед ними, настолько невозможным кажется их принятие.

Первое из них — это рассказ об ужине, устроенном Чезаре в Ватикане для пятидесяти куртизанок, - рассказ, который, возможно, навел распутного регента Орлеанского на мысль о его адамских праздниках пару столетий спустя.

Бурхард рассказывает нам, как для развлечения Чезаре, папы римского и Лукреции эти пятьдесят куртизанок были отправлены танцевать после ужина со слугами и некоторыми другими присутствующими, сначала одетыми, а потом и не так. Он рисует для нас картину, изображающую этих пятьдесят женщин на четвереньках, во всей их пластической наготе, борющихся за каштаны, которые бросают им в той комнате Апостольского дворца наместник Христа — семидесятилетний старик - его сын и его дочь. И это ни в коем случае не все. Есть гораздо худшее, за чем следует следить, — вопрос, который мы не осмеливаемся переводить, но должны более или менее благоразумно замаскировать в декадентской латыни Caerimoniarius:

“Tandem exposita dona ultima, diploides de serico, paria caligarum, bireta ed alia pro illis qui pluries dictas meretrices carnaliter agnoscerent; que fuerunt ibidem in aula publice carnaliter tractate arbitrio presentium, dona distributa victoribus.”

Такова чудовищная история!

Грегоровиус, защищая Лукрецию Борджиа, отказывается верить, что она присутствовала при этом; но он не хочет продолжать свое недоверие дальше.

“Какая-нибудь оргия такого рода, - пишет он, - или что-то подобное вполне могло иметь место. Но кто поверит, что Лукреция, уже законная жена Альфонсо д'Эсте и накануне отъезда в Феррару, могла присутствовать в качестве улыбающегося зрителя?”

Совершенно верно. Грегоровиус сразу указывает пальцем на одно из очевидных слабых мест этой истории. Но там, где есть одна ложь, обычно есть и другие; и если мы не хотим верить, что Лукреция присутствовала, почему нас должны просить поверить в присутствие папы римского? Если Берчард ошибся в одном, то почему он не мог ошибиться в другом? Но вопрос на самом деле не в том, кто, по вашему мнению, присутствовал при этом невыразимом представлении, а скорее в том, сможете ли вы заставить себя поверить, что оно когда-либо имело место, как об этом рассказывается в Дневнике.

Заметьте, Грегоровиус говорит: “Какая-нибудь оргия такого рода или что-то подобное вполне могло иметь место”. Мы могли бы поверить, что Чезаре устроил “какую-то оргию такого рода”. У него были апартаменты в Ватикане, и если вас шокирует мысль о том, что ему и его джентльменам доставляло удовольствие веселиться, угощая стайку римских шлюх, то вы — если цените справедливость — должны быть шокированы скорее the times, чем самим человеком. Чувство юмора Чинквеченто было примитивным, а в примитивном юморе похоть всегда играла важную роль, что заметно в литературе и комедиях той эпохи. Если вы хотите оценить это в полной мере, рассмотрите подробности Бурхарда о масках, которые носили на карнавале некоторые весельчаки (“Венерунт на плато Святого Петри ларвати ... обитатели насосов легких и grossосов в форме приапорума”), и вы должны понять, что в поведении Чезаре

в этом вопросе не было бы ничего столь уж ненормального с точки зрения Чинквеченто, даже если бы оно соответствовало деталям, приведенным Бурхардом.

Но даже в этом случае вы будете колебаться, прежде чем принять историю об этих сатурналиях во всей ее полноте и прежде чем поверите, что семидесятилетний старик, священник и наместник Христа, присутствовал вместе с Чезаре и его друзьями. Берчард не говорит, что он сам был свидетелем того, о чем он рассказывает. Но этот вопрос сейчас будет дополнительно рассмотрен.

Тем временем давайте перейдем ко второй из этих записей в дневнике и (немаловажная деталь) на следующей странице под датой 11 ноября. В нем рассказывается, что некие крестьяне въехали в Рим через Виридаринские ворота, ведя за собой двух кобыл, нагруженных бревнами; что, когда они пересекали площадь Святого Петра, несколько слуг папы выбежали и перерезали веревки, чтобы бревна ослабли и животные освободились от своей ноши; затем их отвели во внутренний двор за пределами дворца, где на них натянули четырех жеребцов. "Восхождение равноценно и гармонично с точки зрения силы тяжести", - в то время как папа римский, стоя у окна над дверным проемом Дворца вместе с мадонной Лукрецией, с большим смехом и восторгом наблюдал за представлением, которое, как предполагается, было устроено специально для их развлечения.

Невероятность сатурналий пятидесяти куртизанок меркнет перед почти полной невозможностью этого повествования. Чтобы сделать это возможным в случае двух случайных животных, какими они должны были быть при соответствующих обстоятельствах, требуется биологическое совпадение, настолько маловероятное и невероятное, что мы сразу же склоняемся к тому, чтобы отнестись к этой истории с презрением и отвергнуть ее как вымысел. И все же ни один из тех многочисленных авторов, которые пересказывали эту историю из "Дневника" Берчарда как истину, неоспоримую, как Евангелия, не задумался над этим — настолько мы ослеплены, когда речь идет о принятии того, что мы желаем принять.

Повествование тоже странно—подозрительно-обстоятельное, вплоть до незначительной детали о конкретных воротах, через которые крестьяне въезжали в Рим. В художественном произведении совершенно естественно дополнять такие незначительные детали до конца, чтобы картина была полной; но они редко встречаются в повествовании о фактах. И можно задаться вопросом, как получилось, что Церемониймейстер Ватикана узнал точные ворота, через которые вошли эти крестьяне. Как мы видели, это не единственный случай, когда избыток деталей в вопросе о воротах ставит под сомнение точность рассказа Берчарда.

Оба эти вопроса занимают видное место в Письме Сильвио Савелли. Действительно, Грегоровиус цитирует брошюру как один из авторитетов в поддержку Берчарда и для того, чтобы показать, что написанное Берчардом должно было быть правдой; другой авторитет, на который он ссылается, — это Матараццо, игнорируя не только замечательное расхождение между отношениями Матараццо и Берчарда, но и то обстоятельство, что тема этой брошюры стала популярной по всей Италии, и что именно так — и только так - Матараццо узнал о скандале.⁽¹⁾

1 Частота, с которой немецкий историк ссылается на Матараццо как на авторитет, странно непоследовательна, учитывая, что, когда он считает, что история Матараццо об убийстве герцога

Гандийского опровергает теорию, которую предпочитает сам Грегоровиус, возлагая вину на Джованни Сфорца, он посвящает некоторое место тому, чтобы показать — с полной справедливостью — что Матараццо вообще не авторитет.

Письмо Сильвио Савелли начинается с поздравления его с побегом из рук грабителей, лишивших его имущества, и с тем, что он нашел убежище в Германии при дворе императора. Далее вызывает удивление, что оттуда он написал письма папе римскому с мольбами о справедливости и восстановлении в должности, его удивляет доверчивость Савелли, полагающего, что папа — “предатель рода человеческого, который провел свою жизнь в предательстве” — когда-либо совершит что-либо справедливое, кроме как с помощью страха или силы. Скорее автор предлагает использовать другие методы; он призывает Савелли довести до сведения императора и всех князей Империи ужасные преступления этих “гнусных диких зверей”, которые были совершены в знак неуважения к Богу и религии. Затем он переходит к рассказу об этих преступлениях. Александр, Чезаре и Лукреция, среди прочих членов семьи Борджиа, несут свою долю грозных обвинений. О папе рассказывают о вероломстве, симонии и изнасилованиях; против Лукреции выдвигаются обвинения в ее кровосмешении, ужине пятидесяти куртизанок и сцене с жеребцами; против Чезаре — смерть Бизелли, убийство Педро Кальдеса, разорение Романьи, откуда он изгнал законных сеньоров, и всеобщий страх, в котором он находится.

Это, действительно, сборник всех историй, которые из Милана, Неаполя и Венеции — трех государств, где Борджиа по очевидным причинам ненавидят больше всего, — были распространены их врагами, и более жестокое произведение ярости и политической злобы никогда не было произнесено. Эта злоба становится особенно очевидной в обвинительном акте Чезаре в разорении Романьи. Что бы ни сделал Чезаре, он этого не сделал — его самый яростный недоброжелатель не мог (не солгав намеренно) сказать, что Романья под его влиянием получала что-то иное, кроме выгоды. Это не вопрос мнения, не вопрос вывода. Это вопрос абсолютного факта и неопровержимого знания.

Возвращаясь теперь к двум записям в “Дневнике” Берчарда, если рассматривать их в сочетании с Письмом Сильвио Савелли (которое Берчард цитирует полностью), примечательно, что нигде больше в обнаруженных трудах абсолютных современников нет ни малейшего упоминания ни об одной из этих скандальных историй. Дело о жеребцах, например, должно было носить довольно публичный характер. Скандальный Рим не мог устоять перед распространением этого. Тем не менее, кроме письма Савелли, не было обнаружено ни единой записи, подтверждающей слова Берчарда.

Более того, следует помнить, что в это время обручение Лукреции с Альфонсо д'Эсте уже было совершено; приготовления к ее отъезду и свадьбе шли полным ходом, и в Риме ежедневно ожидался эскорт из Феррары. Если Лукреция никогда не была осмотнительной, она должна быть осмотнительной сейчас, когда взоры Италии были прикованы к ней, и не было недостатка в тех, кто был бы рад помешать браку — предмету, без сомнения, рассматриваемой нами брошюры. И все же все, что было написано Ферраре, было восхвалением ее доброты и скромности, ее благоразумия, ее набожности и осмотнительности, как мы сейчас увидим.

Если из этого мы должны заключить — что кажется разумным, — что в Риме не распространялись слухи об ужине куртизанок и остальном, мы можем предположить, что в Риме не знали о подобных вещах; ибо со знанием молчание было бы невозможно. Учитывая все это, возникает вопрос о том, имел ли автор Письма Сильвио Савелли доступ к дневнику Берчарда для получения его фактов, или же Берчард воспользовался Письмом Сильвио Савелли для компиляции этих конкретных записей. Поскольку о первом варианте не может быть и речи, остается последний — если только не исключено, что указанные записи попали в копии “Дневника” и отсутствуют в оригинале, который недоступен.

Эта теория интерполяции, предварительно выдвинутая, оправдана, по крайней мере до некоторой степени, следующими примечательными обстоятельствами: две такие записи, не имеющие, как мы уже говорили, абсолютно никакой параллели во всем Дневнике, должны были почти сразу следовать одна за другой; и что Берчард пересказал их холодно, без упреков или комментариев любого рода — крайне неестественная сдержанность для автора, который однажды на Пасху дал волю своему негодованию, увидев Лукрецию и ее фрейлин на хорах собора Святого Петра, где никогда не сидели женщины.

Папа прочитал анонимную клевету, когда она была представлена ему кардиналом Модены, — прочитал, высмеял ее и отнесся к ней с презрением, которого она заслуживала, но с презрением, которое, учитывая ее природу, требует определенного величия ума.

Если клевета была правдой, то почти невероятно, что он не попытался отомстить за нее, поскольку уродливая правда, как известно, причиняет боль и вызывает негодование в гораздо большей степени, чем ложь. Чезаре, однако, не отличался таким долготерпением, как его отец. Он уже натерпелся достаточно клеветы и пасквилей. В начале декабря был схвачен человек в маске — неаполитанец по имени Манчиони, — который ездил по Риму, распространяя против себя гнусности, и с ним поступили так, что в будущем он не должен был ни говорить, ни писать что-либо, порочащее кого бы то ни было. Ему вырезали язык и отрубили правую руку, а руку с языком, прикрепленным к мизинцу, повесили на виду у всех и в назидание из окна церкви Святого Креста.

И ближе к концу января, когда ярость Чезаре по поводу этой брошюры из Германии все еще не утихла, в Риме был схвачен венецианец за то, что перевел с греческого на латынь очередную клевету на папу и его сына. Венецианский посол вмешался, чтобы спасти негодяя, но его вмешательство было тщетным. Клеветник был казнен той же ночью.

Костабили, посол Феррары, который беседовал с папой по поводу этой казни, сообщил, что его Святейшество сказал, что он не раз говорил герцогу, что Рим — свободный город, в котором любой волен говорить или писать все, что ему заблагорассудится; что о нем самом тоже говорили много плохого, но он не обращал на это внимания.

“ Герцог, ” продолжал Александр, “ добродушен, но он еще не научился сносить оскорбления. И добавил, что Чезаре, раздраженный, возразил, что “Как бы ни привыкал Рим говорить и писать, со своей стороны я преподам этим клеветникам урок хороших манер”.

Урок, который он задумал, был не из тех, ради которых им стоило жить.

ГЛАВА XII. ТРЕТИЙ БРАК ЛУКРЕЦИИ

Примерно в то же время, когда Бурхард делал в своем Дневнике записи, которые так грубо отзываются о папе и Лукреции, Джанлука Поцци, посол Феррары в Ватикане, писал следующее письмо своему хозяину, герцогу Эрколе, избранному тестю Лукреции:

“Сегодня вечером, после ужина, я сопровождал мессера Херардо Сарачени, чтобы посетить Преосвященную мадонну Лукрецию от имени вашего превосходительства и Преосвященнейшего дона Альфонсо. Мы вступили в долгую дискуссию, затрагивающую различные вопросы. По правде говоря, она показала себя благоразумной, сдержанной и добродушной леди”.⁽¹⁾

1 См. "Лукрецию Борджиа" Грегоровиуса.

Красивый, атлетически сложенный кардинал Ипполито д'Эсте вместе со своими братьями Сигизмондо и Фернандо прибыли в Рим 23 декабря с внушительным эскортом, который должен был сопровождать невесту их брата Альфонсо обратно в Феррару.

Чезаре выделялся оказанным им приемом. Пожалуй, никогда еще он не демонстрировал себя так ярко, как в тот раз, когда выехал навстречу Феррарезе в сопровождении не менее 4000 латников и верхом на огромном боевом коне, чья попона из золотой ткани и драгоценных камней оценивалась в 10 000 дукатов.

Последующие дни и ночи, вплоть до отъезда Лукреции две недели спустя, были днями и ночами веселья в Ватикане; на банкетах, танцах, представлении комедий, маскарадов и т. Д. Время проводилось настолько приятно, насколько это было возможно для гостей из Феррары, и во всем Чезаре выделялся либо изяществом и задором, с которыми он танцевал по вечерам, либо мастерством и отвагой, которые он демонстрировал в ежедневных рыцарских поединках и развлечениях, и особенно в корриде. борьба, которая была включена в них.

Лукреция была щедро одарена в размере, по предварительным оценкам, 300 000 дукатов, из которых 100 000 дукатов были вложены в золото, ее драгоценности и экипировку, а также стоимость замков Пьеве и Ченто. Ее отъезд из Рима состоялся 6 января, и поэтому она исчезает из этой хроники, которая, в конце концов, мало касалась ее.

Подробности о чести, оказанной ей повсюду во время поездки в Феррару, приведены в другом месте, в частности, в книге герра Грегоровиуса, посвященной ее истории и реабилитации. В конце концов, настоящая Лукреция Борджиа занимает сравнительно небольшое место в реальной истории своего дома. Именно в вымыслах, касающихся ее семьи, ей придается такое незавидное значение и она представлена как Менада, отравительница и даже хуже. В действительности, во время своей жизни в Риме она предстает перед нами довольно инфантильной, наивной и совершенно пассивной фигурой, значимой лишь постольку,

поскольку она нашла работу у своего отца или брата для достижения их высоких амбиций и беспринципных целей.

В народном воображении она живет главным образом как ужасная отравительница, ужасающая художница по отравлению. Примечательно, что это было так, поскольку даже скандал того времени не наводит на мысль о том, что она была связана — прямо или даже косвенно — с единственным случаем отравления. Несомненно, эта популярная концепция полностью обязана своим появлением драме Виктора Гюго.

Ее жизнь, проведенная вдали от Рима и поселившаяся в Ферраре на двадцать втором году жизни, чтобы вскоре стать ее герцогиней, хорошо известна и не подлежит сомнению. Архивы государства, которым она управляла, показывают, что она была набожной, богобоязненной и любимой при жизни и глубоко оплакивалась после смерти скорбящим мужем и скорбящим народом. Ни малейшее намек на скандал не коснулось ее с того момента, как она покинула скандальную среду Папского двора.

Чезаре продолжил работу в Ватикане и после ее отъезда. Его герцогиня должна была приехать в Рим на Пасху 1502 года, и было решено, что дамы и джентльмены, которые отправились в качестве почетного эскорта с Лукрецией, должны отправиться — после того, как оставят ее в Ферраре - в Ломбардию, чтобы выполнить аналогичную миссию Шарлотты д'Альбре, и, встретив ее там, сопроводить в Рим. Она приехала со своим братом, кардиналом Аманье д'Альбре, и привезла с собой маленькую дочь Чезаре, Луизу де Валентинуа, которой сейчас исполнилось два года. Но герцогиня в последний момент заболела и не смогла отправиться в путешествие, о котором кардинал д'Альбре сообщил в Рим, куда прибыл 7 февраля.

Десять дней спустя Чезаре вместе с отцом отправился в Пьомбино, для чего в Чивита-Веккья их ожидали шесть галеонов под командованием Лодовико Моска, капитана папского флота. На них папа и его сын отправились осматривать место последнего присоединения к постоянно растущим владениям Чезаре.

Они высадились в Пьомбино 21 февраля и совершили торжественный въезд в город, папу торжественно пронесли в Sedia Gestatoria под балдахином в сопровождении шести кардиналов и шести певчих из Сикстинской капеллы, в то время как Чезаре сопровождали несколько его приближенных.

Они пробыли четыре дня в Пьомбино, откуда переправились на Эльбу, чтобы распорядиться о возведении там двух крепостей — дело, скорее всего, порученное Леонардо да Винчи, который продолжал находиться в свите герцога в качестве архитектора и инженера.

1 марта они сели на корабль, чтобы вернуться в Рим; но их задержала в море на пять дней буря, которая, по-видимому, подвергла опасности суда. Папа находился на борту капитанской галеры со своими придворными кардиналами и слугами, и когда шторм и неминуемая опасность довели их до состояния крайнего ужаса, папа — этот семидесятиоднолетний старик — сидел спокойный и бесстрашный, время от времени крестясь и произнося имя Иисуса и ободряя самих матросов не только словами, но и своим примером.

В Пьомбино Чезаре оставил Микеле да Кореллу своим губернатором. Этот Корелла был пехотным капитаном, солдатом удачи, который с первых дней военной карьеры Чезаре следил за состоянием герцога — того самого человека, который, как утверждается, задушил Альфонсо

Арагонского по приказу Чезаре. Обычно предполагается, что он был испанцем и обычно обозначается как Микелотто, или Дон Мигель; но Алвизи предполагает, что он, судя по его имени Корелла, был венецианцем, и он говорит нам, что своей верностью Чезаре и беспрекословным выполнением приказов своего хозяина он заслужил — как это общеизвестно — сильную ненависть. О нем действительно говорили как о "проклятом" Чезаре Борджиа; но это чисто романтический штрих, сродни тому, который дал такое же название отцу Ришелье Жозефу.

В это время Романьей от имени Чезаре Борджиа управлял Рамиро де Лоркуа, который с ноября прошлого года занимал должность губернатора в дополнение к званию генерал-лейтенанта, которое он получил ранее. Его власть в Романье теперь была абсолютной, все остальные офицеры Чезаре, даже сами казначеи, подчинялись ему.

Это был мужчина лет пятидесяти, жестокий и властный, которого все боялись, и вершитель сурового правосудия, достоинством которого была, по крайней мере, беспристрастность, не принимавшая во внимание личности.

Бернарди дает нам пример сурового, бескомпромиссного, безжалостного характера этого человека. 29 января 1502 года в Фаэнце были повешены двое злоумышленников. Веревка, на которой был подвешен один из них, порвалась, когда парень был жив, и толпа, в которую он упал, сначала умоляла о пощаде для него, затем, движимые жалостью, люди решили спасти его, несмотря на представителей правосудия, которые требовали его выдачи. Помешав его поимке, толпа утащила его в церковь Червити. Лейтенант Фаэнцы пришел потребовать выдачи преступника, но приор отказал ему, заявив, что предоставит ему убежище.

Но дни убежища миновали, и законы того времени гласили, что любая церковь или освященное место, в которых укрывался преступник, *ipso facto* должны были считаться неосвященными его преследователями, и, более того, что любой священнослужитель, укрывающий такого беглеца, делал это под угрозой отлучения от своего епископа. Этот закон Рамиро считал своим долгом привести в исполнение, когда в Имолу ему сообщили о случившемся.

Он немедленно прибыл в Фаэнцу и, силой заставив приора выдать человека, которого тот приютил, во второй раз повесил негодяя на окне дворца подесты. В то же время он вырвал из рук офицеров нескольких человек, которые, как предполагалось, были зачинщиками спасения парня, и заставил граждан Фаэнцы пойти на компромисс ради спасения их жизней, заплатив штраф в размере 10 000 дукатов, дав им месяц на то, чтобы найти деньги.

Фаентини отправили своих посланников к Рамиро, чтобы заступиться за него; но этот суровый человек отказался даже предоставить им аудиенцию, что было хорошо для них, поскольку, как следствие, Совет отправил послов в Рим, чтобы передать дело Святейшеству папы и герцогу Валентинуа вместе с петицией о снятии штрафа — петиция, которая была с готовностью удовлетворена.

Однако, каким бы суровым ни было правление Рамиро, оно было благотворным, сама его суровость была необходима в провинции, где беззаконие стало привычкой на протяжении поколений плохого правления. Под властью Чезаре перемены уже были заметны. За два года его правления — если считать с самого начала — Романья уже превратилась из бурлящего ада раздоров, беспорядков и преступлений — организованного разбоя и убийств — в могущественное государство, законопослушное и упорядоченное, где человеческая жизнь и

личное имущество находили ревностную защиту, и где те, кто нарушал мир, встречались с правосудием, которое никогда не смягчалось милосердием.

Там требовалась сильная рука, и герцог, знающий толк в инструментах для своей работы, правил Романьей и подавлял ее волнения железной рукой Рамиро де Лоркуа.

Также под патронажем Валентинуа в Италии появился первый сколько-нибудь значимый печатный станок. Он был основан в Фано Джироламо Санчино в 1501 году и положил начало выпуску достойных книг. Одной из самых ранних предпринятых работ (по словам Алвизи) было печатание Устава Фано в первый раз в январе 1502 года. И Совет, гражданский и церковный, одобрил, что Санчино должен взяться за печатание Устава “*Ad perpetuam memoriam Illmi. Domini nostri Ducis.*”

ГЛАВА XIII. УРБИНО И КАМЕРИНО

Вполне возможно, что примерно в это время Чезаре, чьи амбиции росли — как растут амбиции мужчин, когда их удовлетворяют, — рассматривал возможность объединения Центральной Италии в королевство, корону которого он хотел бы принять.

Это был план, в обдумывании которого его поощрял Вителлоццо Вителли, который, без сомнения, предполагал, что его осуществление повлечет за собой разрушение Флоренции — это было все, о чем заботился Вителли. То, что для Чезаре было бы не более чем средством, для Вителли было бы наиболее удовлетворительной целью.

Однако, прежде чем зайти так далеко, необходимо было завершить работу по подчинению Церковных государств, поскольку об этом нельзя было говорить до тех пор, пока Урбино, Камерино и Синигалья не окажутся под властью Борджиа.

К этому, без сомнения, Чезаре стремился во время Пасхи 1502 года, которую он провел в Риме и во время которой с юга донеслись первые раскаты военной бури, ареной которой злополучный Неаполь снова - в третий раз за десять лет — стал. Вчерашние союзники превратились в сегодняшних антагонистов, и Франция и Испания были готовы вцепиться друг другу в глотки из-за раздела добычи вследствие некоторых неверных определений этого вопроса в Гранадском договоре. Французский вице-король Луи д'Арманьяк и великий испанский полководец Гонсало де Кордоба были на грани драки.

Угроза беспорядков не ограничивалась только Неаполем. Во Флоренции тоже горел факел войны, и если — как он впоследствии клялся — Чезаре Борджиа не приложил руки к его разжиганию, то, по крайней мере, нельзя отрицать, что он самодовольно наблюдал за пожаром, сознавая, что это послужит достижению его собственных целей. Кроме того, оставался еще такой маленький вопрос, как мирный договор в Форно-деи-Кампи между Чезаре и Флоренцией,

договор, который синьория так и не выполнила и никогда не собиралась выполнять, а Чезаре был не из тех, кто забывает, как его одурачили.

Если бы не защита Франции, которой она пользовалась, Флоренция задолго до этого была бы призвана им к ответу и полностью разрушена под тяжестью его закованной в кольчугу руки. Как бы то ни было, ей предстояло испытать боль от его пассивного негодования и обнаружить, что это гораздо больше, чем она могла вынести.

Вителлоццо Вителли, этот мстительный зачинщик, первоначальным мотивом союза которого с Чезаре была надежда, что герцог поможет ему заставить Флоренцию искупить вину его брата, обнаружив, что Чезаре отказал в ожидаемой помощи, в конце концов решил сам разобраться с Флоренцией. Он вступил в заговор с изгнанным Пьеро де Медичи, чтобы вернуть последнему его власть; он плел интриги в Пизе, где его влияние было огромным, и в Сиене, чей тиран Пандольфо Петруччи был готов претворять в жизнь свои замыслы, и вообще поднял такой переполох в Тоскане, что синьория серьезно встревожилась.

Чезаре, конечно, не принимал в этом деле никакого видимого активного участия. Он не оказал Вителли никакой помощи, но и не пытался удержать его или кого-либо другого из кондотьеров Борджиа, которые были с ним в союзе.

Беспорядки, которые некоторое время угрюмо разрастались, внезапно вспыхнули в Ареццо 4 июня, когда на улицах раздались крики “Медичи!” и “Марцокко!”, возвещавшие о том, что город поднял оружие против правительства Флоренции. Вслед за этим Ареццо вызвал Вителли, и ожидающий, бдительный кондотьеро быстро откликнулся на желанный вызов. Он вошел в город три дня спустя во главе небольшого пешего отряда, и вскоре за ним последовал его брат Джулио Вителли, епископ Читта-ди-Кастелло, с артиллерией, а вскоре и Джанпаоло Бальони с конным отрядом кондотье.

Несколько дней спустя Вителли овладел всеми укреплениями Валь-ди-Кьяна, и охваченная паникой Флоренция по горячим следам отправила послов в Рим, чтобы изложить свои жалобы по этим вопросам папе.

Александр смог ответить, что он вовсе не поддерживал воюющие стороны, а направил против них Буллу, спровоцированную отравлением епископа де Пацци.

Чезаре наблюдал за происходящим с тем непостижимым спокойствием, которым, по мнению Макиавелли, он вскоре был так примечателен. Сознывая, что Флоренция пользуется покровительством Франции и может на него ссылаться, он понимал, насколько тщетными в конечном счете должны оказаться усилия Вителли, и, возможно, видел во всем этом серьезную опасность окончательного разорения, которой подвергался Вителли. И все же поступок Вителли служил собственным целям Чезаре, а чтобы его цели были достигнуты, не было никаких других соображений, которые могли бы взвесить этого холодного эгоиста. Позволить Вителли запутаться в сетях, которые он плел, и захлебнуться в них. Тем временем Флоренция терзалась, и все это было к удовлетворению и выгоде Чезаре. Когда Республика будет достаточно унижена, вполне может случиться, что она встанет на колени, чтобы умолять его вмешаться и простить за то, что пренебрегла им.

Пока дела обстояли таким образом в Ареццо, Пиза спонтанно встала на сторону Чезаре и отправила (10 июня) послание, чтобы предложить себя его владычеству и объявить ему, что его знамя уже развевается на ее башнях — и рост тревоги Флоренции по этому поводу легко понять.

Для Чезаре это, должно быть, было сильным искушением. Согласиться на такую резиденцию в Тоскане, какую ему сейчас предлагали, было бы первым большим шагом к созданию королевства его мечты. Импульсивный человек, несомненно, заглотил наживку. Но Чезаре, безграничный в смелости, самый быстрый в принятии решений и действиях, не был импульсивным. Холодный рассудок, дальновидность и расчет были опорой его неукротимой воли. Он смотрел вперед в вопросе предложения Пизы и понимал опасность, которая могла ожидать его в случае принятия. Время для этого еще не пришло. Принять то, что предлагала Пиза, могло повлечь за собой оскорбление Франции, и хотя теперь Чезаре мог обойтись без поддержки Франции, он ни в коем случае не собирался сопротивляться ее противодействию.

Итак, вопрос был рассмотрен и решен, и 12-го числа Чезаре покинул Рим, предоставив папе дать ответ пизанским посланникам на Консистории от 14 июня - что ни его Святейшество, ни герцог Валентинуа не могут согласиться с предложениями Пизы.

Из Рима Чезаре быстро направился в Сполето, где стояла лагерем его армия численностью около десяти тысяч человек. В конце концов он решил завоевать Камерино и, будучи всегдооппортунистом, воспользовался моментом, когда Флоренция, которая могла бы быть расположена подружиться с Варано, тираном Камерино, была слишком занята своими собственными делами.

В дополнение к мощной армии, ожидавшей его в Сполето, у герцога было еще 2000 человек в Романье; еще 1000 человек находились по его приказу между Синигальей и Урбино, а Диониджио ди Нальдо вооружал еще 1000 человек в Веруккьо для его службы. Чтобы еще больше увеличить эти силы, Чезаре во время своего краткого пребывания в Сполето издал указ, предписывающий каждому дому в Романье предоставить ему по одному воину.

Именно здесь — как он впоследствии написал папе римскому — до него дошла весть о том, что Гвидобальдо да Монтефельтре, герцог Урбино, вооружает людей и собирает средства для помощи Камерино. Он написал, что сначала не мог в это поверить, но вскоре после этого — в Фолиньи — он встретился с канцлером Камерино, который признал, что все надежды этого государства были основаны на помощи Урбино; а позже, когда в его руки попал гонец из Урбино, он узнал, что готовится заговор с целью захвата артиллерии Борджиа, когда она будет проходить через Угубио, поскольку Чезаре ничего не подозревал, орудия будут охраняться лишь небольшим отрядом. По поводу этого предательства герцог решительно выразил свое возмущение в своем письме папе римскому.

Было ли это правдой - или Чезаре верил, что это правда, — невозможно установить с абсолютной уверенностью. Но в высшей степени маловероятно, что Чезаре написал бы такое письмо своему отцу исключительно под предлогом. Если бы это было его единственной целью, письма, выражающие его наигранное негодование, лучше послужили бы его целям, если бы были адресованы другим.

Если Гвидобальдо действительно совершил такой поступок, приравненный к предательству, Чезаре, безусловно, заплатил ему натурой и с процентами. Если раньше у герцога не было

предлога вторгнуться с обнаженным мечом во владения Гвидобальдо, то теперь у него был такой предлог в этом акте вражды против него самого и Святого Престола.

Однако сначала он приготовился к нападению на Камерино. Этим государством, расположенным на восточных отрогах Апеннин, на полпути между Сполето и Урбино, правил Джулио Чезаре Варано, старый семидесятилетний боевой пес, безжалостный и кровожадный, который был обязан своим тронм убийству собственного брата.

В правлении его тирании ему помогали четверо сыновей: Венанцио, Аннибале, Пьетро и Джанмария.

Чезаре Борджиа уже несколько раз угрожал ему, поскольку он был одним из викариев, объявленных вне закона за неуплату дани, причитающейся Святому Престолу, и наконец его час пробил. Теперь Чезаре направил против него армию под командованием Франческо Орсини, герцога Гравины, и Оливеротто Эуфредуччи, другого кровожадного джентльмена, который до сих пор служил герцогу в кондотье Вителли и который, совершив чудовищный акт бесчестия и разбоя, стал сеньором Фермо, который он якобы — будучи столь же хитрым, сколь и кровожадным — занимал викарием Святого Престола.

Этот Оливеротто Эуфредуччи, в дальнейшем известный как Оливеротто да Фермо, был племянником Джованни Фоглиано, сеньора Фермо. Он вернулся домой, ко двору своего дяди, в начале того же года, и был там принят с большим почетом и любовью Фоглиано и другими егородственниками. Чтобы отпраздновать свое возвращение домой, Оливеротто пригласил своего дядю и знатных граждан Фермо на банкет, а за столом умудрился перевести разговор на папу римского и герцога Валентинуа; после чего, сказав, что эти вопросы следует обсудить наедине, он встал из-за стола и попросил их удалиться с ним в другую комнату.

Ничего не подозревая — что мог заподозрить старый Фоглиано в человеке, которого так любили и который был по уши у него в долгу? — они последовали за ним в комнату, где он тайно разместил тело своих воинов. Там, как только дверь за этим дядей и теми другими, кто проявлял к нему столько привязанности, закрылась, он подал сигнал к запланированной бойне. Его солдаты напали на этих бедных, застигнутых врасплох жертв его жадности и положили быстрый и кровавый конец всему.

Когда этот первый и главный шаг был сделан, Оливеротто вскочил на коня и, собрав вокруг себя своих воинов, проехал через Фермо, намереваясь разделить тех, кто еще мог остаться в живых из родственников и друзей Фоглиано. Среди них были Раффаэле делла Ровере и двое его детей, один из которых был бесчеловечно убит на коленях матери.

После этого он конфисковал в своих личных целях имущество тех, кого он убил, и тех, кому повезло больше, кто избежал рук его мясника. Он распустил существующий Совет и заменил его своим собственным правительством. После чего, чтобы укрыться от последствий, он отправил сообщение папе римскому о том, что считает Фермо викарием Церкви.

В то время как часть его армии шла маршем на Камерино, Чезаре, вооруженный предлогом для свержения Гвидобальдо, намеренно и с помощью тщательно разработанной стратегии предпринял захват Урбино. В этом не может быть особых сомнений. Хитрость этого плана сомнительного рода, если рассматривать его с точки зрения современных представлений, поскольку военная хитрость была не более чем актом низкого предательства. И все же, чтобы

даже в этом случае вам не грозила опасность судить о Чезаре Борджиа по стандартам, которые неприменимы к его эпохе, вам не мешало бы учесть, что нет недостатка в доказательствах того, что пятнадцатый век приветствовал это дело как хитроумный ход.

Гвидобальдо да Монтефельтре был хорошим принцем. Никто во всей Италии не был так любим своим народом, к которому он относился с добрым, отеческим дружелюбием. Он был культурным, образованным человеком, покровителем искусств, наиболее счастливым в великолепной библиотеке Урбинского дворца. К несчастью, у него не было наследника, что подвергло его владения опасности раздела между соседними алчными тиранами после его смерти. Чтобы избежать этого, он усыновил Франческо Марию делла Ровере, наследственного префекта Синигалы, ребенка своей сестры и племянника кардинала Джулиано делла Ровере. В усыновлении были мудрость и предусмотрительность, учитывая благосклонность, которой пользовался могущественный кардинал в Риме и во Франции.

Из Ночеры Чезаре отправил Гвидобальдо сообщение, рассчитанное на то, чтобы развеять любое беспокойство, которое тот, возможно, испытывал, и полностью сбить его с толку. Герцог уведомил его, что он направляется на Камерино — что было одновременно правдой и неправдой — и попросил Гвидобальдо помочь ему в этом предприятии, отправив провизию в Губбио, куда он должен был прибыть завтра, поскольку шел через Кальи и Сассоферрато. Далее — и, очевидно, с намерением, чтобы герцог Урбинский сократил имеющиеся в его распоряжении силы, — он пожелал, чтобы Гвидобальдо прислал Вителли поддержку в тысячу человек, о которой последний ранее просил, но которую Гвидобальдо отказался предоставить без приказа папы римского. Чезаре завершил свое письмо заверениями в братской любви — поцелуем Иуды, который делает его ненавистным для нас в этом деле.

Все это очень обнадежило Гвидобальдо, который успокоился и даже не подумал подумать о своей защите, когда из Ночеры Чезаре сделал одно из тех внезапных движений, ужасных по своей стремительности, как прыжок тигра, позволивший ему вонзить когти туда, где меньше всего ожидали. Оставив весь свой багаж и запас провизии всего на три дня, он форсированным маршем привел свои войска в Кальи, в штате Урбино, и овладел им почти до того, как жители города заметили его присутствие.

Только после того, как захваченная врасплох цитадель оказалась в руках Чезаре, гонец поспешил к Гвидобальдо с неприятной вестью о том, что герцог Валентинуа вооружен и является врагом на его территории. Вместе с этим сообщением другие пришли в сад монастыря Сокколанти — излюбленного курорта Гвидобальдо, — где он предавался своему обычному ужину в прохладе летнего вечера. Они принесли ему известие, что, пока Валентинуа наступал на него с юга, силы численностью в 1000 человек двинулись на Урбино со стороны Изола—ди-Фано на востоке и вдвое больше - через перевалы Сант-Анджело и Веруккьо на севере - и все это направлялось к его столице.

Нападение было тщательно спланировано и рассчитано по времени, и если что—то и может оправдать предательство, с помощью которого Гвидобальдо был убаюкан своей ложной безопасностью, так это то обстоятельство, что при таком поведении дела удалось избежать кровопролития - обстоятельство не совсем незначительное, и оно всегда было частью политики Чезаре Борджиа, за исключением случаев, когда требовалось наказание или репрессии.

Гвидобальдо, видя, что его окружают сразу со всех сторон, и будучи совершенно не готовым к сопротивлению, понял, что ему не остается ничего, кроме бегства; и в ту же ночь он поспешно покинул Урбино, взяв с собой мальчика Франческо Марию и намереваясь сначала укрыться в своем замке Святого Льва — крепости, которая была практически неприступна. Но было уже слишком поздно. Как обнаружил Гвидобальдо на рассвете, ведущие туда проходы были уже в руках врага. После этого, изменив свои планы, он отправил мальчика и нескольких его слуг в Баньо, а сам, переодевшись крестьянином, отправился в горы, несмотря на мучившую его подагру. Таким образом, он завоевал Равенну, которая быстро становилась домом для свергнутых принцев.

Тем временем Урбино, ни в коем случае не желая сопротивляться, послал своего кастеляна встретиться с Чезаре и сдаться ему, о чем Чезаре в уже упомянутом письме сообщает папе, извиняясь за то, что предпринял это без ведома папы, но что “предательство, совершенное против меня Гвидобальдо, было настолько огромным, что я не мог этого вынести”.

Через несколько часов после бегства бедняги Гвидобальдо Чезаре поселили в великолепном дворце Урбино, чья огромная библиотека была чудом для всех ученых того времени. Большую часть этого, вместе со многими художественными ценностями, собранными Монтефельтри, Чезаре вскоре после этого начал переправлять в Чезену.

В дополнение к изданию эдикта против грабежей и насилия в городе Урбино, Чезаре вдвойне убедился, что ничего подобного не должно произойти, отправив своих солдат разбить лагерь в Ферминьяно, оставив при себе в Урбино только своих вооруженных людей. Столица была взята, остальная часть герцогства была готова сдаться, все крепости объявили о своем подчинении Чезаре, за исключением почти неприступного замка Сан-Лео, который капитулировал только после значительного сопротивления.

Теперь из Урбино Чезаре вступил в сношения с флорентийцами и попросил прислать представителя для заключения с ним соглашения. В ответ на эту просьбу Республика направила к нему епископа Содерини в качестве своего посла. Последний прибыл в Урбино 25 июня и был немедленно и очень сердечно принят герцогом. С ним в качестве подчиненного секретаря прибыл худощавый человек с маленькой головой и плотно сжатыми губами, с широко расставленными умными глазами и выступающими скулами — некий Никколо Макиавелли, которому в нынешних стесненных обстоятельствах и при сравнительно малоизвестных обстоятельствах была уготована бессмертная слава. Так Макиавелли впервые встретился с Чезаре Борджиа, и, несмотря на то, что у нас нет записей об этом, не подлежит сомнению, что его изучение этого замечательного человека началось тогда, в Урбино, и будет продолжено вскоре, как мы увидим, когда Макиавелли сам вернется к нему в качестве посла.

Содерини герцог изложил свое справедливое недовольство, основанное на несоблюдении флорентийцами мирного договора в Форно-деи-Кампи; он потребовал, чтобы был составлен новый мирный договор взамен нарушенного и чтобы для этой цели Флоренция сменила свое правительство, поскольку после того, что произошло, он не мог доверять правящему правительству. Он отрицал всякую причастность к делу Вителли, но откровенно заявил, что рад этому, поскольку это, без сомнения, заставило Флоренцию понять, к чему привело то, что она не сохранила ему верность. В заключение он заверил Содерини, что, поскольку он их друг, флорентийцам нечего опасаться чьего-либо посягательства; но он умолял Республику заявить о

себе в этом вопросе, поскольку, если она не хочет видеть его своим другом, она, конечно, вольна сделать из него своего врага.

Чезаре Борджиа произвел на Содерини такое впечатление, что в тот же вечер он написал синьории:

“Этот господин очень величествен и блистателен, и он так воодушевлен в ратных подвигах, что нет ничего более великого, чем то, что должно казаться ему ничтожным. В погоне за славой и приобретением владений он никогда не отдыхает и не знает ни опасности, ни усталости. Он движется так быстро, что достигает места прежде, чем становится известно, что он туда отправился. Он знает, как завоевать любовь своих солдат, и у него на службе лучшие люди Италии. Все это делает его победоносным и грозным, и к этому еще предстоит добавить его неизменную удачу. Он утверждает, - продолжает флорентийский посланник, - с такой веской причиной, что спорить с ним было бы долгим занятием, ибо его остроумие и красноречие никогда его не подводят” (*“dello ingegno e della lingua si vale quanto vuole”*).

Вы должны помнить, что это почтение - одно из немногих сохранившихся впечатлений человека, который лично общался с Чезаре, и, более того, человека, представляющего Правительство, более или менее враждебное ему, у которого, следовательно, не было бы причин рисовать о нем благоприятный портрет в интересах этого правительства. Одна—единственная страница такого свидетельства стоит дюжины томов спекуляций и выводов, сделанных впоследствии людьми, которые никогда его не знали, - во многих случаях людьми, которые так и не начали знакомиться с его эпохой.

В заключение посланник сообщает синьории, что у него есть заверения герцога в том, что последний и не думал пытаться лишить Флоренцию каких-либо ее владений, поскольку “целью его кампании было не тиранство, а искоренение тиранов”.

Пока Чезаре ожидал ответа флорентийцев на сообщение их посла, он удалился в лагерь в Ферминьяно, где 6 июля его разыскал вестник Людовика XII. Этот гонец прибыл, чтобы увещевать Чезаре не предпринимать никаких действий против Флорентийской республики, потому что оскорбить Флоренцию означало бы оскорбить Величество Франции. Однако одновременно Флоренция получила послания от кардинала д'Амбуаза, в которых предлагалось примириться с Валентинуа, уступив ему хотя бы часть того, что было согласовано в Договоре Форно-деи-Кампи.

Как следствие, Содерини смог сообщить Чезаре, что Республика готова вести с ним переговоры, но сначала он должен отозвать Вителли из Ареццо и заставить его сдать захваченные крепости. Герцог, не доверяя — как он откровенно признавал — правительству, которое однажды уже разуверилось в нем, и понимая, что, если он свистом прикажет своим боевым псам подчиняться, как его просили, он потеряет преимущества своего положения, отказался предпринимать какие-либо подобные шаги до тех пор, пока не будет заключен мирный договор. Однако он согласился тем временем обеспечить соблюдение перемирия.

Но теперь случилось так, что до Флоренции дошла весть о наступлении Людовика XII с армией в 20 000 человек, направляющейся в Неаполь для урегулирования спора с Испанией. Поэтому Республика — хитрая и вероломная, как любое другое итальянское правительство эпохи Чинквеченто, — поручила Содерини тянуть время с герцогом; проводить дни в любезных, безрезультатных беседах и обсуждении условий, на которые синьория не собиралась идти.

Таким образом, они рассчитывали выиграть время, пока прибытие французов не положит конец беспорядкам, вызванным Вителли, и необходимости в каком-либо компромиссе.

Но Чезаре, хотя и был вынужден подчиниться, не был одурачен плавными, уклончивыми методами Содерини. Он тоже, имея частные источники информации во Франции, был проинформирован о наступлении французов и о неминуемой опасности для него самого в связи с событиями во Флоренции. И он не удивился, когда 19 июля Содерини пришел попрощаться с ним, уведомленный синьорией, что французский авангард уже близко и что, следовательно, переговоры теперь можно безопасно прекратить.

Чтобы утешить его, на следующий день он получил известие о завоевании Камерино.

Семидесятилетний Джулио Чезаре Варано оказал решительное сопротивление силам Борджиа, после чего отправил двух своих сыновей Пьетро и Джанмарию в Венецию за помощью. Именно в надежде на эту запрошенную помощь он решил защищать свою тиранию, и война началась кавалерийской стычкой, в которой Венанцио Варано разгромил конницу Борджиа под командованием герцога Гравины. Однако после этого варани пришлось выдержать осаду, и старая история об осадах Романьи повторилась. Варано в прошлом нанес своим подданным слишком много оскорблений, и теперь расплату должны были объявить его подданные.

Сильная фракция, возглавляемая патрицианским юношей из Камерино, потребовала сдачи государства и, получив сопротивление, взялась за оружие и открыла ворота войскам Валентинуа. Трое варани были взяты в плен. Старый Джулио Чезаре был заперт в замке Пергола, где вскоре после этого скончался, что не было чем—то удивительным или противоестественным в его возрасте и не оправдывает Гвиччардини за необоснованное заявление о том, что он был задушен. Венанцио и Аннибале были заключены в крепость Каттолика.

В связи с этой капитуляцией Камерино Чезаре написал следующее нежное письмо своей сестре Лукреции, которая была опасно больна в Ферраре после родов мертворожденного ребенка:

“Самая Прославленная и Превосходнейшая Леди, наша очень дорогая Сестра, — Уверенные в том обстоятельстве, что не может быть более эффективного и спасительного лекарства от недомогания, от которого вы в настоящее время страдаете, чем сообщение хороших и радостных новостей, мы сообщаем вам, что в этот самый момент мы получили достоверное известие о поимке Камерино. Мы просим вас оказать честь этому сообщению немедленным улучшением и сообщить нам об этом, потому что, как бы нам ни было неприятно знать, что вы так больны, ничто, даже это счастливое событие, не может доставить нам удовольствия. Мы также убедительно просим вас передать этот подарок прославленному сеньору дону Альфонсо, вашему мужу и нашему любимому шурину, которому мы сегодня не пишем”.

ГЛАВА XIV. ВОССТАНИЕ КОНДОТЬЕРОВ

Совпадение прибытия французской армии с завоеванием Урбино и Камерино и волнениями в Тоскане привело к добавлению еще одного к тому непрерывному потоку слухов, которые циркулировали по Италии относительно Борджиа. На этот раз зависть и злоба, которые всегда провоцируются успехом и властью, озвучили в слухах то, на что надеялись, и последовала такая прелестная комедия, какую вы найдете на страницах истории.

Ходили слухи, что Людовик XII, возмущенный и недоверчивый ростом могущества Чезаре, которое привело к ослаблению Франции в Италии и стало угрозой французским владениям, пришел покончить с ним. Двор Людовика в Милане мгновенно заполнили все, кого Чезаре оскорбил, — и к настоящему времени они составляли приличную толпу, ибо человек не может так быстро подняться до такого высокого положения, не нажив богатого урожая врагов.

Тем временем, однако, Валентинуа во дворце Монтефельтре в Урбино оставался чрезвычайно непринужденным. Он был не из тех, кто лишен разума. В свите Людовика находился Франческо Троше, доверенный камергер папы Римского и преданный слуга Чезаре, который, обладая информацией, мог точно сообщить Валентинуа о намерениях короля Франции. Поняв из этих советов, что Людовик хотел, чтобы флорентийцев больше не беспокоили, и, естественно, стремясь не идти вразрез с намерениями короля, Чезаре понял, что время действовать пришло, время пассивности в делах Флоренции подошло к концу.

Поэтому он отправил посланника к Вителли, приказав немедленно эвакуировать Ареццо и отступить со своими войсками из Тосканы, и подкрепил приказ угрозой принудить Вителли силой оружия и наказать за неповиновение лишением его штата Читта—ди-Кастелло - “дело, - сообщил ему Чезаре, - которое будет легко выполнено, поскольку лучшие люди этого штата уже предложили мне себя”.

Это был приказ, которому у Вителли не было иного выбора, кроме как подчиниться, поскольку у него не было достаточных сил, чтобы противостоять герцогу. Итак, 29 июля вместе с Джанпаоло Бальони он отказался от владения Ареццо и уехал из Тосканы, как ему было велено. Но он был так разгневан на герцога за это вмешательство между ним и его местью и так свободно высказывался по этому поводу, что сразу же стало известно, что он намерен выступить против Чезаре.

И это первый намек на восстание кондотьеров.

Объявив этот свой интердикт, Чезаре 25 июля в одежде рыцаря ордена Святого Иоанна Иерусалимского и всего с четырьмя сопровождающими тайно отбыл из Урбино, чтобы направиться в Милан к королю Людовику. На следующее утро он остановился в Форли, чтобы сменить лошадей, а 28-го добрался до Феррары, где задержался на пару часов, чтобы навестить Лукрецию, которая сейчас выздоравливала. Перед этим он отправил курьера в Милан, чтобы сообщить о своем приезде, и в сопровождении Альфонсо д'Эсте продолжил свое путешествие.

Тем временем в Милане с каждым днем увеличивалось число врагов Чезаре, которые направлялись туда, чтобы поддержать Людовика и излить свою ненависть к Чезаре и свои

обиды на него. Там, среди прочих, можно было увидеть герцога Урбино, Пьетро Варано (одного из сыновей свергнутого сеньора Камерино), Джованни Сфорца из Пезаро и Франческо Гонзагу из Мантуи — последний всегда был готов повернуться в любую сторону, куда дул ветер, и теперь громче всех обличал Чезаре и горячо выступал за создание лиги против него.

Людовик получил известие о приезде Чезаре и — наделенный, очевидно, хорошим чувством юмора -держал это в секрете в течение нескольких часов после фактического прибытия герцога. Утром 5 августа, по словам Бернарди, (1) он прошептал эту информацию на ухо Тривульцио - и прошептал достаточно громко, чтобы ее услышали те придворные, которые стояли ближе всех.

1 Cronache Forlivesi.

Какую бы проверку ни получило тогда их удовлетворение предполагаемым положением вещей, несколько часов спустя, когда они стали свидетелями приветствия, состоявшегося между королем и герцогом, их чувства были ничтожны. Под их встревоженными взглядами Людовик выехал навстречу своему гостю и оказал ему радостный и дружеский прием, обратившись к нему как к “кузену” и “дорогому родственнику”, чем, без сомнения, вселил смуту в сердца придворных, которые вполне могли посчитать, что, возможно, они выразились слишком свободно.

Людовик лично проводил Валентинуа в апартаменты, приготовленные для него в Миланском замке, а на следующий день устроил банкет и распорядился устроить веселье в честь своего гостя.

Представьте себе чувства этих свергнутых тиранов и их друзей и внезапный крах надежд, которые, по их мнению, внушал король. Конечно, они сделали единственное, что можно было сделать. Они поспешно распрощались и разошлись каждый своей дорогой — все, кроме Гонзаги, которого король оставил у себя, чтобы он мог помириться с Чезаре и завязать с ним дружбу, дружбу, которая тут же укрепилась помолвкой их малолетних детей: маленького Франческо Гонзаги и двухлетней Луизы де Валентинуа, дочери, которую Чезаре никогда не видел и которой никогда не суждено было увидеть.

В интересах Валентинуа действовали два фактора — предстоящая война в Неаполе с испанцами, которая побудила Людовика захотеть быть в хороших отношениях с папой римским; и стремление друга и советника Людовика, кардинала д'Амбуаза, носить тиару, которое побудило этого прелата захотеть быть в хороших отношениях с самим Чезаре, поскольку воля последнего в вопросе избрания папы преемником его отца должна быть всемогущей перед Священной коллегией.

Поэтому, чтобы в конце концов послужить своим интересам, и король, и кардинал тем временем служили интересам Чезаре.

Визит герцога Валентинуа в Милан усилил гнев Вителли, который считал, что этим поступком Чезаре навлек на него немилость короля Франции; и Вителли воскликнул, что таким образом он отплатил за то, что пытался сделать Чезаре королем Тосканы. Свирепый тиран Читта-ди-Кастелло был так возмущен, что не поехал ухаживать за Людовиком, и еще больше разозлился, услышав о теплом приеме, оказанном в Милане кардиналу Орсини. В этом он прочел одобрение

Орсини за то, что тот придерживался нейтралитета во флорентийских делах, и, как следствие, неодобрение самого себя.

Прежде чем обвинять Валентинуа в предательстве по отношению к своим кондотьерам, прежде чем говорить, что он переложил вину за тосканское дело на плечи своих капитанов, было бы неплохо убедиться, что можно было переложить какую—либо вину - то есть любую вину, которая изначально должна была пасть на Чезаре. Конечно, он не предпринимал никаких попыток удержать Вителли до тех пор, пока не прибыл король Франции и у него не появилась секретная информация, которая заставила его счесть целесообразным вмешаться. Но какой толк до этого момента был бы от такого мстительного и одержимого одной идеей человека, кроме вооруженного вмешательства, и каким дураком не был бы Чезаре, если бы потратил свои силы на битву со своими кондотьерами с целью подружиться с народом, который никогда не проявлял себя иначе, как его собственными врагами?

Как законченный эгоист, каким он и был, он сидел на заборе и получал удовольствие от зрелища травли его врагов его друзьями, готовый пожинать любые возможные выгоды, но в равной степени готовый избегать любых неудобств.

В этом не было ни героизма, ни благородства, но это было чрезвычайно человечно.

Чезаре был с королем Франции в Генуе в конце августа и оставался в его свите до 2 сентября, когда, наконец, распрощался с ним. Услышав о его отъезде от двора Людовика, его многочисленные враги испытали почти такое же огорчение, как и то, которое было вызвано у них его отъездом туда. Ибо в последнее время они утешали себя свежими слухами; и снова они верили тому, во что им нравилось верить. Как вы понимаете, в слухах, касающихся семьи Борджиа, никогда не было недостатка, и, возможно, вы начинаете оценивать эти голоса народа по их надлежащей ценности и понимать ценность многих из тех, что были забальзамированы как истины в непреходящих записях.

Этот последний утверждал, что Людовик намеренно держал Чезаре при себе и намеревался в конечном итоге увезти его во Францию и таким образом положить конец беспорядкам, которые герцог создавал в Италии. Каким бы утешением это не стало для тех итальянских князьков, на чью гибель он воевал! И можно ли удивляться, что они с такой готовностью поверили и распространили то, на что так нежно надеялись? Своей оценкой этого вы можете измерить новое разочарование, которое постигло их.

Как теперь выяснилось, они действительно ошибались настолько, что Людовик действительно, наконец, снял свою защиту с Болоньи по настоянию Чезаре и папы римского. Перед тем, как герцог покинул двор короля Людовика, последний заключил с ним договор о поставке ему трехсот копий: “Для защиты Валентинуа от трех центовых копий для лидера, завоевывающего Болонью, нома Эглиза и противников Урсинов, байонов и Вителоззе”.

Это был век двурушничества, и отношение Луи к этому делу вполне соответствовало ему. Чувствуя, что обязан Болонье кое-что объяснить, он вскоре прислал на редкость неубедительное письмо Клода де Сейсселя. Он заявил, что лично Бентивольи находятся под его защитой не в меньшей степени, чем до сих пор, но что условия защиты предусматривают, что она предоставляется исключительно правам и авторитету Священного Римского престола над Болоньей и что король не может ссориться с папой. С таким уклончивым сообщением месье де Сейссель отправился, чтобы совершенно ясно дать понять Бентивольи, в чем заключается его

позиция. И вслед за этим, 2 сентября, последовало папское предписание, в котором Бентивольи и двум его сыновьям предписывалось предстать перед понтификом в течение пятнадцати дней с целью рассмотрения с его Святейшеством вопроса об умиротворении и улучшении управления Болоньей, которая на протяжении стольких лет была такой беспорядочной и беспокойной. Таким образом, вызов папы римского сопровождался угрозой, которая была слишком тонко завуалирована.

Но Бентивольи не был застигнут врасплох. Он даже не удивился. С момента отъезда Чезаре из Рима прошлой весной он не допускал такой возможности — укреплял Болонью, возводил внешние укрепления и бастионы за городом, набирал и вооружал людей, и во всем этом он в значительной степени зависел от горожан и особенно от художественной гильдии, которая была предана Дому Бентивольи.

Сильнее привязанности к своему господину, которая, по общему мнению, была не слишком велика в Болонье, была глубоко укоренившаяся ненависть болонцев к духовенству. Именно это сплотило вокруг Бентивольи таких людей, как Филено делла Туате, которые на самом деле ненавидели его. Но для Филено и многих его подчиненных это был выбор из двух зол. Ненавидя правящий дом и возмущаясь творимой им несправедливостью, они еще больше ненавидели священников — настолько сильно, что готовы были встать на сторону самого сатаны против понтификалов. В таком духе они направили свои мечи в Бентивольи.

На дворянство Бентивольи не мог рассчитывать — меньше, чем когда-либо после хладнокровного убийства Марескотти; но в приверженности бюргеров он считал себя в безопасности, и действительно, 17 сентября у него были некоторые свидетельства этого.

В этот день — двухнедельная отсрочка истекла — доклад был снова зачитан в Реджименто, но принять какую-либо резолюцию было невозможно. Народ был вооружен и с огромным негодованием заявил, что они не позволят Джованни Бентивольи или его сыновьям отправиться в Рим, чтобы они не оказались в опасности, покинув свое собственное государство.

В то время Италия была полна слухов о предполагаемом наступлении Чезаре на Болонью, и добавлялось, что он намеревался, кроме того, стать хозяином Читта-ди-Кастелло и Перуджи и таким образом, лишив их тирании, наказать Вителли и Бальони за их дезертирство.

Это было естественным результатом того, что стали известны условия договора Чезаре с Францией; но та его часть, которая касалась Орсини, Вителли и Бальони, была чисто предварительной. Учитывая, что эти кондотьеры теперь были не в ладах с Чезаре, они могли бы счесть целесообразным считать себя связанными с Бентивольи Виллафонтанским мирным договором, подписанным Вителли и Орсини от имени герцога во время капитуляции Кастель-Болоньезе. Они могли бы проигнорировать тот факт, что этот договор уже был нарушен самим Бентивольи из-за невыполнения его условий, и отказаться возбуждать против него уголовное дело по просьбе Валентинуа.

Именно на такой случай, как этот, был предусмотрен пункт о них в договоре Чезаре с Людовиком.

Орсини все еще находились на службе герцога, командовали войсками, набранными для него и оплачиваемыми им, и, учитывая, что с ними у Чезаре не было ссор, ни в коем случае не ясно, почему они должны были перейти на сторону союза кондотьеров, который теперь

формировался против герцога. Однако присоединиться к нему они все же присоединились. Они тоже были подписаны Вильяфонтанским мирным договором; но то, что они считали себя связанными им, было бы — если бы они настаивали на этом — скорее предлогом, чем причиной. Но они выбрали предлог еще более тонкий. Они сообщили, что в Милане Людовик XII сказал кардиналу Орсини, что папа намеревался уничтожить Орсини.

Чтобы принять такое утверждение за истину, нам пришлось бы поверить в нелояльность и двурушничество со стороны Людовика XII, которые совершенно невероятны. С какой целью он должен, с одной стороны, привлекать в помощь Чезаре 300 копейщиков для “угнетения” Орсини — в случае необходимости, и среди прочих, — в то время как, с другой стороны, он идет к Орсини с историей, которую они ему приписывают? Какой подлой, вероломной, неучливой фигурой он не должен стать в результате! Возможно, он был — мы знаем, конечно, что он — не более склонен к двойным делам, чем любое другое Cinquecentist; но он был, наверное, непрочь были найдены в подлости и сделаны, чтобы выглядеть презренно, как и любой двурушник нашего времени. Это соображение стоит переварить.

Когда слух об истории, распространенной Орсини, дошел до папы, он решительно опроверг это обвинение и сообщил венецианскому послу, что написал письмо, чтобы пожаловаться на это королю Франции, и что, хотя это далеко не так, Чезаре был настолько предан Орсини, что был “больше Орсини, чем Борджиа”.

Далее стоит учитывать, что дезертирство Орсини не было ни немедленным, ни спонтанным, как, несомненно, было бы, если бы история была правдивой. Только Бальони и Вителли впервые встретились, чтобы составить заговор в Тоди, заявить, что они не выступят против своего союзника Болоньи, и выразить надежду, что им удастся склонить Орсини к тому же мнению. Они преуспели настолько хорошо, что вторая встреча состоялась в Маджоне — месте, принадлежащем могущественному кардиналу Орсини, расположенном недалеко от крепости Бальони в Перудже. Вителлоццо перенесли туда на кровати, он был настолько поражен галлической болезнью, которая в Италии поражала большинство правителей, светских и церковных, что не мог ходить.

Присутствовали Джентиле и Джанпаоло Бальони, кардинал Джанбаттиста Орсини, Франческо Орсини, герцог Гравина, Паоло Орсини, внебрачный сын архиепископа Трани, Пандольфо Петруччи - сеньор Сиены - и Гермес Бентивольи. Последний, склонный к прямым методам убийства, с помощью которых он избавил Болонью от Марескотти, как говорят, заявил, что убил бы Чезаре Борджиа, если бы у него была такая возможность, в то время как Вителли торжественно поклялся, что в течение года убьет или захватит герцога в плен, или же выгонит его из Италии.

Из этого будет видно, что сейм Маджоне был не просто оборонительным союзом, а фактически наступательным, целью которого было уничтожение Чезаре Борджиа.

У них, безусловно, была сила для выполнения своих решений, поскольку в то время как у Чезаре в тот момент было не более 2500 пеших, 300 латников и 100 копейщиков из его патрицианской гвардии Цезаря, у конфедератов было около 9000 пеших и 1000 конных. Сознвая свое превосходство в силах, они решили нанести удар немедленно, прежде чем Чезаре получит дальнейшую поддержку французских копий, и обезопасить его, атаковав со всех сторон

одновременно. С этой целью было решено, что Бентивольи немедленно выступит на Имолу, где находился Чезаре, в то время как остальные одновременно овладеют Урбино и Пезаро.

Они даже обратились по этому вопросу к Флоренции и Венеции, пригласив республики вступить в лигу против Валентинуа.

Флорентийцы, однако, не могли доверять таким своим собственным врагам, как Вителли и Орсини, и не осмеливались участвовать в предприятии, которое имело целью развязать войну против союзника Франции; и они послали известие Чезаре о своей решимости не вступать в какие-либо заговоры против него.

Венецианцы с радостью двинулись бы на то, чтобы сокрушить человека, который вырвал Романью из-под их алчных глаз; но ввиду союза с Францией они не осмелились. Они делали то, на что осмеливались. Они подробно написали Людовику о бедствиях, постигших Италию от рук герцога Валентинуа, и о бесчестии французской короны, которое постигло Людовика в его союзе с Чезаре Борджиа. Они даже зашли так далеко — и весьма вероломно, учитывая чемпионат, — что позволили своему знаменитому капитану Бартоломео д'Альвиано вернуть Гвидобальдо в Урбино, как мы сейчас увидим.

Если бы конфедераты сохранили веру друг в друга, вскоре прозвучал бы похоронный звон по Чезаре. Но это была безвольная кучка предателей, нерешительных как во вражде, так и в дружбе. Орсини держались позади. Они настаивали на том, что не доверяют себе нападать на Чезаре с людьми, фактически находящимися на его жалованье; в то время как Бентивольи — вероломный по натуре до мозга костей - на самом деле зашел так далеко, что попытался начать секретные переговоры с Чезаре через Эрколе д'Эсте из Феррары.

ГЛАВА XV. МИССИЯ МАКИАВЕЛЛИ

2 октября известия о восстании кондотьеров и сейме Маджоне достигли Ватикана и вызвали у папы беспокойство. Чезаре, однако, сообщили об этом незадолго до этого в Имоле, где он ожидал французских копейщиков, которые должны были позволить ему совершить набег на Болонцев и вытеснить бентивольи.

Там, где другой был бы парализован дезертирством, оставившим его почти без армии, и взял бы курс на отправку послов к повстанцам, чтобы попытаться выдвинуть условия и путем уступок уладить мирный процесс, Чезаре, со свойственной ему храбростью, уверенностью и быстротой действий, раскидал офицеров со всех сторон, чтобы набрать для него свежие войска.

Его великолепная репутация кондотьера, слава о его богатстве и пресловутой щедрости сослужили ему теперь отличную службу. Отклик на его призыв последовал мгновенно. Солдаты удачи и наемники демонстрировали доверие, которое они питали к нему, и стекались под его

знамена со всех сторон. Одним из первых прибыл Гаспаро Сансеверино, известный как Фракасса, очень известный кондотьер, находившийся на папской службе с момента избрания папы Александра. Он был ценным приобретением для Чезаре, который назначил его командующим кавалерией. Другим был Лодовико Пико делла Мирандола, который привел небольшую кондотту из 60 копий и 60 легкой кавалерии. Раньери делла Сассетта въехал во главе 100 конных арбалистов, а Франческо де Луна - с отрядом из 50 аркебузирова.(1)

1 Аркебуза, хотя и существовала в Италии почти столетие, только-только вошла в обиход.

Валентинуа отправил Раффаэле деи Пацци и Галеотто Паллавичини, одного в Ломбардию, чтобы завербовать 1000 гасконцев, другого - набрать отряд швейцарских наемников. И все же, в конце концов, это были всего лишь дополнительные силы; главная сила новой армии Чезаре заключалась в войсках, собранных в Романье, которые, верные ему и уверенные в его силе и успехе, присоединились к нему сейчас, в час нужды. Не может быть более красноречивого свидетельства качества его правления, чем это. Командовать этими романьольскими войсками он поставил таких романьольских капитанов, как Диониджио ди Нальдо и Маркантонио да Фано, тем самым еще раз доказав свою мудрость, предоставив этим солдатам их соотечественников и людей, с которыми они симпатизировали своим лидерам.

Он действовал с такой быстротой и влияние его имени было таково, что уже к 14 октября он собрал армию численностью свыше 6000 человек, которую его офицеры усердно обучали в Имоле, в то время как теперь ежедневно ожидалось французские копья и швейцарские и гасконские наемники, которых он послал набирать.

Вполне возможно, что это заставило союзников задуматься и подсказало им пересмотреть свою позицию и спросить себя, не упустила ли возможность сокрушить Чезаре, пока они стояли в нерешительности.

Именно Пандольфо Петруччи сделал первый шаг к примирению, сообщив Валентинуа, что в его намерения не входит предпринимать какие-либо меры, которые могли бы вызвать недовольство его превосходительства. Его Превосходительство, несомненно, улыбнулся бы этому запоздалому заверению воробья в адрес ястреба. Затем, несколько дней спустя, пришло известие, что Джулио Орсини заключил соглашение с папой Римским. Это, по-видимому, нанесло конфедерации смертельный удар, и Паоло Орсини уже собирался отправиться на поиски Чезаре в Имолу, чтобы договориться с ним — что, безусловно, положило бы конец восстанию, — когда внезапно произошло событие, которое склонило чашу весов в другую сторону.

Люди Чезаре проводили какие-то работы в замке Святого Льва, внутри которого возводилась новая стена. Для этих целей в замок из окрестностей привозили огромные тюки древесины. Несколько крестьян во главе с неким Бризио, который был оруженосцем Гвидобальдо, воспользовались этим обстоятельством, чтобы хитростью захватить замок. Притащив несколько больших массивов древесины и срубленных деревьев, они сложили их вдоль подъемного моста таким образом, чтобы предотвратить его подъем. После этого против крепости была направлена мощная атака. Это место, естественная защита которого делала его практически неприступным, было лишь слегка укомплектовано людьми; будучи застигнутым врасплох и неспособным поднять мост, оно было бессильно оказать какое-либо сопротивление,

так что крестьяне Монтефельтре, перебив всех солдат Борджиа из гарнизона, овладели им и удерживали его для герцога Гвидобальдо.

Этот захват Святого Льва был подобен искре, от которой загорелся поезд. Мгновенно отважные горцы Урбино взялись за оружие, чтобы отвоевать для него герцогство Гвидобальдо. Крепость за крепостью попадали в их руки, пока они не оказались в самом Урбино. Они быстро расправились с немногочисленными защитниками столицы, бросили губернатора Чезаре в тюрьму и, наконец, овладели цитаделью.

Именно известие об этом заставило конфедератов снова сделать паузу. Прежде чем заявить о себе, они ждали, какие действия предпримет Венеция, а пока искали убежища за заявлением о том, что они солдаты Церкви и ничего не сделают против воли понтифика. Они были уверены, что Венеция подружится с Гвидобальдо и поможет ему вернуться на трон теперь, когда его собственный народ так много сделал для достижения этой цели. Оставалось, однако, выяснить, подружится ли Венеция в то же время с Пезаро и Римини.

Немедленно Чезаре Борджиа— которого одолевали серьезные сомнения относительно венецианцев, принял свои меры. Он приказал Бартоломео да Капранике, который командовал его войсками в Урбино, отступить к Римини со всеми своими отрядами, в то время как в Пезаро герцог отправил Микеле да Кореллу и Рамиро де Лоркуа.

Это было напряженное время боевых действий с герцогом в Имоле, и все же, среди всех забот, которые, должно быть, доставило ему оснащение новой армии, он все же нашел время для дипломатических мер и, воспользовавшись выраженным дружелюбием Флоренции, в ответ попросил синьорию прислать посланника для переговоров с ним. Флоренция отреагировала, направив в качестве своего представителя того самого Никколо Макиавелли, который ранее сопровождал Содерини с аналогичной миссией в Валентинуа и который тем временем был повышен до звания государственного секретаря.

Макиавелли оставил нам в своих депешах своему правительству самую ценную информацию о том периоде истории Чезаре Борджиа, в течение которого он находился с герцогом по делам его дипломатической миссии. Макиавелли предоставляет нам не только редкое свидетельство очевидца, но и свидетельство, как мы уже говорили, человека, наделенного исключительной проницательностью и экстраординарным даром психологического анализа. Единственный ясный и несомненный вывод, который можно сделать не только из этих депеш, но и из более поздних трудов флорентийского секретаря, заключается в том, что, находясь в тесном контакте с Чезаре Борджиа, критическим свидетелем его методов, он проникся к нему безграничным восхищением, которое позже нашло свое наиболее полное выражение в его бессмертной книге "Принц" — книге, помните, составленной в качестве руководства по управлению Джулиано де Медичи, слабоумному брату папы Льва X, книге, вдохновленной Чезаре Борджиа, образцовым принцем, которого считают все. Макиавелли для подражания.

Служит ли какой-либо цели перед лицом этой работы, вышедшей из—под пера признанного изобретателя государственного ремесла, описание завоевания Романьи Чезаре с помощью уничижительных эпитетов и огульных заявлений осуждения - заявлений, тщательно сохраняемых в общих чертах и никогда не допускающих углубления в детали, которые могли бы разрушить их собственные цели и разоблачить их ложь?

Грегоровиус в этой связи так же полон противоречий, как и любой другой человек, который не отсеивает истину и строго не следует ей в своих трудах. Рассмотрим следующие скрупулезно переведенные выдержки из его книги "История города":

(а) "Чезаре покинул Рим, чтобы возобновить свою кровавую работу в Романье".

(б) "... ужасные деяния, совершенные Чезаре по обе стороны Апеннин. Он принимает облик ангела-истребителя и совершает такие адские беззакония, что мы можем только содрогаться при мысли о том зле, на которое способна человеческая природа".

А теперь, прошу вас, рассмотрите и сравните с ними следующий отрывок со следующей страницы того же монументального труда:

"Перед ним [Чезаре] трепетали города; магистраты падали ниц в пыль; льстивые придворные превозносили его до звезд. Тем не менее, нельзя отрицать, что его правительство было энергичным и хорошим; впервые Романья наслаждалась миром и избавилась от своих вампиров. От имени Чезаре правосудие вершил Антонио ди Монте Сансовино, президент Руоты Чезены, человек, всеми любимый".

Создается впечатление, что истина выскользнула наружу почти неожиданно, поскольку первый период вряд ли кажется логичной прелюдией ко второму, который в значительной степени противоречит ей. Если правительство Чезаре было настолько хорошим, что Романья наконец обрела мир и избавилась от своих вампиров, почему города трепетали перед ним? Кстати, ни в одной из хроник завоеванных государств, все без исключения восхваляющих Чезаре как своего освободителя, нет свидетельств подобного трепета. Почему, если его держали в таком ужасе, город за городом — как мы видели — спонтанно отдавались под власть Чезаре?

Но чтобы опровергнуть эти утверждения Грегоровиуса, вряд ли есть необходимость ставить эти вопросы; достаточно того, что сам Грегоровиус опровергает их. Люди, восхвалявшие Чезаре, как сообщает нам историк, были придворными-льстецами. Но что удивительного в том, что его хвалили, если его правительство было так хорошо, как признает Грегоровиус? Что было неестественного в этой похвале? Что настолько неправдиво, чтобы заслужить прозвище подхалима? И по какому праву историк отвергает как подхалимов писателей, восхваляющих человека, в то же время принимая каждое слово его хулителей за слова вдохновенных евангелистов, даже когда их ложь настолько очевидна, что вызывает насмешки вдумчивых и аналитических людей?

Как указывает Л'Эспинуа в своем мастерском эссе для *Revue des Questions Historiques*, Грегоровиус отказывается признавать в Чезаре Борджиа Мессию объединенной Центральной Италии, но рассматривает его просто как авантюриста высокого полета; в то время как Виллари в своей книге "Жизнь и времена Макиавелли" прямо говорит вам, что Чезаре Борджиа не был ни государственным деятелем, ни солдатом, а был разбойничьим вождем.

Это всего лишь слова, а произнести слова легче, чем сделать их хорошими.

"Авантюрист высокого полета" или "главарь разбойников", любыми средствами, если вам угодно. Кем, как не авантюристом высокого полета был резчик по дереву Муцио Аттендоло, основатель герцогского дома Сфорца? Кем, как не авантюристом высокого полета был граф

Генрих Бургундский, основавший королевство Португалия? Кем еще был нормандский бастард Вильгельм, завоевавший Англию? Кем еще был артиллерийский офицер Наполеон Бонапарт, ставший императором Франции? Кем еще был основатель какой-либо династии, как не авантюристом высокого полета — или главарем разбойников, если мелодраматический термин более пленяет ваше воображение?

Эти термины используются для того, чтобы принизить Чезаре. Однако они достигают лишь того, что принижают тех, кто их написал; ибо, даже несмотря на то, что они правдивы, удивительно то, что все замечательное в этих истинах, по-видимому, ускользнуло от этих авторов.

То, что еще утверждает Грегоровиус — что Чезаре не был Мессией Объединенной Италии — достаточно верно. Чезаре был Мессией Чезаре. Благополучие Италии само по себе волновало его не столько, сколько благополучие лошади, на которой он ехал. Он действовал ради собственного возвеличивания — но действовал мудро; и, хотя поставленная цель заслуживает порицания не больше, чем честолубие любого человека, использованные средства в высшей степени заслуживают похвалы, поскольку благополучие Романьи, которое не было целью, было, тем не менее, важным и достойным похвалы событием.

Когда будет показано, что все остальные завоеватели, оставившие в истории героические следы, были чистейшими альтруистами, настанет время проклясть Чезаре Борджиа за его эгоизм.

То, что Виллари говорит с целью придать риторической силы своему “главарю разбойников” — что Чезаре не был ни государственным деятелем, ни солдатом, — полностью перекликается с остальной частью главы, в которой это происходит (1) — главы, богатой огульными неточностями, касающимися Чезаре. Но поразительно найти это утверждение в таком месте, среди писем Макиавелли о Чезаре, дышащее очевидным и глубоким восхищением талантами герцога как политика и солдата — восхищением, которое позже опасно приблизится к богослужению. Для Макиавелли Чезаре - воплощение туманного идеала, что в изобилии показано в “Принце”. Для Виллари примирение всего этого со своими собственными взглядами должно казаться невозможным. И это невозможно; и все же Виллари достигает этого с дерзостью, от которой у вас перехватывает дыхание.

1 В книге Никколо Макиавелли.

Нет, — практически говорит он вам, - этот Макиавелли, который ежедневно видел Чезаре и разговаривал с ним в течение двух месяцев (и в критический период, когда люди лучше всего раскрывают свою натуру), этот проникательный флорентинец — возможно, самый проникательный человек своего времени, — который изучал и анализировал Чезаре, отправил своему правительству результаты своих анализов и позже вдохновился ими на написание “Принца” — этот человек не знал Чезаре Борджиа. Он писал не о самом Чезаре, а о творении своего собственного интеллекта.

Именно это и делает Виллари. Макиавелли, представитель недружелюбной в глубине души державы под маской расчетливого дружелюбия, его разум уже отравлен всеми слухами, ходящими по Италии, приезжает с этой миссией в Валентинуа. Флоренс, которая так же боится и ненавидит Валентинуа, как и она сама, несомненно, получила бы удовольствие от клеветнических советов. Другие послы, особенно венецианские, потворствуют пожеланиям

своих правительств в этом отношении, сознавая, что в клевете есть подхалимство, по сравнению с которым обычное подхалимство лести — как вода к вину; они старательно передают домой каждый обрывок непристойных или скандальных слухов, которые им удастся услышать в римских приемных, какими бы маловероятными, неподтвержденными или не касающимися бизнеса посла.

Но Макиавелли в присутствии Чезаре Борджиа испытывает благоговейный трепет перед его величием, силой и интеллектом, и эти качества привлекают его к своим репортажам. Те же самые депеши являются камнем преткновения для всех, кто предпочитает идти проторенной, сенсационной дорогой и видеть в Чезаре Борджиа злодея из мелодрамы, преступного монстра, жестокого и, следовательно, лишенного интеллектуальной силы. Но Виллари ухитряется более или менее ловко, хотя и бессмысленно, преодолеть это непреодолимое препятствие, говоря вам, что Макиавелли представляет вам на самом деле не Чезаре Борджиа, а творение своего собственного интеллекта, которым он восхищался. Это простой, элементарный прием, с помощью которого могут быть уничтожены все исторические свидетельства, когда—либо написанные, включая все то, что порочит Дом Борджиа.

Макиавелли прибыл в Имолу вечером 7 октября 1502 года и, весь перепачканный путешествиями, направился прямо к герцогу, как будто порученное ему послание не терпело ни малейшей задержки в его исполнении. Однако на самом деле ему нечего было предложить Чезаре, кроме пустых заверений в дружбе Флоренции и надежд, которые она возлагала на взаимность Чезаре. Хитрый молодой флорентинец — в то время ему было тридцать три — был послан, чтобы тянуть время и не связывать себя обязательствами или свое правительство.

Валентинуа выслушал эти благовидные комплименты и ответил такими же протестами, напомнив Флоренции, как он укротил руку тех самых кондотьеров, которые в результате восстали против него. Он проявил себя спокойным после потери Урбино, сказав Макиавелли, что “не забыл способ отвоевать его”, когда это его устраивало. О взбунтовавшихся кондотьерах он презрительно сказал, что считает их глупцами за то, что они не знали, как выбрать более благоприятный момент, чтобы причинить ему вред, и что вскоре они обнаружат, что у них под ногами горит такой огонь, что для его тушения потребуется больше воды, чем таких людей, как эти.

Между тем успех восставших урбинских крестьян и легкость их побед побудили других жителей этой территории последовать их примеру. Фоссомброне и Перголабыли следующими, кто взбунтовался и предал гарнизоны Борджиа мечу; но в своей безрассудной дерзости они неудачно выбрали момент, поскольку Микеле да Корелла был под рукой со своими копьями, и, хотя ему было приказано отправляться напрямиком в Пезаро, он отважился отойти от них, вплоть до того, что свернул в сторону, чтобы наказать мятеж этих городов, натравив на них своих латников и подвергнув их ужасному и безжалостному разграблению.

Когда Чезаре услышал новость об этом и подробности совершенных ужасов, он повернулся, жестоко улыбаясь, к Макиавелли, который был с ним, и “Созвездия в этом году кажутся неблагоприятными для повстанцев”, - заметил он.

Между государственным секретарем флорентийцев и герцогом Валентинуа разгорелась битва умов, каждый из которых не доверял другому. В конце концов Чезаре, немного потеряв терпение из-за такой безрезультатности, хотя внешне сохранял свое неизменное спокойствие, попытался

взять дело в свои руки, потребовав, чтобы Флоренс заявила, считает ли он ее своим другом или нет. Но это было именно то, что инструкции Макиавелли запрещали ему объявлять. Он ответил, что сначала должен написать синьории, и попросил герцога сообщить ему, какие условия, по его предложению, должны составить договор. Но тут настала очередь герцога увиливать от прямого ответа, желая, чтобы Флоренция начала переговоры и чтобы от нее поступило первое предложение.

Он напомнил Макиавелли, что Флоренции следовало бы прийти к решению до того, как Орсини попытается заключить с ним мир, поскольку, как только это будет сделано, возникнут новые трудности, вызванные, конечно, враждебностью Орсини к существующему флорентийскому правительству. И теперь все указывало на такой мир: Паоло Орсини, наконец, прислал Чезаре предложения о воссоединении с ним при условии, что он откажется от болонского предприятия (в котором, как утверждали Орсини, они не могли участвовать, не нарушив доверия к Бентивольи) и повернется против Флоренции. Вителли в то же время объявил, что готов вернуться на службу к Чезаре, но сначала ему потребуется некоторая “честная гарантия”.

Возможно, Чезаре было бы приятно угодить Орсини и преподать урок честности этим шаркающим флорентийским разносчикам, которые послали сообразительного государственного секретаря, чтобы он поиграл с ним сладкими словами, лишенными всякого смысла. Но была Франция и ее пожелания, с которыми следовало считаться, и он не мог взять на себя никаких обязательств. Поэтому его ответ был безапелляционным и снисходительным. Он сказал им, что, если они хотят показать себя его друзьями, они могут приступить к отвоеванию и удержанию Урбино для него.

Похоже, кондотьеры согласились с этим, поскольку 11 октября Вителли захватил Кастель Дуранте, а на следующий день Бальони овладел Кальи.

Ввиду этого Чезаре приказал отведенным им войскам снова наступать на город Урбино и овладеть им. Но внезапно, 12-го числа, в Урбино прискакал гонец от Гвидобальдо, чтобы объявить о возвращении их герцога через несколько дней, чтобы защитить подданных, которые показали себя такими преданными ему. Хитрые сообщники считали, что это должно быть сделано при поддержке Венеции, откуда они пришли к выводу, что Венеция, должно быть, выступила против Валентинуа, и снова они вероломно перешли на другую сторону.

"Орсини" приступили к оперативным действиям. Уверенный в их возвращении к себе и рассчитывающий на их поддержку в Урбино, Чезаре удовлетворился отправкой туда небольшого отряда из 100 копейщиков и 200 легкой кавалерии. На них напали Орсини и обратили их в полное бегство в Кальмаццо, недалеко от Фоссомброне, захватив в плен Уго ди Монкаду, командовавшего одной из рот, но упустив Микеле да Кореллу, который ухитрился сбежать в Фоссомброне.

В тот вечер завоеватели вошли в Урбино, и, словно для того, чтобы засвидетельствовать, что они сожгли свои лодки вместе с Валентинуа, Паоло Орсини в ту же ночь направил в венецианский сенат сообщение о одержанной победе. Три дня спустя — 18 октября — Гвидобальдо в сопровождении своих племянников Оттавиано Фрегиозо и Джанмарио Варано вновь въехал в свою столицу под одобрительные возгласы и энтузиазм своего верного и любящего народа.

Вителли поспешил предоставить свою артиллерию в распоряжение Гвидобальдо для взятия Кальи, Перголы и Фоссомброне, которые все еще удерживались Валентинуа, в то время как Оливеротто да Фермо отправился с Джанмарией Варано пытаться отвоевать Камерино, а Джанпаоло Бальони — в Фано, куда, однако, он пытался войти не как враг — ленивый ход, видя, как лояльно город держался за Чезаре, - а как герцогский кондотьер.

Воодушевленный примером Орсини, Бентивольи также перешел в наступление и начал с того, что приказал канонистам Болонского университета ходить по церквям и призывать людей игнорировать отлучения, выдвинутые против города. Он написал королю Франции с жалобой на то, что Чезаре нарушил Виллафонтанский мирный договор, по которому он обязался никогда больше не приставать к Болонье, наивно игнорируя то обстоятельство, что он сам был первым, кто нарушил условия того же самого договора, и что именно на таких основаниях Чезаре угрожал ему.

Таким образом, конфедераты обратили встревоженные взоры к Венеции и, возможно, начали задаваться вопросом, действительно ли Республика собирается прийти к ним на помощь, как они так уверенно ожидали, и, возможно, уже осознали свою опрометчивость и разорение, которое их ожидало, если Венеция подведет их. И подвела их Венеция. Венецианцы получили ответ от Людовика XII на это письмо, в котором они обрушивали ненависть на Борджиа и показывали королю, какое бесчестие для него заключал его союз с Валентинуа. Их критика и обвинения были проигнорированы в этом ответе, который сводился не более чем к угрозе, что “если они воспротивятся начинанию Церкви, он будет обращаться с ними как с врагами”, и копию этого письма он послал Чезаре, как сам Чезаре сказал Макиавелли.

Итак, в то время как Валентинуа в Имоле смог вздохнуть свободнее, кондотьеры в Урбино, вполне возможно, были охвачены ужасом из-за своего положения и из-за того, что Венеция бросила их в беде. Никто лучше Пандольфо Петруччи не понимал безрассудства их поступка и надвигающейся опасности, и он послал своего секретаря к Валентинуа сказать, что, если герцог успокоит их на счет своих намерений, они вернутся к нему и помогут вернуть то, что было потеряно.

Вслед за этим сообщением 25-го числа в Имолу прибыл сам Паоло Орсини, переодетый курьером и предварительно принявший меры предосторожности, получив охранную грамоту. Он снова уехал 29-го, унося с собой договор, условия которого были согласованы между ним и Чезаре во время того визита. Они заключались в том, что Чезаре должен нанять для защиты Государств всех своих союзных кондотьеров, а они в свою очередь должны служить ему и Церкви. Должен был последовать специальный съезд для решения вопроса о Бентивольи, который должен был быть решен Чезаре, кардиналом Орсини и Пандольфо Петруччи после консультаций, причем их решение должно было быть обязательным для всех.

Презрение Чезаре к Орсини и остальным изворотливым людям, образовавшим эту конфедерацию — этот “сейм банкротов”, как он сам его называл, — было достаточно ясно выражено Макиавелли.

“Сегодня, - сказал он, “ мессер Паоло должен навестить меня, а завтра будет кардинал; и таким образом они думают одурачить меня, по своему усмотрению. Но я, со своей стороны, только развлекаюсь с ними. Я выслушиваю все, что они хотят сказать, и выжидаю своего часа ”.

Позже Макиавелли вспомнил эти слова, которые тем временем дали ему пищу для размышлений.

Когда Паоло Орсини уезжал из Имолы, секретарь герцога Герарди последовал за ним и догнал его, чтобы сказать, что Чезаре желает добавить к договору еще один пункт, касающийся короля Франции. На это Паоло Орсини отказался согласиться, но под давлением Джерарди зашел так далеко, что пообещал передать этот пункт остальным.

30 октября Чезаре опубликовал объявление в Романье, намекая на возвращение к повиновению со стороны своих капитанов.

Макиавелли был озадачен этим и опасался — как и подобает людям того, чего они не могут постичь, — того, что в этом может быть припасено для Флоренции. Именно Герарди успокоил его, рассмеявшись в лицо хитрому флорентийцу, когда тот сообщил ему, что даже дети должны улыбаться такому договору, как этот. Он добавил, что обратился к Паоло Орсини с просьбой добавить еще один пункт, намеренно опущенный герцогом.

“Если они примут этот пункт, - заключил мессер Агабито, - это откроет окно; если они откажутся от него, - дверь, через которую герцог сможет выйти из договора”.

Удивление Макиавелли возросло. Но сейчас речь шла о том, чтобы ввести кондотьера в заблуждение документом в таких выражениях, и вполне возможно, что тогда он вспомнил те слова, которые Чезаре сказал ему несколькими днями ранее.

ГЛАВА XVI. РАМИРО ДЕ ЛОРКУА

Действительно казалось, что кондотьеры были полны решимости сделать свой счет как можно более тяжелым. Ибо даже когда Паоло Орсини выполнял свою миссию мира с Чезаре, и пока они ждали его возвращения, они продолжали вооружаться против герцога. Вителли помогли Гвидобальдо отвоевать его территорию и убили в ходе этого Бартоломео да Капранику, самого ценного капитана Чезаре и вчерашнего брата Вителли по оружию. Бальони давили на Микеле да Корелла в Пезаро, но без особого толку; в то время как мясник Оливеротто да Фермо в Камерино, которым он завладел вместе с Джанмарией Варано, убивал каждого испанца, которого мог найти.

С другой стороны, Корелла в Пезаро повесил пятерых человек, которых он поймал за выступлением против правительства герцога, и, захватив молодого Пьетро Варано, который направлялся к своему брату в Камерино ввиду тамошнего восстания, он задушил его на рыночной площади. Есть история о том, что, когда жизнь еще не угасла, жалкая толпа отнесла бедного юношу в церковь. Но тут монах, обнаружив, что он все еще жив, позвал солдат и

приказал им прикончить его. Этот монах, проезжавший позже через Кальи, был узнан, на него набросилась толпа и разорвала на куски, причем, если остальная часть рассказа правдива, его щедро накормили.

На арену кровопролития прибыл Паоло Орсини из своей миссии в Валентинуа, привезя с собой договор для подписания кондотьерами. Привыкшие играть быстро и вразброд, они высказали мнение, что, насколько это касалось Урбино, они уже провели там достаточно смен правительства. Вителли указал на неприличие в очередной раз низлагать Гвидобальдо, которого они только что снова посадили на трон. Кроме того, он увидел в договоре конец своим надеждам на захват Флоренции, который был причиной всех его трудов. Поэтому он отверг его.

Но Валентинуа уже привлек на свою сторону Орсини и Пандольфо Петруччи, и поэтому конфедерация раскололась. На стороне герцога появился еще один фактор. 2 ноября его посетил Антонио Галеаццо Бентивольи, посланный его отцом Джованни, чтобы предложить заключить с ним мирный договор — такое положение дел было достигнуто при посредничестве Эрколе д'Эсте. В результате последовавших переговоров 13-го Орсини получили известие от Чезаре о том, что он заключил союз с Бентивольи, что определенно устранило их главное возражение против ношения оружия вместе с ним.

Со стороны Чезаре это было большим отказом, но, в конце концов, договор был заключен всего на два года и, конечно, мог быть разорван до этого, поскольку они понимали эти вопросы. Этот договор был подписан в Ватикане 23-го числа между Борджиа и Бентивольи, чтобы гарантировать существование обоих государств. Король Франции, синьория Флоренции и герцог Феррары гарантировали этот союз.

Среди прочего, между ними была достигнута договоренность о том, что Болонья должна предоставить Чезаре 100 копий и 200 единиц легкой кавалерии для одного или двух предприятий в течение года, и что кондотта в 100 копий, которую Чезаре получил от Болоньи по последнему договору, должна быть возобновлена. Условия договора должны были храниться в строжайшем секрете в течение следующих трех месяцев, чтобы их публикация не нанесла ущерба делам Урбино и Камерино.

Результат был мгновенным. 27 ноября Паоло Орсини вернулся в Имолу с другим договором, который теперь был подписан всеми конфедератами. Вителли, оказавшись в изоляции, проглотил свое огорчение по поводу Флоренции и свои сомнения по поводу Урбино, бросив несчастного Гвидобальдо на произвол судьбы. Это произошло быстро. 29-го числа из Имолы Паоло Орсини поехал в Фано и приказал своим людям наступать на Урбино и захватить город от имени герцога Валентинуа, провозгласив помилование всем мятежникам, которые захотят подчиниться.

Гвидобальдо и злополучный сеньор Фаэнцы были двумя исключениями в Романье — единственными, кто знал, как завоевать расположение своих подданных. Для Гвидобальдо не былоничего такого, чего бы не сделали жители Урбино. Теперь они сплотились вокруг него, и женщины Вальбона — подобно леди Англии, выступившим за спасение Львиного сердца, — пришли со своими драгоценностями и безделушками, предлагая их, чтобы у него были средства набрать войска и оказать сопротивление. Но этот кроткий, добрый Гвидобальдо не мог подвергнуть свою страну дальнейшим разрушениям войны; и поэтому он решил, как в интересах своих подданных, так и в своих собственных, уехать во второй раз.

В начале декабря войска Орсини находятся на его территории, и Паоло, остановив их в нескольких милях от Урбино, посылает просить Гвидобальдо явиться в его лагерь. Гвидобальдо, искалеченный подагрой и не способный в то время ступить ни шагу, извиняется перед Паоло и умоляет его приехать в Урбино, где он его ждет. Там Гвидобальдо официально сдается ему, прощается со своими верными друзьями, завещает быть верным Валентинуа и уповать на Бога, и вот 19 декабря он отправляется в изгнание, единственная жалкая благородная фигура среди стольких неблагородных. Паоло, вступая во владение герцогством, принимает титул губернатора.

У флорентийцев был шанс заключить союз с Чезаре, но они намеренно пренебрегли им. В начале ноября они получили письма от короля Франции, призывавшие их прийти к соглашению с Чезаре, и они сообщили герцогу, что желают вновь занять Пизу и обезопасить себя от Вителли; но когда он настаивал на том, чтобы Флоренция предоставила ему кондотту, Макиавелли, следуя его инструкциям ни в коем случае не связывать Республику, ответил, “что его Превосходительство следует рассматривать не как других лордов, а как нового властителя Италии, с которым более прилично заключить союз или дружбу, чем предоставить ему кондотту; и Поскольку союзы поддерживаются оружием, а это единственная сила, способная заставить их соблюдать, синьория не могла себе представить, какую безопасность они будут иметь, когда три четверти или три пятых их вооружений будут в руках герцога”. Макиавелли дипломатично добавил, что “он сказал это не для того, чтобы поставить под сомнение добросовестность герцога, а для того, чтобы показать ему, что принцы должны быть осмотрительными и никогда не ввязываться в то, что оставляет возможность поставить их в невыгодное положение”.⁽¹⁾

1 См. двадцать первое письмо Макиавелли об этой миссии.

Чезаре спокойно ответил ему (“senza segno d'alterazione alcuna”), что без кондотьеры он не знает, что делать с личной дружбой, в которой ему отказано в первых принципах. И вот тут дело зависло, поскольку миссия Макиавелли преследовала единственную цель — обеспечить неприкосновенность Тосканы и защитить интересы Флоренции, не уступая никаких преимуществ Чезаре, как последний понял с самого начала.

10 декабря Чезаре выступил из Имолы со всей своей армией, намереваясь теперь завоевать Синигалью, государство, которое Джулиано делла Ровере не смог сохранить для своего племянника, поскольку король и папа одинаково остались глухи к оправданиям, которые он пытался найти для префектуры Джованни да Монтефельтре — матери молодого префекта, — которая помогала своему брату Гвидобальдо в последней войне в Урбино.

На следующий день Валентинуа прибыл в Чезену и расположил там свою армию лагерем на Рождество, как и в предыдущем году. Страна начинала ощущать последствия этой длительной обширной военной оккупации, и хотя герцог, намереваясь облегчить положение народа, сделал все возможное для снабжения войск и закупил для этой цели у Венеции 30 000 бушелей пшеницы, все же вся она была израсходована. “Даже камни были съедены”, - говорит Макиавелли.

Чтобы объяснить такое положение вещей — и, возможно, по некоторым другим вопросам — мессер Рамиро де Лоркуа, генерал-губернатор, был вызван из Пезаро; в то же время, чтобы предотвратить угрожающий голод, Чезаре приказал продавать зерно в частных

зернохранилищах Чезены по сниженным ценам, и он продолжил, с большими затратами, закупать зерно извне. Другой, менее дальновидный, чем Валентинуа, мог бы нажиться на последнем восстании Урбино и разграбить страну, чтобы удовлетворить насущные потребности. Но это противоречило бы политике Чезаре, направленной на укрепление доброй воли людей, которых он подчинил.

20 декабря три роты французских копейщиков, которые были с Чезаре, простились с ним и вернулись в Ломбардию, так что у Чезаре осталась только одна рота. По-видимому, существует некоторая путаница относительно причин этого, и некоторые утверждают, что эти компании были отозваны в Милан французским губернатором. Макиавелли, всегда любознательный и пытливый, расспросил одного из французских офицеров по этому поводу, и тот сказал, что копья возвращаются, потому что герцог в них больше не нуждается, из чего можно было сделать вывод, что это произошло вследствие возвращения кондотьеров к их верности. Но проницательный секретарь в то время не считал это убедительным, утверждая, что о герцоге еще нельзя сказать, что он в безопасности, и он не мог наверняка знать, насколько он может доверять Вителли и Орсини. Предположительно, однако, впоследствии он получил более достоверную информацию, поскольку позже он говорит, что Валентинуа сам уволил французских копеечников, и что это увольнение было частью военной хитрости, которую он готовил, и имело целью успокоить Вителли и других сообщников и сбить их с толку, заставив их думать, что его безразлично поддерживают.

Но уход французских копеечников не состоялся без того, чтобы не спровоцировать много дискуссий и чрезвычайно оживленных слухов, хотя обычно предполагалось, что это задержит завоевание Синигалы. Тем не менее герцог спокойно продолжал свои приготовления и теперь двинул вперед свою артиллерию. Не было никаких реальных оснований предполагать, что он изберет какой-либо другой курс. Теперь у Чезаре были значительные силы, не считая французских копеечников, и даже когда они покинули его, к нему присоединилась тысяча швейцарцев и еще шестьсот романолюбов из Валь-ди-Ламоне. Более того, что касается захвата Синигалы, не следовало ожидать никакого сопротивления, поскольку кардинал Джулиано делла Ровере написал, предписывая народу мирно сдаться герцогу.

Какие важные факты Чезаре мог найти в Чезене, чтобы оправдать арест своего генерал-губернатора, мы не знаем с полной уверенностью. 22 декабря Рамиро де Лоркуа, прибывший из Пезаро по вызову своего хозяина, был арестован по прибытии и брошен в тюрьму. За этим должен был последовать его экзамен.

Макиавелли, сообщая об аресте, говорит: “Считается, что он [Чезаре] может принести его в жертву народу, у которого очень большое желание этого”.

Рамиро вызвал ненависть в Романье из-за безжалостности своего правления, и безжалостный слуга размышляет о своем хозяине, что ни в коей мере не могло удовлетворить Борджиа. Всем, кто читал “Принца”, будет ясно, что только на этом основании — из—за того, что он подорвал репутацию правосудия Валентинуа жестокостью, которую он практиковал от имени Валентинуа, — Макиавелли одобрил бы казнь Рамиро. Он считал бы совершенно оправданным, что Рамиро был принесен в жертву народу только потому, что он вызвал их ненависть, поскольку эта жертва была принесена ради благополучия герцога. Он, на самом деле, оправдывает эту казнь, но на гораздо более веских основаниях, чем эти. Тем не менее, если бы причины были не лучше, чем

упомянуты, он все равно оправдал бы это на них. Так много ясного; и когда так много прояснится, вам станет ясно гораздо больше, связанное с этой странной эпохой.

Однако дело было не только в том, чтобы принести генерал-губернатора в жертву ненависти народа. Во-первых, дело было в той пшенице, которая исчезла. Рамиро был обвинен в том, что он обманным путем продал его с целью получения собственной нечестной выгоды, в результате чего герцогу пришлось понести большие расходы по импорту свежих припасов для прокормления народа. Серьезность обвинения будет оценена, если учесть, что, если бы в результате этого хищения начался голод, могли бы возникнуть серьезные беспорядки и, возможно, даже восстание против правительства, которое не могло обеспечить ничего лучшего.

Герцог распространил новость об аресте губернатора по всей Романье. Он выразил свое неудовольствие и сожаление по поводу грубости и коррумпированности Рамиро де Лоркуа, несмотря на самые настоятельные предостережения о том, что ему следует воздерживаться от любых неоправданных поборов, и угрозу сурового наказания в случае неповиновения. Эти мошенничества, коррупция, вымогательство и грабежи, практикуемые губернатором, были настолько серьезными, постоянными и повсеместными, заявил герцог в своем манифесте, что “нет ни одного города, сельской местности или замка, ни одного места во всей Романье, ни офицера или министра герцога, которые не знали бы об этих злоупотреблениях; и, среди прочего, о голоде пшеницы, вызванном торговлей, которую он поддерживал вопреки нашему прямому запрету, отправляя такое количество, которого с избытком хватило бы для народа и армии”.

В заключение он заверяет в своем намерении, что в будущем ими будут управлять справедливо и добросовестно, и настоятельно призывает всех, у кого могут быть обвинения против указанного губернатора, немедленно выдвинуть их.

Ходили слухи, что обвинения против Рамиро на этом отнюдь не закончились, и в Болонье — а из Болоньи правда об этом деле вполне могла выясниться, учитывая все обстоятельства — открыто говорили, что Рамиро состоял в тайном сговоре с Бентивольи, Орсини и Вителли против герцога Валентинуа: “Авева провиксионе да мессер Зоан Бентивольи, да Орсини, и Вителозо против герцога”, — пишет Филено делла Туате, который, следует иметь в виду, не был другом. из рода Борджиа и не приложил бы никаких усилий, чтобы найти оправдание поступкам герцога.

Но об этом секретном договоре на данный момент не было официального упоминания. Позже слух об этом получил самое полное подтверждение, и вместе с этим в следующей главе мы приведем очевидные причины, по которым герцог поначалу держал это дело в секрете. Уже имелось достаточно материала, чтобы избавиться от мессера Рамиро де Лоркуа, и избавились от него по всей строгости правосудия.

Утром 26 декабря первые пришедшие в движение жители Чезены увидели в сером свете зимнего рассвета обезглавленное тело Рамиро, лежащее на площади. Он был богато одет, на нем были все его украшения, поверх него был накинут алый плащ, а руки были в перчатках. На пике рядом с телом была выставлена на обозрение голова с черной бородой, и так оставалось в течение всего того дня, являя собой ужасное свидетельство быстрого и безжалостного правосудия герцога.

Макиавелли писал: “Причина его смерти точно неизвестна” (“non si sa bene la cagione della sua morte”) “за исключением того факта, что таково было удовольствие принца, который показывает нам, что он может создавать и уничтожать людей в соответствии с их заслугами”.

Cronica Civitas Faventiae, Дневник Цезаря и Cronache Forlivese выражают крайнее удовлетворение народа содеянным и подтверждают обвинения в жестокости против человека, содержащиеся в письме Чезаре.

ГЛАВА XVII. “ПРЕКРАСНАЯ СТРАТЕГИЯ”

Чезаре покинул Чезену очень рано утром 26 декабря — в день казни Рамиро - и к 29—му был в Фано, где принял послов, прибывших из Анконы с заверениями в лояльности, а также гонца от Вителлоццо Вителли, который принес ему известие о капитуляции Синигальи. Саму цитадель все еще удерживал Андреа Дория — тот самый, который впоследствии стал так знаменит в Генуе; утверждалось, что это произошло исключительно потому, что Дория хотел сдаться самому герцогу. Префектура Джованна да Монтефельтре уже покинула город, которым она правила в качестве регента при своем одиннадцатилетнем мальчике, и отправилась морем в Венецию.

Герцог ответил Вителли, что завтра сам будет в Синигалье, и пригласил кондотьеров принять его там, поскольку он решил немедленно овладеть цитаделью, независимо от того, решит Дория сдать ее мирно или нет; и что на случай непредвиденных обстоятельств он приведет с собой свою артиллерию. Наконец, Вителли было приказано подготовить помещения в новом городе для войск, которые будут сопровождать Чезаре. Для этого необходимо было разместить солдат Оливеротто да Фермо в борго. Это были единственные войска кондотьеров в Синигалье; остальные их силы были расквартированы в укреплениях территории на расстоянии от пяти до семи миль от города.

В последний день того 1502 года Чезаре Борджиа предстал перед Синигальей, чтобы выразить почтение тем людям, которые так вероломно использовали его и с которыми — за исключением Паоло Орсини — он встретился лицом к лицу впервые после их восстания. Здесь были Франческо Орсини, герцог Гравина, с Паоло и сыном последнего Фабио; здесь был Оливеротто, негодяй-сеньор Фермо, который завоевал свое сеньорство хладнокровным убийством своего родственника и о котором по Риму ходили слухи, что Чезаре поклялся задушить его собственными руками; и здесь был Вителлоццо Вителли, главный из них всех.

Джанпаоло Бальони отсутствовал по болезни — для него это было менее смертельно, чем их здоровье для присутствующих, — а кардинал и Джулио Орсини были в Риме.

Были ли эти капитаны сумасшедшими, полагая, что такой человек, как Чезаре Борджиа, мог настолько забыть зло, которое они ему причинили, и простить их вот так просто, не требуя

возмещения ущерба? Были ли они безумцами, полагая, что после таких доказательств того, какую веру они ему предоставили, он доверит им в дальнейшем их жизни, чтобы они еще больше навредили ему? (Вполне мог бы удивиться Макиавелли, когда увидел условия договора, заключенного с ними герцогом.) Неужели они сошли с ума, вообразив, что такой хитрый человек, как Валентинуа, отдаст себя в их руки — руки людей, которые поклялись его разорить и умертвить? Воистину, они, должно быть, были безумны — такими их сделали боги, которые хотели их уничтожить.

История этого события красочно описана пером восхищенного Макиавелли, который назвал это дело “*Il Bellissimo Inganno*”. Того, что он так назвал это, должно быть достаточно для нас и удерживать нас от нашей собственной критики, принимая эту его критику. Для нас, если судить с нашей современной точки зрения, дело Синигальи является последним словом в предательстве и искариотизме. Но здесь вас интересует точка зрения Чинквеченто, и эту точку зрения дает вам Макиавелли, когда описывает это дело как “прекрасную стратегию”. Высказывать суждение, несмотря на это, - значит совершать глупость, которая слишком часто уже совершалась.

Итак, вот рассказ Макиавелли об этом событии:

Утром 31 декабря армия Чезаре, состоявшая из 10 000 пеших и 3 000 всадников, (1) была выстроена на берегах реки Метауро - примерно в пяти милях от Синигальи - в соответствии с его приказами, ожидая его прибытия. Он прибыл на рассвете и немедленно приказал выступить 200 копейщикам под командованием дона Микеле да Корельи; пешим отрядам он приказал выступить вслед за ними, а сам замыкал тыл с основной частью конницы.

1 Это отчет Макиавелли о войсках; но, по-видимому, это преувеличение, поскольку, покидая Чезену, Чезаре, по-видимому, командовал в общей сложности не более чем 10 000 человек.

В Синигалье, как мы видели, у кондотьеров были только войска Оливеротто — 1000 пеших и 150 всадников, — которые были расквартированы в борго, а теперь выстроились на рыночной площади во главе с Оливеротто, чтобы оказать честь герцогу.

Когда конница под командованием дона Микеле достигла маленькой речки Миса и моста, перекинутого через нее, почти прямо напротив ворот Синигальи, их капитан остановил их и выстроил в две шеренги, между которыми открылся проход. Через это пехотинцы двинулись вперед и прямо в город, а за ними последовал сам Чезаре, грациозная, юная фигура, блистающая в полных доспехах на острие своих копий. Навстречу ему двинулись теперь трое Орсини и Вителлоццо Вителли. Макиавелли рассказывает нам о беспокойстве последнего, о его предчувствиях зла и о прощаниях (все о которых Макиавелли впоследствии слышал), которые он произнес со своей семьей перед приездом в Синигалью. Вероятно, это не более чем истории, которые появляются о таких мужчинах после такого события, как то, которое вот-вот должно было произойти.

Кондотьеры прибыли без оружия, Вителли восседал верхом на муле, одетый в плащ с зеленой подкладкой. В этой группе он единственный человек, заслуживающий хоть какого-то уважения или жалости — жертва своего чувства долга перед семьей, доведенная до бунта и неверности Валентинуа всепоглощающим желанием отомстить флорентийцам за смерть брата. Остальные были бедными созданиями, неспособными даже сохранять веру друг в друга. На самом деле

говорили, что Паоло Орсини состоял в тайном сговоре с Валентинуа с момента своего назначения к нему в Имолу и получал от него крупные взятки. Оливеротто, которого вы видели за работой, устраивал истребление своей семьи и друзей подниженным порывом своей алчности; в то время как из отсутствующих только Пандольфо Петруччи был человеком хоть сколько-нибудь стойким и честным.

Герцог принял их с той милостивой дружелюбностью, искусством которой никто не владел лучше, чем он, стремясь показать им, что прошлое прощено и их обиды против него забыты. Когда они повернулись и проехали вместе с ним через ворота Синигальи, несколько приближенных герцога окружили их в заранее оговоренной манере, чтобы даже сейчас они не были приняты с тревогой. Но все это было сделано ненавязчиво и со всяческим проявлением дружелюбия, чтобы не вызвать никаких подозрений.

В этой группе Чезаре упустил Оливеротто, и когда они приблизились к рыночной площади, где тиран Фермо восседал на коне во главе своих войск, Чезаре глазами подал знак дону Микеле, смысл которого был ясен капитану. Он выехал вперед, чтобы намекнуть Оливеротто, что сейчас не время брать своих людей под ружье и покидать их жилища, и указать ему, что, если они не будут отпущены, им грозит опасность быть отнятыми у них людьми герцога, из-за чего могут возникнуть неприятности. К этому он добавил, что герцог ожидает его светлость.

Оливеротто, поддавшись уговорам, отдал приказ об отводе своих войск, и герцог, подошедший в этот момент, окликнул его. В ответ он подошел поприветствовать его, а затем присоединился к остальным, кто ехал с Валентинуа.

Дружески беседуя со всеми ними и ехав верхом между Вителли и Франческо Орсини, герцог проехал из борго в сам город, а оттуда во дворец, где кондотьеры распорядились проститься с ним. Но Чезаре пока не собирался расставаться с ними; он пригласил их войти вместе с ним, и они волей-неволей должны были принять его приглашение. Кроме того, его настроение было настолько приятным, что, конечно, бояться было нечего.

Но едва они вошли внутрь, как его поведение внезапно изменилось, и по его знаку они были немедленно схвачены и арестованы теми джентльменами, которые принадлежали к этой компании и были хорошо обучены тому, что они должны были делать.

Буонаккорси тщательно составил свой дневник на основе писем Макиавелли к Десяти, в том, что касается этого и других дел; и к Буонаккорси мы должны теперь обратиться за тем, что непосредственно следует, что, без сомнения, является вторым письмом Макиавелли от 31 декабря, в котором приводятся все подробности дела. В его первом письме не более чем кратко излагается случившееся; второе, к сожалению, отсутствует; так что вышеупомянутые подробности — и некоторые, которые еще последуют — взяты из сообщений, которые он впоследствии написал (“Правила поведения” и т.д.), отредактированных, однако, с помощью его депеш того времени в отношении причин, приведших к этому делу. Между этим и фактическим отношением есть некоторые незначительные расхождения. Несомненно, что депеши являются более надежными, так что в тех случаях, когда возникают такие расхождения, предпочтение отдается версии, содержащейся в депешах.

Обратимся на минуту к Буонаккорси, он рассказывает нам, что, когда флорентийский посланник (которым, конечно же, был Макиавелли) в сопровождении герцога Валентинуа вошел в город позже, после ареста кондотьеров, и обнаружил там всеобщий шум и неразбериху, он

направился прямо во дворец, чтобы выяснить правду. Приближаясь, он встретил герцога, выехавшего верхом в полном вооружении, чтобы подавить беспорядки и сдержать своих людей, которые к этому времени совсем отбились от рук и грабили город. Чезаре, заметив секретаря, натянул поводья и окликнул его.

“Это, - сказал он, - именно то, что я хотел сказать монсеньору ди Вольтерре [Содерини], когда он приехал в Урбино, но я не мог доверить ему эту тайну. Теперь, когда у меня появилась возможность, я очень хорошо знаю, как ею воспользоваться, и оказал большую услугу вашим хозяевам”.

И с этими словами Чезаре оставил его и, созвав своих военачальников, поехал в город, чтобы положить конец творившимся там ужасам.

Сразу же после ареста кондотьеров Чезаре отдал приказ атаковать солдат Вителли и Орсини и выбить их из замков на территории, где они были расквартированы, а также аналогичным образом выбить людей Оливеротто и изгнать их из Синигальи. Это было сделано быстро. Но люди герцога не были расположены оставлять дело на этом. Возбужденные вкусом битвы, которая у них была, они вернулись, чтобы обрушить свою ярость на город, и приступили к разграблению его, обратив особое внимание на богатый квартал, занятый венецианскими купцами, который, как говорят, был разграблен ими примерно на 20 000 дукатов. Они бы покончили с Синигальей, если бы среди них внезапно не появился сам герцог. Он проехал по улицам, гневно приказывая прекратить грабеж; и, чтобы показать, насколько он серьезен, собственными руками зарубил тех, кто был дерзок или медлил подчиняться ему; таким образом, еще до наступления сумерек он восстановил порядок и тишину.

Что касается кондотьеров, то с Вителли и Оливеротто расправились той же ночью. Существует история о том, что Оливеротто, видя, что все потеряно, выхватил кинжал и хотел вонзить его себе в сердце, чтобы спастись от смерти от рук палача. Если это правда, то это было его последнее проявление духа. В конце концов он проявил трусость и со слезами на глазах заявил своим судьям — поскольку им был предоставлен судебный процесс, — что вина за все зло, причиненное герцогу, лежит на его шурине Вителлоццо. Еще более чудесным было то, что мужество мрачного Вителли тоже в конце концов сломилось и что он стал умолять папу даровать ему полную индульгенцию и ждать его ответа.

Но на рассвете — ночь ушла на судебное разбирательство — их положили спина к спине и таким образом задушили, а их тела доставили в церковь больницы Мизерикордия.

С Орсини пока не разобрались. Их держали в плену, и Валентинуа не собирался идти дальше, пока не получит известия из Рима о том, что Джулио Орсини и могущественный кардинал также арестованы. Предать смерти в настоящее время людей, находящихся в его власти, значило бы встревожить остальных и таким образом потерять их. Правы те, кто говорит, что его ремесло было дьявольским; но чего еще можно было ожидать от того времени?

На следующий день — 1 января 1503 года — герцог отправил депеши итальянским державам с отчетом об этом деянии. В нем говорилось, что Орсини и их сообщники, несмотря на помилование, дарованное им за их первое предательство и мятеж, узнав об отходе французских копейщиков — и придя к выводу, что герцог таким образом ослаблен и остался всего с несколькими бесполезными сторонниками, — замыслили новое и еще более тяжкое предательство. Под предлогом оказания ему помощи во взятии Синигальи, куда, как было

известно, он направлялся, они собрались там в полном составе, но выставили напоказ только треть из них, а остальное спрятали в замках окружающей страны. Затем они договорились с кастеляном Синигальи, что в ту ночь они нападут на него со всех сторон нового города, который, будучи небольшим, мог вместить, как они знали, лишь немногих его жителей. Это предательство стало ему известно, он смог предотвратить его и, войдя в Синигалью со всеми своими войсками, схватил предателей и застал силы Оливеротто врасплох. В заключение он призвал всех возблагодарить Бога за то, что был положен конец многочисленным бедствиям, постигшим Италию в результате этих пагубных событий.⁽¹⁾

1 Смотрите это письмо в документах, приложенных к книге Алвизи "Чезаре Борджиа", документ 76.

Впервые слышно, как Чезаре Борджиа излагает свою версию событий. Но правдивы ли подробности его версии? Кто скажет положительно? Его утверждение ни в коей мере не противоречит известным фактам, хотя оно дает им объяснение, несколько отличное от того, которое дал нам Макиавелли. Но следует помнить, что, в конце концов, Макиавелли пришлось вернуться к выводам, которые он сделал из того, что увидел, и что нет ни малейших доказательств, прямо опровергающих какое-либо из утверждений Чезаре. Есть даже подтверждение утверждению, что кондотьер решил, что он ослаблен уходом французских копеечников и остался всего с несколькими бесполезными сторонниками. Сам Макиавелли подробно останавливается на хитрости, с которой Чезаре разделил свои силы и распорядился ими в сравнительно небольшом количестве здесь и там до тех пор, пока вся его мощь не была скрыта; и он восхищается стратегией этого действия.

Конечно, повествование герцога имеет тенденцию усиливать оправдание его действий. Но в лучшем случае это может только усилить его, ибо фактическое оправдание было всегда, и в свете его эпохи трудно понять, в чем его следует обвинять. Эти люди открыто поклялись сохранить ему жизнь, и, судя по тому, что мы видели о них, нет особых оснований предполагать, что они не сдержали бы своего слова, если бы им только дали такую возможность.

В связи с версией Чезаре хорошо бы на мгновение вернуться к казни Рамиро де Лоркуа и вспомнить предполагаемые тайные мотивы, приведшие к ней. Сам Макиавелли не был удовлетворен тем, что все было раскрыто и что грубость и нечестность губернатора были единственной причиной свершившегося над ним правосудия. "Причина его смерти точно неизвестна", - писал флорентийский секретарь. Другой посланник того времени наполнил бы свои депеши актуальными слухами, тем, о чем шептались на углах улиц. Но Макиавелли, как правило, имел привычку не обращать внимания на слухи, сознавая их опасность, — обстоятельство, которое делает его свидетельства самыми ценными из всех, которыми мы располагаем.

Возможно, позволительно спросить: какие мрачные секреты вытянули из мессера Рамиро пытки шнуром? Сообщили ли они герцогу об истинном положении дел в Синигалье, и привело ли это его прямо из Чезены к решению этого вопроса?

Для этих вопросов есть основания, поскольку 4 января папа сообщил Джустиниани — о чем см. Его депеши — что Рамиро де Лоркуа, будучи приговоренным к смертной казни, заявил, что он хотел проинформировать герцога о некоторых вопросах, и сообщил ему, что он договорился с

Орсини передать последнему территорию Чезены; но поскольку сейчас это невозможно было сделать, вследствие договора Чезаре с кондотьерами, Вителли организовал убийство герцога, в чем он заручился поддержкой Оливеротто. Они планировали, что арбалетчик застрелит герцога, когда он въедет в Синигалью, вследствие чего герцог очень заботился о себе и никогда не снимал доспехов, пока дело не было закончено. Вителлоццо, по словам папы, признался перед смертью, что все, что Рамиро рассказал герцогу, было правдой, и на консистории 6 января, когда Священная коллегия просила освободить старого кардинала Орсини, которого схватили вместе с архиепископом Флоренции Джакомо ди Сантакроче и Джанбаттистой да Вирджинио, папа в ответ сообщил кардиналам о заговоре против жизни герцога.

Эти заявления Чезаре и его отца полностью согласуются друг с другом и с событиями. Тем не менее, из—за отсутствия независимого подтверждения на них нельзя настаивать как на истинной версии — поскольку, конечно, папа мог использовать то, что он сделал, в качестве предлога для оправдания того, что еще должно было последовать.

Вполне возможно, что Рамиро под пытками или, возможно, в надежде спасти свою жизнь выдал предполагаемый заговор с целью убийства Чезаре. И это совершенно соответствует характеру Чезаре и его возрасту, что он должен был заключить сделку, чтобы узнать, что Рамиро, возможно, придется раскрыть, а затем отказаться от нее и отдать его палачу. Если бы Чезаре при таких обстоятельствах узнал, о чем идет речь, он, вполне естественно, хранил бы молчание на этот счет, пока не разберется с кондотьерами. Поступить иначе — значило бы предупредить их заранее. Он был, как говорит Макиавелли, человеком скрытным и тем более опасным из-за своей замкнутости, что никогда не давал знать о своих намерениях, пока не приводил их в исполнение.

Гвиччардини, конечно, назвал дело Синигальи злодейством (“scelleragine”), в то время как Фабио Орсини и племянник Вителли, сбежавшие из Синигальи и прибывшие двумя днями позже в Перуджу, пытались вызвать сочувствие посредством необычной истории, настолько чуждой всем фактам — за исключением их очевидных причин лгать и провоцировать негодование против Чезаре, — что ее не стоит приводить.

ГЛАВА XVIII. ЗЕНИТ

Андреа Дориа не остался, чтобы официально сдать цитадель Синигальи герцогу — с какой целью, следует иметь в виду, Чезаре был косвенно приглашен приехать в Синигалью. Он сбежал той ночью, когда увидел, как Вителли и Оливеротто в последний раз корчились в руках душителя. И его бегство добавляет красок в версии этого дела, которые были представлены миру Чезаре и его отцом. Андреа Дориа, готовому отказаться от его доверия, нечего было бояться герцога, у него не было причин что-либо делать, кроме как остаться. Андреа Дориа,

интригующий против жизни герцога вместе с кондотьерами, обнаруживший, что герцог схватил их, и сделавший вывод, что все раскрыто, имел все основания бежать.

Цитадель сдалась в то новогоднее утро, когда Чезаре призвал ее к этому, в то время как войска Орсини и Вителли, засевшие в замках этой территории, были застигнуты врасплох и быстро уничтожены. Итак, поскольку в Синигалье больше нечего было делать, Чезаре снова собрал своих людей и отправился в Читта—ди-Кастелло - тиранию Вителли, которую он нашел незащищенной и которой завладел от имени Церкви. Оттуда он помчался в сторону Перуджи, поскольку получил известие, что Гвидобальдо Урбинский, Фабио Орсини, Аннибале и Венанцио Варано, а также племянник Вителли собрались там под крылом Джанпаоло Бальони, который, имея за спиной значительное войско кондотье, громко говорил о сопротивлении герцогу Романьи и Валентинуа. В этом Джанпаоло проявлял величайшую храбрость, пока не получил известие, что герцог был так же близок, как Гуальдо, после чего опрометчиво сбежал, предоставив своим гостям самим переодеваться. Возможно, в последний момент он вспомнил, как едва избежал этого в Синигалье, и отправился в Сиену, чтобы присоединиться к Пандольфо Петруччи, которому в этом отношении повезло не меньше.

Навстречу приближающемуся и неотразимому герцогу прибыли послы из Перуджи с ласковыми словами приветствия, предложением города и благодарностью за то, что он избавил их от тиранов, которые их угнетали; и нет ни малейшей причины предполагать, что это было простое подхалимство, ибо более кровавую шайку, чем эти Бальони, чьи распри не только с соперничающим семейством Одди, но и между ними самими, не раз окружали стены этого города на холмах, было бы трудно найти в Италии или в других странах. в любой точке Европы. История Бальони - это один из примеров массовых убийств. При их правлении в Перудже человеческая кровь, по-видимому, обычно текла куда угодно более свободно, чем в человеческих венах. Неудивительно, что народ прислал своего посла поблагодарить Чезаре за то, что тот избавил их от угнетавшего их ига.

Перуджа принесла ему клятву верности, герцог оставил ее своим секретарем Агабито Герарди в качестве своего уполномоченного, одновременно отправив Винченцо Кальмету под власть тирании Фермо—Оливеротто — другого государства, которое очень горячо благодарило его за это освобождение.

Едва Чезаре покинул Перуджу, как в руки его людей попала леди Пантасилея Бальони д'Альвиано - жена знаменитого венецианского кондотьера Бартоломео д'Альвиано, — и они, зная о чувствах, царящих между их господином и правительством Венеции, подумали, что перед ними ценный заложник. Поэтому они заперли ее в замке Тоди вместе с ее детьми и женщинами, которые были с ней, когда ее похитили.

Как и в случае с Доротеей Караччоло, немедленно распространяется слух, что это Чезаре схватил ее, что он отвез ее в свой лагерь и что эта бедная женщина стала жертвой этого похотливого монстра. Так - и примерно в таких словах — излагалась история, и она настолько подействовала на легкоеверие людей, что мы видим Пьеро ди Бибьено перед Советом Десяти, выдвигающего более или менее официальное обвинение против герцога в гораздо более широких выражениях, чем здесь изложено. Так много, что немногие из тех, кто повторил его историю, забывают рассказать вам. Но по какой-то причине, неочевидной, они не считают нужным добавлять, что сам дож — очевидно, более информированный, поскольку он высказывается по этому вопросу категорично — упрекнул его, опровергнув слух и определенно

заявив, что это неправда, как вы можете прочитать в Дневнике Марино Сануто. В том же дневнике вы видите мужа — человека, пользующегося большим влиянием в Венеции, — выступающего перед Советом, требующего расширения круга лиц своей супруги; однако он ни разу не упоминает имени Валентинуа. Совет десяти отправляет посланника прислуживать папе; и папа выражает свое глубокое сожаление и уважение к Альвиано и сообщает посланнику, что он пишет Валентинуа с требованием ее немедленного освобождения — фактически, показывает посланнику письмо.

На то же самое письмо герцог ответил 29 января, что он ничего не знал об этом деле, пока это сообщение не дошло до него; что с тех пор он удостоверился, что леди действительно была схвачена и что с тех пор она содержалась в замке Тоди со всеми предосторожностями, подобающими ее рангу; и что сразу же после выяснения этого он приказал освободить ее, что и было сделано.

И вот леди Пантасилея невредимой вернулась к своему мужу.

В Ассизи Чезаре принял флорентийского посла Сальвиати, который приехал поздравить герцога с делом Синигальи и заменить Макиавелли — последнему было приказано вернуться домой. Поздравления действительно были адресованы ему всеми теми Державами, которые получили его официальное уведомление об этом событии. Среди них были поздравления прекрасной и образованной Изабеллы д'Эсте, маркизы Гонзага, чьи отношения с ним всегда были самыми дружескими, даже когда Фаэнца своей храбростью вызывала у нее жалость, и с ними она послала ему в подарок к предстоящему карнавалу сотню масок редкого разнообразия и исключительной красоты, поскольку, по ее мнению, “после утомительных испытаний, которые он перенес в этих славных предприятиях, он хотел бы немного развлечься”.

Здесь, в Ассизи, он также принял сиенских послов, которые прибыли к нему, и потребовал, чтобы из уважения к королю Франции они изгнали Пандольфо Петруччи из Сиены. Ибо, используя его собственные слова, “лишив своих врагов оружия, он теперь лишит их разума”, чем он сделал Петруччи комплимент, посчитав его “мозгом” всего, что было предпринято против него. Чтобы показать сиенцам, насколько он был серьезен, он оставляет весь багаж и припасы в Ассизи и беспрепятственно совершает один из своих внезапных налетов на Сиену, останавливаясь 13 января в Кастель-делла-Пьеве, чтобы опубликовать, наконец, свой договор с Бентивольи. Последний, будучи теперь искренним, без сомнения, из страха перед последствиями дальнейшей неискренности, немедленно посылает Чезаре 30 копейщиков и 100 арбалестов под командованием Антонио делла Вольта.

Именно там, в Ассизи, в то утро, когда Чезаре снова нанес удар по своему лагерю, он завершил работу, начатую в Синигалье, удушив Паоло Орсини и герцога Гравина. Больше не было причин откладывать это дело. Он получил известие из Рима о поимке кардинала Орсини, Джанбаттисты да Вирджинио, Джакомо ди Сантакросе и Ринальдо Орсини, архиепископа Флоренции.

27 января Пандольфо Петруччи все еще находился в Сиене, и терпение Чезаре иссякло, он выдвинул ультиматум из своего лагеря в Сартано, в котором заявил, что если в течение двадцати четырех часов Петруччи не будет изгнан из города, он пошлет своих солдат на Сиену, чтобы опустошить территорию, и будет обращаться с каждым жителем “как с Пандольфо и врагом”.

Сиена сочла благоразумным подчиниться этому грозному приказу, и Чезаре, убедившись, что ему повинуются, был волен отправиться в Рим, куда его отозвал папа и где его ждала работа. От него требовалось положить конец сопротивлению баронов - задача, которая была поручена его брату Джуффредо, но которому последний не смог выполнить.

Говорят, что в этом вопросе Чезаре и его отец сильно разошлись во мнениях, и сообщается, что между ними вспыхивали громкие слова; ибо Чезаре, который смотрел вперед и должен был думать о своем собственном будущем, которое должно было простираться дальше жизни Александра VI, не стал бы выступать ни против Сильвио Савелли в Паломбаре, ни против Джана Джордано в Браччано, утверждая в качестве причины снисхождения последнего, что Джан Джордано, будучи рыцарем Святого Михаила, как и он сам, условия этого рыцарского звания не позволяли ему развязать войну против него. Этому он придерживался, намереваясь, однако, осадить Кери, где укрылись Джулио и Джованни Орсини.

Тем временем кардинал Джанбаттиста Орсини испустил свой последний вздох в замке Сант-Анджело.

Содерини с иронией написал во Флоренцию 15 февраля: “Кардинал Орсини в тюрьме проявляет признаки безумия. Я предоставляю вашим Возвышенностям самим, в вашей мудрости, составить суждение о такой болезни”.

Однако только неделю спустя — 22 февраля — он скончался, когда крики “Яд!” стали настолько громкими и всеобщими, что папа приказал нести тело кардинала на носилках с открытым лицом, чтобы весь мир мог увидеть его спокойствие и отсутствие пятен, которые, как считалось, обычно сопровождают осквернение.

Тем не менее, распространилось мнение, что он был отравлен — и отравление кардинала Орсини было включено в длинный список преступлений Борджиа, которыми нас развлекали. В том, что этот слух распространился, нет ничего удивительного, учитывая, в каком дурном свете находились в то время Орсини в Ватикане и — да будет вам известно — какую провокацию они устроили. Хотя Валентинуа называл Пандольфо Петруччи “мозгом” заговора против него, настоящей руководящей силой, без сомнения, был кардинал Орсини, в чьей цитадели в Маджоне заседал сейм, чтобы спланировать разорение Валентинуа — разорение гонфалоньера Церкви и новое отчуждение от Святого Престола тирании, которую он считал своей и которая дорогой ценой была возвращена ему.

Против папы, рассматриваемого как временный правитель, это было государственной изменой в высшей степени и каралось смертной казнью; и, если предположить, что Александр действительно был причиной смерти кардинала Орсини, единственное справедливое порицание, которое могло пасть на него за этот поступок, касается использованных средств. Но даже вопреки этому можно было бы возразить, что таким образом достоинство пурпура было спасено от позорного прикосновения рук палача.

Примерно шесть недель спустя — 10 апреля — скончался Джованни Мичиели, кардинал Сант-Анджело, и Джустиниани, венецианский посол, написал своему правительству, что кардинал проболел всего два дня и что его болезнь сопровождалась сильной тошнотой. Это — и скрытность этого — несомненно, были направлены на то, чтобы вызвать подозрение, что кардинал был отравлен. Джустиниани добавляет, что в ту же ночь папа ограбил дом Микиели, извлек из этого выгоду в размере около 150 000 дукатов, помимо посуды и других ценностей; и

это было сделано для того, чтобы показать неприличное стремление папы завладеть тем, что он унаследовал после смерти кардинала, тогда как, по правде говоря, эта мера была бы мудрой предосторожностью против обычной опасности грабежа толпой.

Но в марте 1504 года, во время понтификата Юлия II (кардинала Джулиано делла Ровере), иподьякон по имени Асквино де Коллоредо был арестован за клевету на покойного кардинала (“interfactor bone memory Cardinalis S. Angeli”).(1) Какие еще подозрения были выдвинуты против него, какие еще откровения от него надеялись добиться, сказать невозможно; но Асквино был допрошен под обычным аккомпанементом пытки веревкой, и под этим он признался, что отравил кардинала Мичили, принужденный к этому папой Александром VI и герцогом Валентинуа, против его воли и без вознаграждения (“verumtamen non voluisse et pecunias non habuisse”).

1 Дневник Берчарда, 6 марта 1504г.

Итак, если Асквино опорочил память кардинала Мичили, то, по-видимому, естественно следует, что он ненавидел кардинала; и, если мы знаем, что он ненавидел его, нам не нужно удивляться, что из этой ненависти он отравил его. Но, должно быть, что-то было заподозрено в качестве мотива его ареста в дополнение к клевете, которую он произносил, иначе как получилось, что заданные ему вопросы были направлены на то, чтобы вырвать у него признание в том, что он отравил кардинала? Если вы решите поверить его дальнейшему заявлению о том, что он был вынужден к этому папой Александром и герцогом Валентинуа, вы, конечно, вольны так поступить. Но сначала вам не мешало бы точно определить, какой степени доверия может заслуживать такой человек, когда он пытается смягчить вину, признанную под давлением пыток, и предлагает смягчение, наиболее вероятное для того, чтобы снискать расположение папы делла Ровере, задачей жизни которого — как мы увидим, была клевета на ненавистных Борджиа. Вам также не мешало бы внимательно изучить последнюю часть его признания — о том, что он был вынужден сделать это “против своей воли и без вознаграждения”. Был ли бы этот поступок настолько уж против воли того, кто открыто заявлял о своей ненависти к покойному кардиналу посредством клеветы, которую он распространял?

На основании таких доказательств обвинение папы в убийстве кардинала Мичили было определенно доказано — и следует признать, что это, во всяком случае, гораздо больше доказательств, чем обычно представляется, в отношении вампиризма и зверств, вменяемых ему.

Джустиниани в письме своему правительству весной 1503 года информирует Совет Десяти, что это способ папы откармливать своих кардиналов перед тем, как избавиться от них, то есть обогащать их перед тем, как отравить, чтобы он мог унаследовать их имущество. Это было дикое и огульное заявление, продиктованное политической неприязнью, и с тех пор оно разрослось до масштабов более чудовищных, чем первоначальное. Вы можете читать до тошноты о постоянной практике папы и Чезаре отравлять разбогатевших кардиналов с целью захвата их имущества, и вас, вполне естественно, наполнит ужас от такого количества и такой отвратительной низости. В этом вопросе утверждения — вкупе с чередованием периодов брани - всегда считались обвинителями всем необходимым для обоснования обвинений. Например,

никогда не считалось необходимым приводить имена кардиналов, составлявших этот полк жертв. Это, конечно, означало бы оспорить легкое опровержение оптового обвинения; а опровержение нежелательно для тех, кто предпочитает сенсационную манеру.

Это упущение можно, по крайней мере частично, исправить, приведя список кардиналов, умерших за одиннадцать лет понтификата Александра VI. Этих смертей за одиннадцать лет насчитывается двадцать одна — что, кстати, составляет процент, который выгодно отличается от любых других одиннадцати лет любого другого понтификата или понтификатат. Это:

Арджичино делла Порта. . В 1493 году в Риме
Джованни де'Конти. . . В 1493 году в Риме
Доменико делла Ровере. . В 1494 году в Риме
Gonzalo de Mendoza. . . В 1495 году в Испании
Луи Андре д'Эпине . . В 1495 году во Франции
Gian Giacomo Sclafetano. . В 1496 году в Риме
Бернардино ди Лунати ... В 1497 году в Риме
Paolo Fregosi. ... В 1498 году в Риме
Джанбаттиста Савелли ... В 1498 году в Риме
Giovanni della Grolaye . . В 1499 году в Риме
Giovanni Borgia В 1500 году в Фоссомброне
Bartolomeo Martini. . . В 1500 году в Риме
Джон Мортон. . . . В 1500 году в Англии
Battista Zeno. . . . В 1501 году в Риме
Хуан Лопес В 1501 году в Риме
Джанбаттиста Феррари ... В 1502 году, в Риме
Hurtado de Mendoza. . . В 1502 году в Испании
Gianbattista Orsini. ... В 1503 году в Риме
Giovanni Michieli. ... В 1503 году в Риме
Giovanni Borgia (Seniore). . В 1503 году в Риме
Федерико Казимир . . . В 1503 году в Польше

Теперь, поищите, сколько хотите, не только такие записи того времени, как дневники, хроники и депеши послов в Риме за этот одиннадцатилетний период, но и последующие труды, составленные на их основе, и вы не найдете ни капли скандала, связанного со смертью семнадцати из этих кардиналов, никаких намеков на то, что они умерли не своей смертью.

Остаются четверо: кардиналы Джованни Борджиа (Джуниоре), Джанбаттиста Феррари (кардинал Модены), Джанбаттиста Орсини и Джованни Мичиели, которых папа и Чезаре более или менее настойчиво обвиняли в отравлении.

Смерть Джованни Борджиа в Фоссомброне была подробно рассмотрена в надлежащем месте, и было показано, насколько злонамеренным и беспочвенным было обвинение.

Случай Джованни Мичили - это случай, который только что был рассмотрен, и, касаясь которого, вы можете сделать свои собственные выводы.

Также был обследован Джанбаттиста Орсини. Это основано на слухах; но даже если эти слухи правдивы, несправедливо рассматривать это деяние иначе, чем в свете политической казни.

Остается случай с кардиналом Модены, человеком, который накопил огромное состояние самым сомнительным образом и которого все ненавидели. Эпиграммы после его смерти в форме эпитафий самым ужасным образом касались “его позорной памяти”, как выразился Берчард. Из них Церемониймейстер собрал более десятка, которые он приводит в своем Дневнике. Давайте приведем здесь в качестве наглядного примера все остальное, то, в котором говорится, что у земли есть тело кардинала, у быка (то есть Борджиа) - его богатство, а у ада - его душа.

“Hac Janus Baptista jacet Ferrarius urna,
Terra habuit corpus, Bos bona, Styx animam.”

Единственное абсолютно современное предположение о том, что он был отравлен, вышло из-под пера того же Джустиниани. Он написал венецианскому сенату, чтобы объявить о смерти кардинала 20 июля. В своем письме он рассказывает, как его бенефиции были немедленно распределены и как львиная доля досталась секретарю кардинала Себастьяно Пинцоне, и что было сказано (“*é fama*”), что этот человек получил их в качестве платы за кровь (“*in premium sanguinis*”), “поскольку по многим очевидным признакам считается, что кардинал умер от яда” (“*ex veneno*”).

Уже 11-го числа он написал: “Кардинал Моденский лежит больной, без особой надежды на выздоровление. Подозревается отравление” (“*si dubita di veleno*”).

Это было написано на восьмой день болезни кардинала, поскольку он заболел 3—го, как показывает Берчард. Далее Бурхард излагает нам весь ход болезни; рассказывает нам, как с самого начала кардинал отказывался пускать кровь или принимать какие-либо лекарства, прямо и определенно сообщает нам, что кардинал страдал от определенной лихорадки, столь распространенной и смертельной в Риме в июле и августе; он сообщает нам, что 11-го (в день, когда Джустиниани написал вышеупомянутое послание) лихорадка спала, чтобы вернуться 16-го. Его лечили (продолжает Берчард) многие способные врачи, которые пытались заставить его принимать их лекарства; но он упорно отказывался до следующего дня, когда принял небольшую часть предложенных доз. 20 июля — после семнадцатидневной болезни — он, наконец, скончался.

Эти записи в дневнике церемониймейстера представляют собой неопровержимый документ, неопровержимое свидетельство против обвинений в отравлении, если их рассматривать в сочетании с фактическими доказательствами, предоставляемыми продолжительностью болезни.

Это правда, что под датой 20 ноября 1504 года (при понтификате Юлия II) есть следующая запись:

“В ”Руоте” был вынесен приговор Себастьяно Пинцоне, апостольскому писцу, самовольно отсутствовавшему, и он был лишен всех льгот и должностей за то, что стал причиной смерти кардинала Модены, своего покровителя, который поднял его из праха”.

Но даже это не может поколебать убеждения, которое должно прийти в голову каждому честному уму при чтении записей в дневнике, сделанных одновременно с кончиной кардинала. Они слишком обстоятельны и убедительны, чтобы быть опровергнутыми этим

зарегистрированным приговором Руота два года спустя против человека, который даже не присутствовал при защите. Кроме того, необходима дискриминация. Бурхард не высказывает собственного мнения, когда пишет “в том, что он стал причиной смерти кардинала Модены” и т.д.; он просто - и очевидно — фиксирует заключение Трибунала Руоты, без собственных комментариев. Наконец, следует также отметить, что в этом вердикте против Пинцоне — каким бы сомнительным он ни был — нет никакого упоминания о Борджиа.

Дело, возбужденное против Себастьяно Пинцоне, перекликалось с делами, возбужденными против Асквино де Коллоредо и других, которых еще предстоит рассмотреть; оно было начато Джулиано делла Ровере — этим непримиримым врагом Дома Борджиа, — когда он стал папой римским, с целью навлечь позор на семью своего предшественника. Но об этом мы поговорим позже.

Другой пример непрерывного роста истории Борджиа приводится в связи с этим Себастьяно Пинцоне доктором Якобом Буркхардтом (в “Культуре возрождения в Италии”), который в ходе обычной резкой обличительной речи против Чезаре упоминает “Микеле да Корелла, его душителя, и Себастьяно Пинцоне, его отравителя”. Это удивительное заявление; ибо, хотя Джустиниани явно полагается на депешу о предположении, что Пинцоне вообще был отравителем, он игнорирует содержащееся в ней заявление о том, что Пинцоне был секретарем и фаворитом кардинала Феррари, и не утруждает себя выяснением того, что этот человек вообще никогда не состоял на службе у Чезаре Борджиа и никогда нигде не упоминается как связанный в каком-либо качестве с герцогом. Доктор Буркхардт, без сомнения, чувствовал необходимость связать Пинцоне с Борджиа, поскольку предполагаемая вина первого может отразиться на последнем, и поэтому он сделал это таким легким и безответственным образом.

Теперь, несмотря на полные и косвенные свидетельства, предоставленные Дневником Бурхарда, о смерти кардинала Моденского от лихорадки терция, немецкий ученый Грегоровиус без колебаний пишет о смерти этого кардинала: “Несомненно, что это произошло из-за их [Борджиа] безошибочных белых порошков”.

О, искусство писать историю в широких заявлениях в поддержку предвзятой точки зрения! О, этот белый порошок Борджиа!

Джовио рассказывает нам все об этом. Он называет это “Кантарелла” - Кантаридес. Почему “Кантарелла”? Возможно, потому, что это приятное, сладкозвучное слово, которое поможет гладко составить предложение; возможно, потому, что пресловутые свойства афродизиака этого наркотика подсказали Джовио, что это просто яд, который нужно держать под рукой людям, увлеченным занятиями, которые он и другие приписывают семье Борджиа. Можете ли вы предположить какую-нибудь лучшую причину? Обратите внимание, что Джовио описывает для вас Кантареллу — его грубая ошибка, которая выдает ложь в его заявлении. “Белый порошок со слабым, но приятным вкусом”, - говорит он; и это, как вы знаете, совсем не похоже на кантарид, который зеленый, очень едкий и жгучий. Но кого волнуют подобные расхождения? Кто когда-либо подвергнет сомнению что-либо, высказанное против Борджиа? “Кантарелла — белый порошок со слабым, но приятным вкусом” превосходно отвечает постоянной цели поддержки клеветы и потворства вкусам тех, кто любит сенсации при чтении, — и вот, от пера к перу, от книги к книге это переходит так же бесспорно, как и невозможно.

В то время как войска Чезаре были заняты осадой Кери и с помощью машин, изобретенных Леонардо да Винчи, так сильно теснили защитников, что в конце месяца сопротивления они сдались, получив подписку о невыезде, враждебные и вечно ревнивые венецианцы на севере сеяли смуту, какую только могли. Раздраженные сдержанностью Франции, они лишь искали предлог, который оправдал бы их в глазах Людовика за развязывание войны против Чезаре, и когда вскоре прибыли послы, чтобы изложить папе недовольство Республики по поводу грабежа венецианских торговцев в Синигалье солдатами Борджиа, Чезаре не питал иллюзий относительно их отношения к нему.

Опасаясь, что это послужит поводом для нападения на его границы, он отправил приказы на север, рекомендуя проявлять бдительность и инструктируя своих офицеров сурово расправляться со всеми врагами его государства, в то время как сам приступил к составлению провизии для правительства Романьи. Чтобы заменить генерал-губернатора, он назначил четырех сенешалей: Кристофоро делла Торре в Форли, Фазэнце и Имоле; Иеронимо Бонадиеса в Чезене, Римини и Пезаро; Андреа Косса в Фано, Синигалье, Фоссомброне и Перголе; и Педро Рамиреса в герцогстве Урбино. Последнее заключалось в том, чтобы найти много работы для своих рук, ибо Урбино еще не был покорен, а Майоло и Сан-Лео все еще держались за Гвидобальдо.

Рамирес начал с того, что захватил Майоло, а затем приступил к осаде Сан-Лео. Но кастелян — некто Латтанцио — ободренный данными ему заверениями в том, что венецианцы окажут Гвидобальдо помощь в отвоевании его владений, упорно сопротивлялся, и его заставили сдаться только в конце июня, после того как он удерживал замок в течение шести месяцев.

Если Венеция была ревнива и враждебна на севере, то Флоренция была едва ли менее ревнива в средней Италии — хотя, возможно, с гораздо большим основанием, поскольку растущее могущество и безграничные амбиции Чезаре держали последнюю Республику в постоянном страхе быть поглощенной его владениями — тем королевством, основание которого было его конечной целью. Не может быть никаких сомнений в том, что Франческо да Нарни, который появился в Тоскане в начале марта того же года, прибыв от французского двора с целью организации лиги Флоренции, Болоньи, Сиены и Лукки — четырех государств, более или менее находящихся под защитой Франции, — был умоляем Флоренцией с очевидной целью, чтобы эти четыре государства, объединившись, могли взаимно защититься от Валентинуа. И Флоренция даже зашла так далеко, что воспользовалась этим до такой степени, что вернула Пандольфо Петруччи власть в Сиене — предпочтя даже этого явного врага грозному Валентинуа. Таким образом, к концу марта произошло восстановление Петруччи в должности, несмотря на то, что жители Сиены разделились по вопросу о его возвращении.

За единственным исключением Камерино, где беспорядки все еще продолжались, к лету 1503 года в государстве Церквы все было спокойно.

Это желаемое положение вещей было достигнуто мудрым и либеральным правительством Чезаре, чего также было достаточно для обеспечения его продолжения.

Он успешно боролся с угрозой массового голода, импортируя зерно из Сицилии. Синигалье — своему последнему завоеванию — он предоставил, как и другим подчиненным штатам, привилегию назначать ее собственных должностных лиц-уроженцев, за исключением, конечно, подесты (который никогда не мог быть уроженцем какого-либо места, где он вершил

правосудие) и кастеляна. В Чезене либеральное правосудие вершил Трибунал Руоты, который Чезаре учредил там, укомплектовав его лучшими юристами Романьи.

В Риме он приступил к созданию военной организации на новой основе и с тщательностью, невиданной ранее в Италии — или где—либо еще, если уж на то пошло, - но которая впоследствии стала примером, которому все стремились подражать. Мы видели, как он издал указ о том, что каждый дом в Романье должен предоставить ему по одному воину, которые будут прислуживать ему в случае необходимости. Набранные таким образом люди были обязаны отправляться на рыночную площадь своего родного города, когда их призывали туда звоном колоколов, и было подсчитано, что такой метод призыва даст ему шесть или семь тысяч человек, которых можно было мобилизовать за пару дней. Он увеличил число аркебузирова, оценив мощь и ценность оружия, которое, хотя и было изобретено почти столетие назад, все еще воспринималось с подозрением. Он также был изобретателем военной формы, одев своих солдат в собственную ливрею и заставив своих латников носить поверх доспехов халат с красными и желтыми полосами и именем ЧЕЗАРЕ, написанным буквами на груди и спине, в то время как джентльмены его гвардии носили плащи его цветов из золотой парчи и малинового бархата.

Он продолжал набирать войска и вооружать их, и вряд ли будет преувеличением сказать, что вряд ли тиран Романьи осмелился бы на такое из страха, что оружие обратится против него самого. Чезаре не знал такого страха. Он наслаждался лояльностью подчиненных ему людей, которая была почти беспрецедентной в Италии. Те самые офицеры, которых он поставил командовать набранными им войсками, были, по большей части, уроженцами Романьи. Неужели из этого нельзя сделать никакого вывода относительно него!

Для каждого военнослужащего Чезаре заказал стальные спинку, нагрудник и головной убор, и тем летом оружейные мастерские Брешии деловито звенели металлом о металл, поскольку ковались защитные доспехи для войск Чезаре. В то же время литейные цеха выпускали новые пушки в тот сезон, когда Чезаре находился на самом пике своего могущества, хотя сам он, возможно, еще не отдавал себе отчета в том, что продвинулся дальше, чем в начале.

Но катастрофа, которая должна была безвозвратно сбросить его с высоты, на которую он взобрался за три коротких года, приближалась крадущейся, неумолимой поступью и даже сейчас была над ним.

КНИГА IV. КАДЕНЦИЯ БЫКА

“Cesar Borgia che era della gente Per armi e per virtù tenuto un sole, Mancar dovendo andó dove andar sole Phebo, verso la sera, al Occidente.

“Джироламо Касио—Эпитаффи”.

ГЛАВА I. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА VI

Несчастный Неаполь снова стал полем битвы. Франция и Испания были вовлечены там в войну, подробности которой относятся к другому месту.

На помощь Франции, которая была сильно осаждена и с оружием которой дела обстояли не слишком хорошо, был призван Чезаре для выполнения обязательств, на которые он был возложен в силу своего договора с королем Людовиком.

Ходили слухи, что он вел тайные переговоры с Гонсало де Кордобой, Великим Капитаном, и правда о том, был ли он виновен в столь низком предательстве, так и не была раскрыта. Эти слухи распространялись с мая, и если не возникли, то, несомненно, были спровоцированы опубликованным Валентинуа эдиктом, касающимся папского камергера Франческо Троче. В этом эдикте Чезаре предписывал всем подданным Святого Престола арестовывать, где бы их ни нашли, этого человека, бежавшего из Рима и чье бегство “было связано с чем-то, наносящим ущерб чести короля Франции”.

Франческо Троче был доверенным камергером и секретарем Александра; он был прилежным слугой Дома Борджиа, а во время пребывания во Франции действовал как шпион Валентинуа, снабжая герцога ценной информацией в критический момент, как мы видели.

Виллари говорит о нем, что он был “одним из самых доверенных убийц Борджиа”. То, что его никогда даже не обвиняли в чьем-либо убийстве, ничего не значит. Он был слугой — доверенным слугой — Борджиа; поэтому титул “ассасин”, *ipso facto*, должен быть присвоен ему.

Бегство человека, занимавшего такое интимное положение, как Трош, естественно, было предметом многочисленных домыслов и сплетен, но о нем никто ничего не знал. Валентинуа всегда был тайной. Как и его отец — хотя и не в такой заметной степени, и если не считать случая с оскорбительным письмом Сильвио Савелли, — он демонстрировал презрительное безразличие к общественному мнению в целом, которое наделено почти определенным величием. По крайней мере, такое безразличие редко ассоциируется у нас иначе, чем с величием. Не ему было доверять миру то, что его не касалось. Пусть разжигатели скандалов делают какие им заблагорассудится выводы. Это была возвышенная и достойная процедура, но она была сопряжена с опасностями; и Борджиа никогда не переставали расплачиваться за эту чрезмерную сдержанность. Ибо языки, должно быть, болтают, и там, где не хватает знаний, их место вскоре узурпируют домыслы, которые в настоящее время облечены всем авторитетом “факта”.

Из предположений, касающихся этого вопроса, “который касался чести короля Франции”, вскоре вырос — и противоречиво — слух о том, что Трош уехал, чтобы сообщить Франции о намерении Валентинуа перейти на сторону Испании. Безусловно, для объяснения поступка

Троша требовался мотив; но изобретение мотивов, по-видимому, никогда не беспокоило Чинквечентиста.

Теперь поговаривали, что Троше был взбешен тем, что его не включили в список кардиналов, который должен быть представлен на предстоящей Консистории. Все это остается тайной, даже тот конец, который он совершил; ибо, в то время как одни говорили, что после того, как Троше был схвачен на борту корабля, направлявшегося на Корсику, он в отчаянии бросился за борт и утонул, другие сообщали, что его привезли обратно в Рим и задушили в тюрьме в Трастевере.

Следующие вопросы требуют ответа:

Если в планы Троше входило предать Францию такому предательству Борджиа, что он делал на борту судна, направлявшегося на Корсику, через две недели после своего бегства из Рима? Разве его истинной целью не был бы французский лагерь в Неаполе, которого он мог бы достичь за четверть этого времени и где он не только смог бы реализовать свою жажду мести, предав Александра и Валентинуа, но и нашел бы полную защиту от преследования?

Бесполезно и нерентабельно дальше останавливаться на конце Франческо Троше. Этот вопрос является полной загадкой, и хотя теория очень хороша как теория, опасно заставлять ее заменять факты.

Трош утонул или был задушен из-за того, что бежал по мотивам, которые были “против чести короля Франции”. И сразу же распространился слух о предполагаемом предательстве Валентинуа, и этот слух был поддержан и раздут Венецией и Флоренцией в продолжение их непрекращающейся политики дискредитации Чезаре в глазах короля Людовика с целью его целесообразного разорения.

В немалой степени ложь раскрыл им папа, когда на Консистории от 28 июля объявил об отъезде Чезаре, чтобы присоединиться к французской армии в Неаполе с пятью сотнями всадников и двумя тысячами пехотинцев, собранных для этой цели.

К этому Чезаре начал готовиться и накануне отъезда — вечером 5 августа — отправился со своим отцом поужинать на вилле кардинала Адриано Корнето под Римом.

Однажды мы уже видели его ужинающим на вилле в Субурре накануне отъезда в Неаполь, и мы знаем о последовавшей за этим трагедии — трагедии, в совершении которой его обвиняли. И здесь, на вилле в Субурре, за ужином накануне отъезда в Неаполь, невидимой гостьей была Смерть.

Они допоздна засиделись на винограднике кардинала Корнето, наслаждаясь предательской вечерней прохладой, вдыхая запах смерти, которая была вездесущей в Риме тем летом, чумной лихорадки, поразившей кардинала Джованни Борджиа (сеньоре) 1 числа того месяца и от которой каждый день умирали люди в самых пугающих количествах.

Утром в субботу 12-го, сообщает нам Берчард, папа почувствовал себя плохо, а вечером того же дня у него поднялась температура. 15-го числа Берчард записывает, что ему пустили кровь, у него взяли тринадцать унций крови. Это несколько успокоило его, и, желая отвлечься, он попросил нескольких кардиналов подойти, посидеть у его кровати и поиграть в карты.

Тем временем Чезаре тоже заболел, и у него бушевала такая сильная лихорадка, что он погрузил себя по шею в огромный кувшин с ледяной водой - радикальное лечение, в результате которого он полностью сбросил кожу со своего тела.

17-го папе стало намного хуже, а 18-го, когда конец был близок, он был исповедан епископом Кульма, который совершил Соборование, и в тот же вечер он скончался.

Это, вне всякого сомнения, правдивая история кончины Александра VI, о чем свидетельствуют Дневник Бурхарда, показания лечившего его врача и депеши венецианского, феррарезского и флорентийского послов. В настоящее время это признают все серьезные историки, вынужденные к этому бременем доказательств.

Посол Феррары написал герцогу Эрколе 14 августа, что неудивительно, что папа и герцог заболели, поскольку почти все в Риме заболели из-за плохого воздуха (“За плохие условия воздуха”).

Кардинал Содерини также заболел лихорадкой, в то время как Корнето заболел на следующий день после того званого ужина и, как говорят, сбросил всю кожу с тела, прежде чем выздоровел.

Даже Виллари и Грегоровиус, столь несдержанные при написании книг о Борджиа, отбрасывают необычные и совершенно необоснованные истории Гвиччардини, Джовио и Бембо, которые сейчас будут рассмотрены. Грегоровиус делает это с неохотой, которая почти забавна, и со многими ласковыми, сожалеющими взглядами назад — столь очевидными в его манере — на историю злодейства, рассказанную Гвиччардини и другими, которую немецкий ученый принял бы, но не осмелился ради своей репутации. Это утверждается не просто на основании предположения. Это очевидно для любого, кто читает истории Грегоровиуса.

Берчард сообщает нам — что, безусловно, заслуживает комментария, — что во время своей последней болезни Александр ни разу не спросил о Чезаре и ни разу не упомянул имя Лукреции. Что касается Чезаре, то папа, без сомнения, знал, что он болен и прикован к постели, несмотря на всю серьезность состояния герцога, которое, вероятно, было бы скрыто от него. То, что ему не следовало упоминать Лукрецию — и, как мы предполагаем, Джуффредо тоже, - примечательно. Упрекал ли он себя за это отцовство, которое, каким бы обычным оно ни было для священников всех степеней, было тем не менее скандалом, и тем более скандальным, что ранг преступника был выше? Вполне возможно, что в те последние дни этот грешный, мирской старик вспомнил об истинных масштабах и значении Наместничества Христа, которым он так бессмысленно злоупотребил и обесчестил, и решил, что перед тем Судьей, перед которым он был призван предстать, грехи его предшественников не будут ни оправданием, ни смягчением его собственных. Вполне возможно, что, погрузившись в самоанализе на смертном одре, он запоздало попытался выбросить из головы мирские вещи, которые так поглотили его, что духовное было забыто и послужило поводом для всего скандала, связанного с ним, который распространился по христианскому миру, к позору и бесчестью Церкви, защитником которой он должен был быть.

Так могло случиться, что в свои последние часы он не позвал никого из своих детей и не позволил их именам слететь с его губ.

Когда до Чезаре дошла весть о смерти его отца, герцог, весь охваченный лихорадкой, скорее мертвый, чем живой, обдумал свое положение и отдал приказ Микеле да Корелле, самому

верному из всех своих военачальников, который так щедро разделял с Цезаре ненависть врагов последнего.

О слезах по его отцу нет никаких свидетельств, точно так же, как нам никогда не позволено видеть, чтобы этот суровый дух давал выход каким-либо эмоциям, проявлял какую-либо привязанность или когда-либо работал на благо кого-либо, кроме него самого. Кроме того, в такой час, как этот, сознание опасности, в которой он находился из-за смерти папы Римского и его собственной самой неподходящей болезни, которая помешала ему предпринять действия для обеспечения своего будущего, должно было беспокоить его больше всего остального.

Однако тем временем в Риме царило спокойствие, удерживаемое железной хваткой Микеле да Корелла и герцогскими войсками. Смерть папы на данный момент держалась в секрете, и о ней не было объявлено народу до наступления темноты, когда Корелла выполнил приказ своего господина, включая захват папских сокровищ. И Бурхард рассказывает нам, как несколько человек Валентинуа проникли в Ватикан, все ворота которого удерживали войска герцога, и, схватив кардинала Казанову, они потребовали, приставив кинжал к его горлу и пригрозив выбросить его труп из окна, если он им откажет, ключи папы. Кардинал сдал их, и Корелла получил в свое распоряжение столовое серебро и драгоценности стоимостью около 200 000 дукатов, а также две шкатулки, содержащие около 100 000 дукатов золотом. После этого дворцовые слуги завершили разграбление, перерыв шкафы и забрав все, что смогли найти, так что в папских покоях не осталось ничего, кроме стульев, нескольких подушек и гобеленов на стенах.

Всю свою жизнь Александр был жертвой самой непристойной клеветы. Истории о его имени и репутации когда-либо возникали и разрастались, подобно болезнетворным сорнякам. Его грехи, великие и скандальные сами по себе, были раздуты народной молвой под влиянием злого умысла до чудовищных и невероятных размеров. Как они преувеличивали и лгали об образе его жизни, так — с последовательностью, достойной большего размаха — они преувеличивали и лгали о способах его смерти, и, поскольку эпоха была легковерной, истории были таковы, что писатели более современных и менее легковерных времен не осмеливались настаивать на них, чтобы не дискредитировать — что они и делают — то, что еще было выдвинуто против него.

Таким образом, когда в своем последнем бреду папа произнес несколько таких слов, как: “Я иду; я иду. Это справедливо. Но подожди немного”, и когда эти слова были повторены, сразу же было заявлено, что дьявол был существом, к которому он таким образом обратился в тот высший час. История обрастала подробностями; это неизбежно в таких делах. Говорили, что он заключил сделку с дьяволом на двенадцатилетний понтификат, и по истечении этого срока дьявол пришел за ним. И в настоящее время у нас даже есть описание Мессера Дьявола таким, каким он предстал в тот раз — в образе бабуина. Маркиз Гонзага Мантуанский со всей серьезностью пишет, чтобы рассказать об этом. Хронист Сануто, взявший популярную ныне историю из другого источника, со всей серьезностью поместил ее в своих Дневниках следующим образом:

“Было замечено, как дьявол выпрыгнул из комнаты в облике павиана. И кардинал подбежал, чтобы схватить его, и, поймав, хотел представить папе; но папа сказал: ‘Отпусти его, отпусти. Это дьявол’, и в ту ночь он заболел и умер”.(1)

1 “Il diavolo sarebbe saltato fuori della camera in forma di babuino, et un cardinale corso per piarlo, e preso volendolo presentar al papa, il papa disse lasolo, lasolo ché ii diavolo. E poi la notte si amaló e morite.”—Marino Sanuto, Diarii.

Эта история, выходящая за рамки того, что наш более практичный век считает возможным, повсеместно отвергается; но она имеет огромное значение для изучающего историю; ибо следует иметь в виду, что она находит место на страницах тех самых Дневников, на основании которых принимаются многие клеветнические истории, невзирая на их крайнюю неправдоподобность, пока они находятся в пределах чистой вероятности.

После смерти Александра говорили, что вода кипела у него во рту и что из него шел пар, когда он лежал в больнице Святого Петра, и многое другое в том же роде, что известные законы физиологии вынуждают многих из нас с большой неохотой принимать за преувеличения. Но, опять же, помните, что источник этих историй был тем же, что и источник многих других преувеличений, не противоречащих физиологическим законам.

Обстоятельства похорон Александра в высшей степени скандальны и отражают величайшую дискредитацию его возраста.

На следующий день, когда духовенство пело "Освободи меня, Домине" в соборе Святого Петра, где тело было выставлено на всеобщее обозрение на катафалке в полном понтификате, произошел бунт, который был поднят присутствующими солдатами по причинам, которые Берчард, который описывает событие, не объясняет.

Священнослужители укрылись в ризнице, песнопения были прерваны, а тело папы почти полностью покинуто.

Но самое скандальное событие произошло сутки спустя. Останки папы были перенесены в часовню Санта-Мария-делле-Февбре шестью носильщиками, которые смеялись и подшучивали над бедным трупом, что должно было вызвать грубое веселье низших классов эпохи, которые, не придавая значения человеческой жизни, не знали уважения к смерти. Из-за болезни, которая убила его, из-за его привычки к полноте тела и изнуряющей августовской жары труп быстро разлагался, так что лицо стало почти черным и приобрело гротескно ужасный вид, полностью описанный Берчардом:

“Factus est sicut pannus vel morus nigerrimus, livoris totus plenus, nasus plenus, os amplissimum, lingua duplex in ore, que labia tota implebat, os apertum et adeo horribile quod nemo viderit unquam vel esse tale dixerit.”

Два плотника ждали в часовне с гробом, который они принесли; но либо по небрежности он был сделан слишком узким и коротким, либо тело из-за его распухшего состояния с трудом помещалось в этоместилище; после чего, сняв митру, для которой не было места, они заменили ее куском старого ковра и принялись с силой заталкивать труп в гроб. И это было сделано “без зажжения свечи или какого-либо другого источника света в честь усопших и без присутствия какого-либо священника или другого лица, которое ухаживало бы за останками папы”. Никаких объяснений этому не последовало; вероятно, это было связано с паникой, ранее вызванной среди духовенства герцогскими латниками.

Слух о том, что он был отравлен, уже распространился по Риму подобно пожару, возникшему из-за внешнего вида тела, который в народе ассоциировался с отравлением.

Но Борджиа в роли жертвы был слишком необычен, чтобы быть приемлемым, и слишком сильно противоречил вкусам, к которым была приучена публика; поэтому историю пришлось редактировать и видоизменять до тех пор, пока она не стала пригодной для массового потребления. Вспомнился званый ужин на вилле кардинала Корнето, и на этом была основана история, которая постепенно обрела правдоподобную форму.

Александр намеревался отравить Корнето — так гласила эта история, — чтобы самому завладеть огромными богатствами кардинала; в основном, к настоящему времени это уже затасканная история. С этой целью Чезаре подкупил дворецкого, чтобы тот налил кардиналу вина из доверенной ему фляги. Выйдите, Чезаре. Вскоре выйдите из дворецкого, небрежно оставив отравленное вино на буфете. (Драма, как вы заметите, совершенно механична, полна авторских вмешательств и элементарна в своих “приготовлениях”). Входит папа. Он испытывает жажду и требует вина. Слуга спешит; берет, конечно, отравленную фляжку, не зная о ее истинном качестве, и наливает его Блаженству. Пока папа пьет, возвращается Чезаре, тоже охваченный жаждой, и, усевшись, присоединяется к папе за отравленным вином, ничего не подозревая и не приняв никаких мер предосторожности, чтобы пометить флягу. Поэтическая справедливость восторжествовала, и опускается занавес над этим нелепым трагифарсом.

Такова история, которую Гвиччардини, Джовио и множество других более или менее выдающихся историков имели наглость представить своим читателям как подлинные обстоятельства смерти Александра VI.

Примечательно, что во всем, что касается истории Дома Борджиа, и особенно в тех ее эпизодах, которые окутаны тайной, косвенные разъяснения обычно исходят из одних и тех же источников.

Вы помните, например, что венецианец Паоло Капелло (хотя и не находившийся в то время в Риме) был одним из тех, кто был лучше всех информирован по делу об убийстве герцога Гандийского. И снова именно Капелло был в курсе всех подробностей едва ли не менее загадочного дела Альфонсо Арагонского. Другим человеком, у которого по поводу убийства Гандии “не было сомнений”, как он сам выразился, был Пьетро Мартире д'Ангиера, находившийся в то время в Испании, откуда он написал, чтобы проинформировать Италию об истинных обстоятельствах дела, произошедшего в Италии.

Это снова Пьетро Мартире д'Ангиера, который 10 ноября 1503 года пишет из Бургоса в Испанию, чтобы сообщить Риму об истинных фактах смерти Александра, поскольку именно в этом его письме история о фляге с вином, изложенная здесь, впервые находит место.

Бесполезно развивать этот вопрос дальше, поскольку в настоящее время даже самые неохотные отвергать все, что говорит против Борджиа, были вынуждены признать, что бремя доказательств в данном случае слишком велико и что неопровержимо доказано, что Александр умер от терциевой лихорадки, опустошавшей тогда Рим.

И точно так же, как смерть папы была предметом самых диких вымыслов, которые сохранились до самых недавних дней, так же было и выздоровление Чезаре.

Опять же, это был тот же Пьетро Мартире д'Ангьера, который написал из Бургоса, чтобы проинформировать Рим о том, что происходило в уединении апартаментов герцога Валентинуа в Ватикане. Под его легким и волшебным пером кувшин с ледяной водой, в который, как считалось, погрузили Чезаре, был превращен в мула, которого вскрыли, чтобы больного лихорадкой Чезаре можно было поместить в пульсирующие внутренности и там выпотеть от лихорадки.

Но такое бедное и бесполое животное, как это, казалось в народном сознании неадекватным человеку с таким характером, как у Чезаре, вскоре было усовершенствовано и превращено в быка — к тому же гораздо более подходящего в качестве эмблемы его дома.

И не похоже, что даже тогда история зашла достаточно далеко. *Facilis inventis addere*. Приходит французский писатель с эссе о семье Борджиа, лучше которого — представленного как трезвый факт — ничего более поразительно зловещего написано не было. В этом, с наводящим на размышления чисто галльским умом, он заставляет нас составить впечатление о Чезаре в кишечнике этого проклятого быка, как о человеке, который одновременно является иерофантом и приверженцем чудовищного, мерзкого и нечистоплотного обряда какой-то невыразимой религии - обряда, по сравнению с которым Черная месса аббата Грибура становится сладкой и полезной вещью.

Но послушайте самого человека:

“Cet homme de meurtres et d’inceste, incarné dans l’animal des hécatombes et des bestialités antiques en évoque les monstrueuses images. Je crois entendre le taureau de Phalaris et le taureau de Pasiphaë répondre, de loin, par d’effrayants mugissements, aux cris humains de ce bucentaure.”

Это главное замечание по этому вопросу. В дальнейшем все должно поблекнуть до антиклимакса.

ГЛАВА II. PIUS III

Лихорадка, сотрясавшая тело Чезаре Борджиа в те дни, возможно, была ничем по сравнению с лихорадкой, терзавшей его разум, с отчаянной яростью, которая, должно быть, захлестнула его душу, когда он увидел неожиданное — единственное непредвиденное обстоятельство, которого он не предусмотрел, — выбивающее почву у него из-под ног.

Как он впоследствии выражался Макиавелли и как Макиавелли оставил в протоколе, Чезаре подумал обо всем, предусмотрел все, что могло произойти после смерти его отца, за исключением того, что в такое время — когда ему больше, чем когда-либо, понадобились бы все его силы тела и разума - он сам был бы при смерти.

Едва тело Александра успело остыть, как враги герцога начали поднимать головы. Уже к 20 числу того месяца — через два дня после того, как папа испустил дух — Орсини были вооружены и возглавили восстание, в ответ на которое Микеле да Корелла поджег их дворец в Монтегьордано.

Венеция и Флоренция вспомнили, что защита Франции предназначалась исключительно Церкви, а не лично Чезаре. Таким образом, венецианцы немедленно снабдили Гвидобальдо да Монтефельтре войсками, с помощью которых он отвоевал свои владения, и к 24-му он стал хозяином Сан-Лео. В самом городе Урбино Рамирес, губернатор, продержался как можно дольше, затем начал отступление к Чезене, в то время как партизаны Валентинуа в Урбино были безжалостно перебиты, а их дома разграблены.

Флоренция поддержала Бальони в отвоевании Маджоне у Борджиа, и они помогли Джакомо д'Аппиано вернуть себе Пьомбино, который с такой радостью покинул его восемнадцать месяцев назад.

Из Маджоне Джанпаоло Бальони ведет свои флорентийские войска в Камерино, чтобы помочь единственному оставшемуся Варано восстановить тиранию его отцов. Вителли вернулись в Читта-ди-Кастелло, с триумфом неся по улицам золотого тельца; и таким образом, к концу августа, менее чем за две недели, все придатки Романьи были потеряны для Чезаре, в то время как у самых ворот Чезаре ратники Орсини кричали с настойчивой угрозой.

Лучшим другом герцога в тот кризис был его секретарь Агабито Герарди. Ибо весьма вероятно — как полагает Алвизи, — что именно Герарди убедил своего хозяина заключить союз с Колонна, поскольку сам Герарди состоял в родстве с этой могущественной семьей. Союз этих старых врагов — Колонны и Борджиа — был в их общих интересах, чтобы они могли противостоять своему общему врагу Орсини — старым друзьям Борджиа.

22 августа Просперо Колонна прибыл в Рим, и условия были выдвинуты и скреплены обычным образом помолвкой маленького Родриго (ребенка Лукреции) с дочерью из дома Колонна. В тот же день Священная коллегия утвердила Чезаре в должности генерал-капитана и гонфалоньера Церкви до избрания нового папы.

Тем временем, больной почти до смерти и едва способный пошевелить рукой или ногой, настолько ослабевший телом после героического лечения, которому он подвергся, Чезаре мысленно продолжал демонстрировать чудо энергии и самообладания. Он отдал приказ об укреплении Ватикана и вызвал из Романьи 200 всадников и 1000 пеших к себе на помощь в Рим, приказав Ремолино, приведшему эти войска, расположиться в Орвието и там ожидать его дальнейших приказов.

Учитывая, что Колонна сражались в Неаполе под знаменами Гонсало де Кордобы, вполне естественно было предположить, исходя из союза Чезаре с первым, что на этот раз он был полон решимости перейти на сторону Испании. По этому поводу г-н де Транс обратился к Валентинуа с протестом от имени Людовика XII, на что получил в ответ заверения герцога, что союз, в который он вступил, строго ограничен Колонной, что это не влечет за собой никакого договора с Испанией; да он и не заключал никакого; что его верность королю Франции остается неизменной и что он готов поддержать короля Людовика всеми силами, которыми он располагает, когда бы его величество ни пожелал этого. В ответ французский посол и кардинал Сансеверино заверили его в постоянной защите Людовика и в том, что Франция поможет ему

сохранить свои владения в Италии и отвоевать все, что могло отделиться; и копии этой декларации были отправлены во Флоренцию, Венецию и Болонью 1 сентября в качестве предупреждения этим державам не предпринимать ничего во вред Валентинуа.

Так ускорилося время новендиали — девятидневных похорон умершего папы, — которые начались 4 сентября.

Поскольку во время конклава, который должен был немедленно последовать, присутствие вооруженных людей в Риме было противозаконно, Священная коллегия потребовала от Цезаре вывести свои войска. Он сделал это 2 сентября и сам отправился с ними.

Кардинал Сансеверино и французский посол сопровождали его из Рима и видели, как он направлялся по дороге в Непи — слабый, измученный лихорадкой человек, которого несли на носилках дюжина его алебардчиков, его молодость, красоту, несравненную силу тела - все это отняла у него коварная болезнь, которая, хотя и неохотно, пощадила саму его жизнь.

В Непи его ждал его брат Джуффредо, который приехал туда раньше него из Рима. Этот Джуффредо - темная личность, чья незначительная личность мучительно неуловима на страницах, где о нем упоминается. Его страдающая невоздержанностью жена, донья Санча, отправилась в Неаполь в сопровождении Просперо Колонны, покинув замок Сант-Анджело, где она некоторое время находилась взаперти по приказу своего тестя, папы римского, из-за беспорядков, связанных с ее легкомысленной жизнью.

И теперь советы, содержащиеся в новом договоре между Цезаре Борджиа и королем Франции, оказывали свое действие на Венецию и Флоренцию, которые были вынуждены еще раз задуматься из-за яростной ревности друг к другу, уступавшей только их ревности к герцогу.

Из Венеции — с санкции своего правительства или без таковой — Бартоломео д'Альвиано отправился со своим кондоттой на юг, в Романью, сразу же после получения известия о смерти Александра, и, найдя Пандольфаччо Малатесту в Равенне, он отправился сопровождать его обратно в Римини, который тиран продал Цезаре. Римини, однако, отказался принять его обратно и оказал сопротивление войскам под командованием д'Альвиано. Таким образом, на данный момент ничего не было достигнуто. После чего Республика, которая сначала выразила слабый, притворный протест против действий своего кондотьера, теперь сочла за благо найти предлог для его поддержки. Итак, Венеция заявила, что у ее курьера отобрали письмо, и, имея такой непреодолимый повод для военных действий, направила д'Альвиано подкрепление с целью вернуть Пандольфаччо власть, к которой он испытывал отвращение. Далее, д'Альвиано должен был после этого приступить к выполнению аналогичной должности для Джованни Сфорца, который уже сел на корабль, отплывающий в Пезаро, и который был восстановлен в правах 3 сентября.

Оттуда, перенеся войну в саму Романью, д'Альвиано двинулся на Чезену. Но Романья была стойкой и преданной своему герцогу. Губернатор заперся в Чезене со всеми войсками, какие только смог собрать, включая тысячу ветеранов под командованием доблестного Диониджио ди Нальдо, и там, стоя твердо и непреклонно, он ожидал натиска венецианцев.

Д'Альвиано продвигался быстро и безжалостно, опустошая страну на своем пути, пока внезапно не остановили его войска Борджиа, отважившиеся на вылазку. Венецианцы были разбиты и обращены в бегство.

16 сентября восстановленные тираны Римини, Пезаро, Кастелло, Перуджи, Камерино, Урбино и Синигальи заключили и подписали в Перудже лигу, руководителями которой были Бартоломео д'Альвиано и Джанпаоло Бальони, для своей общей защиты.

Флоренцию пригласили присоединиться к союзникам. Однако, запуганная Францией, синьория не только отказалась быть включенной в список, но — в своей обычной манере — даже дошла до того, что сообщила Чезаре Борджиа об этом отказе и предложила ему свои услуги и помощь.

В тот же день Священная коллегия собралась в Риме на мессу Святого Духа, чтобы испросить милости вдохновения при избрании нового понтифика. Роль, которую обычно играл божественный афлатус в этих вопросах, была настолько хорошо понята и оценена, что венецианский посол получил инструкции от Республики (1) приказывать венецианским кардиналам проголосовать за Джулиано делла Ровере, в то время как король Франции собственноручно направил письмо Священной коллегии с просьбой избрать его друга кардинала д'Амбуаза, а Испания, в то же время, стремилась повлиять на избрание Карвахала.

1 См. Дневники Сануто.

Шансы последнего из названных, по-видимому, никогда не были очень велики. Тремя наиболее поддержанными кандидатами были делла Ровере, д'Амбуаз и Асканио Сфорца, который вновь появился в Риме, наконец—то освобожденный из французской тюрьмы, как раз вовремя, чтобы присутствовать на этом Конклаве.

Ни одна из этих трех фракций не была достаточно сильна, чтобы обеспечить избрание собственного кандидата, но любые две были достаточно сильны, чтобы помешать избранию кандидата третьей. Вот почему случилось так, что в результате такой сильной ревности и соперничества пришлось прибегнуть к выжиданию, избрав самого старого и слабого кардинала в Коллегии. Таким образом, в настоящее время должны состояться еще одни выборы, а тем временем кандидаты выигрывают время, организовав свои мероприятия и опросив своих сторонников, чтобы контролировать голоса Коллегии на этом будущем Конклаве. Поэтому Франческо Пикколомини, кардинал Сиены (племянник Пия II), немощный восьмидесятилетний старик, страдавший язвой, которая в сочетании с некомпетентностью врача должна была сократить его жизнь еще короче, чем они надеялись, был возведен на престол Святого Петра и принял в понтификате имя Пия III.

Новый папа был полностью благосклонен к Чезаре Борджиа и утвердил его на всех должностях, выразив Венеции свое неудовольствие ее покушением на Романью и направив союзным тиранам записки, в которых приказывал им прекратить противодействие воле Святого Престола.

Чезаре вернулся в Рим, все еще слабо держась на ногах, и на него было страшно смотреть, и 6 октября он получил в соборе Святого Петра конфирмацию в качестве генерал-капитана и гонфалоньера Церкви.

Между тем письмо Людовика остановило венецианцев от оказания дальнейшей помощи союзникам. Последние, однако, продолжали свои военные действия, несмотря на это. Они

захватили Синигалью, а теперь предприняли покушение на Фано и Фермо, но были отбиты в обоих местах верными подданными Чезаре. В то же время орделаффи, которые в старые времена были свергнуты с тирании Форли, чтобы освободить место для риариев, сочли эту возможность хорошей, чтобы попытаться вернуть себе свое господство; но их попытка тоже была сорвана.

Чезаре бессильно сидел в Риме, без сомнения, раздосадованный собственным бездействием. У него не могло не хватить воли отправиться в Романью, чтобы поддержать подданных, которые проявили к нему такую преданность; но ему не хватало средств. Из-за конфликта Франции и Испании в Неаполе его армия практически растаяла. Условия его договора с Людовиком вынудили его отправить большую часть оружия в лагерь в Гарильяно, чтобы поддержать французов, оказавшихся в бедственном положении. Силы, которые Ремолино расквартировал в Орвието в ожидании приказов герцога, он не смог там удержать. Обеспокоенные своим положением и обнаружив невозможность ни наступать, ни отступать, поскольку им угрожали с одной стороны Бальони, а с другой - Орсини, эти войска постепенно дезертировали; в то время как большинство испанских капитанов Чезаре и их сторонники отправились на помощь своим соотечественникам под командованием Гонсало де Кордобы в ответ на призыв этого капитана ко всем испанцам на полуострове.

Так получилось, что у Чезаре не было сил содержать своих подданных из Романии. Его уполномоченные на севере сделали все возможное, чтобы возместить ущерб, нанесенный союзниками, и они послали Диониджио ди Нальдо с шестью сотнями пехотинцев и, кроме того, кондотту из двухсот всадников против Римини. Он был захвачен ими за один день и почти без сопротивления, Пандольфаччо, спасая свою жизнь, улетел в Пезаро.

Затем союзники, попытавшись отомстить за разгром, нанесенный им при Чезене, предоставили герцогским войскам возможность одержать еще одну победу. Они подготовили вторую атаку на столицу Чезаре и со значительной армией подошли к самым стенам крепости, превратив акведук в руины и разрушив все другие здания, которые попадались им на пути. Но в Чезене их поджидал доблестный Педро Рамирес. Выйдя им навстречу, он не только обратил их в бегство и загнал в поисках убежища в крепость Монтебелло, но и осадил их там и наголову разбил, потеряв, как считалось, около трехсот человек убитыми.

Известие об этом обрадовало Валентинуа, который, более того, теперь мог рассчитывать на папу Римского и Францию. Кроме того, и ввиду той же защиты, Орсини уже вели с ним переговоры о примирении, несмотря на тот факт, что кровь Орсини еще не высохла на его руках. Но у него был решительный, хитрый и отчаянный враг в Венеции, и 10 октября в Рим прибыли Бартоломео д'Альвиано и Джанпаоло Бальони, которые отправились к венецианскому послу и сообщили ему, что они прибыли в поисках Валентинуа, намереваясь его убить.

Для достижения своих целей они объединились с семьей Орсини, которые теперь были с оружием в руках в Риме, поскольку их попытка примирения с Чезаре потерпела неудачу. Опасность для Валентинуа стала неминуемой, и он покинул Ватикан в поисках убежища в замке Сант-Анджело, воспользовавшись подземным ходом, построенным его отцом.

Оттуда он вызвал Микеле да Кореллу, который был пешим при Рокка Сориана, и Таддео делла Вольпе (доблестный капитан и отличный боец, который уже потерял глаз на службе у Чезаре) и Бальдассаре Сципионе, которые находились на неаполитанской территории со своими

латниками. Он готовился к весне, когда внезапно все изменилось, и все планы были остановлены смертью Пия III 18 октября, после двадцатishестидневного правления.

Кредиту Чезаре снова пришел конец. Никто не мог сказать, что его ждало в будущем. Джустиниани, действительно, написал своему правительству, что Чезаре собирался уехать во Францию и что он просил Орсини обеспечить ему безопасность - это сообщение столь же правдиво, как и многие другие сообщения того же венецианского писателя, всегда готового написать то, что, как он надеялся, могло бы оказаться правдой; и ему категорически противоречит более информированный Макиавелли, который писал в то же время:

- Герцог находится в Сант-Анджело и больше, чем когда-либо, надеется совершить великие дела, предполагая избрание папы в соответствии с пожеланиями своих друзей.

Но Романью снова охватило волнение, от которого она едва оправилась. Форли и Римини были потеряны почти сразу, Орделаффи удалось захватить первый со второй попытки, в то время как Пандольфаччо снова сидел в своем дворце в Римини, прорвавшись к нему через сильное сопротивление. Против Имолы Бентивольи направил двухтысячный пехотный отряд, но он был отбит.

Авторитет Франции, казалось, утратил свой вес, и напрасно кардинал д'Амбуаз грозил от имени своего друга короля Людовика и посылал послов во Флоренцию, Венецию, Болонью и Урбино жаловаться на обиды, нанесенные герцогу Валентинуа.

ГЛАВА III. ЮЛИЙ II

Джулиано делла Ровере, кардинал Сан-Пьетро-ин-Винколи, во многом напоминал в своем характере своего ужасного дядю, Сикста IV. Как и у его дяди, у него было много недостатков, в высшей степени неподобающих любому христианину — мирянину или священнослужителю, — которые никто не пытался скрыть; и, между прочим, он культивировал мораль в своей личной жизни и соблюдал свои священнические обеты целомудрия так же мало, как и любой другой церковник его времени. Ибо вы можете увидеть его глазами Париде де Грасси, (1) неспособного в одну Страстную пятницу снять обувь для поклонения кресту из—за болезни ноги - *ex morbo gallico*. Но в глазах врагов Дома Борджиа — современников и последователей вплоть до наших дней — он был наделен одним великим и блистательным достоинством - самой глубокой, нехристианской и яростной ненавистью ко всем Борджиа.

1 Преемник Берчарда на посту церемониймейстера.

Родриго Борджиа победил его на Конклаве 1492 года и в течение двенадцати лет не допускал к желанному понтификату. Вы видели, как он находил выражение своей яростной ревности к

успеху своего соперника. Вы видели, как он изо всех сил старался добиться низложения папы Борджиа, используя для этого рычаг симонии и ища для этого точку опоры сначала в короле Франции, а затем в Фердинанде и Изабелле; но в обоих случаях потерпел безнадежную неудачу. Вы видели, как он, осознав провал попытки, которая сделала Рим слишком опасным для него и вынудила его остаться в изгнании, внезапно повернулся, чтобы заискивать, льстить и завоевать дружбу того, кого его вражда не могла затронуть.

Этот человек, который в качестве Юлия II вскоре должен был стать преемником Пия III, считался сияющим светочем добродетели среди мрачной порочности Церкви эпохи Возрождения. Возможно, *ignis fatuus*; фонарь, порожденный гниением. Конечно, не более того.

Доктор Якоб Буркхардт в своей умелой работе, на которую уже была сделана ссылка, следует по проторенному пути безудержных нападок на Борджиа, отводя обычным пустым утверждениям место, которое следует отвести доказательствам и аргументации. Как и его предшественники на этом пути, он заставляет Джулиано делла Ровере героически блистать по контрасту — фоном, подчеркивающим черноту Александра. Но он идет в своих утверждениях гораздо дальше, чем другие, когда говорит о кардинале делла Ровере, что “Он взошел по ступеням кафедры Святого Петра без симонии и под всеобщие аплодисменты, и с ним прекратилась, во всяком случае, неприкрытая торговля на высших постах Церкви”.

Другие авторы во множестве предлагали это, но ни один из них так явно и звучно не бросал перчатку, которую мы возьмем на себя смелость поднять.

То, что доктор Буркхардт писал не по доброй воле, не подлежит обвинению. Из этого следует, что запись в Дневнике Керимониария, датированная 29 октября 1503 года, совершенно ускользнула от него в ходе его исследований. Ибо “Дневник” сообщает нам, что в тот день в Апостольском дворце Джулиано делла Ровере, кардинал Сан-Пьетро-ин-Винколи, заключил условия соглашения с герцогом Валентинуа и последователями последнего из испанских кардиналов, по которому он обязался, что, принимая во внимание получение им голосов этих испанских кардиналов и избрание папой, он утвердит Чезаре в его должности гонфалоньера и генерал-капитана, и сохранит его во владениях Романьи. И, принимая во внимание это обязательство, испанские кардиналы, со своей стороны, пообещали отдать ему свои голоса.

Вот точные слова, в которых Берчард описывает транзакцию:

“Eadem die, 29 Octobris, Rmus. D. S. Petri ad Vincula venit in palatio apostolico cum duce Valentino et cardinalibus suis Hispanis et concluserunt capitula eorum per que, inter alia, cardinalis S. Petri ad Vincula, postquam esset papa, crearet confalonierium Ecclesiae generalem ducem ac ei faveret et in statibus suis (relinqueret) et vice versa dux pape; et promiserunt omnes cardinalis Hispani dare votum pro Cardinali S. Petri ad Vincula ad papatum.”

Если это не влечет за собой симонии и святотатства, то таких вещей вообще не существует. Более того, вы напрасно будете искать любое столь авторитетное, формальное и полное обвинение в симонии, практикуемой Александром VI при его избрании. И этот же самый Юлий, более того, был папой, который позже выпустил свою знаменитую Буллу de Simoniaca Electione, чтобы добавить еще одно пятно к запятнанному гербу понтифика Борджиа.

Его примирение с Чезаре и получение, таким образом, поддержки испанских кардиналов, которые, будучи креатурами Александра, теперь были очень верными слугами Чезаре,

обеспечили избрание делла Ровере; ибо, хотя голосов этих кардиналов было недостаточно, чтобы посадить его на кафедру Святого Петра, их было бы вполне достаточно, чтобы не допустить его туда, если бы Чезаре того пожелал.

Договорившись с кардиналом делла Ровере, Чезаре совершил первую большую ошибку в своей карьере, сделал первый шаг к разорению. Ему следовало бы знать, что лучше не доверять такому человеку. Ему следовало бы помнить древнюю горькую вражду; следовало бы распознать в дружелюбии более поздних времен дружелюбие эгоиста и не доверять ему. Но делла Ровере приобрел репутацию честного человека слова. Насколько он этого заслуживал, вы можете судить по тому, что сейчас последует. Однако он приобрел ее, и Чезаре, к своей гибели, свято верил в эту репутацию. Возможно, он в какой-то степени рассчитывал на то, что из внебрачных детей кардинала делла Ровере выжила только дочь — Феличе делла Ровере. Раффаэле, последний из его незаконнорожденных сыновей, умер год назад. Таким образом, Чезаре, возможно, пришел к выводу, что у кардинала, не имеющего сыновей, чье состояние он должен был бы улучшить, не будет соблазна нарушить верность ему.

Из всего этого следовало, что на Конклаве 1 ноября Джулиано делла Ровере был избран папой и принял имя Юлий II; в то время как Валентинуа, уверенный теперь, что его будущее обеспечено, покинул замок Сант-Анджело, чтобы поселиться в своей резиденции в Ватикане, в Бельведере, с сорока джентльменами, составляющими его свиту.

3 ноября Юлий II направил в Романью распоряжения, предписывающие подчиняться Чезаре, с которым он теперь поддерживал ежедневные и самые дружеские отношения.

Тем временем в Романье беспорядки не только продолжались, но и приняли новый оборот. Венеция, вновь посадив Малатесту на трон, теперь, наконец, проявила алчность, которую она сама всегда проявляла к этому владычеству, и послала войска, чтобы снова изгнать его и завоевать Римини для Республики.

Флоренция, охваченная ревнивым гневом по этому поводу, осведомилась, не собирается ли папа стать капелланом Венеции, и послала Макиавелли передать рассказ об этих деяниях Юлию.

Из-за такой постоянной борьбы могущество Романьи постепенно рушилось, и Чезаре, рассерженный на Флоренцию за то, что Она никогда не выходила за рамки пустых слов, выразил этот гнев Макиавелли, сообщив послу, что синьория могла бы спасти Романью для него с сотней латников.

Герцог послал за Джустиниани, послом Венеции, который, однако, извинился и не поехал. Это произошло всего через неделю после избрания нового папы Римского, что уже показывает, как мужчины понимали, что ждет Валентинуа. Джустиниани написал своему правительству, что он не поехал, чтобы его отъезд не придавал герцогу значимости в глазах других.⁽¹⁾ Мелочность и подлость этого человека, раскрытые в этом сообщении, позволят вам навесить на Джустиниани ярлык, который ему принадлежит.

1 “Per non dar materia ad altri che fazino un po di lui mazor estimazion di quel che fanno quando lo vedessero in parte alcuna favorito.”—Giustiniani, Dispatch of November 6, 1503.

Чтобы подбодрить Валентинуа в те дни депрессии, пришло известие о том, что его подданные в Имоле успешно отразили нападение венецианцев. Он был так воодушевлен, что немедленно приготовился сам отправиться в Романью и получил от папы, от д'Амбуаза и от Содерини письма во Флоренцию, в которых просил синьорию обеспечить ему безопасный проезд через Тоскану для него самого и его армии.

Папа выразил в своем письме, что он считал бы такое охранное удостоверение большой милостью для себя и настаивал на его предоставлении из своей “любви к Чезаре”, благодаря “великим добродетелям и блестящим заслугам последнего”. (2) Однако на следующий день после отправки этого письма этот человек, которого считали честным, прямолинейным и любящим правду, сообщил Джустиниани - или же Джустиниани солгал в своих депешах, — что он понимает, что венецианцы нападают на Романью не из корыстных побуждений. вражда к Церкви, но для того, чтобы наказать за проступки Чезаре, и он ясно дал понять Джустиниани, что если он и жаловался на поведение венецианцев, то от своего имени, а не от имени Чезаре, поскольку его целью было сохранить Романью не для герцога, а для Церкви.

2 “In quo nobis rem gratissimam facietis ducis enim ipsum propter ejus insignes virtutes et praeclara merita praecipuo affectur et caritate praecipua complectimur.”—Archivio di Stato, Firenze. (См. Алвизи, докт. 96.)

Что касается цели, то у нас нет разногласий. Это было достаточно похвально для понтифика. Но это предвещает разорение Чезаре, несмотря на письмо с протестом против любви во Флоренцию, несмотря на заключенную сделку, в силу которой Юлий получил понтификат. Пошел ли папа дальше в своем предательстве, отправил ли он, отправив это донесение во Флоренцию, другие сообщения синьории, установить невозможно; но то, что последовало за этим, наводит на подозрение о некоем подобном тайном действии.

13 ноября Чезаре был готов покинуть Рим, но охранная грамота так и не прибыла. Потеряв всякое терпение, он умолял папу, чтобы капитан папского флота приготовил ему в Остии пять галеонов, на которых он мог бы добраться до Генуи, а оттуда отправиться в Романью через Феррару.

Макиавелли в то же время яростно умолял Флоренцию предоставить герцогу желанную охранную грамоту, чтобы Чезаре в отчаянии не заключил договор с Венецией — “или с дьяволом” — и не отправился в Пизу, используя все свои деньги, силу и влияние, чтобы выместить свой гнев на синьории. Но синьория, возможно, знала больше, чем Макиавелли, поскольку на его настоятельные советы не обратили никакого внимания.

19—го числа Чезаре покинул Рим, чтобы отправиться в Геную через Остию, и его отъезд поверг Джустиниани в тревогу - он опасался, что герцог сейчас сбежит.

Но для его опасений не было причин. В самый день отъезда Чезаре Юлий отправил в Романью свежие сводки, действительно отличные от тех, что были от 3 ноября. В них он теперь выражал свое неодобрение по поводу того, что Александр возложил наместничество Романьи на Чезаре Борджиа, и призывал всех встать под знамена Церкви, под защитой которой он намеревался их держать.

За этим быстро последовали события. Два дня спустя до папы дошла весть о том, что венецианцы захватили Фаэнцу, после чего он послал гонца за Валентинуа, чтобы предложить последнему передать Форли и другие феоды в руки папы. Чезаре отказался подчиниться, и, в результате, он был задержан капитаном военно-морского флота, повинувшись указаниям Юлия. В то же время папа разорвал последнее звено договора с Чезаре, назначив нового губернатора Романьи в лице Джованни Сакки, епископа Рагузы. Он приказал последнему вступить во владение Романьей от имени Церкви и издал еще один приказ — третий за последние три недели — с требованием подчинения штата новому губернатору.

26 ноября Ремолино, находившийся в Остии вместе с Чезарем, прибыл в Рим и, бросившись к ногам понтифика, молил о пощаде для своего господина, которого теперь считал погибшим. Он пообещал Юлию, что Чезаре передаст ему гербы цитаделей вместе с гарантией их сдачи. Поскольку это было все, чего мог пожелать папа, он отдал приказ вернуть Чезаре в Рим и на Консistorии сообщил Священной коллегии — без сомнения, таким образом, чтобы оправдать себя перед людьми, которые знали, что он отказывается платить цену, за которую купил папство, — что венецианцы в Романье выступают не против Церкви, а против самого Чезаре, — поэтому он потребовал от Чезаре сдачи удерживаемых им городов, чтобы таким образом положить конец войне.

Это было притворство — и это лучшее, что можно об этом сказать.

Что касается прекращения войны, то папский указ был действительно далек от достижения чего-либо подобного, что сразу стало ясно из приема, оказанного ему в Романье, которая упорствовала в своей лояльности Чезаре, несмотря на самого папу. Когда это сообщение было зачитано в Чезене, поднялась дикая суматоха, и люди выбежали на улицы, гневно требуя своего герцога.

Было совершенно очевидно, как быстро расправились бы с такими людьми, как Орделаффи и Малатеста, отправься Чезаре на север. Но Чезаре быстро оказался в Ватикане, к нему папа относился со всем внешним дружелюбием и вниманием, но, тем не менее, фактически он был пленником. Юлий продолжал настаивать на сдаче крепостей Романьи, которую Ремолино пообещал от имени своего господина; но Чезаре упрямо отказывался, пока до него не дошла весть, что Микеле да Корелла и делла Вольпе, отправившиеся на север с семьями всадниками, чтобы поддержать его Романьюоли, были разбиты в Тоскане армией Джанпаоло Бальони.

Чезаре высказал свою жгучую обиду папе римскому. Папа глубоко сочувствовал ему; затем отправился писать письмо флорентийцам, чтобы поблагодарить их за случившееся и умолять прислать ему Микеле да Кореллу под сильным конвоем — этот грозный капитан был взят в плен вместе с делла Вольпе.

Было известно, что Корелла пользовался полным доверием герцога, и ходили слухи, что его обвиняли во многих вещах, совершенных от имени герцога. Юлий, стремившийся теперь к разорению Чезаре, пожелал завладеть этим человеком в надежде, что сможет предать его суду по обвинению, которое должно было дискредитировать Чезаре.

Наконец герцог понял, что его предали и что все потеряно, поэтому он смирился с неизбежным и дал папе те подписи, которых тот так жаждал. С этими словами Юлий немедленно отправил посланника в Романью и, зная нрав капитанов Чезаре, настоял, чтобы этого посланника

сопровождал Пьеро д'Орвието, как личный уполномоченный Чезаре, чтобы потребовать капитуляции.

Но бесстрашный Педро Рамирес, удерживавший Чезену, зная истинное положение дел и понимая, как был скован его герцог, вместо того чтобы сдаться, продолжил укрепляться для сопротивления. Когда уполномоченные появились перед его воротами, он приказал впустить Пьеро д'Орвието. Сделав это, он заявил, что желает видеть своего герцога на свободе, прежде чем тот сдаст цитадель, которую он для него удерживал, и, захватив д'Орвието, повесил его на зубчатой стене как предателя и плохого слугу, совершившего поступок, которого герцог, будь он на свободе, никогда бы от него не потребовал.

Папский посланник Монкальери вернулся в Рим с новостями, и это так разозлило папу, что кардиналы Лодовико Борджиа и Франческо Ремолино вместе с другими сторонниками Борджиа немедленно бежали из Рима, где они больше не считали себя в безопасности, и искали убежища у Гонсало де Кордовы в испанском лагере в Неаполе, одновременно умоляя его защитить Чезаре.

Гнев папы сначала проявился в конфискации имущества герцога Валентинуа везде, где это было возможно, чтобы удовлетворить требования риариев (племянников папы), которые требовали возмещения ущерба в размере 50 000 дукатов, Гвидобальдо, который требовал 200 000 дукатов, и Флорентийской республики, которая требовала того же. К этому времени — всего через шесть недель после избрания Юлия II — разорение герцога стало свершившимся фактом, и многие предпочли пасть вместе с ним, чем бросить его в безвыходной ситуации. Они являли собой зрелище чести и верности, что было чрезвычайно редким явлением в Италии эпохи Возрождения; цепляясь за своего герцога, даже когда погас последний луч надежды, они скрашивали ему скуку тех последних дней в Ватикане, в течение которых он был не более чем государственным узником.

Внезапно пришло известие о блестящей победе Гонсало де Кордобы при Гарильяно — победе, которая окончательно сломила французов и передала неаполитанский трон Испании. Естественно, это снова усилило испанское влияние, и испанские кардиналы вместе с послом Испании стали оказывать на папу влияние, которое внезапно стало весомым.

В результате Чезаре в сопровождении Карвахалья, кардинала Санта-Кроче, было разрешено отбыть в Остию, откуда он должен был сесть на корабль, отплывающий во Францию. По крайней мере, таково было понимание, с которым он покинул Ватикан. Но папа даже сейчас не собирался так легко расставаться с ним, и его инструкции Карваджалу заключались в том, что в Остии он должен ждать дальнейших распоряжений, прежде чем отплыть.

Но 26 декабря, когда до испанского кардинала дошли новости о том, что крепости Романьи, убежденные в том, что Чезаре освобожден, наконец сдались, Карвахаль взял на себя смелость позволить Чезаре уехать, получив от него письменное обязательство никогда не поднимать оружие против папы Юлия II.

Итак, герцог Валентинуа наконец-то обрел свободу. Невозможно установить, приводил ли он в исполнение заранее обдуманный план, направляясь прямо в Неаполь, или даже сейчас он не доверял своему расширению и думал таким образом обезопасить себя. Но прямо в испанский лагерь Гонсало де Кордоба он отправился, вооруженный охранной грамотой от Великого Капитана, полученной для Чезаре кардиналом Ремолино.

Там он обнаружил, что его уже поджидает двор друзей, среди которых были его брат Джуффредо и кардинал Лодовико Борджиа, и получил от Гонсало очень сердечный прием.

Испания рассматривала возможность вторжения в Тоскану с конечной целью нападения на Милан и полного изгнания французов с полуострова. Пьеро де'Медичи— убитый при Гарильяно, без сомнения, служил Испании с какой-то такой целью, как завоевание Флоренции, и, хотя Пьеро был мертв, не было причин отказываться от этого плана; скорее, тем больше причин для его осуществления, поскольку теперь Испания получила бы от него более непосредственную выгоду. Бартоломео д'Альвиано должен был командовать армией, предназначенной для этой кампании; но Чезаре, благодаря своим друзьям и влиянию в Пизе, Сиене и Пьомбино, был настолько предпочтительным капитаном для такой экспедиции, что Гонсало поручил ему ее руководство через несколько дней после своего прибытия в испанский лагерь.

Для Чезаре это был бы тонкий кончик могучего лезвия. Здесь был шанс начать все сначала, и, начав таким образом, опираясь на испанское оружие, никто не мог сказать, как далеко он мог зайти. Между тем, какое начало! Отомстить таким образом Флорентийской республике, которая, находясь под покровительством Франции, осмеливалась на каждом шагу пренебрегать им и была орудием его окончательного крушения! Милым для него было бы поэтическое правосудие, которое он бы свершил, — столь же милым для него, сколь ужасным это было бы для Флоренции, на которую он обрушился бы, как еще один бич Божий.

Бодро и с большими надеждами он приступил к своим приготовлениям той весной 1504 года, когда Святейшество папы римского в Риме пыталось оправдать его предательство, обрушивая ненависть на Борджиа. Таким образом он думал показать, что если он и нарушил веру, то с лжецами, которых это не заслуживало. Именно в погоне за этим на Микеле да Кореллу теперь стали давить вопросами, которые, однако, ничего не дали, и что Асквино де Коллоредо (бывший слуга кардинала Михаэли) под пытками вынудили признаться в том, что он отравил своего хозяина по наущению Александра и Чезаре, — как мы видели, — и это признание папа Юлий очень быстро опубликовал.

Но в Неаполе вполне могло случиться так, что Чезаре, занятый и полный надежд в тот момент, совершенно не заботился об этих вопросах. Он отправил Бальдассаре да Сципионе в Рим заручиться копьями, какие только смог найти, и Сципион сообщил, что его господин скоро вернется к себе и даст своим врагам пищу для размышлений.

И затем, внезапно, с яснейших небес грянул удар грома, поколебавший эту последнюю надежду.

Ночью 26 мая, когда Чезаре выходил из покоев Гонсало, где он ужинал, к нему подошел офицер и потребовал его шпагу. Он был арестован.

Юлий II перехитрил его. Он написал в Испанию, изложив свое соглашение с Валентинуа по вопросу Романьи — первоначальное соглашение, которое было ценой понтификата, было, конечно, удобно стерто из памяти понтификата. Он адресовал страстные жалобы Фердинанду и Изабелле на то, что Гонсало де Кордоба и кардинал Карвахаль между ними предоставляли Валентинуа средства для нарушения этого соглашения и ведения дел, враждебных Святому Престолу. И Фердинанд с Изабеллой поручили Гонсало де Кордобе, этому благороднейшему и доблестнейшему капитану, совершить этот поступок, грубо нарушив его охранную грамоту и данное Валентинуа слово. Это был поступок, над которым Великий Полководец, по

собственному признанию, трудился до конца своих дней, как с тех пор трудилась его память. Ибо великим военачальникам не предоставляется иммунитет, которым пользуются священники и папы римские совместно с другими носителями нижней юбки, от последствий лжи и нарушенного доверия.

Яростными и горькими были упреки Валентинуа Великому Капитану за это предательство — столь же яростными, сколь и бесплодными. 20 августа 1504 года Чезаре Борджиа сел на корабль, отплывающий в Испанию, — узник, заключенный в испанскую темницу. Таким образом, в раннем возрасте двадцати девяти лет он покинул Италию и совершил поступки, которые вполне могли бы заполнить всю его жизнь.

Заметным среди тех, кого он оставил после себя и кто остался верен своему герцогу, был Бальдассаре Сципионе, который распространил по всему христианскому миру “картель”, в котором вызывал на поединок любого испанца, который осмеливался отрицать, что герцог Валентинуа содержался в плену в Неаполе, несмотря на охранную грамоту, выданную ему от имени Фердинанда и Изабеллы, "с великим позором для их короны".⁽¹⁾

¹ Цитируется Алвизи на основании письма Луиджи да Порто от 16 марта 1510 года в *Lettere Storiche*.

Этот вызов так и не был принят.

Среди других верноподданных был тот прекрасный солдат удачи, Таддео делла Вольпе, который в своей флорентийской тюрьме отвергал все предложения поступить на службу к синьории, пока не узнал, что его господин покинул Италию.

Фракасса и Мирафуэнте удерживали Форли до тех пор, пока не получили гарантий безопасности Чезаре (после того, как он покинул Остию, чтобы вернуться в испанский лагерь). Затем они выехали с воинскими почестями, с копьем на бедре. Диониджио ди Нальдо, этот отважный пехотный капитан, поступил на службу Венеции; но до конца он носил герб своего дорогого господина и навязывал то же самое всем, кто служил под его знаменем.

Дон Микеле да Корелла был освобожден Юлием II после допроса, который не мог выявить ничего порочащего Чезаре или его отца; поскольку немыслимо, чтобы папа, сделавший все, что в человеческих силах, чтобы разрушить Дом Борджиа и осквернить его память, хранил молчание относительно любых подобных разоблачений, на которые надеялись, когда Кореллу подвергали пыткам. Этот самый преданный из всех офицеров Чезаре — и разделяющий ту ненависть, которой было оклеветано имя Чезаре, — поступил на службу к синьории Флоренции.

ГЛАВА IV. АТРОПОС

Тщетными были усилия испанских кардиналов добиться расширения полномочий Чезаре, и еще тщетнее были усилия его сестры Лукреции, которая писала письмо за письмом Франческо Гонзаге Мантуанскому — ныне гонфалоньеру Церкви и влиятельному человеку в Ватикане, — умоляя его использовать свои интересы в отношениях с папой с той же целью.

Юлий II остался непоколебим, опасаясь власти Чезаре Борджиа, и решил, что он больше не будет беспокоить Италию. В связи с этим на папу римского не возлагается никакой вины. Государства, которые Борджиа завоевал во имя Церкви, должны оставаться приверженцами Церкви. На этом Юлий был настроен решительно, и это решение было в высшей степени похвальным. У него не было бы герцога, который управлял бы такими последователями, как Чезаре, используя эти государства как ступеньки к более обширным владениям, в которых, без сомнения, он позже поглотил бы их, оттолкнув, таким образом, от Святого Престола.

Во всем этом Юлий II был наиболее полно оправдан. Одиозным моментом в его поведении, однако, является отвратительное предательство, которое оно повлекло за собой, последовавшее за предприятием, благодаря которому он получил тиару.

В течение нескольких месяцев после своего прибытия в Испанию Чезаре находился в тюрьме Шиншилла, откуда — в результате, как говорят, попытки с его стороны сбросить губернатора с зубчатой стены — он был переведен в крепость Медина-дель-Кампо и по приказу папы находился под надежной охраной.

Слухи о том, что он был освобожден королем Испании, не раз охватывали Романью и вызывали в стране брожение, достигнув даже Ватикана и повергнув в тревогу храброго Юлия.

Единственный шанс вернуть себе древнюю мощь и совершить сладкую и ужасающую месть своим предателям был очень близок к нему, но прошел мимо. Такой шанс представился в 1505 году, когда после смерти королевы Изабеллы король Фердинанд обнаружил, что Гонсало де Кордоба обманывал его в Неаполе. Согласно хроникам Зуриты, испанский король задумал использовать Чезаре в качестве цепа для наказания Великого Полководца. Он предложил освободить герцога, поставить его во главе армии и направить в Неаполь, полагаясь на грозный союз военных талантов Чезаре с его ненавистью к Гонсало, который предал его, чтобы исполнить волю его католического величества.

К несчастью для Чезаре, возникли трудности. Власть Фердинанда в Кастилии больше не была абсолютной после смерти Изабеллы. Он пытался преодолеть эти трудности; но процесс шел медленно, и в ходе него, подстегиваемый также растущими доказательствами вероломства своего лейтенанта, Фердинанд потерял терпение и решил — дело становилось все более срочным — лично отправиться в Неаполь, чтобы разобраться с Гонсало.

Очевидно, удача, которая когда-то вошла в поговорку, теперь совершенно покинула Чезаре.

Он получил известие о том, что затевается, и его надежды снова возросли, но его постигло жестокое разочарование, когда он узнал, что Фердинанд сам отплыл в Неаполь. В своем отчаянии герцог предпринял последнюю попытку отвоевать себе свободу.

Обращение с ним в тюрьме было довольно либеральным, таким, какое обычно отмеряется государственным заключенным, пользующимся уважением. Ему разрешили иметь собственного капеллана и нескольких слуг, и, хотя он находился под строгой охраной и был заключен в башню Хоменадже в крепости, тем не менее, он не подвергался строгим ограничениям. Ему были предоставлены определенные привилегии и вольности; он пользовался способностью вести переписку с внешним миром и даже принимать визиты. Среди его посетителей был граф Бенавенте — могущественный сеньор по соседству, который, поддавшись очарованию Чезаре, так привязался к нему и так решил исполнить его волю и добиться его освобождения, что, по словам Зуриты, был готов даже пойти на все, чтобы добиться этого силой оружия, если не представится другого выхода.⁽¹⁾

1 Сануто подтверждает Зуриту, в основном, письмами, полученными венецианским сенатом.

Однако представился другой способ, и Бенавенте с герцогом разработали план уклонения, в котором им помогали капеллан и слуга губернатора по имени Гарсия.

Однажды сентябрьской ночью с зубцов башни спустили веревку, по которой герцог должен был спуститься из своего окна в крепостной ров, где его ждали люди Бенавенте. Гарсия должен был пойти с ним, поскольку, естественно, оставаться слугам было небезопасно, и теперь Гарсия спускался по веревке, перебирая руками, с ужасающей высоты окна герцога. Только добравшись до ее конца, он обнаружил, что веревка недостаточно длинная и что под ним все еще зияет пропасть, которая могла бы привести в ужас даже отчаявшихся людей.

Вернуться было невозможно. Герцог наверху терял терпение. Гарсия ослабил хватку и преодолел оставшуюся часть дистанции, сломав при падении обе ноги. Стонавший, он лежал там, в канаве, в то время как проворный, атлетически сложенный герцог переходил из рук в руки, не подозревая о судьбе своего предшественника и о том, что ожидало его в конце. Он достиг его и повис там, возможно, не решаясь совершить этот смелый прыжок, когда внезапно его сомнения разрешились за него. Его уклонение уже было обнаружено. В замке поднялась тревога, и кто-то наверху перерезал веревку и сбросил его в ров.

Люди Бенавенте — мы не знаем, сколько их было под рукой — немедленно подбежали к нему. Они нашли его серьезно раненым, и то, что у него тоже были сломаны кости, не вызывает сомнений. Они подняли его и со всей скоростью понесли к лошадям. Они каким-то образом ухитрились посадить его на лошадь и, удерживая в седле, ускакали так быстро, как только было возможно при данных обстоятельствах. Возвращаться за несчастным Гарсией не было времени. К этому времени весь замок был взбудоражен, чтобы остановить беглецов, и вернуться означало бы попасть в плен как самим, так и герцогу, не прибегнув к помощи слуги.

Итак, бедный Гарсия был предоставлен своей судьбе. Губернатор нашел его там, где он упал, и немедленно казнил.

Если жители Медины организовали погоню, это им ничего не дало, потому что Чезаре был благополучно доставлен в крепость Бенавенте в Вильялоне.

Там он пролежал около пяти или шести недель, чтобы оправиться от ран, полученных при побеге, и дать возможность своим рукам, кости которых были сломаны, снова стать целыми. Наконец, в основном придя в себя, хотя руки его все еще были забинтованы, он вышел с двумя

сопровождающими и направился в Сантандер. Оттуда они сели на корабль до Кастро Урдиалеса, и теперь Чезаре намеревался добраться до королевства Наварра и заручиться защитой своего шурина, короля.

На постоялом дворе в Сантандере, где они, усталые и голодные, сели обедать после того, как один из конюхов распорядился насчет лодки, им едва не удалось избежать поимки. Алькальд, услышав о присутствии этих незнакомцев и вызвав у него подозрения из-за безрассудно высокой цены, которую они согласились заплатить владельцу нанятого ими судна, подошел осмотреть их. Но у них была наготове история о том, что они торговцы пшеницей, которые очень спешат добраться до Бернико, что там их ждет груз пшеницы и что из-за задержки они понесут большие убытки. Рассказ был достаточно гладким, чтобы удовлетворить алькальда, и им разрешили удалиться. Они благополучно добрались до Кастро Урдиалеса, но задержались там на два дня из-за полной нехватки лошадей; в конце концов они были вынуждены ехать на мулах, полученных из соседнего монастыря. На них они поехали в Дуранго, где раздобыли двух свежих мулов и лошадь, и так, после дальнейших подобных перипетий, они прибыли в Пампелуну 3 декабря 1506 года, и Чезаре поразил двор своего шурина, короля Жана Наваррского, внезапным появлением в нем - “как дьявол”.

Весть о его побеге уже распространилась по Италии и вызвала там брожение, вселив настоящий страх в Ватикан. Это подтолкнуло Романью к открытому вооруженному восстанию против сурового правления Юлия II, который, похоже, стал положительно мстительным по отношению к романьюоли из-за их верности Валентинуа. Так Романья снова впала в прежнее состояние невыносимого угнетения, от которого когда-то избавил ее Чезаре. Надежды Романьюоли в какой-то мере возросли по мере того, как тревога распространилась среди врагов Чезаре, ибо Флоренция и Венеция теперь разделяли тревогу Ватикана. Зурита, комментируя такое положение вещей, делает Чезаре следующий комплимент, справедливость которого подтверждают факты:

“Герцог был таков, что одного его присутствия было достаточно, чтобы взбудоражить всю Италию; и его очень любили не только военные, но и многие жители Тосканы и государства Церкви”.

Жена Чезаре— Шарлотта д'Альбре, которую он не видел с сентября 1499 года, находилась в Бурже при дворе своей подруги, святой, отвергнутой первой жены Людовика XII. Следует предположить, что она была проинформирована о присутствии своего мужа при дворе ее брата; но на этот счет нет никакой информации, и мы не знаем, встречались ли они когда-либо.

Через четыре дня после прибытия в Пампелуну Чезаре отправил своего секретаря Федерико в Италию, чтобы тот передал новость о своем побеге своей сестре Лукреции в Феррару, а также письмо Франческо Гонзаге из Мантуи, которое было не более чем вступительным, более важные вопросы, которые предстояло передать Гонзаге, без сомнения, передавались из уст в уста. Федерико был арестован в Болонье по приказу Юлия II после того, как выполнил свою миссию.

Теперь единственной надеждой Чезаре была Франция, и он написал Людовику, умоляя его королевское дозволение приехать, чтобы принять титул принца этой страны и служить ей.

Возможно, вы уже давно справедливо предположили, что изложенная здесь история - это нескончаемая летопись предательства. Но вы мало что найдете, что могло бы превзойти то, что грядет. Поведение Людовика на данном этапе вызывает неопишемое презрение, поскольку оно

соответствует максиме того времени, которая гласила, что не следует соблюдать никаких неудобных обязательств, если есть возможность их расторгнуть.

Следуя этой отвратительной максиме, Людовик XII фактически дошел до того, что так и не выплатил Шарлотте д'Альбре сумму в 100 000 турнских ливров, которую он взял на себя по письменному контракту. Когда Чезаре, находясь в тюрьме в Медине и испытывая денежные затруднения, потребовал выплаты через своего шурина Наваррского, его требование было презрительно проигнорировано.

Но дальше было еще хуже. Теперь Людовик ответил на просьбу Чезаре о разрешении приехать во Францию письмом (полностью цитируется М. Ириарте из Архива Нижних Пиренеев), в котором его Христианнейшее Величество объявляет, что герцогство Валентинуа и графство Дьюа были возвращены короне Франции, а также светлости Иссуден. И затем следует предлог, о низменности которого вы должны судить сами. Он гласит:

“После кончины покойного папы Александра, когда наш народ и наша армия добивались восстановления Неаполитанского королевства, он [Чезаре] перешел на сторону наших врагов, служа им, благоволя им и помогая с оружием в руках и иным образом против нас самих и наших упомянутых народа и армии, что привело нас к большим и невосполнимым потерям”.

Кульминация - в намеренной лжи, содержащейся в заключительных словах. Бедный Чезаре, который служил Франции по ее зову - вопреки слухам о его намерениях, — пока за ним следовал вооруженный человек, отправился в Неаполь только в час крайней нужды. Правда, он отправился предлагать себя Испании в качестве кондотьера, когда ему ничего другого не оставалось; но он не взял с собой армию — он отправился один, слугой, а не союзником, как утверждает в этом фальшивом письме. Он никогда не обнажал свой меч против Франции, и, конечно же, Франция не понесла никаких потерь в результате каких-либо его действий. Армия Людовика была окончательно разбита при Гарильяно, и войска Чезаре сражались в ее рядах.

Но папа Александр был мертв; могущество Чезаре в Италии иссякло; его авторитет пропал. Луи не было никакой выгоды в том, чтобы сохранять верность ему; была некоторая выгода в том, чтобы нарушить ее. Увы, что король запятнал свою честь низкой и вульгарной ложью, чтобы потакать своей алчности, и что он поместил ее поверх своей печати, чтобы опозорить себя на века, все еще находясь в утробе Времени!

Чезаре Борджиа, безземельный, без права на какой-либо титул, тот, кто владел столькими людьми, преданный и покинутый со всех сторон, теперь не мог предложить на мировом рынке ничего, кроме своего крепкого меча и радостной отваги. Они достались первому претенденту на них, которым оказался его шурин король Жан.

В то время Франция и Испания враждовали из-за Наварры, обе угрожали ее независимости, каждая претендовала на нее с претензиями, которые сами по себе нас не касаются.

Кроме того, сама страна была раздираема двумя группировками — Бомонтами и Аграмонтами, — и Чезаре было поручено восстановить мир и единство Наварры дома, прежде чем продолжить — с помощью, от которой он зависел от императора Максимилиана, — расправляться с врагами за ее границами.

Замок Виана удерживался Луи де Бомоном — главой группировки, носившей его имя, — и отказался сдаться королю. Чтобы уменьшить его и принудить Бомона к повиновению, в начале февраля 1507 года Чезаре стал генерал-капитаном Наварры. Он командовал значительным войском, численностью около 10 000 человек, и с его помощью и со своей пушкой осадил цитадель.

Природная мощь этого места была такова, что могла бы противостоять любой попытке ослабить его силой; но запасы провизии были на исходе, и существовали все шансы, что его быстро заставят сдаться голодом. Чтобы помешать этому, Бомон задумал дерзкий план - попытаться отправить припасы из Мендавии. Попытка, предпринятая тайно, ночью и под сильным конвоем, была полностью успешной; но при отступлении бомонтцы были застигнуты врасплох на рассвете того февральского утра отрядом подкрепления, подошедшим к лагерю Чезаре. Они, увидев мятежников, немедленно подняли тревогу.

Самая безнадежная неразбериха воцарилась в городе, где сразу же вообразили, что на роялистов было совершено внезапное нападение и что они имели дело со всей армией повстанцев.

Чезаре, разбуженный шумом и ревом труб, призывающих людей к оружию, схватился за оружие, поспешно вооружился, вскочил на коня и, не задерживаясь даже для того, чтобы отдать приказ ожидавшим его латникам, сломя голову помчался по улице к Пуэрта-дель-Соль. Под аркой ворот его лошадь споткнулась и упала вместе с ним. Выругавшись, Чезаре рывком поднял животное на ноги, пришпорил его и понесся бешеным галопом вдогонку за отступающим арьергардом Бомонтов.

Горожане, столпившиеся у стен Вианы, наблюдали за его последней безрассудной скачкой изумленными, непонимающими глазами. Выглянувшее солнце осветило его сверкающие доспехи, когда он мчался, так что внезапно он, должно быть, показался им огненно-метеорным, как и вся траектория его жизни, которая теперь стремительно снижалась к своему надиру.

Был ли он обезумевшим от жажды битвы, скакал верхом в свойственной ему безрассудной манере, уверенный, что его люди последуют за ним, но слишком эгоцентричный, чтобы убедиться в этом, или - что кажется более вероятным — просто его лошадь убежала вместе с ним, никогда не будет известно, пока не выяснится все.

Внезапно он наткнулся на арьергард убегающих мятежников. Его меч сверкал вверх и вниз; снова и снова они, возможно, видели его отблеск со стен Вианы, когда он поражал врага. Неотразимый, как удар молнии, он прокладывал себе путь сквозь толпу бомонтов. Он снова был один, летящая, ослепительная фигура из света, вдали от того арьергарда, который он оставил измученным своим яростным броском. Тем не менее, его безумная карьера продолжалась, и он обрушился на основную часть эскорта.

Бомонт сел на коня и с таким изумлением, какое вы можете себе представить, наблюдал за диким приближением этого неизвестного всадника.

Видя, что он остался без поддержки, некоторые из людей графа отделились, чтобы вернуться и встретиться с этим единственным врагом и принести ему смерть, которой он, казалось, так явно добивался.

Они окружили его — мы не знаем их числа — и, схватив его, увлекли с дороги вниз, в лощину оврага.

И вот, на тридцать втором году своего совершеннолетия, во всей красе своей несравненной силы, с душой, одержимой жаждой боя, с мечом в руке, отражая атаки, которые обрушиваются на него дождем, и сея смерть вокруг себя, он встречает свой конец. Со стен Вианы его сверкающие доспехи делают его все еще различимым, пока, подобно заходящему солнцу, он не скроется за краем ущелья и не скроется из виду наблюдателя.

Смерть ждала его в тени этого пустого места.

К настоящему времени выбитый из седла, он сражался, не заботясь о перевесе против себя, и жестоко расправлялся с нападавшими, прежде чем меч мог найти брешь в его щитке, соединиться с прорехой в доспехах и таким образом попасть в цель. Этот клинок, возможно, нашел его легкие. Он все еще размахивал мечом, покачиваясь на ослабевших коленях. Его рот был полон крови. Становилось темно. Руки начали подводить его. Он шатался, как пьяный, выбиваясь из сил, а затем быстро наступил конец. Теперь на него посыпались незамеченные удары.

Он рухнул во всем великолепии своих богатых доспехов, на которые уже позарились эти солдаты-разбойники. И так он умер — милосердно, может быть, счастливо, ибо у него не было времени вкусить горечь смерти — того ужасного глотка, который он навязал столь многим.

Через несколько мгновений после своего падения этот человек, который был живой силой, чье слово несло закон от Кампани до Болоньи, превратился в голую, измазанную кровью падаль — ибо эти человеческие стервятники содрали с него кожу; у них должна быть даже рубашка. И там, мертвенно-бледным трупом, значащим не больше, чем любая собака, сдохшая в прошлую субботу, они оставили французского Чезаре Борджиа, герцога Романьи и Валентинуа, принца Андрии и повелителя дюжины тираний.

Тело вскоре было найдено там теми, кто так запоздало прискакал за своим предводителем, и его встревоженные солдаты отнесли эти жалкие останки в Виану. Король, прибывший туда в тот же день, пораженный ожидавшими его новостями и зрелищем, приказал устроить Чезаре пышные похороны, и таким образом он был похоронен перед Главным алтарем Святой Марии де Виан.

Отдохнуть? Да упокоится, по крайней мере, его душа, ибо люди — христиане — отказались даровать эту привилегию его бедному праху.

Почти двести лет спустя, в конце семнадцатого века, священник Божий и епископ, проповедовавший евангелие любви и милосердия, столь безграничное, что он осмеливался верить, что в его свете ни один человек не был проклят, пришел потревожить прах Чезаре Борджиа. Этот епископ Калаорры — прямой потомок в душе того фарисея, который возвысился в Доме Божьем, охваченный щекоткой сладостного ужаса от оскверняющего присутствия низкого мытаря, — оскорбил взгляд пиетиста плитой, отмечавшей место упокоения Чезаре Борджиа.(1)

1 На нем была следующая надпись:

AQUI YACE EN POCA TIERRA
AL QUE TODO LE TEMIA
EL QUE LA PAZ Y LA GUERRA
EN LA SUA MANO TENIA.
OH TU QUE VAS A BUSCAR
COSAS DIGNAS DE LOAR
SI TU LOAS LO MAS DIGNO
AQUI PARE TU CAMINO
NO CURES DE MAS ANDAR.

что более или менее буквально может быть переведено на английский следующим образом:
“Здесь, на маленькой земле, лежит тот, кого все боялись; тот, чьи руки разнесли и мир, и войну.
О, вы, отправляющиеся на поиски того, что заслуживает похвалы, если бы вы восхваляли
достойнейшее, то пусть ваше путешествие закончится здесь и не утруждайте себя дальнейшим
продвижением”.

Благочестивый христианский епископ прочитал об этом человеке — возможно, о его
жизнеописании, опубликованном отступником Грегорио Лети под псевдонимом Томмазо
Томмази, которое недавно увидело свет, — и приказал перенести гробницу из этого святого
места. И вот так случилось, что прах Чезаре Борджиа был развеян и утерян.

Шарлотта д'Альбре лишилась своей единственной подруги, королевы Жанны, в тот же год, что и
Чезаре. Герцогиня Валентинуа удалилась в Ла МоттФейи, и в течение семи оставшихся лет ее
жизни никто не видел, кроме как в трауре; сам ее дом был обставлен мрачной траурной
мебелью и поддерживался в таком состоянии до самой ее смерти, что подтверждает мнение о
том, что она испытывала привязанность и уважение к мужу, которого так мало видела.

14 марта 1514 года эта бедная леди ушла из жизни, которая, по-видимому, доставляла ей мало
радостей.

Луиза де Валентинуа — красивая четырнадцатилетняя девушка — в течение трех лет оставалась
под опекой герцогини Ангулемской - матери короля Франциска I, — которой Шарлотта д'Альбре
доверила своего ребенка. В возрасте семнадцати лет Луиза вышла замуж за Луи де ла
Тремуйля, принца де Тальмона и виконта де Туара, известного как Рыцарь без страха и упрека.
Она поддерживала некоторую переписку со своей тетей, Лукрецией Борджиа, которую никогда
не видела и всегда подписывалась “Луиза де Валентинуа”. В возрасте тридцати лет — Тремуйль
был убит в Павии — она вышла замуж вторым браком за Филиппа де Бурбон-Бюссе.

Лукреция умерла в 1519 году, через год после смерти своей матери, Ваноццы де'Катанеи, с
которой она переписывалась до конца.

ТРЕБУЕТСЯ!